Марк Раев

Россия за рубежом

История культуры русской эмиграции 1919-1939

«Прогресс-Академия»

Marc Raeff

Russia Abroad

A Cultural History of the Russian Emigration 1919-1939

New-York Oxford
Oxford University Press
1990

Марк Раев

Россия за рубежом

История культуры русской эмиграции 1919-1939

Издательство
«ПРОГРЕСС-АКАДЕМИЯ»
Москва
1994

ББК 84 Р6
Р 16

Предисловие *ОЛЬГИ КАЗНИНОЙ*

Перевод *АННЫ РАТОБЫЛЬСКОЙ*

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ МИНИСТЕРСТВА ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Раев М.

Р 16 Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919—1939: Пер. с англ. / Предисл. О.Казниной. — М.: Прогресс-Академия, 1994. — 296 с.

Марк Раев, автор многочисленных книг по социальной и политической истории России, принадлежит к младшему поколению историков Русского Зарубежья. Это первое исследование, в котором русская эмиграция рассматривается со всех точек зрения, своего рода энциклопедия России за рубежом.

Р $\frac{0503020000-017}{8А7(03)-94}$ без объявл. ББК 84 Р6 + 70

ISBN—5—85864—007—9

Предисловие

Книга «Россия за рубежом» вышла на английском языке в 1990 г., в то время, когда интерес к эмиграции в России находился на высшей точке и не был вытеснен (вместе с другими интеллектуальными интересами) страстями повседневной борьбы за существование. На Западе книга уже стала классическим трудом по истории русской эмиграции, она была с энтузиазмом встречена историками и представителями русской диаспоры, до сих пор не имевшими столь всеобъемлющего труда о своей истории. Несколько опаздывая со своим появлением в России, книга Раева тем не менее нисколько не утратила своей ценности.

Марк Исаакович Раев родился в Москве 28 июля 1923 г., детство провел в Германии, образование получил во Франции и в Соединенных Штатах Америки. В 1962 г. он был приглашен на русскую кафедру Колумбийского университета, в 1973-м получил звание почетного профессора кафедры им. Бориса Бахметева, а в последние годы стал куратором Бахметевского архива в Нью-Йорке — лучшего русского архива на Западе.

В 1982 г. к 60-летию Раева его ученики и друзья составили библиографию его работ, которая была опубликована в американском «Русском обозрении» (Russian Review, vol. 41, № 4, 1982, October, p. 454—471). Более трехсот работ Раева, написанных к тому времени, отличает редкое единство и постоянство темы. Круг его интересов определился уже выбором книг и публикаций, блестящий анализ которых он давал в своих рецензиях. В 40—50-х годах он отозвался на основные события интеллектуальной истории Русского Зарубежья: «Историю русской философии» В.В.Зеньковского, «Другие берега» В.Набокова, книги

Б.Зайцева и И.Бунина о Чехове, «Историю русской литературы» А.М.Осоргиной, сборник литературных воспоминаний Е.Замятина «Лица», книгу С.Варшавского о втором поколении русской эмиграции в литературе — «Незамеченное поколение» и многие другие.

Названия собственных книг Раева говорят сами за себя: «М.М.Сперанский — государственный деятель» (1969, 2-е изд.), «Происхождение русской интеллигенции: русское дворянство XVIII века» (1966), «Хорошо управляемое полицейское государство: социальные и конституционные реформы в Германии и России, 1600—1800» (1983), «Понять дореволюционную Россию» (1984, русский перевод, Лондон, 1990)[1].

Выпуская собственные книги, Раев продолжает оставаться ненасытным читателем: число его рецензий не уменьшается пропорционально собственному творчеству, но растет: он пишет отзывы на все заметные публикации по вопросам русской истории, государственности, общественной и философской мысли, выходящие в Европе, Америке и СССР. Среди рецензируемых им книг «Русская империя: 1801—1817» Ситона Уотсона (1967), мемуары А.Деникина, вышедшие в США в 1975 г., сборник «Русская религиозно-философская мысль XX века», составленный Н.П.Полторацким (1975), «Вехи», опубликованные в Нью-Йорке в переводе на английский в 1977 г., «Русские мыслители» И.Берлина (1978)[2].

Рецензии Раева — это своего рода летопись современной интеллектуальной жизни Русского Зарубежья (они могли бы составить отдельный том его работ). Кроме книг и рецензий, Раев выступает как редактор и издатель. Под его редакцией вышли сборник «Движение декабристов» (1966) и антология «Русская интеллектуальная история» (1966, репринт 1978)[3]. Эти книги были призваны познакомить западного читателя, не знающего русского языка, с историей русской социально-политической мысли. Антологию «Русская интеллектуальная история» составляют переведенные на английский язык сочинения Ломоносова, Карамзина, Чаадаева, Белинского, Достоевского, Толстого, Блока, а завершает ее «Переписка из двух углов» Вяч. Иванова и М.Гершензона. Книгу предваряет предисловие И.Берлина, а произведения каждого автора — введение Раева.

В 80-х гг. Марк Раев — «плоть и плод» Русского Зарубежья (по выражению Ж.Нива)[4] — решил посвятить себя истории русской послереволюционной эмиграции. Он принял участие в одном из самых впечатляющих библиографических трудов нашего века: в подготовке книги «Русская эмиграция: журналы и сборники на русском языке, 1920—1980» (Париж, 1988). В 1990 г. в издательстве Оксфордского университета вышла книга «Russia Abroad»

(«Россия за рубежом»), которая и предлагается вниманию читателей.

Эта книга — первое исследование, в котором русская эмиграция рассматривается, насколько это возможно, со всех точек зрения: исторической, историко-культурной и в каком-то смысле историософской. Раев верен своему предмету: истории культуры, истории идей. И его огромная заслуга в том, что глубокий и ценнейший пласт этой истории — наследие русской послереволюционной эмиграции — он соединил с наследием европейской и мировой культуры. Ведь не только в советской России, но и на Западе культура Русского Зарубежья по существу оставалась в тени, она никогда не была специальным предметом университетского преподавания, особой научной дисциплиной. Русским Зарубежьем интересовалась горстка специалистов, в основном представителей одного из трех поколений русской диаспоры.

История культуры — литературы, искусства, философии, журналистики — в центре книги, но в ней есть и солидный социально-исторический фундамент: статистика беженцев и рассеяния, проблемы врастания русских в инокультурную среду, сохранения национального культурного облика и образа жизни. В поле зрения автора — основные центры Русского Зарубежья: Париж, Берлин, Прага, Белград, Харбин. Об этих пристанищах — первые главы книги с характерными названиями: «Вырванные с корнем», «Униженные и оскорбленные». Из них читатель узнает о том, что в эмиграции после революции оказались не только представители аристократии и интеллигенции, как это часто считают. Из России, спасаясь от организованного «счастья для народа», бежали крестьяне и рабочие, простые служащие и солдаты разбитых русских армий. В изгнании им пришлось еще тяжелее, чем людям с образованием, языками, связями и деньгами. Они брались за самую неквалифицированную работу, но не всегда могли найти и такую. Бедствовали все беженцы, независимо от классового происхождения и рода занятий.

Но и в этих условиях русская эмиграция «духа не угашала», поэтому она и осталась в истории с определением «культурная эмиграция», что ставит ее в особое положение в ряду других примеров миграций народов. Некоторую аналогию русской эмиграции составляют, по Раеву, послереволюционные эмиграции аристократии и культурной элиты из Франции и Польши. Русскую эмиграцию отличала необычайная концентрация культурных сил, вытесненных из России. В изгнании оказались большие русские писатели XX в.: И.Бунин, А.Ремизов, Б.Зайцев, И.Шмелев. Высланы были все философы, или, как их определяют на Западе, «мыслители» (перемена термина нисколько не умаляет их значения для истории идей в XX в.): С.Булгаков, И.Ильин, Н.Бердяев, П.Вышеславцев, Г.Федотов, Н.Лосский, Л.Карсавин

и другие. Многочисленные русские литературные критики и журналисты создавали для бытия культуры в изгнании необходимую питательную среду. И конечно — русские ученые, инженеры, студенты — интеллигентные читатели были главным стимулом работы писателей, журналистов, философов.

Особую главу М.Раев посвящает истории русской книги в эмиграции, а также журналам, газетам и издательскому делу. Глава называется «Галактика Гутенберга»: в ней показано, как русское книгоиздание, переместившись за пределы России, было рассеяно по всему свету и продолжало сохранять для России культурное наследие, от которого та отказалась.

«Царство Божие внутри Вас есть» — глава о русской церкви в эмиграции. История русской зарубежной церкви сложна и полна драматических противоречий. В изгнании церковь играла важную объединяющую роль. Но в то же время различные взгляды на ее отношения с Московским патриархатом, находившимся под новой властью, разъединяли православных в эмиграции. Многие не верили, что церковь в Советской России может сохранить независимость от власти, от всей идеологической системы, утверждающей себя самыми бесчеловечными способами. Другие считали, что духовенство в России совершает подвиг самоотречения. Трудно решить, кто был прав, но знать о церковном расколе в XX в., думать о нем необходимо.

С историей церкви в эмиграции тесно связана история русской религиозно-философской мысли. Русских религиозных деятелей и светских философов, писавших на религиозные темы, объединяли в зарубежье Богословский институт в Париже, издательство ИМКА-Пресс, журналы «Путь», «Вестник русского христианского движения». Один из ценнейших выводов Раева в его книге состоит в том, что, по его мнению, русские светские религиозные философы оказали самое значительное влияние на западный мир. Случилось это потому, считает Раев, что русские мыслители работали не только и не столько в академических жанрах научной философии, сколько в жанрах, близких к литературе, эссеистике и публицистике. Их произведения легко переводились на европейские языки, особенно многочисленными были переводы сочинений Бердяева, самого «западного» из русских философов.

Представители русской религиозной философии легко находили общий язык с французскими персоналистами. Любопытно, что, как отмечает Раев, французский персонализм был популярен в России эпохи Серебряного века и позднее, благодаря русским эмигрантам, вернулся на французскую почву, обогащенный русскими идеями. Развиваемая в сочинениях Бердяева идея индивидуальной свободы была наиболее привлекательной для французских философов и писателей.

Как показывает Раев, взаимные влияния западных и русских интеллигентов становились особенно плодотворными, когда устанавливалось непосредственное общение между людьми. Важную роль в обмене идеями сыграли интеллектуальные центры, где собирались для общения европейские и русские писатели, философы, литераторы: Клемар, где жил Бердяев, Медон, где был дом Маритена, Понтиньи, куда на свои «декады» собирал интеллектуальную элиту Дежарден.

Но не только философия, вся культура русского Серебряного века, полагает Раев, оказала на культуру Запада глубокое влияние. Традиции русского Серебряного века — как художественные, так и философско-литературные — благодаря эмиграции стали достоянием Европы. Однако воздействие этой культуры на Европу было подготовлено европейским модернизмом. Свойственные Серебряному веку в России черты модернизма, считает Раев, были близки европейскому сознанию. Но эти черты, общие для России и для Европы, на русской почве были углублены и усложнены.

Русский Серебряный век в эмиграции был наиболее полно представлен в поэзии, живописи, книжной графике, театре. Большую популярность в Европе завоевал «Мир искусства», объединявший в себе все виды искусства под знаком особого стиля. По общему мнению, к которому Раев присоединяется, «бессловесные» искусства, не требовавшие перевода, оказывали наиболее широкое, «массовое» русское воздействие на Запад.

Язык оказывался серьезным барьером для восприятия на Западе русской поэзии и литературы. Некоторые авторы оказались совершенно непереводимыми, как, например, Ремизов и Цветаева. Не удивительно поэтому, что в западной культуре наиболее заметный след оставили те русские авторы, которые писали на одном из европейских языков: В.Набоков, А.Труайя, Э.Триоле, а также З.Шаховская, Дж.Кессель, З.Ольденбург. Здесь можно вспомнить и об ученых, таких как Н.Трубецкой, Р.Якобсон, Г.Вернадский, М.Флоринский, Д.П.Святополк-Мирский, Г.Струве и другие.

Заключительная глава книги с библейским названием «По водам Вавилона» посвящена изгнанию как всемирно-историческому явлению. В ней подводятся итоги культурным достижениям русской эмиграции как «феномена XX в.» (с. 243). Неожиданным может показаться общий вывод Раева. Он считает, что, выполнив свою культурную задачу, зарубежная Россия прекратила свое существование, ее история закончена. И теперь от русских в России будет зависеть, как будет воспринято сохраненное для них в изгнании культурное наследие.

Этот вывод был, наверное, вдохновлен надеждами на перемены в России, которые позволят переоценить соотношение двух пото-

ков русской культуры. Но, к сожалению, за последние годы, прошедшие со времени выхода книги «Россия за рубежом» на Западе, появились основания для новых опасений за судьбу русской культуры в России: «исход» культурных сил, может быть, и временно или «на время» — неуклонно продолжается, и о конце русской культуры вне России говорить рано.

О.Казнина

Моей матери и памяти отца
как горько-сладкое воспоминание
о нашем пребывании в Зарубежной России

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.

Данте. Божественная комедия.
Рай, XVII, 58—60

1.
ВВЕДЕНИЕ.
ВЫРВАННЫЕ С КОРНЕМ

Революция и гражданская война в буквальном и в переносном смысле раскололи Россию надвое. Одна ее часть утратила свое исконное имя — Россия — и стала называться РСФСР, а затем СССР. Другая, побежденная правительством Ленина, не признавшая РСФСР и бежавшая из нее, образовала Россию за рубежом — Русское Зарубежье. Эта часть русского общества, находясь в изгнании, продолжала сохранять свое единство, надеясь, что пребывание вне родины окажется временным. Как возникла Россия за рубежом, как «обществу в изгнании» удалось сохранить и развить свой творческий потенциал? Это является темой данной книги. Другими словами, мы обратимся к истории культурной жизни «общества», изгнанного с родины и создавшего свою собственную «страну» без физических и юридических границ.

Прежде всего объясним ключевые термины, которые будут встречаться в дальнейшем нашем изложении. Следует признать, что некоторые из них лишаются традиционного смысла, вкладываемого в них социологами или антропологами, и далеко не всегда позволяют выразить реальности Зарубежной России.

Под изгнанием понимается вынужденный отъезд из родной страны, вызванный преследованиями по политическим или религиозным мотивам. Если отъезд состоялся в необычных условиях, под угрозой физического насилия, его можно назвать бегством. После окончания первой мировой войны Европа видела много беженцев: людей, согнанных с насиженных мест военными действиями, спасавшихся от преследований по этническому признаку или лишенных крова из-за территориальных разделов и перекройки границ в результате мирных договоров, наконец, тех, кто вынужден был уехать по политическим мотивам. Для помощи таким людям Лига Наций и международные организации типа Красного Креста создавали специальные программы и учреждения по делам беженцев[1].

Термин «беженцы» применялся к тем, кто, как предполагалось, по окончании чрезвычайной ситуации и нормализации жизни должен вернуться домой. При альтернативном варианте развития событий, хотя и менее предпочтительном, беженцы могли обосноваться на чужбине и стать гражданами страны, предоставившей им убежище. В нашем случае все русские: те, кто бежал от наступающей Красной Армии, те, кто решил не оставаться «под большевиками», и, наконец, те, кто был выслан советскими властями, — первоначально также считались беженцами. Поэтому они получали помощь от международных организаций, основанных во время и после первой мировой войны для оказания содействия беженцам.

Однако, вопреки ожиданиям этих организаций, бо́льшая часть русских не возвращалась на родину и не интегрировалась в общество, предоставившее им убежище. С другой стороны, и само это общество не прилагало усилий для их ассимиляции. Важнее, однако, то, что сами русские продолжали считать себя изгнанниками, надеясь, что их пребывание вне России временно, что вскоре, после падения советского правительства (а это представлялось им неизбежным), они смогут вернуться назад. Большинство беженцев считали себя преемниками русских политических эмигрантов XIX — начала XX в., которые находились за границей ради продолжения борьбы с царским режимом. Не случайно, после начала революционных событий многие из них вернулись в Россию, чтобы включиться в политическую жизнь. Изгнание и повторная эмиграция рассматривались как временное состояние, такая полоса в жизни, когда необходимо просто выжить и переждать.

Сначала новые изгнанники организовывали свою жизнь так, чтобы в любой момент, как только Россия освободится от тирании большевиков, вернуться и снова включиться в политическую, культурную и общественную жизнь на родине. Образно говоря, они жили, что называется, на чемоданах и поэтому, естественно, не задумывались об интеграции даже в тех странах, где ассимиляция могла пройти относительно просто — как, например, в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС), будущей Югославии. По этой же причине они хотели, чтобы их дети независимо от того, где они родились — в России или на чужбине, — оставались русскими, более всего опасаясь их «денационализации». Конечно, долго так жить было нельзя, и при определенных обстоятельствах, которые будут описаны ниже, частичная интеграция все-таки происходила. Тем не менее характерно, что бо́льшая часть детей эмигрантов вырастала двуязычными и с двойным самосознанием — русским и той страны, которая предоставила им приют.

Эмиграция переставала быть лишь способом физического выживания, она приобретала характер духовной миссии, которая заключалась в том, чтобы сохранить ценности и традиции русской культуры и продолжить творческую жизнь ради духовного про-

гресса родины независимо от того, суждено ли было эмигрантам вернуться домой или умереть на чужбине. Поэтому русских эмигрантов 20—30-х гг. нельзя сравнивать с теми, кто покинул родину в поисках лучшей доли, какими бы мотивами они ни руководствовались. Система национальных квот и ограничения на въезд иммигрантов, принятые Соединенными Штатами Америки в 1920 г., равно как и высокие транспортные расходы, являлись далеко не единственным фактором, удерживавшим большинство русских беженцев от переселения за океан — в США или страны Южной Америки. Куда более важными были их желание оставаться как можно ближе к России и панический страх перед ассимиляцией, их опасение стать «обычными иммигрантами», устремлявшимися в Новый Свет и в Австралию в течение десятилетий, предшествовавших войне. Здесь и следует искать объяснение тому, что Америка не стала «провинцией» России за рубежом, несмотря на то, что некоторые беженцы поселились и здесь. Ситуация, правда, начала меняться в конце 30-х гг., когда сюда начали перебираться значительные группы эмигрантов из Маньчжурии и Китая, оседавшие обычно в районе Сан-Франциско, и отдельные лица из Европы, над которой сгущалась угроза новой войны.

Я говорил об «обществе» в изгнании. Что же превращало русских эмигрантов 20—30-х гг. именно в общество, пусть и не вполне оформленное? Почему они не стали просто группой людей, спасшихся бегством из страха политических преследований? Этому способствовали два фактора. Во-первых, за границей были представлены практически все слои русского дореволюционного общества, хотя и в несколько измененных пропорциях[2]. Среди эмигрантов мы можем обнаружить не только представителей бывшей правящей элиты — правительственной и придворной — и выдающихся представителей интеллектуальной элиты, но и мелкую буржуазию, людей искусства, ремесленников, рабочих и служащих, а также довольно значительное число крестьян, если причислить к ним казаков. Русская эмиграция не была однородной по конфессиональной и этнической принадлежности, уровню образованности и экономическому положению ее членов: в ней были представлены все основные вероисповедания и важнейшие народности Российской империи. Средний уровень образованности был хотя и выше, чем в старой России, но также разным: среди эмигрантов встречались и неграмотные. Равным образом и степень благосостояния тех, кто по собственной воле или в силу обстоятельств вынужден был отправиться в изгнание, была столь же неодинакова, как и среди населения империи.

Во-вторых, следует отметить обстоятельство, которое говорит больше, чем всякие социологические, экономические или культурологические данные: эмигранты сознательно стремились вести русскую жизнь. Даже попав в чуждое окружение, они хотели жить,

работать и творить как неотъемлемая часть России, посланцами которой они себя считали. Для творческой жизни нужны были «производители» и «потребители» культурных ценностей. Из двух Россий, возникших вследствие политических событий, именно Россия за рубежом, которая проявила твердую решимость и недюжинную доблесть, продолжая быть Россией, оказалась более «подлинной» и более продуктивной в культурном отношении. Хотя это общество представляется несколько искаженным и неполным, особенно, как мы увидим, по своему демографическому составу, эмигранты воспринимали себя как представителей единого общества, а Русское Зарубежье — как свою страну. Они стремились жить так, словно эмиграция в культурном и философском плане олицетворяла собой всю Россию.

Возникновение русской эмиграции явилось прямым следствием поражения белых армий в 1920 — 1921 гг. и окончательного установления границ Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) по Рижскому мирному договору 1921 г. Однако, если быть абсолютно точным, процесс создания Зарубежной России продолжался еще несколько лет. Пока границы РСФСР (а с декабря 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик — СССР) оставались в какой-то степени открытыми и прозрачными — до начала коллективизации и первой пятилетки или по крайней мере до середины 20-х гг., — Россия за рубежом не была еще окончательно отделена от той, другой, России. С этой точки зрения нижняя хронологическая дата нашего исследования (1919 г.) несколько условна и обозначает начало процесса формирования России за рубежом. Облик ее менялся, хотя структура более или менее устоялась к 1928 г. Численность эмиграции к этому времени перестала расти: новых беженцев из России почти не было, за исключением тех, кому удавалось бежать из тюрем и концлагерей, а также т. н. «невозвращенцев» — работников советских учреждений за границей, отказавшихся вернуться в Советский Союз, и членов их семей. Внешнеполитические события также вносили коррективы в облик эмиграции. Некоторые «провинции» России за рубежом сокращались в размерах или исчезали совсем вследствие особенностей политического развития стран, предоставивших русским убежище. Так, националистическая политика Польши, Румынии и, в меньшей степени, Латвии вынудила многих изгнанников искать новое пристанище; русская культурная жизнь в этих странах практически замерла. В результате японского вторжения в Китай и создания империи Маньчжоу-го опустел русский Харбин, немногие оставшиеся там эмигранты вынуждены были заботиться лишь о своем выживании. Наконец, приход к власти в Германии Гитлера и последовавшая вскоре немецкая оккупация Чехословакии подорвали творческий потенциал центров русской эмиграции в этих странах и положили конец существованию

там русских учебных заведений, литературной и художественной жизни.

Последний удар по России за рубежом был нанесен начавшейся в 1939 г. второй мировой войной, в особенности немецким вторжением во Францию и ее поражением в мае—июне 1940 г. Война принесла материальные тяготы и невзгоды, от которых страдала вся завоеванная Гитлером Европа, но, кроме того, она сделала невозможным творчески свободное существование русской эмиграции. Многие эмигранты пережили войну, немало их героически сражалось за независимость стран, предоставивших им убежище. Тем не менее как самостоятельное «общество в изгнании» русская эмиграция выжить не смогла.

В 1945 г. произошли два важных события, которые и положили конец истории России за рубежом. Во-первых, молодое поколение эмигрантов, принявшее участие в войне против Гитлера, и их дети оказались полностью интегрированными в общества тех стран, где они проживали[3]. После войны многие из них, даже не отказываясь от русского языка и культуры, ощущали себя обычными гражданами этих стран. При этом некоторые из них, пользуясь преимуществами, которые давала им языковая и культурная двойственность, способствовали развитию интереса к изучению русской истории и литературы, о чем будет подробно рассказано в одной из последующих глав.

Во-вторых, за границу стали прибывать русские беженцы второй волны — т.н. перемещенные лица. Часть из них составляли эмигранты, прежде жившие на Балканах и в Центральной Европе и вновь бежавшие от Красной Армии. В основном, однако, это были военнопленные, угнанные на работы в Германию мирные жители Советского Союза (Ostarbeiter) или же те, кто по каким-либо причинам решил воспользоваться немецкой оккупацией и бежать от сталинского режима. В отличие от своих предшественников — эмигрантов 1920—1921 гг. (исключение здесь составляют лишь некоторые из тех, кто жил в Западной Европе еще до второй мировой войны), эти новые беженцы отнюдь не стремились к воссозданию России за рубежом. Они хотели лишь обрести мир, безопасность, спокойную жизнь вдали от кошмаров Советской России. Многие из них эмигрировали затем в Канаду, США, Латинскую Америку или в Австралию.

Время покажет, суждено ли третьей волне русской эмиграции, начавшейся в 70-х гг., основать новое Русское Зарубежье, но уже сейчас многие факты свидетельствуют против подобного предположения. В силу всех названных причин временем существования России за рубежом, «общества в изгнании», мы может считать именно период с 1919 по 1939 г.

Предшествующие наблюдения дают возможность заключить, что Зарубежная Россия в географическом смысле не представляла

собой единого целого. Ее представители были рассеяны по разным странам и континентам. Центры Русского Зарубежья сформировались там, где значительные по численности группы творчески активных в науке или искусстве эмигрантов находили более или менее стабильные условия для своей деятельности. Преодолевая расстояния и государственные границы, русские изгнанники поддерживали друг с другом тесные контакты, постоянно укрепляя свою культурную общность и единство Русского Зарубежья. В последующих главах будет показано, какими средствами и какой ценой достигалось подобное единство.

Естественно, некоторые города играли бо́льшую роль, чем прочие, причем не из-за численности эмигрантского населения, хотя определенная «критическая масса» была в любом случае необходима. Очагами притяжения являлись энергичные и творчески активные люди, которые, несмотря ни на что, продолжали вносить вклад в развитие русской культуры, и те печатные органы, которые имели достаточно средств для распространения своих изданий. Центрами Русского Зарубежья были Берлин, Париж, Прага, Харбин, в меньшей степени и в течение более короткого времени — Белград, Рига и София. Возникновение подобных центров стало возможным также благодаря значительной русской аудитории, готовой и стремящейся к восприятию культурных ценностей, создаваемых их товарищами по изгнанию. Большое число русских проживало в Балтийских государствах, Польше и Румынии, но они были лишены преимуществ, которые создают излучающие энергию большие города. Так же дело обстояло в Югославии, Греции, в сельских поселениях Болгарии и Чехословакии, в небольших группах русских, работавших во французской, бельгийской или германской провинциях. Однако практически везде русские эмигранты жаждали читать, смотреть, слушать произведения, созданные представителями диаспоры. Русское Зарубежье сохранило черту, характерную для дореволюционной России, где лишь столицы и небольшое число других городов (например, Киев и Одесса) создавали тот культурный потенциал, который воспринимался затем на бескрайних просторах российской провинции.

Мы обрисовали особенности культурной жизни и творческие возможности «России за пределами России». В последующих главах мы сосредоточим внимание именно на этом аспекте истории русской эмиграции. Некоторые моменты будут исключены из нашего повествования. Какие и почему?

Русская диаспора возникла в результате политических изменений, произошедших в России после длительной мировой войны, радикальной политической революции, кровавой гражданской войны, и есть, казалось бы, все основания предположить, что Русское Зарубежье должно было сосредоточить основное внимание на политических проблемах и политического же свойства предрассуд-

ках. Это, однако, верно лишь в самом общем смысле. Единственное убеждение, разделявшееся всеми без исключения эмигрантами, кто хоть на миг задумывался о политике, — это абсолютное неприятие большевистского режима. Но даже и это утверждение верно лишь отчасти, поскольку с течением времени некоторые эмигранты смирились с фактом существования этого режима и даже начали усматривать в нем некоторые позитивные моменты (например, разжигаемый Сталиным великорусский национализм). Эта «реакция отторжения» новой России составляла лишь внешний фасад политических взглядов эмиграции. Преобладающее большинство было настолько занято борьбой за выживание, что просто не могло позволить себе «роскошь» непосредственно и серьезно участвовать в политической деятельности. Стойкие антибольшевистские настроения подогревались ностальгическим национализмом, который, впрочем, проявлялся открыто лишь в редких случаях. Вместе с тем эмигранты не проявляли заметного интереса к политическим программам и с подозрением относились к политическим партиям. В еще меньшей степени они обнаруживали заинтересованность или осведомленность в том, что касалось политической жизни принявших их стран, за исключением тех моментов, которые непосредственно влияли на их правовое или экономическое положение.

В силу всего вышесказанного можно заключить, что политика волновала лишь незначительную часть интеллигенции и бывшего офицерства. Как мы увидим, Русское Зарубежье сохранило весь спектр политических взглядов и настроений дореволюционной России. Несмотря на то, что большинство эмигрантов были на уровне эмоций монархистами, партии и группы монархического толка занимали далеко не лидирующее положение в Русском Зарубежье. Кроме того, и сами монархисты не представляли собой сплоченной группы и были расколоты на несколько течений — крайних реакционеров до умеренных либералов, сторонников конституции. Ситуацию еще более осложняли споры о кандидатуре «законного» претендента на российский престол. На противоположном фланге политического спектра располагались анархисты, меньшевики, эсеры, которые, как и «буржуазные» либеральные конституционалисты, кадеты, были расколоты на левые и правые фракции.

Подобная ситуация, характеризующаяся непрерывной конфронтацией между всеми группами, фракциями и партиями, типична для всякой эмиграции и порождена отсутствием каких бы то ни было реальных проблем, решение которых могло бы их объединить. Споры разворачивались по двум основным вопросам. Во-первых, как большевикам удалось захватить власть и кто в этом виноват? Второй вопрос касался будущего большевистской системы. Создание любого плана ликвидации этого режима было тесно связано с ответом на первый вопрос. Более того, в том вакууме, который неизбежно создавался вокруг эмиграции, личные моменты,

симпатии и антипатии, зачастую играли бóльшую роль, чем тактические и программные вопросы.

В первые годы оказавшиеся в изгнании политические лидеры могли еще питать надежду, что им удастся оказывать влияние на «русскую» политику принявших их стран. Эта надежда, однако, быстро растаяла, стало очевидным, что новой вооруженной интервенции не будет, все большее число стран стало признавать советское правительство de facto или даже de jure. Часть эмигрантов занималась нелегальной и преступной деятельностью, направленной против Советского Союза (например, нелегальное пересечение границы или убийства советских дипломатов). Все подобного рода попытки заканчивались неудачей. Самый известный пример — история с так называемым Трестом, когда советской разведке и политическому аппарату удалось обвести вокруг пальца некоторые эмигрантские организации правого толка и дипломатов из Балтийских государств, Польши и Румынии[4]. Случаи проникновения советских агентов в эмигрантские организации, например в Российский Общевоинский Союз (РОВС), главную организацию ветеранов, и в партию меньшевиков, приведшие к похищению генералов Е.К.Миллера и А.П.Кутепова и сына лидера меньшевиков, повергли эмиграцию в смятение и показали всю тщетность ее политической активности[5].

Обобщая, можно сказать, что политическая жизнь эмиграции состояла из бесконечных пререканий, порождаемых использованием непроверенной информации, беспомощностью, озлоблением, тоской по прошлому. Непрекращающиеся склоки приводили к дроблению организаций. В конце концов из-за отсутствия прямых и действенных контактов с сочувствующими на родине — контактов, которые в свое время столь широко поддерживали русские эмигранты XIX — начала XX вв., — всякая политическая жизнь в изгнании превращалась в битву с ветряными мельницами. К началу 30-х гг., когда советская власть ужесточила политику внутри страны и полностью отрезала ее от внешнего мира, Русское Зарубежье лишилось всяких возможностей поддерживать связи с Советской Россией. Российская империя никогда не проводила столь жесткой линии в отношении эмиграции, благодаря чему, собственно, Ленин и другие имели возможность оказывать столь заметное влияние на положение в России. Наконец, следует упомянуть о том, что, поскольку советский режим держался у власти гораздо дольше, чем можно было предположить вначале, число старых политических лидеров в силу естественных причин — старости, смертей — сократилось, новое же поколение не имело ни средств, ни желания для продолжения их борьбы. Правда, предпринимались попытки создания новых политических организаций и программ, которые стремились учесть уроки и реальности советского режима, искали альтернативные варианты. Так, младороссы говорили о «монархии

с советами», Народно-трудовой союз (НТС) питал надежды на создание корпоративного государства, где социальные перемены, происшедшие при советской власти, сочетались бы с национализмом и авторитаризмом в экономике и в политике. Начало второй мировой войны положило конец подобного рода усилиям, а план НТС воспользоваться советско-германским конфликтом для осуществления своих целей оказался изначально ошибочным и еще раз обнаружил политическое бессилие эмиграции[6].

Поэтому попытка распутать сложную и не имевшую практического результата деятельность политических организаций Русского Зарубежья не представляется нам особенно перспективной. Горячие споры об ответственности за прошлое, равно как и идеологические противоречия из-за выбора тактики или программы в связи с теми или иными событиями в Советском Союзе или в мире в целом, представляют преходящий и ограниченный интерес. Конечно, историк должен интересоваться всеми аспектами прошлого, но какие-то моменты всегда представляют для него больший интерес по сравнению с другими. Поскольку цель этой книги — воссоздание картины культурной жизни России за рубежом, оказавшей заметное воздействие на современную культуру Запада и Советского Союза, представляется целесообразным отказаться от рассмотрения политических проблем, в которых можно только увязнуть. Политическое развитие стран, принявших русских эмигрантов, лишь изредка вызывало сколько-нибудь заметную их реакцию; подобные случаи, однако, уже были рассмотрены другими исследователями[7].

За политическими организациями и партиями эмигрантов, их публикациями с пристальным вниманием следили в Советской России. Ответные меры лишь закрепляли их изоляцию от родины, уменьшали и сводили на нет надежды на возвращение. Заслуживающий внимание анализ событий в Советском Союзе могли дать лишь публицисты, придерживавшиеся социалистических и либеральных взглядов. Консерваторы и монархисты рассматривали их лишь под углом зрения возможности реставрации прежней системы, пусть даже и в измененной форме. События в Советской России в той мере, в какой они влияли на некоторые аспекты культурной жизни эмиграции, также найдут отражение в нашем исследовании.

Я поставил своей целью рассказать в этой книге о культурной жизни русской эмиграции — ее организационных формах и основных чертах. Что следует понимать под культурой в данном контексте? Я не буду говорить о культуре в технологическом, социологическом или антропологическом смысле, не буду касаться таких аспектов культурного процесса, как повседневная жизнь, обыденные представления об искусстве, религии или о природе смешного, ставших в последнее время предметом исторического исследования. Об этих сторонах культуры России за рубежом можно сказать

немногое, так как ее представители имели те же материальные условия жизни, что и жители принявших их стран. Эмигранты не смогли привезти с собой, а тем более сохранить, значимые предметы культуры, которые окружали их в дореволюционной России. Лишь казаки обладали ярко выраженной специфической социальной организацией и «народной культурой», большинство же других эмигрантов, вследствие их прежней «западной» жизни в городской России, были готовы воспринять материальную культуру зарубежных городов.

Для русской эмиграции культура была существенной составной частью их национального самосознания, мироощущения образованного русского человека. Это проявлялось в том, что порой, с моей точки зрения ошибочно, именуется «высокой культурой». Все ее проявления в литературе, художественном и научном творчестве нации, которое развивается в рамках таких общественных институтов, как церковь, школа, театр, книги и журналы, неформальные общественные клубы, общества и организации, отмечены печатью особой, русской, индивидуальности.

В чем же выражалось это уникальное русское самосознание? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Это был сплав допетровских и народных элементов, в значительной степени, хотя и не полностью, воплощенных церковью в ее ритуалах и учении, с привнесенными извне направлениями и достижениями постренессансной культуры Западной и Центральной Европы. В этом смысле русская культура была представлена всеми видами искусства, науки и образования.

В силу ряда причин, о которых мы еще скажем, доминирующей формой выражения творческого потенциала русской культуры всегда, начиная с петровской эпохи, была литература. В разнообразных своих формах она отражала русский культурный идеал и наиболее яркие элементы самосознания интеллигенции. В эмиграции литература приобрела еще более существенное значение для сохранения «русскости» коллектива эмигрантов, поскольку язык, слово выступают как основные признаки принадлежности к определенной группе. Русское слово, устное и печатное, связывало между собой разбросанных по свету эмигрантов. Не в последнюю очередь именно по этой причине культурная жизнь и творчество в Русском Зарубежье развивались по преимуществу, если не исключительно, в словесной форме. Прочие художественные и интеллектуальные проявления культуры, не связанные напрямую с русской речью, могли интегрироваться и часто интегрировались в интернациональную культуру или культуру страны-хозяйки.

Нужно отметить, что письменный источник является основным документом изучения всех аспектов истории России за рубежом и особенно — интересующих нас сюжетов. Русское общество в изгнании было относительно высокообразованным, и проявления его

культурной жизни облекались по большей части в словесную форму. Поэтому, как мы увидим позднее, не случайно и символично, что день русской культуры отмечался в день рождения Александра Сергеевича Пушкина. Конечно, «несловесные» искусства — скульптура, живопись, музыка, балет, а также наука — играли жизненно важную роль, которую не следует преуменьшать. Каждый историк, однако, сосредоточивает свое внимание на тех проблемах, в которых он особенно сведущ. И хотя я не буду специально останавливаться на истории живописи, скульптуры, музыки или естественных наук, я коснусь тех способов и организационных форм, благодаря которым эти виды творчества продолжали развиваться в Русском Зарубежье. Поскольку простое перечисление имен и названий было бы скучным и малоинформативным, я постараюсь описать основные условия, которые позволили эмигрантам достичь успехов в искусстве и в науке, и попытаюсь обозначить рамки более широких культурных течений, частью которых они являлись.

Воссоздать историю русской эмигрантской литературы весьма сложно. Эта проблема привлекает к себе заметное внимание как на Западе, по обе стороны Атлантики, так и в бывшем Советском Союзе. Каждый месяц публикуются все новые монографии и статьи об отдельных авторах-эмигрантах и их произведениях. Эти специальные исследования касаются по преимуществу формы и идейного содержания анализируемых произведений. До сих пор в историографии были изучены лишь «сливки» эмигрантской литературы, которые, безусловно, являются показателем уровня развития литературы Русского Зарубежья. Первым шагом на пути к признанию этой литературы стал выход в свет во Франции второго тома трехтомного исследования по истории русской литературы XX в. (которое в свою очередь является частью семитомной истории всей русской литературы). Произведения эмигрантских авторов рассматриваются там как составная часть общерусской литературы[8]. Ни обобщающие, ни посвященные конкретным сюжетам исследования не осветили, однако, до сих пор общественную и материальную среду, в которой жили и работали эмигрантские авторы и где их произведения нашли первых читателей. Моя задача состоит в том, чтобы описать эту среду, отдавая предпочтение не столько детальному ее изучению, сколько обобщающему анализу.

Поскольку я уже упомянул о постоянно пополняющемся и уже весьма значительном количестве исследований, посвященных эмигрантской литературе, уместно будет сказать несколько слов об историографии Русского Зарубежья. Помимо книг и статей об отдельных авторах и произведениях, мы располагаем небольшим числом работ о некоторых художниках и музыкантах, главным образом о тех, кто внес наиболее заметный вклад в современную художественную жизнь Запада, — В.Кандинском, М.Шагале, М.Ларионове, Н.Гончаровой, о группах художников и скульпторов-фу-

туристов и дадаистов — И.Пуни, братьях Н. и Д. Бурлюк, А.Архипенко, Х.Сутине и др. Можно назвать работы о вкладе русских ученых-эмигрантов в отдельные отрасли науки, где он рассматривается, однако, только как часть истории этих научных направлений. Немногочисленные статьи посвящены отдельным политическим фигурам и освещают некоторые стороны их деятельности. Ряд биографий знакомит с хорошо известными до 1917 г. людьми, продолжавшими играть заметную общественную роль и в изгнании (Петр Струве, П. Н. Милюков, А. Ф. Керенский). В то же время исследования, посвященные русским социалистам, рассматривают биографии их лидеров, как правило, в контексте истории их партийных организаций (Федор Дан, Виктор Чернов, Юлий Мартов, Павел Аксельрод). Во всех этих работах, как и следовало ожидать, внимание исследователя привлекают полные событий годы, предшествовавшие эмиграции, годы изгнания же предстают чем-то вроде печального эпилога[9].

Мне известны только две монографии, в которых были предприняты попытки воссоздать историю центров русской диаспоры в 20—30-е гг. Сосредоточив внимание лишь на одном центре, авторы рассматривают также политическую историю эмиграции в целом. К сожалению, результаты этих исследований нельзя считать вполне удовлетворительными, так как «взгляд извне», с позиции которого они написаны, не позволяет ни глубоко понять, ни всесторонне описать жизнь эмиграции[10].

Историография вопроса, таким образом, небогата, чего нельзя сказать об источниках по интересующей нас проблеме. Они не только многочисленны и разнообразны, но подчас необычны и не вполне равномерно освещают тему: некоторые эпизоды, места, виды деятельности и периоды (30-е гг.) представлены недостаточно. Попытаемся кратко охарактеризовать этот источниковый материал. Памятники, естественно, делятся на опубликованные и неопубликованные. К последним относятся официальные документы стран, принявших эмигрантов, фонды отдельных эмигрантов и эмигрантских организаций. Официальные документы стран-хозяек играют важную роль в изучении правил и практики, которые регулировали положение эмигрантов и беженцев. Кроме того, можно не без основания предположить наличие значительных по объему фондов полицейских документов, касающихся отдельных личностей и организаций, которые по тем или иным причинам привлекли к себе внимание местных властей. Полицейские архивы до сих пор глубоко не изучались. Что касается Германии, и особенно Пруссии, то бо́льшая часть документов была утрачена, хотя поиск в архивах может принести интересные результаты. Французские полицейские архивы использовались французскими и канадскими исследователями, однако систематическое их изучение еще не предпринималось. Наименее доступными до сих пор остаются архивы стран

Восточной Европы. Следует отметить, однако, что подобного рода материалы, как правило, лишь дополнят подробностями ту общую картину, которая может быть воссоздана на базе других источников. Конечно, полицейские фонды содержат интересный материал для изучения тех политических интриг, в которых принимали участие русские эмигранты, например, архивы ФБР использовались для исследования раннего этапа возникновения русских фашистских организаций[11]. Возможно, когда будет написана история русской эмиграции по отдельным странам, эти официальные и полицейские материалы станут доступными для исследователей.

Неопубликованные источники по истории России за рубежом сохранились весьма фрагментарно. Разумеется, вторая мировая война и последующие события привели к невосполнимой утрате огромного количества документов, однако кое-что удается обнаружить. Так, основанный в Праге архив был перевезен в Советский Союз, и только недавно ученые получили возможность с ним работать. Личные архивы (например, П.Н.Милюкова, И.И.Фондаминского) и архивы некоторых организаций («Последних новостей», Библиотеки им. И.С.Тургенева), которые попали в руки немецких оккупационных властей, скорее всего, пропали в последний период войны (хотя, если верить слухам, отдельные документы волею судеб оказались в странах советского блока). Многие личные архивы были утеряны при поспешном бегстве, бомбежках, эвакуации и эмиграции во время войны. Кроме того, память об имуществе, оставленном в России во время революции и гражданской войны, заставляла многих эмигрантов воздерживаться от сбора библиотек и архивов на новом месте, воспринимавшемся лишь как временное пристанище. Доказательством существования подобных взглядов могут служить злоключения агента Пражского Русского исторического архива в Париже, отраженные в его переписке[12].

Не считая небольших индивидуальных собраний личных документов, находящихся в частных руках или в западных библиотеках, существуют два основных хранилища архивов эмиграции в США: Гуверовский институт в Стэнфордском университете и Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры в Колумбийском университете. Каждый из них располагает значительным собранием документов отдельных эмигрантов — перепиской, черновиками работ и т.п. — и организаций, хотя они, как правило, и не полные. Эти архивы следует изучать глубоко и систематически, что не под силу одному человеку. На сегодняшний день они исследованы главным образом с точки зрения отражения в них отдельных событий до 1917 г., революции и гражданской войны, а также жизни и творчества наиболее известных писателей-эмигрантов. В этих двух архивах мне удалось почерпнуть много фактического материала о деятельности эмигрантов и об их организациях: письма и рукописные документы позволили воссоздать

интеллектуальную, культурную атмосферу и материальные условия жизни России за рубежом в 20—30-е гг.[13]

Опубликованные источники также распадаются на две большие группы — мемуары (и автобиографии) и периодика. Не считая самых общих описаний, практически отсутствуют монографии, которые были бы созданы самими эмигрантами. Интересующие нас сведения можно обнаружить в биографиях (и некрологах) и мемуарах, большая часть которых опубликована в периодических изданиях. Известно, что мемуары как исторический источник обладают несколькими существенными недостатками. Их авторы предпочитают сосредоточивать свое внимание на раннем периоде своей жизни или наиболее ярких моментах карьеры и обычно склонны идеализировать прошлое. Большинство мемуаров, написанных представителями Русского Зарубежья, вышло из-под пера людей старшего поколения, бóльшая часть жизни которых прошла в дореволюционной России, и естественно они охотнее уделяли внимание событиям до 1917 г., нежели времени изгнания. Произведения мемуарного жанра младшего поколения, которые были опубликованы после второй мировой войны, в еще большей степени, чем воспоминания людей старшего возраста, отличаются неточностью и сбоями в хронологии. Это вполне объяснимо, поскольку каждый предпочитает вспоминать о значительных событиях и наиболее важных периодах своей жизни, а у людей младшего поколения о предвоенном времени остались, как правило, лишь смутные впечатления.

Творческая жизнь Русского Зарубежья отразилась и запечатлелась в небывалой по объему периодической печати — газетах, ежедневных и еженедельных, разнообразных журналах и бюллетенях. В настоящее время мы располагаем хорошим библиографическим аппаратом, который помогает разобраться в этом многообразии[14]. Сложности, возникающие при работе с этим видом источников, кроются в раздробленном, зачастую эфемерном характере большинства изданий. Они появлялись внезапно, как только возникала необходимость в них, и столь же быстро прекращали свое существование, главным образом из-за недостатка материальных средств, а также интеллектуальных и моральных сил. Склоки между отдельными представителями эмиграции также были причиной их ненадежности и недолговечности. Как и сама эмиграция, ее печать была разбросана по различным странам, и местные библиотеки не могли и не старались получить все издания. Попыток собрать и сохранить эту необычную, разрозненную и эфемерную печатную продукцию не предпринималось. Библиотека при Пражском архиве стремилась комплектовать свои фонды систематически, но ее интересы были сосредоточены главным образом на периоде революции и гражданской войны, так что на сбор сочинений своих коллег-эмигрантов ассигновалось относительно мало средств. В свою очередь издатели не имели обыкновения посылать экземпляры всех

своих изданий в Прагу. Мы располагаем почти полным списком публикаций, но лишь небольшая часть их находится в библиотечных собраниях, разыскивать их приходится по разным хранилищам. Для данного исследования, однако, достаточно иметь общее представление об этих изданиях, поскольку я не стремился детально рассматривать деятельность эмигрантов и развитие общественной мысли в различных центрах эмиграции, а ставил своей целью обрисовать общий фон, на котором эти процессы происходили.

Цель этой книги весьма скромна. Для воссоздания полной истории России за рубежом необходима основа, составленная из монографических исследований по отдельным сюжетам. Как указывалось, такая работа уже ведется по истории литературы и искусства, однако ощущается потребность в работах исторического и социологического плана, так как на нынешней стадии изучения Россия за рубежом находится как бы в своеобразном вакууме, вне условий ее существования, реальностей, окружавших русскую эмиграцию в 20-е и 30-е гг. Я намерен осветить общественный и интеллектуальный фон жизни Русского Зарубежья, концентрируя внимание на условиях, сложившихся как в самой эмигрантской среде, так и в странах, где эмигранты проживали, отмечая пути и способы создания тех общественных институтов, которые позволяли вести творчески активную жизнь и сохранять принесенные из России культурные традиции. Я надеюсь, что подобный ракурс рассмотрения истории эмиграции позволит определить место и значение отдельных фигур и событий в период между гражданской и второй мировой войнами.

Названная цель работы определила принятый мной обзорный и, что, пожалуй, важнее, выборочный характер освещения темы. Можно надеяться, что подобный подход поможет понять, как бездомным, испытывающим постоянную нужду изгнанникам удавалось вести столь насыщенную, полную смысла и творческих исканий культурную жизнь. Именно эта полноценная культурная жизнь, вопреки то и дело раздававшимся жалобам на пассивность, индифферентность, скупость эмигрантов в том, что касалось поддержки начинаний в области культуры, явилась наиболее ярким отличительным признаком русской эмиграции и по праву превращала ее в Россию за рубежом. Действительно, это было общество изгнанников, но оно сумело внести существенный вклад в культурную жизнь стран, принявших эмиграцию, и обогатить собственную культурную традицию. По мере того как в современной России обнаруживается все больший интерес к истории России за рубежом, наследие эмиграции приобретает все большую ценность и для их родины.

Если эта книга поможет понять, каким образом изгнанники, несмотря на свою разобщенность, трудности социально-экономического и политического характера, продолжали вести творчески ак-

тивную жизнь, мы не только приблизимся к более глубокому прочтению истории Зарубежной России, но и сумеем понять закономерности процесса культурного обмена и взаимодействия различных культур. Эти механизмы играют ключевую роль в формировании любой культуры, как это было, например, в эпоху поздней античности, и являются важнейшей чертой культурного процесса нашего, XX, века. Бедствия, принесенные войной, революцией, расколом общества, гонениями и изгнанием, создали культуру, которая сегодня является важным компонентом всей мировой культуры в ее материальном, интеллектуальном и духовном измерении.

2.

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ.

В ИЗГНАНИИ

Русские, оказавшиеся после 1919 г. за пределами бывшей Российской империи, были беженцами в полном смысле этого слова. Главной причиной их бегства стали военное поражение и связанная с ним угроза плена и расправы, а также голод, лишения, опасность, нависшая над жизнью и свободой в результате сложившихся политических обстоятельств. Вскоре, однако, они стали эмигрантами в том смысле этого слова, который применяется к французам, оставившим Францию после падения ancien régime. Русский эмигрант — это человек, отказавшийся признать большевистский режим, который утвердился на его родине. Для большинства из них отказ стал бесповоротным после декрета РСФСР 1921 г., подтвержденного и дополненного в 1924 г., лишавшего их гражданства и превращавшего в лиц без гражданства или апатридов (именно это французское слово вошло в качестве официального термина в документы Лиги Наций).

Безоговорочное неприятие советского режима, а в большинстве случаев и самой революции, надежда на возвращение домой после падения ненавистной системы были присущи всем беженцам. Это оказывало влияние на их поведение, творческую активность, пробуждая, вопреки всем политическим разногласиям, чувство единения, принадлежности к «обществу в изгнании», ожидающему возможность возвращения. Однако советский режим не обнаруживал никаких признаков краха, и надежды на возвращение стали таять.

Особенности отъезда в эмиграцию определяли и своеобразие различных групп эмигрантов в новых местах их проживания. За исключением единиц, покинувших Россию в течение 1917 г., и немногих (в основном жителей Санкт-Петербурга) уехавших непосредственно после захвата власти большевиками в октябре 1917 г., эмиграция из России явилась прямым следствием хода и итогов гражданской войны. Военные, потерпевшие поражение от Красной

Армии и ушедшие за границу или эвакуированные морем, составили основной контингент первой волны беженцев. За ними последовали их близкие и другие гражданские лица, сумевшие присоединиться к ним. В ряде случаев переход границы или эвакуация морем были временным и необходимым моментом для перегруппировки сил перед новой схваткой с советским режимом и получения помощи союзников.

Из этого следует, что первый пункт остановки беженцев редко становился постоянным местом их проживания. Также не всегда было ясно, кто был собственно эмигрантом, т.е. не желающим возвращаться, а кто интернированным или военнопленным первой мировой войны, ожидающим репатриации. Дополнительная сложность состояла в том, что в новых государствах, образовавшихся к западу от Советской России (Польше, Румынии, Балтийских республиках, часто называемых приграничными государствами — Limitrophes), было коренное русское население, главным образом крестьяне, которые проживали здесь из поколения в поколение. В этих странах они не всегда получали гражданские права в полном объеме. После окончания вооруженной борьбы, спасаясь от большевиков, беженцы стремились затеряться среди этого русского меньшинства. В годы голода и коллективизации, до ужесточения контроля, эти пограничные зоны давали возможность выбраться из СССР, спастись от бедствий и опасностей, подстерегавших там.

Посмотрим, в каких местах осуществлялся переход границы, и попытаемся охарактеризовать русских беженцев, устремлявшихся к каждому их них. Наиболее важным районом было побережье Черного моря (Новороссийск, Крым, Одесса, Грузия). Поэтому Константинополь (Стамбул) стал первым значительным пунктом расселения эмигрантов. Армии генерала А. Деникина и барона П.Врангеля были эвакуированы в Стамбул с последних рубежей своей обороны морскими транспортами союзников. Военных сопровождали гражданские лица — члены семей офицеров и солдат и те, кому удалось попасть на корабли. Не все транспорты останавливались в Стамбульском порту, некоторые направлялись дальше — на острова Мраморного и Эгейского морей и на полуостров Галлиполи.

Естественно, ни Стамбул, ни острова не могли принять всех беженцев. Большинство находилось в тяжелом физическом и моральном состоянии, временно их размещали в бывших военных лагерях и госпиталях. Так как турецкие власти и комиссии союзников, предоставлявшие основную материальную помощь, не собирались навсегда взвалить на себя бремя забот по содержанию беженцев, то они были заинтересованы в их дальнейшем переезде туда, где они могли найти работу и прочно обосноваться. Следует отметить, что, во-первых, в Стамбуле и на близлежащих островах скопилось самое большое количество беженцев из России. Во-вторых,

абсолютное большинство среди них составляли военные. Главнокомандующий генерал Врангель стремился сохранить в целости военную организацию, надеясь вскоре продолжить вооруженную борьбу. В-третьих, среди гражданских лиц преобладали интелигенция, представители буржуазии, коммерсанты, интеллектуальная элита, люди, связанные с придворными кругами и администрацией (среди последних были некоторые члены правительства, созданного Врангелем в Крыму, — П. Струве, Г. Вернадский и Н. Таганцев).

То, что основную массу беженцев составляли армейские части, облегчало местным турецким властям и представителям держав-союзниц их расселение и организованное распределение помощи. Труднее было с гражданскими лицами, скопившимися в районе Стамбула и нуждавшимися в значительной помощи от зарубежных благотворительных организаций. Необходимо отметить — и это ставит под сомнение расхожий тезис о неспособности русских к организации, — что беженцы и сами создавали добровольные общества помощи женщинам, детям и больным. Они основывали больницы, ясли и приюты для сирот, собирали пожертвования от богатых соотечественников и русской заграничной администрации (дипломатических миссий, отделений Красного Креста), а также от зарубежных филантропов или просто от сочувствующих.

Одиссея русских беженцев, добиравшихся до Стамбула в 1919 и 1920 гг., постигшая их участь описаны в бесчисленных мемуарах и рассказах. История военных проста и почти одинакова для всех: потерпев несколько поражений на Дону, они эвакуировались из Новороссийска в Крым, где набирались сил и проходили переформирование. Стремительное наступление Красной Армии прорвало слабую оборону полуострова. Корабли военного флота союзников в последний момент отказались поддерживать вооруженную борьбу, однако помогли эвакуировать белые армии из Одессы, Севастополя и Батума. Во время этих поражений люди теряли свое снаряжение и личные вещи, увеличивалось число больных и раненых, недостаток продовольствия и антисанитария способствовали возникновению эпидемий, прежде всего тифа. Озверевшие толпы штурмовали корабли (или поезда). Положение гражданских лиц, и без того незавидное, было ужасным, их не брали на военные корабли, и приходилось полагаться на честность владельцев небольших судов. Многие погибли в море или были выброшены после кораблекрушения на русский берег. Те же, кому удавалось пересечь Черное море, совершали этот путь в невыносимо тяжелых условиях, приводивших к болезням, смерти, голоду, отчаянию. В это время разлучились многие семьи, некоторые из них — навсегда.

Беженцы из числа гражданских лиц, значительную часть которых составляли жены и дети офицеров, сражавшихся в России, стали прибывать в Стамбул еще до окончательного падения Крыма и эвакуации войск и правительства Врангеля в декабре 1920 г. Те

немногие, кто сумел вывезти с собой какое-то имущество, как правило, драгоценности и семейные реликвии (например, княгиня Шаховская и ее дочери), на некоторое время обеспечивали свое существование и помогали организовывать приюты, школы и больницы[1]. Это были немногочисленные счастливчики среди огромного числа людей, переживших мучительные недели бегства, не имевших никаких вещей, кроме одежды, которая была на них. Среди беженцев выделялись группы детей, осиротевших или разлученных с родителями, — одним из них был будущий эмигрантский писатель Гаэтан Газданов. Все они испытали глубокое потрясение от пережитых ужасов жестокой и кровавой гражданской войны, нередко были свидетелями страданий и гибели близких, оторваны от семей, в неведении о судьбе родителей, друзей и родных. Часто несчастные жертвы лишались последнего имущества, пересекая море на утлых, перегруженных суденышках в антисанитарных условиях. Беды их не заканчивались с прибытием в переполненный Стамбул. Шансы найти работу здесь были минимальны: можно было устроиться в лучшем случае в ресторанах, развлекательных заведениях, мелкой торговле, часто приходилось продавать по бросовой цене последние вещи. Турецкая администрация, особенно после прихода к власти Кемаля Ататюрка, была настроена более чем негостеприимно. Обеспокоенные наплывом собственных беженцев из Греции, социальными и экономическими трудностями, вызванными недавней войной, турецкие власти были готовы избавиться от русских любой ценой.

Со своей стороны военные и дипломатические представители союзников, которые осуществляли административный контроль на Босфоре, также с неохотой принимали на себя заботы о русских, которых они поддерживали во время гражданской войны. Им пришлось, однако, этим заниматься, причем далеко не только из гуманных побуждений: расселение беженцев представлялось необходимым и с точки зрения экономических интересов, и для поддержания общественного спокойствия. Русские беженцы представляли собой не только обузу для бюджета союзников, но и известную угрозу: анархия, порожденная моральной деградацией, лишениями, вынужденным бездействием, царившими в переполненных и грязных лагерях и приютах для тысяч русских, разбросанных на берегах Босфора, живо напоминали о многочисленных мятежах и политических беспорядках в послевоенной Европе и заставляли правительственные круги европейских стран опасаться их повторения.

Все усилия, предпринимавшиеся как самими русскими, так и союзниками, преследовали две цели: незамедлительно оказать помощь больным, раненым, детям и переселить беженцев туда, где они могли бы обрести экономическую независимость. Вначале, когда речь заходила о военных и их близких, генерал Врангель противился плану союзников расформировать его части и дать воз-

можность каждому обосновываться индивидуально. Он по-прежнему надеялся после восстановления сил возобновить, при поддержке союзников или в одиночку, борьбу с большевиками. Решение союзников отказаться от дальнейших попыток свергнуть большевиков вооруженным путем, снятие Англией блокады и установление торговых отношений с Советами разбили эти надежды вдребезги. Офицеры и бойцы белых армий начали обустраиваться на новых местах в начале 1921 г. Правда, часто им удавалось селиться более или менее организованными и сплоченными группами, благодаря чему некоторые подразделения, например казачьи, сумели еще некоторое время после ухода из лагерей для беженцев на берегах Босфора сохранять свое единство.

При поддержке ряда благотворительных организаций некоторые гражданские лица уехали из Стамбула в Центральную и Западную Европу, где их родные и друзья уже успели наладить некоторое подобие существования. Так, Шаховские довольно быстро уехали в Париж, друзья помогли перебраться туда и лидеру эсеров Марку Вишняку, который стал впоследствии одной из ключевых фигур в главном эмигрантском ежеквартальном журнале «Современные записки». Те, у кого были средства или связи, уехали первыми. Экипажи русских военных кораблей были направлены на французскую военно-морскую базу в Бизерте (Тунис), со временем они получили разрешение поселиться во Франции. Беженцы, спасшиеся после кораблекрушения парохода «Рион», нашли приют на острове Корсика. Позднее они переехали в Марсель и близлежащие города южной Франции. Руководствуясь принципом православной солидарности, Греция согласилась принять некоторое число русских беженцев — эта страна, занятая обустройством собственных беженцев из Малой Азии, не располагала большими возможностями для предоставления работы. Тем не менее несколько тысяч русских обосновались в Греции, главным образом в Афинах, Пирее и Фессалониках.

Болгария, испытывавшая экономические трудности, но вместе с тем остро нуждавшаяся в рабочей силе (для работы в шахтах) и в квалифицированных кадрах для университетов и школ, также выразила желание принять русских беженцев. К концу 1921 г. в Болгарском царстве их насчитывалось около 12 000, в 1922 г. — примерно 30 000 человек. Молодые мужчины из армии генерала Врангеля, восстановившие силы после ранений и болезней в лагерях на Босфоре, были направлены на угольные шахты близ Перника. Жизнь во временных бараках, без нормальных бытовых условий и отсутствие привычки к тяжелому физическому труду привели к тому, что большинство из них не задержались там надолго и переехали либо в Софию и другие болгарские города, где была возможность найти работу или получить образование, либо в другие страны[2]. Болгария дала приют также нескольким десяткам специали-

стов и ученых, которые внесли значительный вклад в развитие науки и образования родственного славянского народа. Тем не менее ограниченные возможности Болгарии, установление дипломатических отношений с Советским Союзом и поднявшаяся в конце 20 — начале 30-х гг. волна национализма заставили многих русских вновь поменять место жительства. В результате Болгария так и не стала заметным культурным центром русской эмиграции, несмотря на присутствие в Софии таких известных ученых, как Н. Трубецкой и молодой Г. Флоровский (которые, впрочем, скоро уехали) и П. М. Бицилли, ставшего профессором Софийского университета.

Большинство русских, волею судеб оказавшихся в Стамбуле, нашли приют в недавно созданном Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС), будущей Югославии. Исходя из соображений как сентиментального (если позволительно применить это слово к правительственным решениям), так и прагматического порядка, власти Королевства распахнули двери своей страны перед воинскими подразделениями и многочисленными гражданскими лицами, помогли им обосноваться в крупнейших городах и в сельской местности. Соображения сентиментального толка основывались на чувстве благодарности к России, пришедшей на помощь сербам в 1914 г., прорусской, но решительно антибольшевистской позиции короля Александра I, который в свое время воспитывался при русском императорском дворе. Причины прагматического характера вытекали из острой потребности нового государства в квалифицированных специалистах. Многие учебные заведения, технические училища и административные органы находились в стадии становления и испытывали нужду в обученных кадрах. Сербский национализм тоже играл здесь немалую роль: сербская правящая элита, занимавшая ведущие позиции в общественной жизни многонационального государства, склонна была больше доверять русским эмигрантам, которые всецело зависели от ее расположения, нежели представителям других проживавших в этой стране наций.

Существовавшие вакансии заполнялись за счет технических специалистов бывшей белой армии, гражданских беженцев, имевших опыт научной и административной работы. Близость языков и общность религии способствовали быстрой ассимиляции русских. Кроме того, сербский патриарх, получивший образование в дореволюционной России, выступил от имени своей церкви и оказал гостеприимство русским митрополитам и высшему духовенству, вынужденным спасаться бегством от обрушившихся на церковь гонений со стороны большевиков. Наконец, материальный ущерб и людские потери, понесенные Сербией во время первой мировой войны, создали возможность расселения беженцев и в сельской местности. Так, прибывшие в Королевство казаки могли селиться общинами и сохранять традиционные способы ведения сельского хозяйства. К ситуации в Югославии мы будем еще возвращаться в

связи с другими обстоятельствами. Здесь же отметим лишь, что Югославия, особенно Белград, стала значительным культурным центром Русского Зарубежья, хотя и не таким разносторонним и творчески активным, как Париж, Берлин или Прага. Только что образованная Чехословацкая республика также предоставила убежище многим казакам и другим группам крестьян. Таким образом, бóльшая часть беженцев, находившихся первоначально в Турции, переместилась затем в славянские и балканские страны.

Второй маршрут русских беженцев пролегал северо-западнее Черного моря. Образовался он вследствие общего хаоса, царившего в этом регионе в период бурных политических событий. Мы не будем останавливаться здесь на тех факторах, которые обусловили такую политическую обстановку. Ограничимся лишь следующими замечаниями: в возрожденной Польше и в Восточной Германии было сосредоточено много русских военнопленных (первой мировой и советско-польской войн и сопутствующих им конфликтов различных украинских режимов с Германией). Большинство из них вернулось на родину, однако многие предпочли остаться на территории, не контролируемой Советами, и стали беженцами-эмигрантами. Ядро Русского Зарубежья в этом регионе, таким образом, составили узники лагерей для военнопленных[3]. Вначале здесь были только мужчины призывного возраста, впоследствии к ним присоединились женщины и дети — те, кому удалось воссоединиться со своими мужьями, отцами, сыновьями. Пользуясь неразберихой на границе, многие беженцы переходили границу Польши, а оттуда направлялись дальше в Германию. Советские власти давали разрешение на выезд тем, кто владел собственностью или проживал на территории, отошедшей ко вновь образованным национальным государствам. Впоследствии, после краткого проживания в упомянутых государствах в качестве представителей русского этнического меньшинства, эти люди также становились частью Русского Зарубежья. Наиболее честолюбивые и деятельные интеллигенты и специалисты, молодые люди, стремившиеся закончить образование, не задерживались надолго среди этого национального меньшинства, переезжали либо в столицы этих государств, либо в страны Центральной и Западной Европы. Таким образом, в Польше, трех прибалтийских государствах и Финляндии существовали большие группы эмигрантов, считавших себя частью России за рубежом. Наличие в этих странах русского этнического меньшинства (как правило, крестьян или староверов) не означало, однако, что эмигранты чувствовали себя здесь комфортно или получали поддержку для плодотворного развития своей культуры. Не следует забывать о вполне объяснимых антирусских настроениях, которые были характерны для местной элиты, долгое время подавлявшейся и дискриминировавшейся царскими властями. Трудно было ожидать от нее доброго расположения и сочувственного отношения к идее рас-

цвета культурной, социальной и политической жизни представителей нации, составлявшей правящее большинство в бывшей империи.

В некоторых случаях (например, в Эстонии и Литве) потребность в высокообразованных ученых и специалистах вынуждала местные власти приглашать русских ученых-эмигрантов на должности во вновь создаваемых высших учебных заведениях и технических службах. Но так же, как и в Болгарии, рост националистических настроений и политический авторитаризм, утвердившийся в Польше, Литве и Латвии в конце 20-х гг., осложнили положение эмигрантов. Многие вынуждены были уехать в такие активные центры Русского Зарубежья, как Прага, Берлин или Париж. Все сказанное выше объясняет, почему, несмотря на присутствие значительного числа русских беженцев, в приграничных государствах так и не возникло действительно заметных центров эмигрантской культуры. В то же время проживавшие в этих странах эмигранты составляли благодарную аудиторию, живо воспринимавшую творческую продукцию Русского Зарубежья — книги, журналы, лекции, театральные представления и концерты — и оказывавшую ей столь необходимую моральную и материальную поддержку. Истинным праздником для русской колонии в Риге явился визит Ивана Бунина после получения им Нобелевской премии по литературе. Ему были оказаны здесь восторженный прием и финансовая помощь. Жизнь многих писателей, таких, например, как А. Амфитеатров, полностью зависела от публикаций или перепечаток их эссе и рассказов в ежедневной русской прессе Варшавы и Риги[4].

Последний важный маршрут беженцев из Советской России пролегал на Дальнем Востоке — в маньчжурский город Харбин. Харбин, с самого своего основания в 1898 г., был русским городом, административным и экономическим центром русской Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Он вырос на месте китайской рыбачьей деревушки, расположенной на берегу реки Суньхуацинь (Сунгари). Войска, разбитые Красной Армией и оттесненные к восточным границам бывшей империи, переходили в Маньчжурию, которая находилась под китайским суверенитетом. Следом за ними прибывали гражданские лица — представители царской администрации и других, временных, режимов, существовавших в Сибири, казаки, купцы и даже крестьяне. Последняя волна беженцев была отмечена в 1922 г., после падения Владивостока под натиском Красной Армии и включения его в состав Дальневосточной Республики. Так Харбин стал частью России за рубежом и оставался таковой в течение 20-х гг. Упадок Харбина начался, когда японцы стали смещать китайскую администрацию, а после разразившегося в 1931 г. японо-китайского конфликта культурная и творческая жизнь здесь прекратилась.

По сравнению с европейскими центрами Харбин обладал двумя существенными недостатками: во-первых, технический и административный персонал КВЖД преобладал здесь над творчески активной интеллигенцией. Положение осложнялось также постоянными вылазками китайской, советской и японской разведок. Политические трения и экономические сложности, характерные для русской колонии Харбина, осложняли ситуацию здесь даже в большей степени, нежели «провинциальность» большинства творчески активных представителей эмиграции, в основном выходцев из Сибири. Второе, и по всей видимости, более существенное обстоятельство было связано с удаленностью Харбина от основных культурных центров русской диаспоры в Европе — Берлина, Праги, Парижа. Дороговизна дороги и прочие сложности препятствовали установлению тесных контактов и активному культурному обмену. Вследствие этого публикации, увидевшие свет на русском Дальнем Востоке, с трудом доходили до русской аудитории в Европе, а европейские издания были дороги и доставлялись в Харбин с большим опозданием. В жизнь «провинциальных» центров Европы — Белграда, Риги, Софии, Каунаса и др. — вносили разнообразие визиты ведущих деятелей эмиграции. Дальний Восток, как правило, в маршруты подобных поездок не включался. Все это, однако, не должно принижать значения того вклада, который внес Харбин в культуру Русского Зарубежья, но может служить достаточным объяснением, почему Харбин не имел того влияния, которое он, несомненно получил бы при современном развитии связи. Значение этого вклада стало очевидным лишь после новой эмиграции многих деятелей культуры из Харбина в Соединенные Штаты и Австралию. Это произошло накануне второй мировой войны, когда Россия за рубежом в том смысле, который мы вкладываем в эти слова, уже находилась у последней черты своего развития.

Различные пути формирования центров Русского Зарубежья дают ключ к пониманию особенностей каждого из них, а также произведенной в них культурной продукции. Этот «фон» мы постоянно должны иметь в виду, рассматривая эмиграцию и ее культурную историю.

Выше мы уже говорили о гражданских лицах и целых воинских подразделениях, бежавших с территорий, контролируемых Советами, и расселившихся по всему земному шару. Сколько же людей было вовлечено в этот процесс? К сожалению, мы не располагаем точными цифрами. Во-первых, хаос, царивший во время бегства и эвакуации, не давал возможности сделать сколько-нибудь точные подсчеты и записи. Следует помнить также, что нелегальный въезд и поселение из-за сложностей с оформлением паспортов, виз, видов на жительство и разрешений на трудоустройство также не оставили о себе свидетельств. Во-вторых, и организации самих беженцев, и административные органы, занимавшиеся проблемами

беженцев в тех странах, где им предоставили приют, были достаточно примитивны и отнюдь не преследовали цели точного и полного статистического учета. Наиболее достоверные цифры даны в обзоре, составленном по поручению Королевского института международных отношений в Лондоне (1937 г.) и опубликованном Джоном Симпсоном в 1939 г. Симпсон и его сотрудники использовали все доступные им документы (следует отметить, что новых с тех пор не появилось), главным образом списки Красного Креста по распределению помощи, записи различных организаций беженцев, официальную статистику стран, предоставивших им убежище, и Лиги Наций, равно как материалы, представленные специально назначенными для сбора сведений корреспондентами. Однако данные, содержащиеся в итоговой части документа, не отличаются ни абсолютной полнотой, ни точностью, между отдельными показателями есть значительные расхождения.

Немецкий историк Ханс фон Римша в 1921 г. оценивал общую численность русских эмигрантов в 2 935 000, в то время как американский Красный Крест в своем докладе отмечал, что на 1 ноября 1920 г. их было 1 965 500. По двум разным независимым оценкам их численность составляла 1 020 000 на 1 января 1921 г. и 635 600 — 755 200 на 1 января 1922 г. В 1930 г. подкомитет по неправительственным организациям при Верховном комиссаре Лиги Наций по делам беженцев утверждал, что всего в Европе находится 500 000 русских беженцев, тогда как, если сложить вместе все цифры, представленные этому органу правительствами различных стран, получится 829 000. Кроме того, русский Красный Крест зарегистрировал 50 000 человек, нуждающихся в помощи, на Дальнем Востоке. Последующие волны эмиграции, безусловно, увеличили их численность, так что к 1934 г. на Дальнем Востоке проживало около 130 000 русских эмигрантов[5].

Как следует из приведенных цифр, численность русских эмигрантов (за исключением Дальнего Востока) в течение 20-х и в начале 30-х гг. быстро сокращалась. Одна из причин этого — особенности демографического состава эмигрантов — будет освещена ниже. Другая заключалась в том, что многие эмигранты, несмотря на сложности и препятствия, чинимые, например, властями Франции и Германии, стали полноправными гражданами европейских стран. Тем не менее большинство из них продолжало считать себя «гражданами» России за рубежом. Кроме того, по законодательству многих стран, дети, рожденные на их территории (сразу или — крайне редко — по достижении совершеннолетия), считались полноправными гражданами страны и официально эмигрантами уже не были. Таким образом, несмотря на низкий уровень рождаемости среди эмигрантов, даже небольшое число детей, записанных при рождении гражданами страны пребывания, влияло на общую статистическую картину населения Русского Зарубежья. В главных

центрах русской эмиграции дети, даже если они посещали местные школы, воспитывались в русском духе и многие из них ощущали свою принадлежность к Зарубежной России. Так, немало хорошо известных сегодня деятелей французской науки, культуры (и даже политиков) — те самые дети, которые, будучи a part entiere французскими гражданами, сохранили переданное им русское культурное наследие. Достаточно упомянуть французских славистов (В.Водофф, А., Ал. и В.Береловичи, В.Лосский), ученых (А.Абрагам, И.Пригожин), писателей (В.Волкофф, А.Труайя) и политиков (П.Береговуа).

Выше мы отметили некоторые характерные черты тех групп беженцев, которые в 1920—1922 гг. основали Россию за рубежом. Поскольку большинство из них эмигрировали (или были вынуждены эмигрировать) из-за поражения в гражданской войне, среди русской эмиграции был непропорционально высок процент одиноких (что не всегда означало неженатых, чаще — разлученных с женами) мужчин призывного (т.е. от 18 до 40 лет) возраста. Это было особенно характерно для групп, прошедших через Стамбул и осевших на Балканах (главным образом, в Югославии), а также для бывших военнопленных, содержавшихся на территории Германии и Польши. Менее типична такая картина была для беженцев, осевших в прибалтийских государствах и в Маньчжурии, где скопилось большое число гражданских лиц и членов семей военнослужащих. Более того, в первые годы советской власти, при ленинском нэпе, начало которому было положено весной 1921 г., некоторые эмигранты, уже осевшие в центрах Русского Зарубежья, смогли вызвать в Европу свои семьи из СССР [6].

Согласно исследованию, проведенному в Югославии в 1921 г., 69% русских эмигрантов составляли мужчины, 66% из них в возрасте от 19 до 45 лет. 70% всех мужчин были одинокими, тогда как большинство женщин состояли в браке[7]. Эти цифры ярко иллюстрируют ситуацию со вступлением в брак и рождением детей. Материальные невзгоды и финансовая нестабильность, с которыми сталкивалось большинство беженцев, препятствовали созданию семей; те же, кто все-таки вступал в брак, из-за неясных и далеко не блестящих видов на будущее не могли позволить себе иметь много детей. Важное значение имело и то, что безусловное предпочтение при выборе спутника жизни оказывалось соотечественникам и единоверцам. Среди эмигрантов, даже если учитывать девушек, достигших зрелости в конце 20-х — начале 30-х гг., было мало женщин брачного возраста. Почти все женщины этой возрастной категории либо состояли в браке, либо вдовствовали. Одинокие мужчины-эмигранты жили изолированно от окружающего общества, зачастую в бараках. Надеясь вернуться домой, они сопротивлялись ассимиляции, в том числе культурной. Да и женщины стран, принявших русских эмигрантов, не стремились выходить замуж за чу-

жаков с ненадежным финансовым и правовым положением. Несколько иная ситуация была среди эмигрантов, селившихся в Югославии и Болгарии, где языковая и конфессиональная близость, сходный образ жизни способствовали заключению межнациональных браков.

Естественным следствием ситуации на «ярмарке невест» явился весьма низкий процент детей в Зарубежной России. По мере того как дети, рожденные в смешанных браках, утрачивали связь с русской культурой, эта диспропорция еще более увеличивалась. Однако и сам по себе фактор низкого естественного прироста населения становился еще одной побудительной причиной, заставлявшей родителей-эмигрантов давать своим детям русское образование. «Чтобы дети оставались русскими», родители шли на любые жертвы, в особенности пока они сохраняли хотя бы малейшую надежду на возвращение домой. Они отправляли своих детей в частные школы, разговаривали по-русски дома, старались подавить естественное стремление своих детей адаптироваться к нерусскому окружению. Деятельность русских учебных заведений будет рассмотрена нами в третьей главе.

Смертность в России за рубежом была чрезвычайно высока, так что даже более высокие темпы рождаемости не смогли бы компенсировать убыль населения. Многие эмигранты оказались в изгнании уже пожилыми людьми. Ухудшению здоровья и быстрому старению людей способствовали многочисленные бедствия, сопутствовавшие революции и гражданской войне — раны, болезни, голод, — и стрессы, вызванные нищетой и бесправием за границей. Общины эмигрантов и те, кто оказывал им содействие, постоянно сталкивались с проблемой помощи стареющему населению Русского Зарубежья. Многие из программ помощи старикам и больным осуществлялись по линии религиозных организаций, что в свою очередь способствовало возрождению религиозных чувств у части эмигрантов.

Рассмотрение демографической ситуации — лишь один из аспектов воссоздания более широкой картины жизни русской эмиграции. Благодаря кинофильмам и литературным произведениям укоренился определенный стереотип русского эмигранта: это бывший богатый аристократ (чаще всего князь или граф), вынужденный добывать пропитание, работая водителем такси, официантом или швейцаром ночного клуба[8]. Эта грустная и незамысловатая картинка имеет весьма мало общего с реальностью. Эмигранты, обладавшие прежде большими состояниями, титулами или высоким положением в обществе, составляли в процентном отношении не большую (а возможно, даже и меньшую) долю, чем в дореволюционной России. С другой стороны, в Русском Зарубежье был гораздо более высокий уровень образованности по сравнению со средними показателями, характерными для населения старой России.

Примерно две трети взрослых эмигрантов имели среднее образование, почти все — начальное, каждый седьмой — университетский диплом[9]. Среди них было также больше квалифицированных специалистов, представителей науки, интеллигенции, зажиточных слоев городского населения (последние в значительной степени были представлены евреями). И так же, как и на родине до 1917 г., эти слои, в особенности специалисты и интеллектуальная элита, играли весьма заметную и активную роль в Русском Зарубежье.

Помимо образованных классов в эмиграции были широко представлены городская буржуазия, мелкие землевладельцы, квалифицированные рабочие (например, печатники) и крестьяне (главным образом, казаки). Традиционное великорусское крестьянство составляло незначительное меньшинство, что резко контрастировало с ситуацией, существовавшей в России до 1917 г. Бóльшая часть молодых людей, сражавшихся в рядах белых армий, происходила из средних слоев города и мелких землевладельцев, многие прервали обучение в средних и высших учебных заведениях. Некоторые из них не пожелали возобновить учебу или стать специалистами среднего звена в странах, предоставивших им убежище. Однако, с другой стороны, было много таких, кто стремился завершить свое образование, овладеть профессией или навыками, которым они рассчитывали найти применение в освобожденной из-под власти большевиков России. Их решимость и потребности стимулировали создание в России за рубежом целой сети учебных заведений и учреждений культуры.

Преобладающее большинство русских эмигрантов принадлежало к Русской православной церкви, и многих из них затронул процесс оживления активной религиозной жизни, который наблюдался среди диаспоры. Небольшие группы людей относились к другим конфессиям: протестантами были в основном уроженцы Прибалтики и так называемые российские немцы, которых отличало двуязычие и принадлежность к двум культурам — русской и западной. Число католиков было крайне незначительным, среди немногочисленных эмигрантов с Кавказа и из Средней Азии встречались мусульмане и буддисты.

Рассмотрим вопрос о национальностях с точки зрения этнического происхождения. Среди «русских» эмигрантов было немало евреев, украинцев, армян (из Нахичевани под Ростовом или из недолго просуществовавшей Армянской республики — бежавшие от турецких преследований здесь не учтены), грузин, а также небольшие группы калмыков.

Представители этих национальных и религиозных групп (например, большинство поселившихся во Франции грузин и практически все образованные евреи) ощущали свою принадлежность к русской культуре. Они принимали активное участие в культурной жизни Русского Зарубежья, зачастую внося решающий материаль-

ный и моральный вклад в деятельность отдельных учреждений культуры: они подписывались на журналы, субсидировали различные издания, посещали и финансировали театральные постановки и концерты, обучались и преподавали в учебных заведениях. Некоторые из них были двуязычны и принадлежали к двум культурам, другие говорили и читали только по-русски, а позднее овладели западноевропейскими языками. Это относится в первую очередь к интеллигенции еврейского и украинского (т.е., восточно-украинского) происхождения. Все они принимали активное или пассивное участие в культурной жизни Русского Зарубежья. За исключением самых твердолобых и нетерпимых шовинистов образованные русские эмигранты считали их такими же гражданами России за рубежом, как и они сами. Их история станет неотъемлемой частью нашего повествования.

Всякий, кто посмотрит на фотографии беженцев, только что переживших опасности, непременно заметит поношенную одежду, истощенные голодом и болезнями фигуры, лица, отмеченные печатью безнадежности. Русским, бежавшим от гражданской войны и достигшим земли обетованной, нужно было помогать практически во всем. Такая помощь была предоставлена рядом частных и общественных благотворительных организаций. Первая мировая война способствовала активизации деятельности многих международных организаций, которые также могли оказать помощь беженцам. Наконец, многие правительства осознавали, что проблемы беженцев, многократно осложнившиеся из-за войны и вызванных ею социальных и политических сдвигов, требуют своего разрешения.

Первыми приходили на помощь такие международные организации, как Красный Крест и его национальные отделения, в особенности американское и русское, которые начали деятельность еще во время войны. Они активно содействовали эвакуации мирных граждан и военных из Крыма в Стамбул, а затем из Польши и Прибалтики, где вооруженная борьба продолжалась до 1921—1922 гг. Международный Красный Крест принял на себя бремя основных расходов по материальной поддержке военнопленных и тех беженцев, кто был размещен в находящихся под его опекой лагерях для военнопленных[10]. При этом заботиться приходилось не только о физическом состоянии людей, но и об их духовном здоровье — о том, чтобы они не растеряли некогда полученные ими знания и могли продолжить ранее начатое образование, чтобы в будущую мирную жизнь они вошли подготовленными. Решение этих задач составляло главное содержание деятельности Американского Христианского союза молодых людей (ИМКА) и Всемирного христианского студенческого движения, которые снабжали солдат, военнопленных, эвакуированных литературой для чтения и учебными пособиями. Автоматически эти организации включались в более широкое движение по оказанию материальной помощи бе-

женцам. Именно поэтому ИМКА приняла на себя обязанности по снабжению (пусть и в скромных размерах) военных-репатриантов и беженцев из России одеждой и питанием. Из писем представителя ИМКА в Риге к матери следует, что развернутая этой организацией деятельность укрепила в нем и в других ее членах решимость содействовать русским изгнанникам в удовлетворении их культурных запросов[11].

Мировая война и в особенности первый год существования большевистского режима и война гражданская породили на обширных просторах Европейской России массовый голод. Ведущую роль в оказании помощи голодающим сыграла Американская администрация помощи (АРА), организованная Гербертом Гувером во время мировой войны для помощи мирному населению. АРА оказалась вовлеченной и в кампанию по помощи беженцам из охваченных голодом районов, где часто велись и боевые действия. Для помощи АРА на местах создавались комитеты, во главе которых стояли известные русские общественные деятели. Именно это обстоятельство и подтолкнуло Ленина к принятию решения о высылке около 100 представителей интеллигенции, многие из которых участвовали в работе комитетов помощи голодающим. Благодаря Ленину, Зарубежная Россия получила когорту блестящих ученых и интеллектуалов, чья деятельность, в значительной мере субсидируемая ИМКА, призвана была заложить основы культуры русской эмиграции[12]. В дальнейшем нашем изложении мы неоднократно будем упоминать имена людей, входивших в эту группу.

Кроме того, отдельные иностранцы, имевшие интересы в России или каким-то образом с ней связанные, предпринимали усилия по собственной инициативе. В США, Великобритании и других странах создавались комитеты помощи различным группам беженцев. Например, пожертвования Томаса Уиттемора — реставратора, восстановившего мозаики св. Софии в Стамбуле — явились весомым дополнением к той помощи, которую беженцы, в особенности дети и молодежь, получали в Турции и в Болгарии. По всей видимости, Уиттемор предоставил средства на учреждение нескольких сот стипендий для молодых эмигрантов. Располагавшие средствами русские изгнанники, а также влиятельные иностранцы часто делали целевые пожертвования, примером которых может служить существовавший в Германии Американский фонд содействия русским писателям и ученым (Amerikanischer Hilfsfond fur Russische Schriftsteller und Gelehrte)[13].

Однако основная помощь оказывалась на правительственном уровне: только правительства имели возможность расселять беженцев, содействовать их трудоустройству. В Стамбуле военные получали помощь от французского правительства, которое считало себя обязанным поддерживать их, особенно после того, как Англия в знак протеста против создания генералом Врангелем правительства

и разработки плана возобновления боевых действий в Крыму отказалась впредь оказывать ему содействие. Английская помощь, однако, продолжала поступать на север России: после падения антибольшевистского правительства Н. Чайковского в Архангельске 15 000 русских были эвакуированы в Англию и вскоре переселены на континент. Англия также оказывала помощь тем белым армиям, которые отступили на территорию Балтийских республик, прежде всего Латвии и Эстонии, где они были разоружены. После неудачной попытки вмешательства в войну на Дальнем Востоке Соединенные Штаты были вынуждены нести бремя забот о беженцах, поток которых хлынул в конце гражданской войны из Сибири.

Со временем британское и американское правительства отошли от решения проблемы беженцев, но французские власти были вынуждены продолжать эту деятельность, так как большинство эмигрантов желало осесть на постоянное жительство во Франции. После тяжелых потерь, которые страна понесла во время войны, Франция нуждалась в рабочей силе, и правительство дало разрешение вербовать работников среди русских беженцев в Стамбуле, на Балканах и в Северной Африке[14]. Германия несла ответственность за военнопленных, а также за тех, кто был эвакуирован во время отхода немцев с Украины. Она предоставляла им помощь главным образом по линии международных организаций, членом которых она являлась, таких, например, как Красный Крест.

Созданная после мировой войны международная организация государств — Лига Наций — сразу же столкнулась в своей работе с проблемой беженцев: сначала русских, затем армян и, наконец, к началу 20-х гг. греков и турок. Корни этих проблем заключались в тех политических и военных переменах, которые последовали за заключением мирных договоров. Норвежский исследователь Арктики Фритьоф Нансен, который активно включился в работу с беженцами еще во время войны, был назначен Верховным комиссаром Лиги Наций по делам беженцев. На него была возложена задача изыскивать способы оказания помощи тысячам бесправных, оставшихся без крова изгнанников и способствовать их расселению. Материальная помощь, хотя и более скромная по сравнению с той, которую могли предоставить отдельные правительства, распространялась по каналам Красного Креста. Основные задачи Комитета Нансена, а впоследствии и сменившего его Комиссариата по делам беженцев при Международном бюро труда заключались в обеспечении правовой защиты беженцев, содействии в их переезде на постоянное место жительства и оказании им на первых порах помощи в обустройстве. Если говорить о русских беженцах, то, как мы вскоре увидим, роль Комитета Нансена сводилась главным образом к юридической помощи.

Некоторые правительства принимали активное участие в размещении русских изгнанников на территории своих государств.

Это, естественно, предполагало также оказание правовой и материальной помощи, без которой эмигранты не смогли бы приехать на новое место жительства. Расходы по их размещению также ложились на страну-хозяйку. Так было в Болгарии, Югославии и Чехословакии. Королевство СХС, например, организовало перевозку тысяч бывших солдат и офицеров белых армий и их близких из Стамбула, с греческих островов и с Галлиполи в Сербию и Хорватию по железной дороге (морские перевозки обычно осуществлялись французами). Затем правительство ассигновало значительную сумму из своего бюджета на прямые субсидии русским эмигрантам. Правда, объем этих ассигнований заметно сократился в конце 20-х гг.[15]

Русские, однако, прекрасно понимали, что в соответствии с пословицей «aide-toi et le ciel t'aidera» («помоги себе сам, тогда и небо тебе поможет») им самим следует позаботиться об обретении надежного приюта. Русский Красный Крест, развернувший в годы войны успешную деятельность по оказанию помощи раненым и больным, перенес теперь свои заботы на беженцев, в особенности на тех, кто находился в наиболее крупных центрах сосредоточения эмигрантов из России. На эти цели были направлены средства, хранившиеся за границей или вывезенные из страны белыми армиями. Дополнительные средства поступали от Международного Красного Креста и с банковских счетов русских посольств за рубежом, которыми можно было распоряжаться до тех пор, пока страна, где они находились, не признавала советское правительство. Русский Красный Крест в основном сосредоточил свое внимание на больных и немощных, прежде всего из числа бывших военных. Когда беженцы расселились по разным странам, русский Красный Крест продолжал поддерживать больницы, дома инвалидов для бывших военнослужащих и сиротские приюты.

Другой русской общественной организацией, успешно действовавшей в годы мировой войны, был Земгор — Союз земств и городов. Он оказывал содействие мирным жителям за линией фронта и занимался их эвакуацией из районов боевых действий. После 1918 г. Земгор был восстановлен. Его штаб-квартира находилась в Париже, отделения — в Праге и других центрах русской эмиграции. Эта организация специализировалась главным образом на вопросах здравоохранения и образования. Ее фонды формировались в основном из средств русских посольств за границей, которые распределялись по решению Конференции русских послов — организации, находившейся в Париже и возглавляемой В.А.Маклаковым, бывшим послом Временного правительства во Франции. Земгор оказывал неотложную помощь людям, сосредоточившимся в Стамбуле и на границах РСФСР. Позднее он регулярно помогал клиникам и санаториям для детей эмигрантов, содействовал их устройству в русские школы за границей. Комитет помощи русскому

ребенку выделил Земгору дополнительные средства, полученные от частных пожертвователей, главным образом американских, и от благотворительных мероприятий[16].

Как и следовало ожидать, ветераны мировой и гражданской войн создавали собственные организации. Первоначально их целью было сохранение единства бывших воинских формирований. Так, генерал Врангель основал для прикрытия своих планов Союз ветеранов (Российский общевоинский союз), с помощью которого рассчитывал поддерживать связь со своими бывшими формированиями в случае возобновления вооруженной борьбы с большевиками. Здесь нет необходимости прослеживать судьбы этого союза и других подобных организаций, объединявших ветеранов отдельных подразделений и родов войск, поскольку их деятельность, носившая по преимуществу политический характер, выходит за рамки нашего исследования. Организации ветеранов сыграли определенную роль в оказании помощи своим членам и их семьям. Они собирали членские взносы, основывали фонды, проводили благотворительные мероприятия и принимали пожертвования от богатых представителей русской колонии, прежде всего от членов императорской фамилии и представителей придворных кругов. Эти организации помогали частным лицам, предоставляя помощь наличными деньгами, а также содействовали организации больниц, домов для ветеранов, сиротских приютов и школ[17].

Общественные организации объединяли также представителей одной профессии, что позволяло защищать права и имущество их членов. Каждая профессиональная ассоциация, объединявшая писателей и журналистов, юристов, бывших дворцовых слуг, таксистов, инженеров и т.д., помогала своим остро нуждающимся членам, оказывала поддержку в решении правовых и практических проблем, возникавших в связи с их неопределенным юридическим статусом в эмиграции. Последняя функция была очень важна, поскольку жизнь членов подобных ассоциаций в буквальном смысле зависела от получения разрешений на трудоустройство и вида на жительство, преодоления бюрократической волокиты. Сходный характер носили организации типа клубов и объединений выпускников и преподавателей различных учебных заведений, например Союз бывших учащихся Александровского лицея, Общество выпускниц Смольного института или русская секция Международной федерации женщин — выпускниц университетов[18].

Естественно, подобные профессиональные ассоциации возникали только после того, как некоторое число эмигрантов обосновывались на новом месте и находили работу. Они не играли заметной роли в начальные моменты эмиграции, однако впоследствии оказывали содействие коллегам, эмигрировавшим позднее, в 20-е гг. Они вносили довольно весомый вклад в благотворительную деятельность и культурную жизнь Русского Зарубежья. В ряду этих орга-

низаций следует назвать также «Православное дело» — общество взаимопомощи, основанное в начале 30-х гг. для решения проблем, возникших у эмигрантов в годы Великой депрессии. Как следует из ее названия, эта организация видела одно из средств достижения своих целей в возрождении религиозных ценностей.

Указанные организации преследовали частные цели и зачастую не располагали достаточными средствами; некоторые и вовсе существовали только на бумаге. Важно отметить, однако, что, хотя основные средства поступали из нерусских источников, сами эмигранты проявляли недюжинную энергию и организационные способности, упорство и смекалку, изыскивая возможности оказания помощи товарищам, испытывающим острую нужду. Обратимся к описанию процесса расселения русских беженцев в разных странах — их организаций, правового статуса, материальных условий их жизни и тех обстоятельств, которые способствовали сплочению или разобщению Русского Зарубежья.

Беженцы, которые прибыли за границу организованными группами, — воинские подразделения, члены политических партий и т.д. — часто, по крайней мере на первых этапах эмиграции, так же и расселялись. Части войск генерала Врангеля, эвакуированные Черным морем через Босфор, стремились держаться вместе и по приезде в Болгарию или в Королевство СХС. Те, кто содержался в военных лагерях для интернированных на полуострове Галлиполи, позднее, часто тоже группами, переселялись в Югославию и Чехословакию. Даже рассеявшись, разъехавшись в поисках работы, ветераны Галлиполи стремились сохранить свои связи. Стоило гделибо появиться нескольким ветеранам, как они создавали землячества галлиполийцев для решения своих социальных и материальных проблем. Казаки с Дона, Кубани и из Сибири, следуя вековому обычаю, покидали Россию в составе традиционных формирований, возглавляемых атаманами. Они также делали все возможное, чтобы остаться вместе. Им удавалось селиться сельскохозяйственными общинами, сохраняя свою военную организацию и выборную иерархию, на Балканах, в Чехословацкой республике, в Западной Европе (на юге Франции) и в Южной Америке. На Западе пользовались популярностью несколько казацких хоров, основанных в эмиграции и гастролировавших под руководством своих старшин.

Моряки, эвакуированные из Крыма и занесенные судьбой в Бизерту (Тунис), где они были на некоторое время интернированы, затем единой группой перебрались на юг Франции. Там эта группа, вероятно, распалась: большая часть расселилась в районе Парижа и в Провансе. Армейские подразделения, пересекавшие границы Балтийских государств, также некоторое время сохраняли свою организацию, что, безусловно, облегчало их существование в

этих относительно бедных странах. Эмигрантское население Харбина тоже поначалу формировалось из подобных групп — воинских формирований, целых деревень сибирских казаков и староверов. Особенность русской эмиграции на Дальнем Востоке состояла еще и в том, что в городе, давшем приют беженцам, уже существовали многочисленные организованные группы — служащих КВЖД, бывшей администрации и охраны железной дороги, церковные общины, школы и больницы, — появившиеся еще до революции. Их присутствие способствовало сохранению «русскости» Харбина и облегчало интеграцию вновь прибывших в сложившуюся структуру и стиль городской жизни[19].

Место и характер расселения беженцев за границей определялись главным образом возможностью найти хорошо оплачиваемую работу. В начале 20-х гг., в первые годы изгнания, существовали возможности трудоустройства целых групп эмигрантов, так как в ряде случаев работодатели предпочитали иметь дело не с отдельными людьми, а с коллективами, что в свою очередь отвечало интересам самих беженцев. В силу этой тенденции значительные «групповые образования», если можно так выразиться, возникли в Королевстве СХС. Сербские власти (хорваты и словенцы в данном случае не играли активной роли) сознательно поощряли создание общин эмигрантов, в основном, хотя и не только, в сельской местности, предоставляя им права автономии и самоуправления. Члены этих общин избирали своих представителей, которые имели право самостоятельно разрешать возникавшие в общинах споры и несли ответственность за поддержание правопорядка и сбор налогов. В случае возникновения сложных ситуаций, неразрешимых конфликтов администрация общин должна была обращаться к вышестоящим властям, чье решение считалось окончательным. В принципе подобная система вполне себя оправдала, хотя, конечно, не гарантировала полностью от возникновения конфликтов на личной или на политической почве. Она сохранялась в сельской местности вплоть до конца 30-х гг., в городах, однако, русские «коллективы», как правило, распались раньше; они, если выражаться официальным языком, были ассимилированы местным населением[20]. Следует отметить также, что некоторые воинские подразделения, кадетские корпуса, институты благородных девиц, которые были эвакуированы in corpore, нашли приют в Югославии, сохранили свою администрацию и правила приема новых слушателей. Это стало возможным благодаря финансовой поддержке, оказываемой королем Александром I и его женой, а также членами русской императорской фамилии, проживавшими в Дании и в Германии.

Чехословакия также выразила желание принять русских эмигрантов. Наиболее значительную группу составили преподаватели, сотрудники и студенты только что созданных в Праге русских научных и учебных заведений[21]. Хотя преподаватели и студенты при-

езжали туда поодиночке, они сформировали сплоченную, объединенную особой целью группу. Выполнение их педагогической миссии стало возможным благодаря финансовой поддержке чешского правительства. Эта группа сохраняла свое единство до тех пор, пока учебные заведения Русского Зарубежья процветали (т.е. до середины 30-х гг.). В известном смысле она не распалась и после того, как ее члены расселились по разным странам. Чешское правительство разрешило также группам казаков поселиться в сельских районах Моравии. Эти люди сумели перенести туда с юга России свои традиционные общины.

Испытывая после войны острую нужду в рабочей силе, Франция организовала вербовку русских беженцев в других странах. Представители французских заводов, горнодобывающих предприятий ездили для этой цели в Белград, в другие районы Балканского полуострова, например в Софию, а также в Бизерту. Французские консульства в этих странах сыграли роль бирж труда и получили предписание обеспечивать нанятых рабочих визами, а также помогать им в организации проезда к новому месту жительства. Оказавшись во Франции, эти люди селились группами неподалеку от своих предприятий, одинокие мужчины жили в бараках и питались в заводских столовых. Небольшие русские общины возникали во Франции повсюду. Особенно много их было на севере и на востоке страны, а также на средиземноморском побережье, где, по крайней мере поначалу, можно было поддерживать в какой-либо форме русскую церковную и культурную жизнь. Тяжелые условия труда и быта, однако, быстро сократили их численность, породили апатию и безысходность, которые подрывали самые основы общинной жизни. Депрессия ударила по этим людям особенно больно. «Православному делу» приходилось уделять им повышенное внимание.

Все русские эмигранты — как те, кому удалось в какой-то форме сохранить групповые связи, так и те, кто пытался наладить свою жизнь в одиночку, — нуждались в поддержке для преодоления сложностей юридического и материального порядка, которые неизбежно возникали в странах, предоставивших им убежище. Эту помощь оказывали как уже существовавшие, так и вновь создаваемые организации. В первые годы эмиграции русские по-прежнему находились под официальной защитой российских посольств и их сотрудников. Большинство стран не признало советскую власть и сохраняло дипломатические полномочия послов, назначенных царем или Временным правительством[22]. Посольства выдавали удостоверения личности и паспорта, заверяли официальные документы и оказывали правовую поддержку своим соотечественникам. Послы в большинстве своем располагали некоторыми средствами, а в ряде случаев могли пользоваться частью кредитов, выделенных царскому правительству, или же государственной собственностью России, находившейся за границей. Конференция послов регуляр-

но собиралась в Париже, чтобы определить приоритетные направления в использовании этих средств. На долю посольств выпала задача удостоверять личности и брать под юридическую защиту бывших военнопленных, интернированных военных и отдельных лиц, бежавших из Советской России. Послы также обращались к западным правительствам с просьбой о выделении средств на нужды беженцев и распределяли полученную помощь.

Эта достаточно простая и однозначная ситуация резко осложнилась после окончания гражданской и советско-польской войн по двум причинам. Во-первых, эвакуация армии и правительства генерала Врангеля означала, что «правительство в изгнании», признанное некоторыми державами, в частности Францией и Королевством СХС, имело все основания предъявить претензии на роль законного наследника империи и взять под свою юрисдикцию всех русских, находившихся за рубежом. Более того, генерал Врангель, как мы видели, не только надеялся сохранить единство своих войск, но и претендовал на то, чтобы взять под свое начало все прочие русские военные формирования, а также отдельных людей, интернированных или эмигрировавших. Как глава последнего из небольшевистских правительств и главнокомандующий вооруженных сил, оказывавших сопротивление большевикам (но в то же время признавая великого князя Николая Николаевича представителем императорской фамилии за рубежом), генерал Врангель потребовал от всех эмигрантов признать его полномочия. В подтверждение этих претензий он направил собственных представителей (членов штаба его армии или представителей правительства в Крыму) в крупнейшие столицы Европы. Эти представители, в случае отказа посла включить их официально в состав дипломатической миссии, должны были сформировать собственные органы для регистрации всех русских, находящихся за границей, координации деятельности организаций по делам беженцев и установить непосредственные официальные контакты с властями соответствующих стран. При этом трения или даже открытые конфликты между послами и сотрудниками миссий становились неизбежными. Официальные лица зарубежных стран, которые занимались проблемами русских эмигрантов, встали перед необходимостью выбора: чьи полномочия признавать. Там, где представители Врангеля не смогли получить существенной поддержки со стороны бывших солдат крымских войск (например, в Париже), они оставались на вторых ролях, занимаясь по преимуществу организацией ассоциаций ветеранов войны. Они были вынуждены также признать ведущую роль командующих тех белых армий, представители которых численно преобладали в данной стране. Так, во Франции это были генералы Миллер и Юденич.

В тех же странах, где бывшие военные подразделения, эвакуированные из Крыма, составляли заметную часть эмиграции (Болга-

рия и Королевство СХС), представители генерала Врангеля играли доминирующую роль. Занимаемое ими положение позволяло организовывать жизнь эмигрантского общества в соответствии с воззрениями Врангеля, проводить его политику, оттесняя на задний план царских послов. Статус и влияние старых посольств сохранялись, как правило, там, где посол получал прямой доступ в правительственные комиссии, занимавшиеся делами русских беженцев, или являлся их членом, как, например, В.Н.Штрандман, участвовавший в работе Державной (государственной) комиссии при правительстве Югославии (она подчинялась непосредственно премьер-министру и контролировала все средства, выделяемые из национального бюджета на нужды русских беженцев). Однако даже в такой ситуации, как мы видим из обширного архива С.Н.Палеолога, белградский представитель Врангеля играл весьма заметную роль в жизни русской общины. Германское правительство непосредственно участвовало в решении проблем русских беженцев, рассматривая эту деятельность как продолжение своих обязательств по отношению к бывшим военнопленным. Некоторые берлинские министерства имели большой опыт в русских делах. Посол С.Д.Боткин, представлявший Конференцию послов, был удачливее в борьбе за главенство в Берлине. Представителю генерала Врангеля А.Е.Римскому-Корсакову пришлось довольствоваться второстепенной ролью.

Вторым обстоятельством, резко нарушившим первоначальную ситуацию, явилось дипломатическое признание СССР европейскими правительствами. Первой была Германия, установившая в 1922 г. в соответствии с Рапалльскими соглашениями экономические и военные отношения с советским правительством. Франция последовала этому примеру в 1924 г. Следует отметить, правда, что ни Югославия, ни Чехословакия не признавали Советский Союз вплоть до начала 30-х гг. Специфика русской эмиграции в Чехословакии и демократический характер чешского правительства не позволили представителю генерала Врангеля играть здесь сколько-нибудь заметную роль, если не считать участия в организациях ветеранов и инвалидов. В то же время отказ Югославии вплоть до убийства короля Александра I в 1934 г. признать законность советской власти и явные симпатии короля к российской монархии позволили Палеологу, представителю Врангеля в этой стране, сохранить ключевые позиции в делах эмиграции. Его бюрократические наклонности, кстати, способствовали тому, что его обширный архив был сохранен для потомков.

После дипломатического признания Советского Союза бывший посол России в этой стране был вынужден освобождать помещение посольства, распускать своих сотрудников и прекращать свою деятельность. Это лишало эмигрантов всякого официального представительства и защиты, так как советские посольства отказывались

иметь с ними дело*. Поэтому создавались специальные учреждения, занимавшиеся делами русских беженцев и возглавлявшиеся, как правило, дипломатическими представителями добольшевистских правительств. Во Франции бывший посол В. Маклаков возглавил Русское бюро (Office Russe), а бывшие консульства в Марселе и Ницце стали его региональными отделениями. Бюро удостоверяло юридическую силу документов, выданных еще властями Российской империи, выдавала свидетельства о рождении и о вступлении в брак взамен утерянных. Эти документы признавались французской администрацией и судами. В случае необходимости Русское бюро представляло интересы эмигрантов во французских судах по гражданским делам и в министерствах. Благодаря талантам и обширным связям Маклакова во французских правительственных кругах он, по существу, оставался в глазах французской администрации послом Зарубежной России. Так, когда в 1932 г. психически больной русский П. Горгулов убил президента Франции Поля Думера, Маклаков от лица всей русской общины принес извинения и выразил соболезнования французскому парламенту и народу. Когда французы вводили новые пошлины на оформление паспортов или прибегали к драконовским мерам, чтобы выдворить русских, не имевших работы и вида на жительство, из страны, Маклаков не без успеха мобилизовывал усилия депутатов, прежде всего социалиста Мариуса Мутэ, женатого на русской, и Эдуара Эррио, радикального социалиста, председателя палаты депутатов, на борьбу за отмену или смягчение этих мер.

После подписания Рапалльских соглашений в Берлине было основано Vertrauensstelle für russische Flüchtlinge (Бюро ответственного по делам русских беженцев), функции которого были аналогичны французскому Русскому бюро. Оно действовало вплоть до прихода к власти Гитлера, который поставил все органы, созданные изгнанниками из России, под контроль профашистски настроенных эмигрантов. До этого, однако, Бюро не только помогало эмигрантам в решении проблем правового и административного характера, но и занималось финансированием и распределением материальной помощи между больницами, школами, биржами труда и т.д. Эта служба была напрямую связана с Министерством иностранных дел через государственного секретаря Аго фон Мальцана. Так, она обеспечила вмешательство правительства в спор, возникший у эмигрантов с городом Берлином и правительством Пруссии из-за объектов недвижимости, и провела необходимую подго-

* Многие люди, фактически бывшие эмигрантами, имели советские паспорта, некоторые сохраняли и периодически продлевали их. Так было с теми, кто был выслан или решил не возвращаться в Россию из официальной или частной поездки. Для советских посольств и местных властей они были эмигрантами, однако в кругах самой эмиграции часто подвергались моральному остракизму.

товительную работу для признания соответствующим германским министерством документов об образовании, выдаваемых русскими учебными заведениями[23].

Признание советского правительства de jure выдвинуло на первый план вопрос о правовом статусе эмигрантов, в частности о документе для свободного передвижения. В связи с этим Комитет Нансена при поддержке Лиги Наций принял следующую меру: все русские, имевшие с точки зрения Комитета статус эмигрантов (а также армяне и беженцы из Саара), получили специальные документы — так называемые паспорта Нансена. Этот документ служил удостоверением личности владельца и подтверждал его статус лица без гражданства. Паспорт Нансена можно было предъявить при обращении за визой, разрешением на выезд за рубеж (т.е. за пределы страны, предоставившей убежище данному человеку). В течение срока своего действия паспорт Нансена давал своему владельцу право обращаться к властям за получением вида на жительство. Страна, где постоянно проживал эмигрант, признавала этот паспорт в качестве полноценного документа при условии, что его владелец будет соблюдать все предписания, касавшиеся получения вида на жительство, и уплачивать определенную сумму за оформление паспорта и его периодическое продление. Средства, вырученные от оформления паспортов Нансена, поступали в распоряжение международных организаций в Женеве и местных органов по делам беженцев в отдельных странах. На основании Декларации Лиги Наций, подписанной в 1928 г. и возобновленной в 1933 г., страна, признавшая паспорт Нансена действительным, принимала его владельца под свою защиту, должна была предоставить ему право на жительство и трудоустройство, причем на более выгодных условиях, нежели те, что распространялись на прочих иностранцев. Как уже было отмечено, русские службы, занимавшиеся делами эмигрантов, после признания Советского Союза de jure приняли на себя функции отделений службы Нансена, занимались вопросами, связанными с паспортной системой, и были подотчетны Верховному комиссару Лиги Наций по делам беженцев — правопреемнику Комитета Нансена.

В эпоху, отмеченную ростом националистических настроений и усилением контроля государства над многими областями общественной жизни, отношение к русским эмигрантам в странах их проживания было различным. Характер политики, проводимой в отношении беженцев, определялся как экономической ситуацией, так и внутриполитической обстановкой, сложившейся в этих странах. Тем не менее можно с достаточным основанием выделить здесь три периода: с 1920 г. до конца 20-х гг. (1923—1925 гг., правда, образуют здесь определенную «цезуру»), примерно с 1929 по 1935 г. и короткий эпилог между 1936 г. и началом войны в 1939 г. (или до аншлюса Австрии и захвата Чехословакии, когда

речь идет об этих странах). В силу указанных выше причин в Германии первоначально находилось наибольшее число русских эмигрантов. Их численность достигала максимума в период инфляции в Германии, когда стоимость жизни для иностранцев здесь была наиболее низкой, открывались возможности дешево публиковать литературные произведения и выпускать периодические издания, что позволяло выносить на широкое общественное обозрение результаты творческих усилий эмиграции. Стабилизация марки, наступившая после 1924 г., драматическим образом повлияла на рост стоимости жизни и обусловила массовый исход эмигрантов из Германии. Новые волны отъездов поднимались по мере ухудшения политической обстановки в Веймарской республике, когда постепенно создалась угроза не только свободе слова, но и личной безопасности людей (в особенности это затрагивало многочисленных русских социалистов, либералов и эмигрантов еврейского происхождения). В то же время рост безработицы в период Великой депрессии, начавшейся в 1931 г., вызвал к жизни целый ряд законодательных актов, ограничивавших возможности трудоустройства иностранцев, так что многие русские эмигранты были вынуждены искать счастья в другом месте. Как мы уже видели, согласно приведенным выше статистическим данным, русская община в Германии, насчитывавшая в 1922 г. около 230 000—250 000 человек, к 1930 г. сократилась до 90 тысяч. Приход к власти Гитлера, несмотря на появление новых рабочих мест, доступных, правда, лишь под строгим контролем нацистов, послужил новым стимулом к отъезду из Германии либерально и антифашистски настроенных эмигрантов и евреев. Так, например, философ и социолог славянофильского толка Ф.А.Степун был уволен с преподавательской работы в Дрезденском техническом университете. Он, правда, остался в Германии, перебиваясь случайными заработками, преподаванием и публикацией статей в других странах. На 1936—1937 гг. численность русских в Германии, по оценкам службы Нансена, составляла 45 000 человек.

Во Франции в целом отношение к эмигрантам было весьма либеральным, кроме выдачи разрешений на трудоустройство. Французские власти выдавали виды на жительство на большие сроки, для тех же, кто располагал определенными средствами, ограничений вовсе не существовало. Русские имели возможность насладиться свободной и волнующей атмосферой культурной жизни Парижа и в определенной мере вносили и свой вклад в ее развитие. Не удивительно, что Париж стал настоящей политической и культурной столицей Зарубежной России, где были представлены все оттенки политических взглядов и все культурные течения. Основной проблемой являлся недостаток рабочих мест со всеми вытекающими из этого последствиями. Следует отметить, что французы охотно предоставляли работу желающим трудиться в шахтах и в про-

мышленности, на строительстве и восстановлении разрушенных войной районов. Нужда в рабочей силе обусловила значительный приток русских, который еще более усилился после вздорожания жизни в Германии.

В первой половине 20-х гг. именно Франция наиболее охотно выдавала разрешения на трудоустройство, что не распространялось, впрочем, на представителей так называемых свободных профессий — юристов, врачей, учителей. Необходимость обладать французским гражданством или статусом ветерана французской армии, а также сдачи экзамена на французский диплом для многих оказывалась непреодолимым барьером. Правда, его легче преодолевали те, кто работал под руководством французских коллег и пользовался их поддержкой. Эта ситуация не менялась в течение всего периода существования России за рубежом, хотя в 30-е гг. условия натурализации упростились, что позволило некоторым молодым эмигрантам влиться в ряды специалистов высокой квалификации.

Когда в начале 30-х гг. депрессия, чуть позднее, чем Германию, затронула и Францию, последняя также ограничила приток иностранной рабочей силы. Постановлениями правительства была значительно усложнена процедура получения или продления разрешений на трудоустройство. Подобные меры особенно больно ударили по тем, кто нуждался в переоформлении документов после увольнения с прежнего места работы. Согласно распоряжению министра внутренних дел следовало выдворить из страны всех, кто не имел таких разрешений, а также лиц, преступивших французские законы, даже если речь шла всего лишь о нарушении правил дорожного движения. Высланные подобным образом из страны не знали, куда податься, поскольку другие европейские страны также не желали их принять, а переезд за океан был слишком сложным и дорогостоящим. Мы имеем свидетельства о многочисленных случаях, когда русские изгнанники арестовывались, переправлялись за границу, а власти соседних стран отказывались их принять, отсылая обратно во Францию. Там их снова арестовывали, сажали в тюрьму, после чего события вновь развивались по тому же сценарию. Не удивительно, что многие предпочитали проживать в стране нелегально или же, отчаявшись, кончали жизнь самоубийством. Наконец, в 1936 г. правительство Леона Блюма положило конец этой практике, смягчив политику в отношении эмигрантов. При правительстве Народного фронта рабочие-эмигранты стали пользоваться теми же правами, что и французы, их охотно принимали в профсоюзы, а крупнейший профсоюз страны — Всеобщая конфедерация труда — даже создал русскую секцию, члены которой находились под его защитой наравне с французами[24].

Жесткое законодательство, принятое в начале 30-х гг., явилось следствием не только переживаемых Францией экономических

трудностей, но и наметившегося после переговоров Пьера Лаваля и Сталина сближения Франции с Советским Союзом. Более того, приступ ксенофобии был порожден не столько тем обстоятельством, что президент республики Поль Думер в 1932 г. был убит русским эмигрантом, сколько общим социальным и политическим кризисом, симптомами которого явились дело Стависского и мятеж 6 февраля 1934 г. Агрессивно шовинистические, профашистски настроенные организации типа «Огненных крестов» или «Королевских молодчиков» требовали жестких мер по отношению к проживавшим во Франции иностранцам-апатридам. В риторическом запале никто, разумеется, не вспоминал о том, что иностранцы были заняты на тех работах, где французы не соглашались трудиться.

Все эти события не оказали непосредственного влияния на культурную жизнь Русского Зарубежья в Париже или во Франции в целом, хотя и создатели и потребители культурных ценностей страдали от ухудшения экономической ситуации: книги и журналы расходились хуже, чем прежде, меньше посещались и скуднее субсидировались культурные мероприятия. Но в целом культурная жизнь, несмотря на нищенские условия существования ее участников, оставалась насыщенной, что еще раз проявилось, например, в 1937 г., в дни, когда отмечалось столетие со дня смерти А. С. Пушкина.

Положение в Чехословакии в общих чертах мало отличалось от Германии, хотя политические моменты играли здесь, пожалуй, более заметную роль. Так называемая «Русская акция» (Action russe), начало которой было положено в Праге в 1922 г., способствовала созданию целого ряда русских научных учреждений. Их деятельность, однако, начала свертываться уже в конце 20-х гг. из-за сокращения государственных субсидий. Численность потенциальных студентов и сотрудников этих учреждений сокращалась в силу естественной убыли населения, переезда в другие страны и все большего вовлечения молодого поколения эмигрантов в систему образования западных стран. Чешское правительство и зарубежные благотворительные организации все с меньшей охотой вкладывали средства в развитие этих учреждений, в поддержку студентов и преподавателей, поскольку большинство выпускников в поисках лучшей доли оставляло Чехословакию. Самый сокрушительный удар по Русской акции был нанесен тогда, когда и чехи, и сами русские осознали, что шансы эмигрантов когда-либо вернуться в Россию стремительно падают. Таким образом, ставились под сомнение самые основы Русской акции, что поставило на повестку дня вопрос о целесообразности её дальнейшего проведения. Наконец, в середине 30-х гг. Чехословакия вступила в полосу острого кризиса. Национальные меньшинства все более открыто выражали свое недовольство, экономический кризис, особенно остро сказавшийся в промышленных центрах Судетской области, подлил масла

в огонь, способствуя раздуванию националистической пропаганды, поддерживаемой из гитлеровской Германии. Создалась угроза дальнейшему существованию самой Чехословацкой республики. Естественно, поэтому, что чешские власти были в первую очередь обеспокоены отнюдь не положением русских в Праге. Мюнхенские соглашения 1938 г. положили конец существованию либеральной, демократической Чехословакии. Многие русские покинули страну по собственной инициативе, оставшиеся учреждения были закрыты год спустя после падения республики. Следует отметить, что чехословацко-советские соглашения 1935 г., подписанные после признания Чехословакией СССР в 1934 г., не отразились ни на положении русских эмигрантов, ни на созданных ими учреждениях. Правда, в известной мере они способствовали укоренению скептического взгляда даже ключевых фигур чешской общественной жизни на целесообразность продолжения деятельности этих учреждений[25].

Положение русской эмиграции в Королевстве СХС в течение всего периода существенно не менялось. Правительство относилось к русским дружелюбно, а отказ короля признать СССР вплоть до конца 30-х гг., т.е. почти до самой войны, предотвращал попытки оказывать на них какое-либо давление. Испытываемая страной потребность в специалистах для армии, административных органов и государственных учреждений дала многим русским возможность найти постоянную работу. Правда, в течение некоторого времени русские подвергались дискриминации, не получая статуса постоянного сотрудника, а работая на основании временных и гораздо хуже оплачиваемых трудовых соглашений. Постепенно русские все более интегрировались в югославские государственные структуры, хотя в большинстве случаев они занимали менее оплачиваемые должности по сравнению с гражданами Югославии или испытывали трудности с продвижением вверх по служебной лестнице. С другой стороны, как мы уже видели, им не чинили препятствий в организации ассоциаций и в общественной деятельности. Естественная убыль, а также возросшие темпы натурализации и ассимиляции привели к сокращению численности русских, занятых на государственной службе. В остальном же ситуация оставалась стабильной, так что во время второй мировой войны в составе антикоммунистических сил генерала Михайловича сражались отряды, состоявшие из русских эмигрантов. Когда Советская Армия и маршал Тито установили контроль над страной, большинству русских пришлось во второй раз стать беженцами.

Первоначальное гостеприимство Болгарии после установления дипломатических отношений с Советским Союзом сменилось настороженным отношением к эмигрантам. Условия труда и жизни, особенно в больших городах, резко ухудшились из-за охватившей мир депрессии. Так как новые эмигранты не прибывали, наоборот,

многие уезжали из Болгарии в поисках лучшей жизни, численность русской общины здесь постоянно сокращалась и накануне войны составляла менее 15 000 человек. Насколько мне известно, болгары продолжали оказывать поддержку эмигрантам и в период немецкой оккупации и в конце войны.

Балтийские государства, вначале принявшие эмигрантов гостеприимно, затем, особенно после прихода к власти авторитарных крайне националистических режимов К. Ульманиса в Латвии и А.Сметоны в Литве, начали чинить им препятствия, главным образом в том, что касалось трудоустройства. Дискриминация национальных меньшинств и эмигрантов особенно проявлялась при приеме на государственную службу и в отношении лиц свободных профессий. Эта тенденция негативно сказалась на материальном положении и даже на самом существовании учебных заведений, основанных эмигрантами и представителями национальных меньшинств. В то же время потребность в высококвалифицированных кадрах ученых вынуждала Литву обращаться за помощью к представителям русской эмиграции. Каунасский университет предоставил И.И.Лаппо, А.С.Ященко и Л.П.Карсавину кафедры для постоянной работы. Чтобы быть вполне откровенным, я должен отметить, что ситуация в Балтийских государствах всегда осложнялась присутствием многочисленного русского этнического меньшинства, главным образом крестьянства, проживавшего в приграничных с СССР районах[26]. Политика по отношению к эмигрантам поэтому тесно переплеталась с политической линией в отношении национальных меньшинств, так что рост шовинистических настроений в 30-е гг. имел прямые последствия и для эмиграции. Нельзя, правда, забывать и о том, что несмотря на общность языка, этнического происхождения и религии, эмигранты были отделены от этого национального меньшинства пропастью — ничуть не меньше той, что разделяла образованные классы и крестьянство в Российской империи. Поэтому распространение на эмигрантов законодательства, касавшегося национальных меньшинств, вряд ли сильно возмущало русских, постоянно проживающих в этих странах.

Политика в отношении национальных меньшинств, зачастую противоречащая международным договорам, сильно влияла и на положение эмигрантов в Румынии и Польше. Не вдаваясь в подробности, отметим, что проживавшие в Румынии русские не стали полноценной частью Русского Зарубежья. Находившиеся там эмигранты, в основном бывшие землевладельцы из Бессарабии, были немногочисленны и не обладали большой культурой. Жесткое дискриминационное законодательство, направленное против русского национального меньшинства в Бессарабии, сыграло негативную роль и в развитии культурной жизни большинства эмигрантов[27]. В Польше правительственной поддержкой пользовались лишь некоторые политические течения и издания, которые власти рассчиты-

вали использовать в своей антисоветской политике. В любом случае, однако, поляки в целом отнюдь не симпатизировали русским эмигрантам, хотя владельцам, впрочем, были возвращены поместья, расположенные в восточной Польше. Культурная жизнь варшавской эмиграции отличалась гораздо меньшим динамизмом, чем того позволяли ожидать численность и характер русского эмигрантского населения. Те русские ученые и специалисты, кому удавалось найти работу, вынуждены были интегрироваться в польское общество. Впрочем, издававшиеся в других странах эмигрантские издания пользовались спросом у здешней читающей публики, а приезжие лекторы были частыми и желанными гостями.

Как было показано выше, экономическое положение подавляющего большинства обитателей России за рубежом было далеко не блестящим. Большая часть эмигрантов кое-как сводила концы с концами, занимаясь тем, к чему они не были подготовлены своей прежней жизнью. Гораздо страшнее бедности было чувство беззащитности, чужака, зависящего от чьей-то милости. Угроза безработицы нависала над ними, подобно дамоклову мечу. Жены эмигрантов часто зарабатывали на жизнь, работая швеями или прислугой, устраиваясь на поденную работу или занимаясь рукоделием дома. Две сестры в романе Джозефа Кесселя зарабатывали на жизнь, составляя композиции из цветов; семья моих знакомых почти полностью зависела от денег, получаемых от продажи вошедших в моду в 30-е гг. кружевных воротничков для дамских блузок, которые плели пожилая мать и ее замужняя дочь; активная участница Политического Красного Креста (он оказывал помощь политзаключенным в СССР) занималась изготовлением дамских сумочек[28]. Разумеется, эмигранты становились объектом бессовестной эксплуатации со стороны работодателей, как соотечественников, так и местных. Правда, в странах с разработанным социальным законодательством русские могли получать некоторые пособия, хотя и не всегда в том же объеме, что и коренные жители данной страны. Временами жизнь русских осложнялась обстоятельствами политического характера. Так, на крупных предприятиях, где рабочие симпатизировали революции и советской власти, эмигранты часто становились изгоями. Рабочие-эмигранты имели возможность защищать свои права через профсоюзы, но многие отказывались от вступления в профсоюз или негодовали по поводу обязательного членства в них. Это нежелание было обусловлено и их политическими взглядами, и всем опытом прежней жизни в России, который ставил их в оппозицию к любой форме профсоюзного движения. Более того, поскольку первичные профсоюзные организации часто занимали откровенно прокоммунистические позиции или выступали за проведение социалистических преобразований в обществе, они не слишком охотно вступались за людей, raison d'être которых состоял в отрицании этих преобразований.

Как бы то ни было, основная угроза безопасности эмигрантов таилась не столько в нестабильности экономической ситуации принявших их стран, которая в начале 30-х гг. неуклонно ухудшалась, сколько в правовых ограничениях, с которыми русские изгнанники (как, впрочем, и другие беженцы) сталкивались в чужой стране. Эти ограничения все более ужесточались по мере ухудшения социальной и экономической обстановки и нагнетания националистических настроений и ксенофобии. Трудно сказать, являлась ли ксенофобия последствием экономического спада или же сам этот спад явился плодом недальновидной националистической политики. В любом случае, преодоление административных барьеров давалось русским эмигрантам дорогой ценой, как в психологическом, так и в материальном смысле.

Натурализация редко воспринималась как достойный выход из создавшегося положения. Во-первых, ни в одной из стран Старого Света правительственная политика и традиции не предполагали автоматической натурализации, характерной для США и некоторых латиноамериканских государств. Во-вторых, сами русские считали, что натурализация является предательством по отношению к их русским корням и возложенной на них миссии являть собой альтернативу Советскому Союзу. Они не предпринимали серьезных попыток получить новое гражданство, по крайней мере до тех пор, пока в них жила надежда на возвращение домой. Когда же натурализация становилась возможной или даже необходимой, они вставали перед дилеммой морального характера: некоторые склонны были воспринимать ее как чистую формальность, которая не отражалась на их верности России и на их русском самосознании. Такое отношение, однако, не устраивало власти, дававшие согласие на натурализацию[29]. Как уже отмечалось выше, raison d'être эмиграции состоял в ожидании возвращения на родину, а страх «денационализации», как они называли ассимиляцию, являлся характерной чертой Русского Зарубежья. Субъективно идея получения нового гражданства создавала новые сложности в дополнение к тем объективным препятствиям, которые принявшие эмиграцию страны чинили на пути натурализации.

В этой связи нет ничего удивительного в том, что для решения проблем материального и правового порядка русские изгнанники, как было показано выше, объединялись в ассоциации и общины, которые в свою очередь становились ячейками России за рубежом. В основе всех усилий, прилагаемых эмигрантами для сохранения своего единства, лежало чувство общности происхождения, неприятие советской системы и ностальгическая мечта о возвращении в Россию. В конечном счете это было ощущение единой судьбы, которая свела их вместе вопреки всем общественным, экономическим и профессиональным различиям в прошлой жизни. Как и во всякой диаспоре, самой прочной связью было нежелание отказываться

от своего самосознания и надежда на возвращение к прошлому. Эта «тоска по дому» стояла за всеми попытками наладить взаимопомощь как среди членов какой-либо узкой группы, объединяемой по профессиональному, религиозному или политическому признаку, так и в целом в масштабах всего Русского Зарубежья. Именно благодаря этим усилиям эмигрантам удалось создать и сохранить у расселившихся по всему свету людей чувство единства.

Группы ветеранов отмечали годовщины отдельных событий, собирая вместе своих разбросанных по свету однополчан, чтобы укрепить в них преданность общему прошлому и надежду на лучшее будущее, которое суждено их родине. В основных центрах Русского Зарубежья на регулярные воскресные и праздничные службы в храмах ветераны приходили в парадной форме со своими боевыми знаменами. Школы, летние лагеря и отряды скаутов, создаваемые для детей эмигрантов, не только вносили свой вклад в интеллектуальное и физическое развитие подрастающего поколения, но и укрепляли солидарность родителей. Как будет показано в следующей главе, организация и проведение празднований памятных дат объединяли изгнанников с несхожим прошлым, придерживавшихся различных убеждений. Историко-культурное единство укреплялось и церковью, особенно благодаря ее приверженности общему для всех эмигрантов языку и традиционным ритуалам. Совместные молитвы были не только актом веры, но и подтверждением преданности единой национальной и культурной традиции, которая отделяла товарищей по несчастью от общества принявшей их страны.

Как всегда бывает с людьми, оказавшимися в чуждом окружении, личные контакты и индивидуальные связи играли значительную роль как для сохранения самосознания эмигрантов, так и просто для их выживания. В тех странах, где русские не осели сплоченными в той или иной мере общинами и вели более обособленную жизнь, например в больших городах, личные контакты помогали найти работу, продать изготовленные товары, устроиться в учебные и медицинские заведения, уладить проблемы, возникавшие с местными властями. Случайно завязавшиеся знакомства между эмигрантами могли неожиданно помочь в минуту отчаяния или способствовать воссоединению семей. В ежедневных и еженедельных газетах эмиграции, имевших широкое хождение, публиковались колонки объявлений о поиске потерянных родственников или о желании установить контакты иного рода. Личное знакомство во время эвакуации или в первом месте проживания часто приводило к последующей дружбе и постоянному общению. Подобные контакты лежали в основе совместной хозяйственной деятельности, пусть не всегда вполне успешной, — аренде ферм, основании небольших торговых, ремесленных, швейных предприятий и т.п.[30] Клиентами этих предприятий, как правило, становились другие беженцы, что опять-таки иллюстрирует важность личных контактов

и чувства единства. Подобное поведение, типичное для эмигрантов, зачастую усиливает их изоляцию, отнюдь не способствуя интеграции в новое общество.

Корни чувства изолированности от окружающей среды у русских, в отличие от других эмигрантов, скрывались в стойкой вере в возвращение, возобновление жизни на родине, освобожденной от советского режима[31]. Сами европейские страны не облегчали или даже противились полной ассимиляции эмигрантов. Это только усиливало страх последних перед денационализацией. Даже дети эмигрантов сталкивались с трудностями при попытках интегрироваться в общество, предоставившее убежище их родителям. Несмотря на свободное владение языком и обучение в местных школах, они оставались чужаками. Подобная ситуация была особенно характерна для Франции, Германии и Маньчжурии, в меньшей степени, вероятно, для Югославии, Чехословакии и приграничных государств. Вторая мировая война внесла радикальные коррективы в это положение, особенно во Франции.

Воспоминания о том, что им пришлось пережить на родине и на пути в изгнание, усиливало чувство изолированности у жителей Русского Зарубежья. Даже если они хорошо говорили на местном языке, были знакомы с историей и культурой той страны, где они жили, они по-прежнему оставались чужаками: недавно приобретенные знания и навыки не стали еще частью их самих. Эту сторону изоляции трудно проследить, однако она создает невидимый, иногда даже не ощущаемый, но тем не менее постоянный и непреодолимый эмоциональный барьер, препятствующий вступлению в тесный и приносящий истинное удовлетворение контакт с чужим обществом. Конечно, экономическая ситуация и правовой статус придавали вполне ощутимые очертания тем различиям, которые отделяли изгнанников от всех остальных. С течением времени эти внешние условия не исчезали, как это случалось в странах, принимавших массовые потоки иммигрантов, — в США, Австралии или Канаде. Те эмигранты, которым посчастливилось обзавестись собственными семьями или которые были членами русских общин, не стремились к преодолению изоляции, поскольку в своем замкнутом мирке они находили эмоциональное равновесие и материальную поддержку.

Изоляция Русского Зарубежья углублялась в силу еще одного фактора. Многие эмигранты, как упоминалось выше, потеряли свои семьи либо в России, либо на пути в изгнание. Эти люди попрежнему хранили верность своим родным и друзьям. Они трудно заводили новые связи, особенно потому, что продолжали надеяться на скорое возвращение домой. То обстоятельство, что лишь немногие мужчины имели шанс найти спутниц жизни и создать семьи, усиливало их одиночество. Эта обособленность была особенно сильной среди мужчин, которые работали в провинции, жили в ба-

раках и общежитиях, подрывали свои силы непривычным физическим трудом и не имели больших возможностей для установления контактов, не говоря уже о более тесных связях, с местным населением. Они стремились поддерживать в себе чувство общности, основанное на единстве прошлого и судьбы, что само по себе исключало серьезные попытки к интеграции.

Чувство солидарности и общности не исключало, однако, большого разброса мнений между отдельными личностями и группами. Самый заметный и драматически воспринимавшийся источник напряженности и конфликтов заключался в политических разногласиях. Политический спектр эмиграции повторял ситуацию дореволюционной России, если, разумеется, не считать отсутствия большевиков. Здесь присутствовали течения от крайне левых — анархо-синдикалистов, левых и правых меньшевиков, левых и правых эсеров и либералов различного толка — до крайне правых, ультрареакционных монархистов, а с 30-х гг. и профашистских группировок. Это политическое деление, естественно, оказывало влияние на деятельность многих институтов. Мы уже отмечали конфликт между представителями генерала Врангеля и Конференцией послов. Подобные конфликты не исчерпывались противоречиями в административной верхушке. Предметом споров являлось будущее России: сторонники Врангеля были убежденными монархистами, тогда как сотрудники органов по делам беженцев при посольствах в большинстве не поддерживали идею реставрации монархии и симпатизировали умеренно либеральным взглядам. То же самое противоречие разделяло ассоциации студентов и преподавателей. Иллюстрацией негативного влияния политических разногласий на деятельность общественных институтов может служить противодействие представителя Врангеля, Палеолога, деятельности Земгора в Югославии. Политические противоречия могли существовать и в рамках одной организации, даже такой, которая, на первый взгляд, должна была бы держаться вдалеке от политики. Так, например, Всероссийский союз ветеранов чуть было не распался из-за спора о том, должны ли его члены публично отречься от всяких политических пристрастий, кроме общей поддержки монархии[32]. Результатом подобных конфликтов явилось создание двух студенческих ассоциаций, двух союзов водителей такси в Париже и т.д.

Другой повод для разногласий, имевший политическую окраску, возник вследствие раскола, произошедшего за границей в Русской Православной Церкви. В основе его лежал вопрос, кому принадлежит духовная власть над церковными общинами диаспоры — патриарху Московскому или Синоду епископов в Сремски Карловицах (Сербия). Подробности этого раскола мы осветим позднее. Это противоречие породило многочисленные конфликты среди верующих, которые создавали препятствия и ограничения для деятельности многих организаций, так или иначе связанных с церковью. Это про-

являлось, например, при организации летних лагерей, школ и объединений молодежи и даже при проведении специальных торжеств. В оправдание эмиграции, однако, следует отметить, что политические разногласия не приводили к взаимным обвинениям, оскорблениям и недостойным личным столкновениям в церковных делах, как это имело место в других областях. Парадоксальным образом это противостояние было смягчено требованием советской власти, чтобы митрополит Евлогий и другие владыки в Западной Европе принесли публичную клятву в том, что церковь за рубежом не будет принимать участия в какой бы то ни было антисоветской деятельности и позволять себе антисоветские высказывания. Митрополит Евлогий ответил отказом, так как само по себе принятие церковью подобных обязательств означало бы занятие некоей политической позиции, что противоречило и традиции православия, и его интересам. Следствием этого отказа явилось фактическое взаимное признание или по крайней мере терпимость во взаимоотношениях между Синодом епископов в Сремски Карловицах и митрополитом Западной Европы. Конфликт, однако, вспыхнул с новой силой при иных политических условиях уже после второй мировой войны.

Часто среди эмигрантов возникали сложности из-за вопроса о подданстве. В ряде случаев выходом могло стать принятие «двойного гражданства» или двойного подданства[33]. В других случаях подобную двойственность могли посчитать несовместимой с принадлежностью к Русскому Зарубежью. Так, мы уже упоминали о том, что многие изгнанники отказывались проходить натурализацию и принимать новое гражданство, поскольку это представлялось им предательством по отношению к России и их «русскости». Другие, руководствуясь чисто практическими побуждениями, соглашались на натурализацию в форме двойного подданства: они становились гражданами другой страны, но оставались русскими по культуре, глубоко переживая за судьбу России. Соглашаясь на подобный компромисс, они, однако, крайне редко становились членами политических партий в новой стране, но не отказывались от службы в армии. Некоторые даже считали, что, служа в армии, они вносят вклад в освобождение России. Как уже отмечалось, возникали сомнения и относительно вступления в профсоюзы тех стран, где проживали эмигранты, несмотря на то, что во многих случаях подобный шаг мог существенно облегчить материальное положение. Наконец, из боязни денационализации эмигранты опасались присоединяться к православным церквам зарубежных стран.

Учитывая всевозможные трудности, обилие организаций, которые являлись зачастую источником споров и противоречий, мы не можем не удивляться тому, что Русское Зарубежье сумело не только сохранить, но и значительно приумножить достижения русской культуры. Этому важнейшему аспекту истории России за рубежом будут посвящены следующие главы этой книги.

3.

СОХРАНИТЬ И ПЕРЕДАТЬ.

ОБРАЗОВАНИЕ В ИЗГНАНИИ

Те русские, кто предпочел изгнание возвращению в Россию под властью большевиков, поступали так не только из соображений личной безопасности — хотя этот момент из-за развязанных в эпоху военного коммунизма (жестокого режима, установленного Лениным в 1918 г.) кампаний террора также играл не последнюю роль — но главным образом потому, что происходящее на родине не соответствовало их представлениям о будущем России. Они остались за границей и создали Зарубежную Россию именно для того, чтобы передать своим детям взгляды на сущность истинной русской культуры. Какие бы разногласия о сути русской культуры и ее традициях ни возникали среди эмигрантов, они преодолевались ради молодого поколения, которому, как они считали, предстояло в будущем создавать новую свободную Россию.

Первой вставала задача восстановить нормальное физическое и психологическое состояние детей-беженцев. Многие из них потеряли родителей и семьи, за годы гражданской войны и бегства за границу успели забыть о том, что такое нормальная жизнь. Даже тем, кому повезло, кто остался с кем-то из родных, пришлось пережить немало потрясений. При оказании материальной помощи русским беженцам особое внимание уделялось детям и подросткам. Все, что мы сказали в предыдущей главе о содействии беженцам из большевистской России, относится к детям больше, чем к кому-либо другому. Они не только обеспечивались пищей и получали медицинскую помощь — во всех местах сосредоточения беженцев и проживания эмигрантов основывались сиротские приюты, школы и детские сады. Эта деятельность шла успешно, так как значительное число эмигрантов изъявляли желание работать в сфере образования и попечения детей, особенно в рамках организаций Земгора. Одни проявляли инициативу сами, к другим обращались за помощью. Среди них можно назвать А.В.Жекулину, графиню

С.В.Панину, В. В. Зеньковского. Многие уехавшие из России учителя выражали желание работать с детьми. Наконец, как мы уже отмечали, некоторые сиротские приюты и школы с полным пансионом — кадетские корпуса (для мальчиков), институты благородных девиц (для девочек) — были эвакуированы в полном составе.

Все, чья работа была связана с детьми-беженцами, осознавали необходимость в первую очередь залечить душевные раны, полученные юными существами от пережитых в годы революции и войн потрясений. Один подход заключался в том, чтобы дать детям возможность выразить свои чувства, дать им выговориться, приблизив тем самым катарсис, сулящий восстановление их психологического здоровья. Было разработано несколько проектов, которые должны были помочь детям выразить свои мысли и чувства, — анкетирование, опросы, пребывание в детских общинах. В этой связи следует отметить, что эмигранты, специалисты в области образования, осуществляли свои работы и эксперименты на основе новейших психологических и педагогических теорий и методик, разработанных накануне мировой войны и революции. Русская педагогика достигла больших успехов в разработке индивидуального подхода к поддержанию психологического здоровья ребенка. В период первой мировой войны специалисты в области детской психологии сталкивались с проблемами, создаваемыми потерей родителей (главным образом, отцов), моральными травмами, возникавшими во время эвакуации из районов боевых действий, а также из-за ухудшения материальных условий. Этот накопленный опыт, а также имевшаяся литература стали в эмиграции важным подспорьем при создании учебных заведений. Исследования, проведенные в период первой мировой войны, уже создали общую картину реакции детей на психологические травмы, связанные с войной. Результаты этих исследований обобщались и обсуждались на страницах эмигрантских изданий. Правда, эти исследования, равно как и те, что проводились в Советской России в первые годы существования большевистского режима, не выходили на уровень обобщений методологического характера, создания научных концепций, не отличались точностью статистических выкладок, что является необходимой чертой современных исследований. Материал, собранный главным образом в форме автобиографических очерков, дает достаточно глубокое представление об эмоциональном состоянии и интеллектуальном развитии детей-беженцев[1].

Эмигранты стремились сохранить у детей знание традиционной русской культуры и привить навыки, которые позволили бы им играть созидательную роль в будущей освобожденной России. Все усилия, предпринимавшиеся Русским Зарубежьем в области образования, были нацелены на выполнение этой двойной задачи[2]. Это обстоятельство объясняет, почему так много родителей-русских предпочитали отдавать своих детей в эмигрантские, а не в местные

школы. Этому препятствовали зачастую соображения практического характера, в частности стоимость такого обучения, так что осуществлялись и другие мероприятия, пусть в более скромном объеме, однако, как выяснилось, не менее эффективные. В силу сложившихся обстоятельств основное внимание в эмигрантских учебных заведениях было сосредоточено на гуманитарных дисциплинах — языке, литературе, истории, географии. Основная цель системы образования в эмиграции состояла в сохранении русского самосознания, поэтому естественные науки и математика, интернациональные по содержанию, преподавались в соответствии с учебными программами, принятыми в стране проживания. За образец для школ, основанных диаспорой, за исключением начальных классов, была принята старая русская гимназия с ее акцентом на гуманитарные науки (древние языки, русская литература и история). Как только потоки беженцев обрели постоянное пристанище, в основных центрах Русского Зарубежья возникла сеть начальных и средних школ.

Начальная школа в эмиграции давала азы грамотности и религии на русском языке, далее, как и в старой России, обучение продолжалось в гимназии или же в реальном училище (образцом для которого послужила немецкая реальная школа), где обучалось значительное число эмигрантов и где акцент делался на естественные науки. В обоих случаях цель обучения состояла в том, чтобы ученик свободно владел русским языком, грамматикой и словообразованием, знал литературу, историю и географию. Нововведением по сравнению с дореволюционной школой, где преподавание религии было формальным, можно считать повышенное внимание к религиозному воспитанию, причем на первый план выходили не столько ритуальные моменты, сколько духовные и исторические аспекты православия.

Статистические данные, которыми мы располагаем о количестве эмигрантских школ и числе учащихся, далеко не полны и достоверны в основном в той части, которая относится к учебным заведениям, находившимся под эгидой Земгора и хотя бы отчасти им субсидировавшимся. В 1924 г. насчитывалось 90 таких школ, в которых было 8835 приходящих учеников и 4954 учащихся на полном пансионе[3]. Эти цифры охватывают примерно 20 процентов всех детей школьного возраста, находившихся в эмиграции.

Условия эмиграции предъявляли новые требования к преподаванию не только религии, но и «русских дисциплин» — языка, истории, литературы, географии. В отличие от своих предшественников — учащихся дореволюционной России — дети эмигрантов не были знакомы с реальностями своей родины. В первые годы некоторые ученики еще помнили Россию — ее пейзаж, людей, их обычаи, но время шло, и росло новое поколение, которое видело только чужие страны и не знало России. Эту неосведомленность нужно

было преодолеть в процессе учебы. Чтобы облегчить восприятие и понимание русских реалий, необходимо было показывать больше иллюстративного материала, приводить больше примеров. Это требовало изменения традиционных педагогических приемов и методов обучения. Что и как следует изменить — стало предметом дискуссий, ответы искали в зарубежном опыте. Внимание учителей в Русском Зарубежье привлек широко распространенный в Соединенных Штатах и Германии метод «изучения факта», который они переняли и применяли, где это представлялось возможным. Так на уроках Heimatkunde* в немецких школах в соответствии с методом «изучения факта» формировалось наглядное представление (если личное знакомство с предметом было невозможно) об отдельной деревне (или области), на основе литературных, художественных и устных источников прослеживалась ее история. Многие учителя-эмигранты с большим успехом применяли концепцию инструменталистского прагматизма Джона Дьюи — вовлечение ребенка в процесс обучения посредством труда.

Изменения традиционных программ и методов в соответствии со сложными условиями жизни в эмиграции вызывали дискуссии и споры по основной проблеме, что считать «истинно» (или традиционно) русским, что следует сохранить и передать молодому поколению. Как и все эмигранты, русские за границей были консервативны в том смысле, что они стремились сохранить прошлое таким, каким они его понимали; они опасались, что всякое aggiornamento** может изменить русское самосознание их детей. Этим объясняются жаркие споры о старой орфографии, будоражившие Русское Зарубежье в течение 20-х гг. и оказавшие непосредственное влияние на систему образования.

Модернизация русской орфографии была подготовлена Академией наук накануне революции. Как и переход на новый календарный стиль, эти изменения, будь они предложены до февраля 1917 г., были бы приняты без большого сопротивления. Однако воплощение в жизнь разработанных рекомендаций было отложено до окончания войны. Таким образом, именно правительство большевиков законодательно закрепило эти изменения и потребовало, чтобы все издания печатались в соответствии с новыми правилами орфографии (и датировки). Того факта, что реформа была проведена большевиками, пусть даже она была всесторонне обсуждена и разработана специалистами перед революцией, было для большинства эмигрантов достаточно, чтобы отождествить ее с ненавистным режимом и предать анафеме. Вопрос о том, на базе какой орфографии, старой или новой, обучать детей, обсуждался на многочис-

* Heimatkunde (*нем.*) — изучение родной страны.

** Aggiornamento (*итал.*) — модернизация.

ленных конференциях, в печати, дал повод для полемики, развернувшейся в Русском Зарубежье. До тех пор, пока бóльшая часть доступных эмигрантам изданий была напечатана в соответствии со старой орфографией, ей отдавали предпочтение. Но с течением времени все больше журналов и книг печаталось по новой орфографии, более широкое распространение получала советская печатная продукция. Это выбивало почву из-под ног ревнителей традиции. В некоторых школах, например в Русском женском лицее в Париже, было принято правило, в соответствии с которым всякая ошибка в старой орфографии приводила к снижению отметки на четверть или на полбалла, тогда как ошибка, допущенная при письме по новой орфографической системе, наказывалась снижением на целый балл или даже на два. Учащиеся, естественно, предпочитали меньшее наказание, пусть даже это было связано с большим риском и заучиванием несколько более сложного объема правил. Постепенно эмигрантские издания начали отказываться от яти, современное написание стало распространяться все более широко, и вопрос был исчерпан[4].

Серьезные проблемы, каких не было с такими предметами, как география или религия, возникали с преподаванием истории. Как правило, новейшая история не преподавалась, что позволяло легко обойти стороной многие спорные моменты (такая практика, впрочем, была вполне обычной и существовала, например, во французских школах). Школы, стоявшие на откровенно монархических и консервативных позициях, естественно, подчеркивали достоинства последних самодержцев, в особенности Николая II, чью репутацию укреплял ореол мученичества, вызванный гибелью царя и его семьи от рук большевиков. В основном же преподавание истории осуществлялось по старой дореволюционной схеме, предполагавшей акцентирование внимания на истории династий, военных и дипломатических событиях и рассмотрение отечественной истории как процесса модернизации (Петр Великий) или реформирования (Александр II), осуществлявшихся центральной властью. Почетное место занимали сюжеты, связанные с ролью Москвы в объединении русских земель, формировании централизованной власти и создании огромной империи, которая оценивалась положительно. Наиболее популярным и широко используемым в эмигрантских школах учебником по истории была краткая история России, написанная С. Платоновым для средней школы в 10-х гг. Она была хорошо известна старшему поколению, выдержана в духе умеренного национализма и монархизма и часто переиздавалась за границей. Подобная ориентация вполне объяснима, особенно если вспомнить, что в это же самое время, в 20-е гг., в Советской России преподавание истории в школе было заменено «социальными науками», которые занимались исключительно социологическими и экономическими процессами в ущерб изучению фактов, исторических со-

бытий и роли отдельных личностей. Когда по распоряжению Сталина советская школа вернулась к более традиционному преподаванию истории и начала гордиться национальной славой и достижениями прошедших эпох, взгляды эмигрантов и советских историков на прошлое России, несмотря на сохраняющиеся философские и методологические различия, начали сближаться. Временами учителя-эмигранты все-таки отклонялись от схемы Платонова, в частности они более критически, чем он, оценивали петровские реформы, придерживаясь славянофильских взглядов. Так, альманахи для детей «Русская земля» и «Русский колокол», брошюры и книги, посвященные важным историческим событиям, в частности крещению Руси, были проникнуты пылким патриотическим чувством и утверждали, что славянофилы ближе, чем кто-либо, подошли к пониманию истинной сути исторического пути России и ее будущей роли[5].

Один из видов литературы, имевший колоссальное значение для воспитания детей в дореволюционной России, — журналы и книги, адресованные юному поколению, — как это ни странно, почти отсутствовал в Русском Зарубежье. Этот пробел был тем более заметен, что в Советской России эта традиция была восстановлена в конце гражданской войны, журналы и книги для детей выходили большими тиражами и были сделаны на высоком литературном и полиграфическом уровне. Неспособность Русского Зарубежья продолжить эту важную традицию можно объяснить как сложным экономическим положением, так и демографической ситуацией. Издание книг было делом дорогим, эмигранты были рассеяны по разным странам, отсутствовала необходимая система распространения печатной продукции, а большинство ее потенциальных потребителей были слишком бедны. Для большей части русских эмигрантов было проблемой купить ежедневную газету или ежеквартальный журнал, не говоря уже о книге. Вспомним также, что молодежь составляла незначительный процент населения, и издатели не могли рассчитывать на большой рынок изданий для юношества. Все эти обстоятельства удерживали авторов от написания книг для детей[6].

Стремясь сохранить традиции национальной культуры и подготовить подрастающее поколение для будущей активной деятельности на освобожденной родине, эмигранты встречались с огромными трудностями, так как решать эти задачи приходилось в иностранном окружении, в условиях, разительно отличавшихся как от дореволюционной, так и от Советской России. Жизнь на чужбине вызывала необходимость подготовить молодежь к трудовой деятельности здесь, независимо от того, что ей предстояло делать в случае возвращения в Россию. Условия менялись быстро, и молодому поколению, чтобы выжить за границей или по возвращении «домой», нужно было изучать новые дисциплины. В общеобразовательных

школах, как начальной, так и средней, больше внимания стали уделять естественным наукам. Преподаватели должны были ориентироваться на практику и учитывать достижения в области технологии, имевшие место после 1914 г. Не удивительно поэтому, что в педагогической литературе эмиграции отразился большой интерес к западной методике преподавания естественных и технических наук на всех стадиях обучения. Особое внимание уделялось методикам, разработанным в Соединенных Штатах, так как система школьного образования там всегда была подвижной, ориентированной на практические нужды, учитывавшей различные интересы и уровень профессиональной подготовки. Другим источником, откуда черпались идеи, был опыт Германии, где во время Веймарской республики делались попытки приблизить образование к практике и, что особенно важно, сделать систему образования доступной для детей рабочих, крестьян и представителей других «низших» общественных слоев. Статьи в педагогических журналах и выступления на конференциях в Русском Зарубежье отразили стремление расширить преподавание естественных и технических наук, вести его с использованием современных методик. Однако из-за недостатка кадров и материальной базы подобного рода попытки были успешными лишь в младших классах, поскольку для старших трудно было найти и компетентных учителей, и необходимое оборудование[7]. Наиболее серьезным препятствием на пути развития «русского обучения» было то, что в местных школах преподавание технических дисциплин было поставлено лучше, а свидетельства и дипломы об их окончании давали шанс на быстрое трудоустройство.

Местные власти признавали дипломы, выдаваемые русскими эмигрантскими школами всех ступеней, как основание для поступления в местные школы следующей ступени или для приема на работу. Это означало, что программы русских школ должны были включать основные предметы местной системы образования. Они, как правило, преподавались на местном языке, так что эмигрантские школы, по существу, становились двуязычными: общие дисциплины преподавались на языке страны проживания, история, литература, религия и география — на русском. В русско-немецкой школе в Берлине была другая форма обучения, которая состояла в чередовании через день языка обучения, так что все предметы преподавались на обоих языках. Подобная практика делала учеников действительно двуязычными, но квалифицированных учителей, способных вести преподавание на двух языках, было мало. С течением времени сохранять двуязычие становилось все сложнее. К 30-м годам бóльшая часть детей эмигрантов обучалась в местных школах, хотя многие дополнительно посещали занятия или курсы по русским дисциплинам вне школы[8].

Испытания, пережитые молодым поколением на пути в изгнание, и пример стран, предоставивших убежище эмигрантам, побуждали школы заботиться также о здоровье и воспитании характера учеников. В тех случаях, когда дети воспитываются в «естественных» условиях (в семье и на родине), вопросы здоровья и морали становятся предметом заботы родителей и разнообразных внешкольных организаций. Но если ребенок оторван от семьи, например живет в интернате, или, того хуже, оказался в чужой стране, в сложной стихии эмиграции, выполнение этой задачи возлагается на школу. Расстроенное здоровье детей и подростков, полученные ими моральные травмы заставляли эмигрантские школы в начале 20-х гг. уделять особое внимание вопросам физического и нравственного здоровья. Но и позднее, поскольку многие эмигранты жили на грани нищеты, школы зачастую были единственным местом, где ребенок мог ежедневно получать регулярное питание и заниматься физическим развитием. Педагогическая теория и практика подчеркивали необходимость удовлетворять потребности организма ученика в физическом развитии. Где только возможно, был увеличен объем физических упражнений, возросла их сложность. Большое внимание, хотя в данном случае обошлось без особых методических нововведений, стали уделять моральному и духовному воспитанию детей, подчеркивая этическое содержание «русских дисциплин», в особенности литературы и истории, что способствовало также укреплению национального и культурного самосознания детей. В данном контексте следует затронуть также вопрос о совместном обучении девочек и мальчиков, необходимость которого диктовалась, в частности, соображениями финансового характера и недостатком помещений. Следует помнить, однако, что данная проблема была актуальна не только для эмигрантов и дискутировалась педагогами и родителями в 20-е гг. в Германии, в 30-е — во Франции. Очевидно, что пример Соединенных Штатов Америки и Скандинавии, в меньшей степени Великобритании, показывал позитивные результаты совместного обучения, в особенности, как тогда полагали, с точки зрения здорового эмоционального развития подрастающего поколения.

Все эти проблемы были тесно связаны с вопросами методики обучения. Здесь эмигрантам приходилось признать тот факт, что дореволюционная школа и принятые в ней методы обучения не помогли избежать ни революции, ни той волны дикого насилия, которая захлестнула страну после 1917 г. В глазах многих эмигрантов главной виновницей революции являлась прогрессивная интеллигенция: интеллектуальной элите не достало гибкости ума, чтобы осознать новые реальности, с которыми столкнулась Россия после 1905, 1914 и 1917 гг., и приспособиться к ним. Многие полагали, что одна из причин этого заключалась в статичности и несовременности системы

обучения, которая порождала нездоровый скептицизм и неприятие основных социальных и моральных ценностей страны.

Каким бы прекрасным ни было содержание обучения, методы дореволюционной государственной системы образования были допотопными, слишком негибкими, бюрократичными и формализованными, не допускали свободы творчества, самостоятельности и независимости мышления. Просвещенные и прогрессивно мыслящие педагоги и до 1917 г. хорошо понимали сложившуюся ситуацию, их идеи легли в основу изменений школьного образования, которые происходили в России при большевиках. Сам этот факт, однако, ставил в затруднительное положение руководителей образования в эмиграции: всякие изменения программы и введение прогрессивных методов могли, не дай Бог, посчитать проявлениями большевизма. Проще было обратиться к прогрессивным теориям и методам, разработанным на Западе. Эмигрантские журналы для учителей содержали много сведений о школах Монтессори, об идеях Джона Дьюи и различных экспериментах, осуществлявшихся в западной школе. Те немногие, кто посещал США, подробно рассказывали о существовавшей там системе образования, оценивая ее в целом позитивно, особенно в том, что касалось общих подходов к обучению.

Современные практика и теория образования были нацелены на развитие характера индивидуума, его инициативы, предоставляя ему свободу и развивая ответственность. Результаты особенно ярко проявились в США, где среди молодежи наблюдались, разумеется, более глубокие региональные и социальные различия, чем это было в старой Европе. В США и в меньшей степени в Германии были особенно популярны и многочисленны молодежные религиозные, главным образом христианские, организации, целью которых было развитие личности. Примером такой организации, получившей распространение в разных странах, являются скауты. Это движение не пользовалось заметной популярностью в дореволюционной России, однако получило распространение в эмиграции. Движение бойскаутов, как полагали, развивало в детях именно те качества, которых так не хватало России в годы великих испытаний войной и революцией. В большей степени, чем организации скаутов, эмигрантов привлекало чешское спортивное движение «соколов». Прежде всего, это движение носило отчетливую славянскую и патриотическую направленность, способно было возродить основы славянского единства, что было бы весьма полезным для России после предрекаемого всеми скорого падения большевистского режима. Группы «соколов» создавались русскими эмигрантами не только в Чехословакии, но также в Королевстве СХС, Германии и Франции. Летние лагеря и ежегодные слеты давали возможность молодым людям проводить лето с пользой для здоровья, знакомиться друг с другом и готовиться к активной самостоятельной жизни.

Пристальное внимание эмиграции привлекала еще одна юношеская организация — германское Jugendbewegung*. Особенно привлекательными казались его идеализм и дух национализма, тем более что они были поставлены на службу социальным преобразованиям и восстановлению побежденной Германии. «Экологическая» направленность этого движения (стремление жить в чистой природной среде) вызывала ностальгические воспоминания о жизни в русской деревне и соответствовала настроениям изгнанников, ютящихся в чужих больших, грязных и уродливых городах. В любом случае, не подлежит сомнению, что в опыте Jugendbewegung искали то, что могло бы оказаться полезным эмигрантам после их ожидаемого возвращения на родину. Сходные устремления лежали в основе деятельности ИМКА в Соединенных Штатах с той лишь разницей, что эта организация носила отчетливо религиозный, христианский характер, а экологические моменты были выражены менее ярко. ИМКА роднила с Jugendbewegung идея служения обществу, хотя для нее не были характерны присущие последнему романтико-идеалистические, творческие и националистические настроения, идущие вразрез со здравым прагматизмом американского протестантизма. Результаты активной и целеустремленной деятельности ИМКА не могли остаться не замеченными русскими эмигрантами, которые прямо или косвенно сталкивались с ее работой среди военнопленных, беженцев-студентов или во время борьбы с голодом. Вдохновляясь этими примерами и получая щедрую материальную поддержку от Европейского секретариата ИМКА, Русское христианское студенческое движение в начале 20-х гг. развернуло деятельность, основанную на западных образцах, но ориентированную на ценности православия. Поскольку цели и идеалы этого движения носили по преимуществу религиозный характер, подробнее его деятельность мы рассмотрим в главе, посвященной церкви и религиозной жизни в Русском Зарубежье.

Основная цель усилий, предпринимаемых эмигрантами в области образования, состояла в том, чтобы сохранить «русскость» детей, воспитывая в них самостоятельность, отвагу и энергию, необходимые для того, чтобы справиться с трудностями жизни в эмиграции. В этом смысле цели образования в эмиграции разительно отличались от пассивности, дисциплинированности и преданности властям, насаждавшихся в дореволюционной школе. Парадоксально, что в первые годы советской власти прогрессивная школа и движение пионеров откликнулись на сходные потребности в воспитании инициативы и самостоятельности с той лишь разницей, что, как часто бывало в Советской России, идеализм и инициатива от-

---

* Jugendbewegung (*нем.*) — молодежное движение.

дельных людей были подавлены бюрократическим тоталитаризмом.

С самого момента своего возникновения русская диаспора организовала свои школы и основала Ассоциацию учителей-эмигрантов, которая должна была содействовать распространению информации, разработке и изучению методов воспитания как в теоретическом, так и в практическом плане. На проводимые Ассоциацией конференции, ставшие местом обмена информацией и опытом, собирались представители учителей-эмигрантов из всех стран, где проживали русские беженцы. Они обсуждали основные проблемы в области образования. Например, в вопросе об орфографии Ассоциация после бурных дебатов высказалась за то, чтобы оставить свободу выбора за каждой школой. Ассоциация выпускала журнал и информационные бюллетени, знакомившие с жизнью русской школы за рубежом, ее организацией, учениками и преподавателями, основными целями и задачами, а также ее взаимоотношениями с органами образования в странах, принявших эмиграцию. Наряду с этой информацией публиковались дискуссионные материалы по теоретическим вопросам и статьи, описывавшие и анализировавшие опыт и практические достижения системы образования за рубежом, особенно результаты нововведений и экспериментов. Наконец, примечательно, что журнал и бюллетени Ассоциации помещали подробную и критическую, но не исключительно негативную информацию об образовании в Советской России. Разумеется, радикальные и анархические тенденции в ранней практике советской школы, в особенности отсутствие дисциплины и чрезмерная политизация, безоговорочно осуждались. Но по мере того как советская школа преодолевала трудности организационного периода, вводя более строгую дисциплину и возвращаясь к изучению традиционных предметов, эти публикации способствовали переоценке, а зачастую и признанию советской политики в воспитании молодежи и развитии русской культуры[9].

Чтобы следить за последними событиями и тенденциями в развитии мировой системы образования, педагог и философ В.В.Зеньковский организовал Педагогическое бюро, первоначально располагавшееся в Праге, а затем переехавшее в Париж. Оно было призвано стать центром исследований и сбора материалов. Бюро установило тесные контакты со Свято-Сергиевским Богословским институтом и центром Христианского студенческого движения в Париже. Его деятельность не оказала такого влияния на Русское Зарубежье, как работа и публикации Ассоциации учителей-эмигрантов, однако Бюро обеспечило научную помощь усилиям эмиграции в области образования. Зеньковский основал также Бюро по религиозному образованию, которое оказывало помощь людям, главным образом мирянам, занимавшимся религиозным воспитанием детей, не охваченных деятельностью церковных приходов. В

поддержке Бюро были созданы группы религиозного образования. Бюро непосредственно занималось религиозным воспитанием в летних лагерях, создаваемых Русским христианским студенческим движением. С помощью ИМКА и стипендии, полученной от фонда Рокфеллера, Зеньковский и его ученица Софья Куломзина предприняли поездку в Соединенные Штаты с целью изучения методов внешкольного религиозного воспитания[10].

Теперь обратимся к краткому описанию школ Русского Зарубежья. Мы уже упоминали, что существовали учебные заведения всех трех ступеней: начальные, средние и высшие, но не везде все эти три ступени были представлены равномерно. Небольшие колонии эмигрантов могли позволить себе содержать лишь начальные школы, тогда как в больших центрах имелись учебные заведения всех трех уровней. Более того, мы не должны забывать о том, что демографическая ситуация в эмиграции была сложной, так что с течением времени рождавшиеся в эмиграции дети все чаще посылались в местные школы, получая дополнительное образование по «русским дисциплинам» вне ее стен. К сожалению, мы не располагаем полными и надежными статистическими данными, так как нам доступна только информация, собранная Земгором и относящаяся лишь к учебным заведениям, находившимся под его опекой[11].

Информация о начальном образовании в эмиграции не полна в значительной степени из-за того, что оно зачастую, в зависимости от сложившихся условий, получалось на дому (или в сиротских приютах) и носило неформальный характер. Со второй половины 20-х гг. большинство детей эмигрантов посещали начальные классы местных школ, а религиозное образование получали в церковных приходах. За редким исключением некоторых парижских и берлинских экспериментальных групп и школ, где велось обучение по системе Монтессори или Дьюи, начальное образование носило традиционный характер. Как правило, после 20-х гг. независимо от языка преподавания русские начальные школы продолжали существовать только в действительно больших, изолированных общинах русских беженцев, например, в Югославии. Задача начального образования везде состояла в том, чтобы прививать знание русского языка, обучая детей грамоте и катехизису. У нас мало сведений о преподавательском составе таких школ. По всей видимости, в большинстве случаев это были священник и его семья, как и в деревнях дореволюционной России, а иногда — добровольцы из числа мирян.

Основную роль в выполнении двойной задачи образования в эмиграции, обозначенной выше, играла средняя школа. На этой ступени образования дети были уже достаточно взрослыми для того, чтобы воспринять традицию, которую им предстояло сохранять, и усвоить навыки, которые должны были им пригодиться по-

сле возвращения на родину. Как уже упоминалось, основная программа средних школ Русского Зарубежья копировала программы гимназий или реальных училищ дореволюционной России. Более широко, в соответствии с требованиями времени, изучались естественные науки. Программа была расширена также за счет изучения языка, истории, географии и литературы страны проживания.

Важнейшей проблемой, которая так и не была решена до конца, являлось финансирование средних школ. Исключение составляли Чехословакия (Тржебов) и Югославия (Белград), где школы получили полное признание властей и финансировались наравне с местными учебными заведениями. В приграничных государствах, прежде всего в Латвии, школы эмигрантов были приравнены к школам русского этнического меньшинства и рассматривались как часть государственной системы образования. Они подчинялись отделу национальных меньшинств в министерстве образования, который занимался приемом на работу учителей и финансированием школ. В других местах эмигрантские школы вынуждены были вести борьбу за существование в одиночку, получая, да и то далеко не всегда, лишь минимальную помощь от местных властей. Так было в Берлине, где министерство образования Пруссии выделяло субсидии русской гимназии. В Париже была основана средняя школа для девочек, директором которой была сестра В. А. Маклакова. Финансовую поддержку ей в течение всего изучаемого периода оказывала жена нефтяного магната леди Деттердинг, русская по происхождению. Ни одна из этих школ не могла существовать без взимания платы за обучение, хотя ряд стипендий и выделялся: посещать их могли дети из семей, имевших прочный материальный достаток. Высокая плата за обучение являлась заметным препятствием для развития русских школ, поскольку местные школы были гораздо дешевле (среднее образование в Европе почти везде было платным: во Франции плата была отменена только в 1932 г.)[12]. В Харбине сложилось несколько иное положение, поскольку никто из эмигрантов не мог и не хотел посылать своих детей в китайские школы. Там были учебные заведения всех трех ступеней. Позднее появилась английская школа, куда поступило немало детей эмигрантов. Учитывая создавшуюся в 30-е гг. угрозу войны и необходимость переезда из Маньчжурии, а англоговорящий мир представлялся единственно возможным местом переселения, английские и американские школы привлекали эмигрантов.

Помимо открытых светских школ существовало некоторое количество частных пансионов, подобных дореволюционным кадетским корпусам для юношей или институтам благородных девиц. Несколько таких учебных заведений существовало в Югославии. Насколько я смог понять из доступных мне источников, подобные школы охватывали небольшое число учащихся и нигде, кроме Югославии, не играли важной роли в Русском Зарубежье. Лишь

немногие выпускники кадетских корпусов поступали на военную или государственную службу Югославии.

Если учесть трудности демографического, финансового и социального порядка, с которыми сталкивались основанные эмигрантами средние школы, резкое сокращение числа школ и учащихся, произошедшее за два десятилетия, не покажется странным. Насколько мне известно, накануне второй мировой войны во Франции остался только один русский лицей, русские гимназии в Берлине и в Чехословакии к тому времени уже прекратили свое существование. В приграничных государствах число русских школ существенным образом уменьшилось в результате дискриминации, которой подвергались национальные меньшинства. Те семьи, которые хотели, чтобы их дети сохранили русское культурное наследство, должны были искать иные, внешкольные способы обучения. Самым простым и доступным средством было посещение факультативных курсов, основанных в рамках местной школьной системы, но работавших после основных занятий, там преподавались «русские дисциплины». Так было, например, во Франции. Некоторые школы, главным образом парижские, организовывали преподавание «русских» предметов по четвергам — в день, свободный от уроков во Франции еще начиная с 1905 г.; здесь ученики получали религиозное образование. На таких курсах преподавали учителя и ученые-эмигранты, специально приглашенные властями, например П.Е.Ковалевский, Ф.Ростовцев, Т.Рафальская[13].

Наконец, были индивидуальные занятия с преподавателями. Многие дети эмигрантов, особенно в крупных центрах диаспоры, обучались русскому языку, литературе, иногда также и истории у ученых-эмигрантов, для которых подобные частные уроки являлись дополнительным подспорьем к их скудному заработку. Иногда уроки давал кто-то из хорошо образованных членов семьи или из числа знакомых. Иногда несколько семей, объединившись, нанимали учителя, который преподавал их детям «русские» предметы. Успех подобных занятий зависел в основном от способностей преподавателя. Так, профессор Н. Струве и автор этих строк с благодарностью вспоминают познавательные уроки К. В. Мочульского. Он был не только выдающимся литературоведом, но и увлеченным, одаренным преподавателем, который в процессе учебы стимулировал и моральное, и интеллектуальное развитие ученика. Конечно, достоинства русской литературы облегчали его задачу. Даже обстановка, в которой проходили эти уроки, располагала к этому: он жил в небольшой комнатке для прислуги на верхнем этаже многоквартирного дома в скромном парижском районе (15-й округ). Поднявшись до самого верха лестницы, мы попадали в маленькую комнатку, все стены которой были уставлены полками с книгами — русской, французской, итальянской классикой. В красном углу под иконой висели пара живописных миниатюр и не-

сколько семейных фотографий. Сразу было видно, что это жилище человека, целиком погруженного в мир мысли и чистого в своей вере.

Несколько иначе были организованы русские курсы для детей в Праге, где преподавались русский язык и литература, основы истории, географии и религии. Это было кооперативное учреждение, и штат преподавателей нанимали родители. В Париже, в помещении штаба Русского христианского студенческого движения на бульваре Монпарнас, с помощью ИМКА были основаны курсы наподобие воскресной школы. Дети эмигрантов, объединенные в группы по возрасту, собирались здесь, чтобы слушать и читать самим произведения русской литературы, посещали лекции и проводили дискуссии на литературные и исторические темы. Они устраивали также музыкальные концерты и театральные постановки по произведениям русской классики[14].

Если главной задачей начального и среднего образования в эмиграции было сохранение и передача молодому поколению наследия русской культуры, то цель основанных Русским Зарубежьем высших учебных заведений состояла в подготовке учащихся к активной деятельности на благо общества в освобожденной России. Эта цель предполагала также продолжение творческой деятельности, развития русской культуры и науки, столь жестоко и резко прерванного революцией и советским режимом в начале 20-х гг. Ученые-эмигранты понимали, что их обязанностью было развивать достижения русского Серебряного века (примерно 1900 — 1914 гг.), который был резко оборван начавшейся мировой войной, революцией и войной гражданской. Потрясение от созданной большевиками культурной пустыни несколько прошло в период нэпа, когда в России возобновилась интеллектуальная жизнь, и возобладавший дух экспериментирования и новаторства, казалось бы, возвестил о наступлении эпохи культурного ренессанса. В 30-е гг., когда сталинский режим реабилитировал историческое прошлое России и традиции ее классической культуры, эмигранты почувствовали, что они были правы в своей исходной позиции. Многие примирились с политикой советского правительства в области науки и образования. Но, что бы ни происходило в Советском Союзе, интеллигенция в эмиграции видела другую важную задачу в том, чтобы перебросить мост через пропасть, разделившую прошлые традиции России и современные достижения Запада. После 1928 г. те, кто оставался в Советском Союзе, не могли преодолеть этот разрыв, хотя усилия, начатые еще Петром Великим, привели к некоторому прогрессу в последние десятилетия существования империи. Русское Зарубежье, таким образом, стремилось продолжить этот процесс и надеялось на возможное установление обратной связи с родиной.

Высшие учебные заведения Русского Зарубежья, как занимавшиеся собственно обучением, так и ориентированные больше на научно-исследовательскую работу, ставили перед собой двуединую цель: во-первых, обеспечить профессиональную подготовку молодого поколения для успешной деятельности в России, куда им предстояло вернуться, или в стране, где они нашли убежище. Во-вторых, помочь зрелым ученым, деятелям искусства и мыслителям, оказавшимся в эмиграции, продолжить их творческую работу на благо русской культуры и познакомить местное общество с вкладом России в различные области науки и культуры. В дальнейшем творческая деятельность эмиграции затухала как в силу естественной убыли людей, так и из-за их интеграции в соответствующие сферы жизни общества в той стране, где они осели. В особенности это касается тех, кто поселился в Соединенных Штатах Америки, Англии и Франции. Мечта о подготовке молодежи к ее будущей деятельности в России также угасала по мере того, как перспектива возвращения на родину становилась все более неопределенной, и молодые ученые-эмигранты включались в работу академических и иных научных учреждений зарубежных стран. Конечно, тем самым они знакомили мир с достижениями России, а их научная деятельность вносила особый русский элемент в культурную и научную жизнь Запада. Основной вклад они внесли в области гуманитарных наук — философии, литературоведении, истории, в незначительной степени в социальные науки и — совсем мало — в естественные.

Не удивительно, что представители молодого поколения, обучавшиеся в какой-то период в эмигрантских учебных заведениях, внесли наиболее существенный вклад в изучение русской литературы, искусства, истории и также философии, продолжая работу, начатую в России до революции, и знакомя Запад с тем, что происходило в этих областях науки в Советском Союзе. Их оригинальные работы и вклад в развитие науки стали известны лишь после второй мировой войны, так что их деятельность выходит за рамки нашего изложения. (Среди деятелей этого поколения можно назвать критика В. Вейдле, философа А. Койре, историков искусства А. Грабаря и Б. Лосского.) После 1945 г. и преимущественно в США представители старой эмигрантской научной общественности и ученые нового поколения помогли в становлении и развитии того, что теперь называется русистикой. За исключением некоторых аналитических работ эмигрантских экономистов, например В. Войтинского, А. Югова, Н. Ясного и С. Прокоповича, западные ученые в период между 1919 и 1939 г. практически не замечали исследований, выходивших из-под пера эмигрантов и посвященных России. Как мы убедимся, некоторые ученые-эмигранты читали курсы лекций в научных учреждениях ряда стран, но эти отдельные случаи не оказывали значительного воздействия на понимание Запа-

дом России (и Советского Союза). Это не исключало, разумеется, отдельных важных в научном отношении индивидуальных и неформальных контактов.

Русские ученые, попадая в конце своей одиссеи на Запад или в Харбин, приступали к реализации двух задач, о которых мы уже упомянули, — учить молодежь и продолжать собственную научную работу. В Англии под председательством медиевиста сэра Павла Виноградова был создан комитет из английских пожертвователей и ученых-эмигрантов (в частности, П. Милюкова), который основал общественный фонд помощи ученым из числа беженцев. Так было положено начало широкой кампании, которая привела к восстановлению научной жизни в Русском Зарубежье. Английскую инициативу подхватили в Париже, где жили многие русские ученые и представители интеллигенции, причем некоторые поселились здесь еще до 1914 г. и имели тесные связи с французскими научными кругами. Это начинание обрело реальные очертания в Берлине. С помощью собранных в Англии денег и при поддержке ИМКА оказавшиеся в изгнании ученые образовали здесь Русскую академическую группу. Она основала Русский институт, в рамках которого предполагалось организовать чтение курсов лекций для молодых беженцев, в том числе и военнопленных, чтобы продолжить их образование. Германские власти были позитивно настроены по отношению к этому предприятию, и благодаря содействию таких влиятельных лиц, как профессор Отто Хётш, который имел связи в министерстве иностранных дел, при участии Берлинского университета и других высших учебных заведений, например Технического института, Русскому институту было выделено помещение и оказана материальная поддержка. Пожертвования Русскому институту рассматривались как «кредиты» германских университетов, а выдаваемые им свидетельства признавались при поступлении в немецкие учебные заведения.

Вначале эти официальные, общеобразовательные курсы активно посещались, но по мере того, как молодые эмигранты расселялись по другим городам, необходимость в них отпала. С другой стороны, носившие менее формальный характер лекции, читавшиеся в больших аудиториях, сохраняли свою популярность и оставались заметным явлением в духовной жизни русского Берлина. Н.Бердяев и его коллеги-философы, высланные из Советского Союза в 1922 г., первоначально поселились в Берлине и основали с помощью ИМКА Свободную духовную и философскую академию. Академия организовывала лекции и дискуссии на религиозные и философские темы и пользовалась авторитетом в течение всего периода пребывания Бердяева в Берлине. Следует отметить, что и Русская академическая группа, и бердяевская Свободная академия позволили многим ученым-эмигрантам продолжать свою деятельность в Берлине даже после закрытия курсов. Благодаря своим

связям, эти организации создавали официальные возможности для лекций Ф. Степуна, С. Франка и других[15].

Русская академическая группа в Берлине начала выпуск специальных серий, в которых ее члены могли публиковать результаты своих исследований. Несколько томов трудов Академической группы, редактором которых был А. И. Каминка, являвшийся также соредактором (вместе с В. Набоковым и И. Гессеном) русскоязычной ежедневной газеты «Руль», представляют собой реальное доказательство творческой деятельности русских ученых в первые годы изгнания. Берлинская академическая группа активно способствовала проведению конференций, в которых принимали участие представители всех отделений группы, основанных во всех крупнейших центрах диаспоры. Первая подобная встреча прошла в Праге в 1923 г. Она не только восстановила связи между учеными, разделенными в течение долгого времени обстоятельствами и большими расстояниями, но и создала налаженную систему контактов и заложила основы сотрудничества для разработки нескольких проектов. Первая конференция показала всем, что русский научный мир в изгнании сохранил свое единство и намерен продолжать свою творческую деятельность за границей на благо русских эмигрантов и принявших их стран. Более того, пражская конференция подтвердила ответственность ее участников за судьбы молодого поколения и решимость помочь ему получить общее образование и содействовать его дальнейшему интеллектуальному развитию[16].

Последнее стало возможным после того, как в 1922 г. президент Чехословакии Томаш Г. Масарик и чешское правительство предприняли так называемую Русскую акцию. Правительство не только было заинтересовано в том, чтобы помочь ученым-беженцам, — оно рассчитывало подготовить кадры для будущей России, очищенной от большевистской заразы. Масарик, как и многие другие, верил, что большевистское правительство падет в ближайшем будущем. Свою помощь чешское правительство рассматривало также как акт благодарности прежней России за оказанную ею поддержку национальных движений чехов, словаков и других славян. Сам Масарик учился, а затем преподавал в России; чешские легионеры, вернувшиеся домой через Сибирь, также испытывали симпатию и расположение к народу, который помог им освободиться из-под власти Австрии. Многие чешские солдаты женились на русских, например влиятельный консервативный политический деятель Карел Крамарж. Заручившись поддержкой своего правительства, в первую очередь Эдуарда Бенеша, министра иностранных дел молодой республики, Масарик выделил средства из фонда президентской канцелярии и получил дополнительную поддержку от американского посла Чарльза Крейна, который сам был женат на русской. Наконец, Всемирное христианское студенческое движение и ИМКА также оказали помощь, так как подобное меропри-

ятие как нельзя лучше соответствовало их деятельности, направленной на поддержку студентов и профессоров и на возобновление ими нормальной деятельности после потрясений, пережитых в период революции, мировой и гражданской войн.

Русская акция включала организацию Русского университета с юридическим и гуманитарным факультетами и ряда специальных учреждений, например Экономического кабинета, призванного следить за тенденциями развития Советского Союза, и поддержку уже существующих, в частности Seminarium Kondakovianum*, специализировавшегося в области истории искусства и медиевистики. После того как Ленин выслал за границу более ста ученых, среди которых были такие светила, как историк А. Кизеветтер, философ Н. Лосский, экономист С. Прокопович, юрист П. Новгородцев, эти учреждения получили наряду с теми, кто уже находился за границей (Н. Кондаков, В. Мякотин), блестящие кадры — цвет русской дореволюционной науки. Чешское правительство установило 1000 стипендий (впоследствии их число было увеличено до 2000) для студентов-эмигрантов. Хотя стипендии были не очень большими, они позволяли студентам жить в современных общежитиях и питаться в студенческих столовых. Русские факультеты сами отбирали стипендиатов и несли ответственность за обучение студентов. Русские учебные заведения полностью признавались чешским министерством образования: они удостоверяли документы об образовании, полученные в дореволюционной России, и на основании результатов экзаменов выдавали собственные дипломы по образцу дипломов русских университетов до 1917 г. (представитель пражского Карлова университета входил во все экзаменационные и приемные комиссии, а также имел голос при назначении на преподавательские должности).

Основанный в Праге Русский университет имел два факультета — юридический и гуманитарный (историко-филологический по старой русской терминологии), в него входили также Технический институт и Сельскохозяйственная школа. Два последних учебных заведения имели практическую направленность и готовили инженеров и агрономов, которые, как полагали, должны были послужить делу восстановления России после падения большевиков. Однако после окончания учебы выпускники были вынуждены искать работу в Европе и за океаном**. Прагу, благодаря существованию там Русского университета, посещали многие лекторы: из Берлина приезжали философы С.Франк и Ф.Степун и экономист Б.С.Ижболдин; П.Струве из Белграда, П.Милюков и другие — из Пари-

* Seminarium Kondakovianum — семинар имени Н. П. Кондакова

** В Праге имелся также Украинский университет. Таким образом, в чешской столице в течение всего периода 20—30-х гг. было четыре университета: чешский, немецкий, русский и украинский. — *Прим. авт.*

жа. Студенты университета и русская научная общественность Праги были в центре наиболее активной научной жизни и научных связей Русского Зарубежья.

Поскольку большевистский режим вопреки ожиданиям продолжал находиться у власти, число студентов, желающих получить диплом Русского университета, сокращалось. Негативное влияние оказывала также постоянно осложнявшаяся экономическая ситуация в мире в целом и в Чехословакии в частности. Наконец, возникли и постоянно росли политические противоречия, которым было суждено погубить Чехословацкую республику. Иностранные институты в стране испытывали трудности и постепенно закрывались. В силу всех названных причин активная деятельность Русского университета в Праге прекратилась года за два до Мюнхенского соглашения 1938 г., нанесшего решающий удар по независимой Чехословакии. До тех пор лекции по-прежнему посещались, хотя и небольшим числом студентов — тех, кто приезжал учиться под руководством признанных специалистов — А.Кизеветтера, Е.Шмурло, В.А.Францева, В.Зеньковского, Н.Лосского и других (так, в середине 30-х гг. приезжал из Гарварда М.Карпович). Некоторые выпускники сделали в будущем блестящие научные карьеры, в основном в области истории — Г.Катков, С.Пушкарев, Г.Флоровский и А.Фатеев.

Университет не был единственным детищем Русской акции. Seminarium Kondakovianum был основан выдающимся историком-византинистом Н. Кондаковым. Семинар Кондакова первоначально был исследовательским учреждением, хотя специальные семинарские и дискуссионные группы позволяли способным студентам углубить свои знания и приобрести опыт исследования русской иконописи, византийской истории и искусства, средневековой истории славян. Вплоть до своей эмиграции в США в 1928 г. ученым секретарем Семинара был Г. Вернадский. Один из его выпускников, сам яркий историк-медиевист Н. Е. Андреев был последним исполняющим обязанности директора. Семинар получил всемирную известность благодаря изданию сборников исследований — Archivum Kondakovianum. Несмотря на щедрые субсидии от чешского правительства, Семинар Кондакова и его публикации никогда не знали легких времен, его проблемы, известные из документов, весьма типичны для всех научных учреждений и изданий эмиграции. Из переписки Г.Вернадского мы узнаем, что для финансирования изданий была необходима дополнительная помощь от частных лиц, особые сложности возникали с распространением публикуемых сборников. Несмотря на все экономические и политические трудности, Семинар Кондакова оставил заметный след в византинистике и западной славистике. Г.Острогорский, А.Грегуар, Г.Вернадский и Н.Андреев своей научной известностью во многом обязаны работе в Семинаре[17].

Другим специализированным исследовательским учреждением был Экономический кабинет, основанный и руководимый С. Прокоповичем, широко известным до революции экономистом и статистиком. После высылки из России в 1922 г. Прокопович основал в Берлине научное учреждение для изучения Советского Союза, главным образом его экономического и социального развития. Русская акция финансировала его переезд в Прагу, где он и находился до начала второй мировой войны. Экономический кабинет внимательно следил за событиями в Советской России, собирал все доступные ему печатные материалы и периодически издавал на базе этих материалов исследования и аналитические заметки. Практически все делал сам Прокопович, поскольку финансовые сложности не позволяли ему привлекать других сотрудников. Более того, с некоторыми из своих коллег, например с А. Пешехоновым, он порвал после того, как те присоединились к движению «смены вех» и признали Октябрьскую революцию и советскую власть. Издания Экономического кабинета, содержавшие результаты исследований, часто предпринятых по заказу других учреждений, например Фонда Карнеги в Соединенных Штатах, так же, как и книги самого Прокоповича, по-прежнему являются важными источниками по истории экономического и социального развития Советского Союза в 1920 — начале 30-х гг.

В Праге существовал также так называемый Народный университет для тех, кто не мог посещать занятия в университете в дневное время. Проводившиеся в этом университете лекции, а также публикации сборников исследований, охватывающих все научные дисциплины, создавали условия для столь необходимых ученым-эмигрантам свободных дискуссий, позволяли им знакомить научную общественность с результатами своей работы. Публиковавшиеся в этих сборниках работы часто являлись продолжением исследований, начатых еще в России, так что они представляли собой органичное продолжение научной жизни дореволюционной России. Русский научный институт в Праге фактически выполнял функции академии, организовывал лекции и публиковал информацию об исследованиях, находившихся в стадии разработки. Он выступал основным спонсором лекторов, приезжавших из других центров русской диаспоры. Прага, таким образом, являлась столицей науки и образования Русского Зарубежья; вплоть до начала 30-х гг. здесь находились основные силы русской научной общественности. Прочитанные здесь (а затем и гектографированные, как, например, курс русской истории Шмурло) лекции по русской истории, литературе, религиозной и философской мысли, издававшиеся книги, публиковавшиеся в сборниках научных учреждений статьи не утратили до сих пор своей научной значимости[18].

Париж, являвшийся «столицей» политической, литературной и художественной жизни Русского Зарубежья, не стал его научным

центром. Главная причина этого, кроме того, что в Праге при прямой поддержке Масарика деятельность Русской акции получила наибольшее развитие, заключалась в позиции, которую занимали французские университеты, в их консерватизме. Они крайне неохотно открывали двери перед посторонними или признавали новые научные направления. Научные учреждения неохотно принимали на работу ученых-эмигрантов, за исключением Пастеровского института, занимавшегося биологией, и Музея человека, специализировавшегося в антропологии. Оба эти учреждения поддерживали былые связи с русскими коллегами и принимали русских сотрудников на постоянную работу. Вопреки этой неблагоприятной ситуации, однако, в Париже также развернулась деятельность целого ряда научных учреждений эмиграции.

В самом начале образования русской диаспоры в Париже усилиями бывшего директора Французского института в Санкт-Петербурге Жюля Патуйе, ученых-славистов Поля Бойе и Андре Мазона и при поддержке члена правительства Эжена Пти Сорбонна согласилась принять на работу нескольких русских ученых из числа беженцев для чтения курсов по русской литературе и истории. Начиная с середины 20-х гг. русские ученые иногда вели специальные курсы в Парижском университете, главным образом на юридическом факультете, где они преподавали советское право (Б.Нольде, П.Тагер), международное право (Б.Миркин-Гецевич), социологию и философию права (Г.Гурвич) и печатались в журналах, выходивших под эгидой факультета. Эти курсы посещали некоторые русские студенты-эмигранты, однако для получения диплома они должны были выполнить все существовавшие на этот счет во Франции требования. Многие юристы-эмигранты консультировали частных лиц по правовым вопросам и представляли интересы своих клиентов в суде, но лишь некоторые из них стали членами Французской коллегии адвокатов.

Институт славянских исследований, основанный Эрнестом Дени в 1919 г. (и официально признанный французскими властями в марте 1920 г.), будучи независимой, полуобщественной организацией, также дал приют некоторым русским ученым-эмигрантам. Там они читали курсы лекций, а также принимали экзамены по отдельным дисциплинам. Однако в противоположность ситуации, сложившейся в Праге, научная деятельность русских в Париже разворачивалась в рамках организационной структуры французской науки. Работа эмигрантов была связана с Русским Зарубежьем лишь в том смысле, что они по-прежнему принадлежали к «России вне России». Тем не менее благодаря участию эмигрантов в работе Института славянских исследований (и в меньшей степени Школы живых восточных языков) было подготовлено новое поколение французских славистов, заявившее о себе после 1945 г. (некоторые — русские по происхождению). Среди них Михаил и Ра-

иса Горлин, которые погибли во время войны, и такие хорошо известные ныне ученые, вступившие в полосу научной зрелости после второй мировой войны, как Б. Унбегаун, Д. Стремухов, Д. Джапаридзе.

Хотя в Париже не было Русского университета, подобного пражскому, он стал центром изучения и преподавания религиозных дисциплин после того, как в 1925 г. здесь были основаны Свято-Сергиевский Богословский институт и семинария. Более подробно работу этих учебных заведений мы рассмотрим в главе, посвященной церкви и религии. Кроме того, в Париже, как и в Праге, был Народный или Свободный университет, где по вечерам или в нерабочие дни читались лекции по широкому кругу научных и практических проблем, призванные утолить жажду знаний и интеллектуальные запросы тех многочисленных изгнанников, кто проводил бóльшую часть времени на работе, обеспечивая свою семью. Народный университет давал возможность ученым-эмигрантам представить на обозрение широкой аудитории результаты своих исследований. Он старался охватить своей деятельностью молодежь и подростков. Специальные лекции для них проходили по четвергам (свободный от школьных занятий день в довоенной Франции) и по субботам. Эти лекции были посвящены главным образом истории и литературе, хотя проводились и занятия по естественной истории, географии и искусству, сопровождавшиеся показом иллюстраций. Таким образом, Народный университет в Париже дополнял усилия образовательной школы по передаче подрастающему поколению традиций и достижений русской культуры. Эту же задачу выполняло заочное отделение Технологического института. Целый ряд технических специалистов и инженеров получили дипломы этого отделения и затем устроились на престижную работу в провинции или за границей[19].

Положение в Белграде, Софии и Риге мало отличалось от Парижа и Берлина в самые первые годы эмиграции. Русские научные институты (и Академические группы) объединяли ученых-эмигрантов и предоставляли им возможность выступать с лекциями по проблемам, над которыми они работали. Иногда ученых-эмигрантов приглашали читать лекции в местные университеты, особенно тех, кто мог преподавать на местном языке (как, например, П. Бицилли в Софии и Ф. Тарановский в Белграде). В Белграде Научный институт издавал журнал, где печатались статьи представителей местной научной общественности и ученых из других стран. Число русских беженцев в Югославии было очень значительным, они представляли собой весьма сплоченное сообщество, однако в целом у них не было столь высоких интеллектуальных запросов, как в других центрах эмиграции. Хорошо развитая сеть школ продолжала действовать в течение всего изучаемого периода, но в области высшего образования здесь больших усилий не предприни-

малось. Приезжие лекторы, посещавшие Югославию по приглашению Научного института, отмечали «провинциализм» и узость интересов здешних эмигрантов. Возможно, здесь кроется объяснение того факта, что они так легко вливались в структуру югославского общества. Другая причина заключалась, вероятно, в особенностях этой группы эмигрантов, где было много военных, казаков, и где преобладали монархические, консервативные и даже откровенно реакционные настроения. Подобное положение отпугивало ученых-эмигрантов, которые в большинстве своем придерживались либеральных или умеренно социалистических взглядов. Интеллектуальная изоляция, в которой находился в Белграде П. Струве, говорит сама за себя: даже несмотря на то, что он стал консерватором, умеренным монархистом и глубоко верующим человеком, местное эмигрантское общество не могло простить ему былых связей с марксизмом и партией кадетов, его роли в журнале и союзе «Освобождение» и руководство оппозицией старому режиму накануне революции 1905 г.[20]

Что касается Риги, а также Софии и Варшавы, то мы располагаем сведениями лишь о немногочисленных лекциях, прочитанных русскими учеными-эмигрантами в местных университетах. Малочисленные группы живших здесь ученых пытались по мере возможности чаще приглашать лекторов из других центров диаспоры, чтобы стимулировать развитие культурной жизни этих «окраин». Но, как мы уже отмечали выше, несмотря на существование русского этнического меньшинства эти попытки были бесплодными. Националистическая реакция, наступившая в начале 30-х гг., создала дополнительные трудности работе ученых-эмигрантов, хотя местные университеты приглашали их занять кафедры, когда не было специалистов из числа представителей коренного населения.

Последним центром высшего образования в эмиграции, о котором нам следует упомянуть, был изолированный в географическом смысле Харбин. Непосредственно после революции и прибытия беженцев в этот маньчжурский город здесь возникли три высших учебных заведения. Все они были созданы для удовлетворения практических нужд КВЖД, китайских властей и молодого поколения эмигрантов. Ни одна из этих целей не была достигнута, так как сначала китайско-советское соглашение, а затем японская агрессия полностью разрушили сообщество эмигрантов в Харбине.

Три высших учебных заведения были основаны при небольшой поддержке со стороны ИМКА. Коммерческий институт являлся школой бизнеса и готовил специалистов для КВЖД и китайской экономики. Технологический институт готовил персонал для управления и эксплуатации железной дороги и для содействия развитию Китаю. На Юридическом факультете преподавали историю, экономику, социологию, юриспруденцию, русское и китайское право. Во всех трех учебных заведениях обучались как русские, так и

китайцы, в основном на русском и частично на английском языке. Коммерческий и Технологический институт сыграли довольно ограниченную роль, так как после вторжения японцев их выпускники не имели возможности применить на практике полученные знания, хотя некоторые выпускники-китайцы, по всей видимости, позднее работали по полученной специальности в Китае.

На Юридическом факультете также обучались не только русские, но и китайские студенты. Его программа носила строго научный характер и в целом копировала программы русских дореволюционных юридических учебных заведений с той лишь разницей, что в нее были включены курсы китайского права и экономических проблем, представлявшие непосредственный интерес для Маньчжурии. Харбинский Юридический факультет, несмотря на свое изолированное положение, внес заметный вклад в интеллектуальную жизнь Русского Зарубежья, поскольку дал солидную подготовку целому ряду молодых эмигрантов, которые впоследствии продолжили образование в других странах, главным образом в США. Впоследствии они издали книгу, получившую широкую известность среди диаспоры, в которой рассказали о научной работе на факультете. Уровень, на котором проводились исследования, был столь высок, что вклад факультета в науку сохраняет свою актуальность и по сей день[21]. Помимо собственного журнала харбинские профессора и лучшие студенты печатались также на страницах иностранных (прежде всего, англоязычных) изданий и писали монографии. Географическое положение факультета побуждало его сотрудников изучать проблемы, связанные как с внутренним, так и с внешнеполитическим положением Китая, Монголии и Маньчжурии. Так, профессора Г. Гуинс и В. Рязановский, писавшие по-английски, внесли заметный вклад в изучение международных отношений, политической ситуации и права Монголии. Доступные нам источники не позволяют пролить свет на численность и особенности контингента слушателей Юридического факультета, дальнейшую судьбу его сотрудников. Гуинс и Рязановский переехали в Соединенные Штаты, где продолжили свои исследования, тогда как Н. Устрялов вернулся в 1934 г. в Россию, где в период репрессий след его затерялся.

Для учебы и научно-исследовательской работы необходимы библиотеки. До 1939 г. на Западе только в некоторых колониях эмигрантов имелись большие библиотечные собрания, содержащие материалы по России и русской проблематике. Наиболее крупные из них были сосредоточены в Соединенных Штатах (Библиотека Конгресса, Вайднеровская библиотека в Гарварде, Гуверовский институт, Колумбийский университет, Нью-Йоркская публичная библиотека), но они были недоступны исследователям из Русского Зарубежья. Европа в этом отношении была гораздо беднее, чем можно было предположить. Значительными по объему собраниями на-

учной литературы по России располагали только Британский музей, Национальная библиотека в Париже (а в 20-е гг. также Библиотека современной документации), университетская библиотека в Хельсинки, Прусская и Баварская государственные библиотеки (расположенные в Берлине и в Мюнхене). Попасть туда можно было лишь по специальному разрешению, которое большинство эмигрантов не могли получить из-за сопряженных с этим сложностей. Вследствие проблем как финансового, так и юридического характера лишь немногие имели возможность добраться до этих библиотек. Следует отметить, что в течение 20—30-х гг. европейские страны почти не занимались приобретением материалов из России и о России. Конечно, в некоторых исследовательских учреждениях имелись собрания связанных с Россией материалов, но, как правило, это были закрытые, разбросанные по всей Европе учебные заведения, которые использовали свои собрания для обучения студентов или собственной научной работы. Среди подобных собраний можно назвать библиотеки Института славянских исследований и Школы живых восточных языков в Париже, в Германии были так называемые семинарские или институтские библиотеки Институтов Восточной Европы в Бреслау и в Кенигсберге. В целом с точки зрения возможностей ведения научной работы ситуация была неблагоприятной, а для студентов-эмигрантов совсем незавидной. Практически ни одна из доступных эмигрантам библиотек не обладала хорошим собранием материалов по России.

Русское Зарубежье преодолевало эти сложности своими силами. Некоторые шаги в этом направлении были предприняты еще до революции эмигрантами и приезжающими из Российской империи. Наиболее важным было создание Библиотеки имени Тургенева в Париже. Она была основана в 1875 г. по инициативе Ивана Тургенева и служила местом встречи всех русских, живших во Франции в силу причин частного, творческого или политического характера. Руководил библиотекой комитет, выбиравшийся из читателей, сотрудники работали в основном на общественных началах, за небольшую плату здесь можно было брать книги на дом. Библиотека имела практически полные комплекты наиболее распространенных периодических изданий и много другой литературы. Новые книги или дарились, или приобретались на довольно скромные средства. Библиотека послужила также эмигрантам 20—30-х гг. Появление значительного русского населения, среди которого было много выдающихся творческих личностей, обусловило расширение фондов библиотеки и ее деятельности. Писатели и ученые дарили ей свои произведения, сама библиотека выписывала столько эмигрантских периодических изданий, сколько позволяли ее финансовые возможности. Она получала помощь от бывшего русского посольства, от парижских муниципальных властей, но в основном полагалась на собственные силы, на самопожертвование

и энергию сотрудников и руководящего комитета. Библиотека являлась не только средоточием русской интеллектуальной жизни в Париже — у нее была огромная читательская аудитория в провинции, куда книги отправлялись по почте. Будучи основным учреждением культуры в эмиграции, она активно участвовала во всех событиях культурной жизни и празднествах Русского Зарубежья, которые проводились в Париже и во Франции. В период оккупации немцы вывезли собрание библиотеки, некоторые книги затем «всплывали» в букинистических магазинах и на аукционах. После войны библиотека была восстановлена в более скромном объеме, располагаясь в новом помещении, выделенном парижским муниципалитетом[22].

В других городах Европы были читальные залы, небольшие книжные магазины, которые имели читальные комнаты и выдавали книги на дом. Но они были разросаны по разным странам, их собрания были ограниченными, так что они не играли той объединяющей роли, которая принадлежала Библиотеке имени Тургенева. Некоторые из этих читальных залов были основаны до 1914 г. политическими эмигрантами или студентами. Примером может служить Русская библиотека в Женеве, которую часто посещали представители разных социалистических течений. Русский читальный зал, некогда основанный русскими студентами, а ныне вошедший в библиотеку Славянского института, был при Гейдельбергском университете. Беженцы, потоком устремившиеся за границу в 1919 г., создали повсюду среди русской диаспоры — от Лондона (Пушкинский кружок) до Варшавы, Софии, Риги и Харбина — целый ряд подобных читальных залов и небольших библиотечных абонементов.

Новая библиотека была основана в Праге в рамках Русской акции. Было решено начать сбор как опубликованных, так и неопубликованных материалов по русской революции в широком смысле этого слова. Так возникли Русский заграничный исторический архив и библиотека. Возглавлял архив чешский историк Ян Славик, а сотрудниками в основном были русские эмигранты. Архив управлялся ученым советом, в который входили видные чешские и русские ученые, и финансировался чешским министерством иностранных дел. Библиотека и архив располагали сетью «агентов» в центрах русской диаспоры, которые должны были находить, получать доступ и доставать материалы, представляющие интерес. Эти учреждения рассматривались как хранилище документов Русского Зарубежья, подобно старым библиотечным собраниям империи[23]. Архив обращался к изгнанникам и организациям эмигрантов с просьбой передавать ему их документы и переписку. В то же время он призывал бывших участников исторических событий писать мемуары и сдавать их на хранение в архив. К 1939 г. библиотека и архив обладали наиболее обширным и ценным собранием материа-

лов, относящихся к недавнему прошлому России[24]. Попытка организовать серию публикаций этих материалов не увенчалась успехом, хотя основанный в Берлине под редакцией И. Гессена «Архив русской революции» поддерживал тесные контакты с пражским Русским заграничным историческим архивом и библиотекой. И библиотека и архив уцелели во время второй мировой войны, немцы их не тронули. Первое время и советское правительство не проявляло к ним интереса. Президент Бенеш передал архив Советскому Союзу как дар в знак благодарности за участие СССР в освобождении Чехословакии. После периода полной неизвестности, когда многое, вероятно, было повреждено или безвозвратно утрачено, остатки библиотечного собрания были обнаружены в Национальной университетской библиотеке в Праге[25].

Наш краткий рассказ позволяет уяснить две основные черты, характерные для культурной жизни Русского Зарубежья. Во-первых, ученые-эмигранты, продолжавшие свои исследования по русской тематике в истории и других гуманитарных науках, испытывали немалые трудности. Во-вторых, и это важнее, мы можем назвать немало публикаций, периодических изданий и книг, созданных эмиграцией. Население Русского Зарубежья было разобщено, жило в бедности, но испытывало потребность в печатном слове. Фонды местных библиотек и читальных залов были ограниченны. Многие маленькие библиотеки и частные лица организовали торговлю печатной продукцией вне зависимости от того, где она выходила в свет: достаточно было указать издание и оплатить почтовые расходы. Скудость русских изданий в местных библиотеках обусловила необходимость переиздания учебников и произведений известных авторов. Поэтому многие эмигрантские издательства предпочитали выпускать отдельные произведения и собрания сочинений наиболее известных русских писателей, а не новые книги, особенно вышедшие из-под пера молодых авторов.

Наконец, следует остановиться еще на одном аспекте развития науки в Русском Зарубежье. Некоторые ученые-эмигранты смогли продолжить свою работу в научных учреждениях стран, предоставивших им убежище. Эту возможность предоставили ученым, которые имели мировую известность и смогли поселиться вблизи от учебного или научного учреждения. Временами и честолюбивым, талантливым, имеющим хорошие связи ученым молодого поколения удавалось стать сотрудниками официальных научных учреждений принявшей их страны, если были замечены их яркие способности и научные достижения. В области естественных наук русские чаще всего работали в Институте Пастера, у которого были давние связи с русскими учеными, начиная с И. И. Мечникова. В Германии некоторые эмигранты стали сотрудниками Институтов Восточной Европы. Мы уже говорили о приглашениях эмигрантов на должности в университетах приграничных государств. Свободный

университет в Брюсселе пригласил профессора Александра Экка, специалиста по истории средних веков, университет Вены — Н.Трубецкого, который возглавил там кафедру славянской филологии. Во Франции выдающиеся ученые — представители молодого поколения эмигрантов А. Койре, Г. Гурвич и Н. Щупак — нашли работу в сложной по структуре Школе высших практических исследований; эмигранты работали также и в других учреждениях, например в Музее человека (Е. Шрайдер, Б. Вильде, А. Левицкий). Преподаватели Русского университета в Праге иногда приглашались для чтения лекций в Карловом университете (например, В. Францев, А. Флоровский). Следует отметить, однако, что перечисленные примеры являются скорее исключениями из общего правила. Широкой практики получения постоянной и даже временной должности в государственных университетах в большинстве стран Западной и Центральной Европы не существовало (а негосударственных учебных заведений, за исключением связанных с церковью, фактически не было). Большинство русских ученых остались за рамками официальной интеллектуальной и научной жизни принявших их стран, так что их деятельность почти целиком была направлена на удовлетворение потребностей Русского Зарубежья.

Неотъемлемой частью университетской жизни являются, разумеется, студенты. К сожалению, мы лишены возможности делать какие-либо обобщения, так как о повседневной жизни студентов-эмигрантов, их отношении к учебе и к тем целям, на которые было направлено их обучение в эмиграции, известно очень мало. У учеников младших классов были те же проблемы, что и у их родителей, прежде всего связанные с задачами физического и культурного выживания. Невозможно определить, однако, в какой степени условия их жизни отличались от тех, в которых находились учащиеся дореволюционной России, их сверстники в Советском Союзе или в принявших их странах. Если судить по собственным впечатлениям, по отрывочным сведениям в эмигрантской печати, то главная дилемма, стоявшая перед молодежью, заключалась в том, посещать ли русскую школу и оставаться изгоем в чужом обществе или интегрироваться и адаптироваться к нему. То, как ребенок разрешал для себя это противоречие, зависело от такта его родителей, от степени их приверженности русскому наследию. Для детей из интеллигентных семей, где существовала, даже несмотря на нужду, доброжелательная атмосфера, проникнутая верностью русской культуре, пониманием той затруднительной ситуации, в которой находился ребенок, выбор делался легко. Кажется, многие дети в Чехословакии, Германии, Франции сумели сохранить русский язык и верность культурному наследию России и вместе с тем интегрироваться в культурную среду этих стран. Это относилось как к тем детям, кто посещал русские начальные и средние школы,

так и к тем, кто брал частные уроки по русским дисциплинам или изучал их на специальных курсах. В других случаях, как можно узнать из прессы, напряжение было слишком велико и ребенок протестовал против сложившейся ситуации, в особенности когда по данному вопросу в семье не было единодушия или когда материальные условия были настолько сложны, что эта проблема не казалась первостепенной. Это могло породить у подростка стремление избавиться от такой жизни, искать для себя лучшей доли, что означало прежде всего полную ассимиляцию и отказ от «русскости».

Перед теми, кто обучался в высших учебных заведениях, возникали иные проблемы. Разумеется, и на них влияли экономические трудности, социальная и культурная изоляция. Но когда к концу 20-х гг. стала исчезать надежда вернуться в Россию и работать там на ее благо, большинство студентов-эмигрантов сосредоточилось на овладении профессиональным мастерством, поиске работы и интеграции в местное общество. Разумеется, наши источники сохранили сведения лишь о тех, кто добился успеха. Вероятно также, что для того, чтобы избавиться от своего более чем непривилегированного положения, студенты-эмигранты направляли максимум сил на развитие своих способностей.

В эмиграции учащиеся средних и высших учебных заведений испытывали потребность в организации. Объединив свои усилия, они не только могли оказывать друг другу материальную и интеллектуальную поддержку, но и создать основы организации, которая помогла бы им в будущем сыграть достойную роль на родине. При поддержке представителей Всемирного христианского студенческого движения они организовали в 1922 г. Объединение русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), штаб-квартира которого находилась в Праге. Объединение проводило международные конференции для обмена информацией и обсуждения проблем, представляющих общий интерес, в частности проблемы поиска возможностей для улучшения их статуса и материальных условий, чтобы продолжать учебу. ОРЭСО издавало также журнал, где публиковались сообщения о жизни студентов в разных частях диаспоры, о моральных и интеллектуальных проблемах эмигрантов и т.д. К сожалению, организация не смогла сохранить свое единство: несовпадение политических взглядов и планов, касающихся будущего «свободной» России, способствовали размежеванию бывших офицеров белых армий и сторонников монархии, с одной стороны, и тех, кто придерживался демократических, социалистических позиций, интеллектуалов, далеких от политики, — с другой. Вскоре организация прекратила свое существование. В то же время другая организация, сторонившаяся политики и строившая свою деятельность на основе религиозных ценностей, Русское христианское студенческое движение, успешно работала до и во

время второй мировой войны и после ее окончания. Подробнее о нем будет рассказано в шестой главе[26].

Некоторые организации занимались оказанием помощи студентам, собирали и распределяли средства для выплаты зарплат преподавателям и стипендий и работали в тесной связи с Земгором или с Association d'aide aux étudiants émigrès russes*, работавшей в Париже под руководством М. М. Федорова. Средства для этого они получали от правительств и от филантропических организаций, проводили благотворительные мероприятия. Одним из них был Татьянин день — традиционный праздник русских студентов, когда устраивались бал, концерт и благотворительная лотерея, во время которых гости, как было принято раньше в России, делали пожертвования. Разобщенность, изоляция (зачастую отсутствие родственных связей) и бедность студентов-эмигрантов не создавали необходимых условий для формирования студенческих землячеств. Так, например, попытка создания в Латвии братств по образцу Объединений (Verbindungen) немецких студентов в дореволюционном Дерптском (ныне Тартуском) университете не увенчалась успехом.

В заключение следует отметить, что задача сохранения русской культуры и передачи культурного наследия молодому поколению была решена с явным успехом. Не все дети, разумеется, сохранили верность традициям дореволюционной России, культурные связи все-таки ослабевали, врастание в общественные структуры стран расселения становилось все более частым явлением. Тем не менее, как представляется, большинство сохранило основные элементы наследия, полученного от родителей, — язык, знание русской литературы и истории и любовь к ним и, что особенно важно, верность своему русскому самосознанию. Многие дети эмигрантов, выросшие в «России вне России», сегодня активно участвуют в развитии русской культуры, их работы известны в России. Нельзя тем не менее забывать, что высокий уровень смертности и низкая рождаемость в эмиграции наряду с драматическими событиями конца 30—40-х гг. подорвали основы созданной эмигрантами системы образования. Дети Русского Зарубежья, рожденные в 30-е гг., оказались полностью включенными в жизнь стран, предоставивших им убежище.

---

* Ассоциация помощи русским студентам-эмигрантам.

4.

ГАЛАКТИКА ГУТЕНБЕРГА.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО НА ЧУЖБИНЕ

Любое современное учреждение культуры или образования нуждается в печатной продукции (главным образом, в книгах), которая их объединяет. В Русском Зарубежье эта потребность была особенно велика, поскольку эмигрантские школы возникали практически ex nihilo*, не имея самого необходимого. Кроме того, помимо удовлетворения нужд школы, Русское Зарубежье должно было заботиться об объединении своих разбросанных по свету граждан, сохранении и развитии их самосознания. Печатное слово — газеты, журналы, книги — были самым действенным и фактически единственным средством достижения этих целей. Рассеянные по всему земному шару группы эмигрантов были слишком немногочисленны и слишком бедны, чтобы основать радиостанцию: для ее организации необходима была государственная лицензия, и по тем временам она не обладала большим радиусом действия. Личные контакты были затруднены: мы уже говорили о сложностях с оформлением виз и заграничных паспортов. Поэтому основная роль в поддержании и укреплении чувства единства Русского Зарубежья принадлежала издательскому делу. Совершенно очевидно, что печатание и распространение русского слова позволяли эмигрантам продолжать творческую деятельность и поддерживали развитие их интеллектуальной и культурной жизни.

В нашем распоряжении нет многих важных источников и подробно воссоздать историю издательского дела русской диаспоры 20-х и 30-х гг. трудно. Бóльшая часть архивов русских заграничных издательств не сохранилась, чаще всего из-за их недолгого существования. В ряде случаев, насколько нам известно, архивы были конфискованы оккупационными властями и скорее всего поте-

---

* Из ничего (*лат.*).

рялись в хаосе второй мировой войны. Так, например, документы успешно работавшего в Берлине издательства «Петрополис» (1923-1938) были изъяты гестапо и до сих пор не найдены[1]. Установить количество изданий, размеры тиражей, объемы продажи и распространения печатной продукции невозможно. Кроме того, многие эмигрантские издательства переезжали из одних городов или стран в другие (тот же «Петрополис», например, переехал из Берлина в Брюссель), ставили ложные выходные данные, не указывали место издания[2].

С конца XVIII века основные творческие усилия в России предпринимались в области художественного слова. В силу целого ряда причин литература являлась центром культурной и интеллектуальной жизни дореволюционной России. Ей уделяли особое внимание радикалы и революционеры как наиболее действенному средству в подготовке революции и свержении старого режима. Не удивительно, что и творческий «взрыв» эпохи Серебряного века (хотя он в большой степени затронул и изобразительное искусство, и музыку) проявился прежде всего в заметном увеличении числа издательств и изданий, их тиражей, расширении читательской аудитории. Группы, движения и отдельные личности, определявшие художественные и идейные настроения общества, имели своих издателей или сами выпускали периодические издания и книги. Несмотря на материальные трудности и социальную нестабильность, в начальный период революции и во время гражданской войны поток печатной продукции не сократился. Напротив, политические сдвиги поставили новые цели перед пропагандой, и эти задачи перевоспитания, экспериментирования в области эстетики не могли быть достигнуты без развития печати.

Не удивительно поэтому, что и изгнанники, оказавшиеся за пределами России, видели в изобретении Гутенберга основное средство решения своих специфических проблем: сохранить и приумножить культурное наследие родины в надежде использовать его впоследствии на благо освобожденной от большевизма России. Недостатка в потенциальных авторах не было, но, учитывая условия, в которых находились эмигранты, и обстановку мирового экономического кризиса, создать новое издательство или найти издателя было делом нелегким. Еще сложнее было организовать распространение изданий среди разобщенных и небогатых потенциальных читателей. Цены нужно было устанавливать как можно более низкие, что тоже было непросто, поскольку тиражи были небольшими, а сбыт — сложным и дорогостоящим. Реклама не была эффективной и играла даже в газетах второстепенную роль. Лучшим средством оповещения о выходе в свет произведения были обзоры книжных новинок в журналах и газетах, но их составление было сопряжено со столкновением групповых интересов, пристрастий, давало повод для зависти и конфликтов между отдельными людьми. Книжные

магазины отказывались брать большое число экземпляров книг или журналов; их владельцы предпочитали приобретать только те издания, которые они могли продать наверняка. Непроданные экземпляры возвращались в издательство, которое должно было при этом оплачивать расходы на пересылку. Попытки создания синдиката издательств потерпели неудачу[3]. Столь же сложно было удовлетворить разнообразные вкусы, учесть различия в культурном и образовательном уровне, идеологические — политические и эстетические — пристрастия, поскольку в лучших традициях русской интеллигенции каждая группа образовывала свой собственный «кружок», не слишком охотно воспринимавший другие идеи и ценности. Каждая группа читателей, придерживавшихся определенной ориентации, представляла собой весьма ограниченный рынок сбыта, и даже издания, представлявшие, казалось бы, общий интерес, например классика, печатались небольшими издательствами и распространялись среди узкого круга читателей и книжных магазинов. Все это объясняет крах попыток издать большими тиражами учебники или собрания сочинений классиков. В начале 20-х гг., в период нэпа, была надежда, что удастся наладить распространение изданий Русского Зарубежья в Советской России. Предприимчивый издатель З.И. Гржебин, живший в Берлине, при содействии Максима Горького вел переговоры о продаже своих изданий, прежде всего русской классики и некоторых новых книг, по преимуществу технической литературы, в СССР. Соглашение, однако, не состоялось, поскольку советская власть не пожелала ослабить свои цензурные ограничения и сделала сколько-нибудь масштабный импорт изданных за границей книг невозможным[4].

Эмигранты следовали традициям печатного дела, сложившимся в дореволюционной России, с теми изменениями, которые внесла эпоха Серебряного века. До 1917 г. в России отдавали предпочтение не книгам, а периодическим изданиям, на страницах которых и увидели свет многие литературные произведения. Эта тенденция сохранялась и в эмиграции. Периодические издания отразили присущую обществу пестроту и разброс мнений: каждая группа, занимавшая собственную идеологическую или эстетическую позицию, стремилась иметь свой печатный орган. Более того, поскольку эмиграция длилась гораздо дольше, чем первоначально предполагали, молодые писатели все чаще отвергали преобладающее влияние печатных органов, созданных старшим поколением. Молодому поколению было трудно пробиться в эту корпоративную группу, которая боялась, что никому не известные новинки еще более сократят и без того небольшой рынок. Признанные писатели старшего поколения не желали уступать с таким трудом завоеванных позиций, обеспечивавших им прожиточный минимум. Таким образом, необходимость толкала молодых писателей, мыслителей и критиков на издание собственных журналов или брошюр. Но фи-

нансовая поддержка подобных предприятий была весьма незначительной, а доходы от распространения изданий едва покрывали затраты на их публикацию. В результате все подобные начинания оказывались недолговечными и охватывали лишь ограниченный круг «своих». Все сказанное выше объясняет, почему эти публикации так трудно найти; многие из них вообще недоступны и упоминаются лишь в свидетельствах и отзывах современников или в обзорах, помещенных в сохранившихся изданиях. Наконец, издательское дело в эмиграции испытывало трудности в связи с ростом пошлины на публикации и цензурными ограничениями, которые вводились националистическими и авторитарными режимами стран проживания. Все труднее становилось пересылать издания за границу, особенно если в них содержались негативные высказывания о той стране, в которую они были отправлены. К концу 30-х гг. книги и журналы эмигрантов в большинстве своем имели хождение только в тех странах, где они вышли в свет. Их аудитория, равно как и шансы на выживание, были весьма невелики.

Охватившая Германию инфляция превратила Берлин в главный и наиболее активный центр издательской деятельности эмиграции 1920—1923 гг. Преимущество Берлина заключалось еще и в том, что здесь было сосредоточено много русских беженцев — представителей образованной элиты, среди которых можно было найти и авторов, и потребителей издательской продукции. Наконец, благодаря заигрываниям германского правительства с большевиками, Берлин сохранил наиболее тесные контакты с Советской Россией. С началом нэпа те советские граждане, кому удавалось получить разрешение для временного выезда за границу, приезжали в Берлин. Естественно, возобновились и давние контакты между представителями немецкой и русской интеллигенции. В Германии раздел между Русским Зарубежьем и советской родиной был нечетким, и сложившееся здесь положение стимулировало поддержание интеллектуальных связей между людьми. Существование этого взаимного обмена было отмечено прессой.

Интерес, проявлявшийся изгнанниками ко всему, что происходило на родине, легче было удовлетворить в Берлине, нежели в любом ином центре русской диаспоры. Берлин служил местом, где происходил обмен информацией об авторах и публикациях в Советской России и в Русском Зарубежье. Именно с этой целью бывший профессор права А.С. Ященко основал журнал «Русская книга», позднее переименованный в «Новую русскую книгу». Журнал давал наиболее компетентные, хотя, разумеется, далеко не полные, обзоры публикаций и авторов диаспоры (а для периода гражданской войны отчасти и по Советской России). Издания Ященко помогли установить контакты и обмен между эмигрантскими авторами и первыми сообщали о достижениях Русского Зарубежья в области литературного творчества. Сходную роль сыграла издавав-

шаяся эсерами в Праге «Свободная Россия», которая информировала эмигрантов о происходящем в большевистской России; а в рубрике «Новости литературы» давался обзор основных событий литературной жизни Русского Зарубежья[5].

В течение всего времени, пока Советская Россия не была окончательно изолирована от Русского Зарубежья, распространение информации имело особое значение. Благодаря роли Берлина, как центра русского издательского дела, после окончания гражданской войны многие советские писатели приезжали за рубеж — некоторые из них остались там навсегда. Кое-кто приезжал на время, например Б.Пастернак, М.Гершензон, А.Толстой и И.Эренбург. Список тех, кто никогда больше не вернулся в Россию, слишком велик, в особенности если включить в него тех, кто был выслан в 1922 г.[6] А.Ремизов, В.Ходасевич, Н.Берберова, М.Цветаева были в числе известных литераторов, посещавших Берлин. В начале 20-х гг. здесь побывали также В.Маяковский, С.Есенин, А.Белый и М.Горький, который оставался за границей до конца 20-х гг. Таким образом, в интеллектуальную жизнь эмиграции влилась модернистская струя. Влияние усиливалось благодаря деятельности художников, музыкантов, драматических актеров, принадлежавших к экспериментаторским течениям современного русского искусства, которые посещали Берлин. Первая выставка современного русского искусства прошла в 1922 г. Это событие способствовало возникновению целого ряда галерей и кружков художников[7]. Поднятый здесь вопрос о модернизме важен потому, что оказавшиеся в эмиграции писатели в большинстве своем принадлежали к ранее оформившимся его направлениям — натурализму (И.Бунин и А.Куприн) и символизму (З.Гиппиус и Д.Мережковский). Бóльшая часть обосновавшейся за границей интеллигенции, одобрительно относясь к новым веяниям в философии и религии, в своих эстетических воззрениях была довольно консервативной и смотрела на модернистские эксперименты, осуществлявшиеся в России до и после 1917 г., весьма скептически. Правда, сказанное в гораздо меньшей степени относится к поэзии — символизм и пришедший ему на смену акмеизм получили в Русском Зарубежье droit de cité*. Эмигрантская поэзия оказалась в большей степени открытой для новаций и экспериментов, нежели проза. Молодые поэты-эмигранты проявляли интерес к новым течениям 20-х гг. и с готовностью воспринимали все, чему приезжавшие из большевистской России поэты могли их научить. Таким образом, Берлин помог познакомить мир с русским модернизмом. Это не только оказало влияние на культурную жизнь Русского Зарубежья, но, как ни странно это прозвучит, давая писателям из Советской России передыш-

---

* Droit de cité (*фр.*) — право гражданства.

ку, хотя бы и на время, от сложностей и тягот советской жизни начала 20-х гг., позволило сохранить модернизм и там.

В Берлине, таким образом, издательское дело было представлено наиболее широко как в смысле разнообразия содержания печатной продукции, так и с точки зрения исполнения — полиграфии, оформления книги, иллюстраций, что позволило западному читателю получить полное впечатление о новациях Серебряного века. Это многообразие, однако, заметно пошло на убыль после того, как изменения в экономике, стабилизация марки и обусловленное этим повышение цен вынудили многих представителей интеллигенции, а вместе с ними и их печатные органы покинуть Берлин. Ученые обосновались в Праге, тогда как наиболее активные в творческом отношении писатели, художники, философы направились в Париж; некоторые остановили свой выбор на Белграде или Риге. Примерно после 1925 г. центром издательской деятельности стал Париж и оставался им до конца рассматриваемого периода. В то же время переиздания произведений популярных авторов и классиков осуществлялись чаще всего в Риге, а научные публикации — в Праге на средства находившихся там русских научных учреждений.

Масштаб и разнообразие русского издательского дела в Берлине отражает тот факт, что с 1918 по 1928 г. было обнаружено 188 эмигрантских издательств. Некоторые из них существовали только на бумаге, другим удалось выпустить лишь по нескольку наименований печатной продукции. Тем не менее количество их совершенно невероятно и не имеет аналогий ни в одном другом центре эмиграции. В той же книге, откуда взяты эти данные, помещена статья, в которой прослеживается разнообразие форм книжной графики и высокий художественный уровень русских изданий в Берлине, к которому никому и нигде не удалось приблизиться, а тем более повторить[8]. И.М. Ильязд-Зданевич, который оставил труд писателя ради издательской деятельности, задал тон для многих авангардистских издательств в Париже, хотя первоначально он издавал работы нерусских художников.

Классифицировать эмигрантские издательства по публиковавшейся ими литературе непросто. В условиях эмиграции особый подход или специализацию было трудно сохранять в течение длительного времени. Первоначально большая часть издательств выпускала два вида книжной продукции: переиздания русских писателей-классиков и публикации новых произведений хорошо известных писателей-эмигрантов. Такие популярные авторы, как Вас. Ив. Немирович-Данченко (брат театрального режиссера), А. Амфитеатров и М. Алданов, автор исторических романов, легко находили издателей, их сочинения выходили достаточно большими тиражами. Обстоятельства финансового характера, о которых было сказано выше, сказывались в том, что ни один писатель Русского

Зарубежья не имел своего постоянного издателя и ни у одного издательства не было стабильного круга авторов. Писатели были готовы публиковаться у любого издателя, часто одно и то же произведение они отдавали в разное время в несколько издательств, обслуживавших различные (в географическом смысле) книжные рынки[9]. Попытки внести больше порядка и честности в дела, предпринятые совместными усилиями издателей и авторов, потерпели неудачу: пиратство по-прежнему процветало — произведения, опубликованные в одном журнале или газете, перепечатывались другими без оплаты авторских прав, одни и те же вещи могли выходить у разных издателей. Сделанная одним американцем попытка обеспечить соблюдение прав писателей путем обязательного заключения договоров по авторским правам между всеми заинтересованными сторонами закончилась безрезультатно[10]. Ассоциации издателей также не были выходом из положения, поскольку конкуренция из-за ограниченного сбыта продукции не давала шансов прийти к какому бы то ни было эффективному соглашению.

Одно издательство, однако, являло собой исключение. ИМКА основала и субсидировала издательство ИМКА-Пресс, до сих пор процветающее в Париже. Некоторое время оно работало под вывеской Editeurs réunis. Первоначально оно было создано европейскими представителями ИМКА для издания учебников и литературы для чтения (преимущественно религиозного характера) для военнопленных. После возникновения Русского Зарубежья пришло осознание необходимости удовлетворить возникшую у эмигрантов потребность в литературе. Вначале ИМКА сосредоточила внимание на технической литературе и стала проводить в жизнь обширную программу выпуска учебников; она, однако, не удалась, так как задумана была слишком широко, а осуществлялась беспорядочно. Переиздание учебников или финансирование переводов зарубежных учебных пособий было делом отнюдь не выгодным, поскольку эмигранты не покупали такого рода литературу. Даже научно-популярная серия Гешена, издававшаяся на русском языке для широкого круга читателей, не имела успеха и прервалась в 20-е гг., когда пришлось расстаться с наивной мечтой добиться разрешения распространять эти издания в Советской России. В 1925 г. ИМКА перенесла свою деятельность в Париж и стала основным издателем книг по философии и религии, журнала Свято-Сергиевского Богословского института «Православная мысль» и журнала «Путь», органа бердяевской Религиозно-философской академии. Кроме того, ИМКА издавала некоторые произведения художественной литературы, а также книги, в том числе и переводные, которые могли вызвать интерес у широкого читателя[11]. Продолжительность существования этого издательства, благодаря финансовой поддержке со стороны ИМКА, позволила ему стать основным источником духовной, высоко интеллектуальной пищи

для Русского Зарубежья и оставаться таковым в течение всего рассматриваемого нами периода (эту же роль ИМКА-Пресс выполняет и сегодня, хотя на иной финансовой основе и более открыто ориентируясь на религиозную проблематику). Издательство имело возможность материально поддерживать своих авторов, в особенности писавших статьи для журналов, и таким образом косвенно оказывало поддержку отдельным представителям эмигрантской интеллигенции.

Как уже упоминалось, издание учебников и учебных пособий, которые могли быть полезны военнопленным для самообразования или для дальнейшего обучения, было первым начинанием, побудившим ИМКА к издательской деятельности. Так было и с другими эмигрантскими издательствами. Все русские учебные заведения за границей, особенно школы, нуждались в учебниках, поскольку их нельзя было больше получать из России. Сначала казалось, что издание учебников и учебных пособий сулит издателям выгоды. ИМКА, например, переиздало много подобных книг, которые, однако, не были распроданы, что на несколько лет осложнило ее финансовое положение. Неудача, постигшая это начинание, отнюдь не была случайной: старые учебники не могли удовлетворить послевоенное поколение учеников; они безнадежно устарели, поскольку не учитывали тех открытий, новаций и изменений, которые произошли в науке и в технике в период первой мировой войны и после нее. Переводы новых учебников, издававшихся на Западе, были дороги и требовали времени, относительно небольшие размеры рынка сбыта этой литературы не позволяли надеяться, что эти усилия и затраты окупятся. Рынок был действительно невелик, поскольку и число детей эмигрантов, посещавших русские школы (кроме начальных классов), было незначительным. Более того, школьные программы стали более разнообразными, чем в царской России, следовало учитывать требования, принятые в каждой из стран проживания, так что создать учебник, который подходил бы для всех эмигрантских школ, было трудно. Поскольку эмигранты были бедны, учебники приходилось распространять бесплатно, что почти не оставляло издателю надежд на получение прибыли.

С другой стороны, надежда на то, что издание учебников и пособий, предназначенных для использования в преподавании соответствующих предметов, может быть не только полезным, но и выгодным, все-таки существовала. Эмигрантский публицист С. Цион предложил схему для публикации серий подобных изданий на рассмотрение ИМКА и других издательств, но из этого ничего не вышло, возможно, потому, что этот план был слишком широким и неконкретным[12]. На самом деле подобный подход был неверен, поскольку те русские беженцы, кто хотел овладеть техническими и профессиональными навыками и новыми знаниями, чтобы повы-

сить свою квалификацию, в основном использовали пособия, написанные на языке той страны, где они рассчитывали получить работу. Например, вечерние и заочные школы для инженеров и техников, о которых мы упоминали в предыдущей главе, обосновались в Париже под покровительством ИМКА и ориентировались в своей работе на зарубежную литературу, которая была более современной, нежели то, что могло предложить Русское Зарубежье.

Несколько издателей все-таки выпускали учебники для русских школ, но они составляли небольшую часть изданий Русского Зарубежья. Учебники, которые могли использоваться в школах для русского меньшинства в приграничных государствах, имели более емкий рынок. Некоторые старые русские учебники по истории (например, курс Платонова для средней школы) и по литературе использовались в качестве пособий и выходили в свет даже в такой дали, как Буэнос-Айрес. Почаевский монастырь специализировался на переизданиях и выпуске небольших брошюр (или плакатов) на религиозные и моральные темы, которые имели широкое распространение в церковных школах и приходах. Но подобные издания были характерны только для первого десятилетия эмиграции; в целом среди публикаций русских изгнанников преобладали художественная литература и ограниченное число хороших исследований по истории, литературе или философии.

Одной из первейших забот издателей-эмигрантов было переиздание произведений русских писателей-классиков — Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова, — тех книг, по которым изгнанники истосковались и которые хотели бы иметь дома. «Петрополис» и «Слово» выпустили многотомные собрания сочинений этих авторов. Это были не академические издания, а просто хорошо изданные книги, как правило, напечатанные в соответствии с требованиями старой орфографии. По случаю юбилея какого-либо писателя выпускались специальные издания, например, к столетию со дня рождения Толстого в 1928 г. или к столетию смерти Пушкина в 1937 г. Несколько издательств в разных странах выпустили новые издания произведений Пушкина — наиболее ярким среди них может считаться собрание сочинений, изданное в Париже на мелованной бумаге и в кожаном переплете. В «Петрополисе» вышло под редакцией В. Ходасевича юбилейное издание «Евгения Онегина» с иллюстрациями М. Добужинского. Советские издания классиков стали конкурировать с продукцией Русского Зарубежья по своей доступности и полиграфическому исполнению только в начале 30-х гг. Однако, несмотря на то, что советские книги были гораздо дешевле, многие эмигранты отказывались их покупать (и даже читать), потому что они были напечатаны в соответствии с новой орфографией, а слово «Бог» в них писалось с маленькой буквы.

Второй по распространенности группой изданий были произведения художественной литературы, написанные писателями-эмигрантами. Самой большой популярностью пользовались сочинения Немировича-Данченко, Амфитеатрова, Алданова и П. Краснова. Бóльшая их часть публиковалась частями на страницах журналов. Новые произведения И. Бунина, Д. Мережковского, А. Ремизова, Б. Зайцева, А. Куприна и И. Шмелева всегда находили свой, пусть небольшой, рынок сбыта. У писателей же молодого поколения возникали большие сложности с публикацией своих книг. Так было с В. Сириным (Набоковым), Г. Газдановым и Н. Берберовой, если говорить только о самых известных и несколько более старших по возрасту. Чаще всего их произведения печатались только в журналах. Еще труднее было тем, кто начал писать в середине 30-х гг.: В. Яновскому, Ю. Фельзену, В. Варшавскому, в частности, из-за их новаторства, модернистского стиля и тематики. Средний читатель Русского Зарубежья был слишком истощен каждодневной борьбой за хлеб насущный, чтобы быть любителем авангардной литературы. Он отдавал предпочтение легкому чтению, романам знакомых классиков и современных писателей. Как отметил поэт и критик Г. Иванов, писателю прежде всего нужны читатели, а молодые авторы находят их с трудом; это обстоятельство создает барьер на пути развития творческой энергии гильдии литераторов в изгнании[13]. С другой стороны, поэты могли позволить себе модернистские поиски, поскольку «революция» эпохи Серебряного века стала частью культурного достояния эмиграции, и, кроме того, отдельные стихи легче было опубликовать на страницах газет и журналов. Издание стихотворного сборника, однако, было организовать сложнее, бóльшая их часть издавалась небольшими тиражами на средства автора, и лишь самые хвалебные отзывы критики в периодической печати привлекали к ним внимание небольшого числа покупателей.

Для нехудожественной литературы ситуация была еще более сложной. Книги по религии и философии, как мы уже упоминали, выходили в ИМКА-Пресс, которая могла себе позволить понести некоторые убытки. Неизбежный интерес у читателей Русского Зарубежья вызывали написанные современниками биографии и мемуары, поскольку в них говорилось о знакомых людях и известных событиях. Особенным успехом пользовались мемуары о гражданской войне, хотя и они не приносили авторам больших денег, если только их не переводили на иностранные языки, — но это были как правило, воспоминания наиболее видных представителей придворных кругов и руководителей Белой армии.

Научные книги и монографии приобретались только библиотеками, научными учреждениями и горсткой отдельных людей. Они могли быть изданы, как правило, только с чьей-либо поддержкой или субсидиями. Например, «Очерки по истории русской культу-

ры» П. Милюкова, вышедшие накануне первой мировой войны, имели в то время большой успех, выдержали несколько изданий и, по оценкам некоторых специалистов, были наиболее читаемой книгой по русской истории после лекций В. Ключевского. Однако выпуск переработанного издания стал возможным в Париже в начале 30-х гг. лишь благодаря сбору благотворительных пожертвований от эмигрантов и средствам, предоставленным правительствами Болгарии и Чехословакии[14]. Насколько мне известно, издание любой монографии было возможно либо благодаря субсидиям какой-либо эмигрантской организации: например, Донское казачье войско оплатило С.Г. Сватикову работу над книгой «Россия и Дон»; либо путем подписки. То, что монографий было мало, а статей в различных (общего и специального профиля) журналах — множество, отражено в библиографии работ эмигрантов по общественным и естественным наукам, вышедшей в двух томах в Белграде в 1931 и 1941 гг. Меньший объем второго тома наглядно демонстрирует сокращение численности эмигрантских ученых вследствие смерти или интеграции в научную жизнь стран расселения[15].

В Русском Зарубежье было опубликовано лишь ограниченное число переводных произведений. Причина заключалась, во-первых, в относительно высокой цене за передачу авторских прав. Во-вторых, большинство эмигрантов в той или иной степени овладевали языком принявшей их страны, хотя и не столь охотно, как это иногда изображают. Наиболее часто переводили с английского, поскольку на этом языке было написано много хороших произведений современной художественной литературы, особенно детективных и приключенческих. Последние чаще всего появлялись на страницах ежедневной периодики. Бóльшая часть русских газет в крупных городских центрах («Последние новости» в Париже, «Руль» в Берлине, «Сегодня» в Риге) публиковали выпусками английские или американские детективы и другие произведения развлекательного жанра[16].

Как уже указывалось, произведения художественной и научной литературы чаще всего публиковались на страницах периодических изданий. Последние являлись наиболее эффективным средством для поддержания культурного единства Русского Зарубежья: журналы были дешевле, их легче было издавать, они не требовали таких денежных ассигнований, какие были необходимы для публикации книг. Их также легче было распространять за пределами того государства, где они издавались. Журналы были рассчитаны на определенный круг читателей и поэтому гарантировали себе пусть ограниченный, но твердый спрос. Тяготы и сложности жизни в эмиграции часто не давали возможности представителям интеллигенции или писателям браться за выполнение замыслов, рассчитанных на длительное время, они отдавали предпочтение кратко-

срочным, результаты которых — научные статьи или новеллы — публиковались в журналах или газетах.

Библиография эмигрантской периодики, выпущенная парижским Институтом славянских исследований, показывает, что газеты и журналы росли как грибы после дождя в каждом центре русской диаспоры, но, как те же грибы, имели недолгий век. Среди них были издания на все литературные и эстетические вкусы, для всех политических направлений, профессиональных интересов, просто информационные и развлекательные. Представляется невозможным рассмотреть здесь весь спектр этих изданий, в частности, потому, что мы обладаем далеко не полной информацией. Архивы большинства периодических изданий были утрачены, так что мы не можем получить даже такие элементарные сведения, как размер тиража, количество проданных экземпляров или характер финансирования. «Внутренняя история» редакционной политики, причины принятия тех или иных решений также зачастую неизвестны. Все последующие общие соображения основаны по большей части на мемуарах, оттуда же почерпнуты и примеры[17].

Периодические издания распадались на следующие группы: информационные (как правило, газеты, местные или имевшие хождение по всей диаспоре), политические (органы политических групп различной ориентации от леваков-анархистов и социалистов до махровых реакционеров-монархистов), издания различных ассоциаций (профессиональных, общественных, ветеранских, благотворительных и т.д.), научные (финансировавшиеся научными учреждениями), литературно-художественные (представляющие различные стили и течения), популярные и развлекательные, «серьезные», так называемые «толстые», журналы (подробнее о которых мы расскажем ниже) и религиозно-философские, более полно описанные в шестой главе. Кроме того, выходили регулярные информационные листки, чаще всего имевшие хождение только в какой-либо отдельной местности.

За исключением чисто технических и специальных, а также имевших исключительно политическую направленность изданий самыми долговечными и авторитетными были журналы, издававшиеся либералами или умеренными социалистами. Несмотря на то, что преобладающее большинство «средних» русских эмигрантов были консервативны и придерживались монархических убеждений, ни одна газета или журнал правого толка не пользовались таким успехом, как либеральные издания. Объяснение кроется в первую очередь в том, что у либералов и прогрессивной интеллигенции был обширный опыт издания периодики, накопленный в дореволюционный период. Этот опыт сослужил им хорошую службу и при налаживании издательского дела в эмиграции. Во-вторых, представители либеральной интеллигенции занимали более взвешенную позицию и были более терпимы в своих суждениях,

более критично подходили к информации, которую они получали и сообщали, нежели их консервативно настроенные конкуренты. Таким образом, они могли обращаться к более широкой аудитории читателей, ведь даже среди монархистов были глубоко укоренившиеся и эмоционально окрашенные противоречия, которые порождали нетерпимость и предрассудки.

Основными ежедневными газетами эмигрантов, выходившими в течение более чем десяти лет, были «Последние новости» и «Возрождение» в Париже, «Руль» в Берлине, «Сегодня» в Риге и «Новое время» в Белграде. Эти газеты имели читателей во всей русской диаспоре[18]. В других крупных центрах Русского Зарубежья — Праге, Харбине, Варшаве — также выходили ежедневные газеты, но они существовали относительно недолго и, по-видимому, не имели читателей в других местах. «Руль» и «Сегодня», превосходные во многих отношениях газеты, со временем приобрели налет провинциальности, сосредотачивая свое внимание на событиях местного значения, перепечатывая статьи и рассказы из других изданий и используя информацию местных и иностранных газет для сообщений о текущих событиях. «Руль» закрылся в начале 30-х гг., главным образом в результате сокращения численности русской колонии в последние годы существования Веймарской республики. «Сегодня», испытывая давление со стороны авторитарного режима К. Ульманиса, все больше внимания уделяло местным, латвийским делам и утратило, таким образом, свои достоинства, несмотря на то, что временами перепечатывало статьи и корреспонденции из парижских «Последних новостей» и произведения известных эмигрантских авторов.

По общему мнению, парижские «Последние новости» были наиболее известной, уважаемой и широко читаемой газетой Русского Зарубежья. Они выходили под редакцией П. Милюкова без перерывов с 27 апреля 1920 г. до 11 июня 1940 г., т.е. вышли в последний раз накануне того дня, когда немцы вошли в Париж. Газета честно и объективно отражала события международной жизни; внутренние, французские, проблемы отнюдь не занимали основного места на ее страницах, хотя постоянно обсуждались в период кризисов. Газета могла гордиться тем, что она следила и полно освещала события и положение в Советском Союзе. Эта информация носила в основном резко критический и негативный характер, хотя газета должным образом замечала и подчеркивала все позитивные моменты, имевшие место на советской родине: например, международную позицию и отношение к войне, реформы в системе образования, различные мероприятия социального плана и т.д. Газета широко освещала события художественной, музыкальной и литературной жизни в Русском Зарубежье и в мире, что привлекало к ней высокообразованного читателя. Каждую неделю «Последние новости» отдавали несколько страниц исключительно поэзии, ху-

дожественной прозе, литературной критике и истории литературы. Ежедневно в ее подвале помещались публицистические материалы, критические эссе или художественная проза, причем газета давала возможность высказаться эмигрантским авторам, придерживавшимся различных художественных и политических взглядов. Газету упрекали в чересчур консервативной позиции в вопросах искусства и литературы, обвиняя главного редактора П. Милюкова в отсутствии воображения и смелости в эстетических суждениях. Это было весьма прискорбно, поскольку газета, практически единственная из всех эмигрантских изданий, выплачивала солидные, по эмигрантским меркам, гонорары; публикация на страницах «Последних новостей» была важна не только для авторского ego, но и для его кошелька. Милюков печатал также детективы, как правило, в переводах с английского.

В начале своего существования «Последние новости», очевидно, получали субсидии из различных источников, в том числе, возможно, от некоторых правительств, но вскоре, благодаря своей широкой популярности, стали в финансовом отношении независимыми. Реклама, главным образом местная, не оказывала большого влияния на финансовое положение газеты и не занимала большого объема на страницах издания. «Последние новости» последовательно занимали либеральную позицию, были демократичны в своей политической направленности. У газеты не было собственной политической программы, если не считать бескомпромиссного неприятия всех форм диктатуры. Редактор очень критически относился к идее реставрации монархии в России, хотя в марте 1917 г. Милюков и выступал за сохранение монархической формы правления. Газета постоянно в самых суровых выражениях обличала жестокий террор и безжалостную диктатуру большевиков, но столь же непримиримо с самого начала выступала против Муссолини, Гитлера и Франко; в 1938-1939 гг. однозначно отвергала линию на умиротворение агрессора. «Последние новости» с одобрением отзывались о либерально-демократических программах преодоления Депрессии, в частности о политике Нового курса в Соединенных Штатах, плане премьер-министра Бельгии Ван Зееланда и особенно о деятельности правительства Леона Блюма, сформированного Народным фронтом во Франции. Несмотря на подобные политические пристрастия, газету регулярно читали даже монархисты; самого высокого тиража — более 23 000 экземпляров — она достигла в начале 30-х гг. и поддерживала его на этом уровне вплоть до своего закрытия после оккупации Франции в 1940 г. Своими конкурентами, изданиями монархического толка, например парижским «Возрождением», газета называлась жидо-масонской и просоветской[19].

«Возрождение» было основано в 1925 г. первоначально под редакцией П.Б. Струве и при финансовой поддержке нефтяного маг-

ната А.О. Гукасова. Оно было задумано как умеренно-консервативный, монархический орган. Как видно из частично сохранившейся переписки, Струве рассчитывал на сотрудничество с широким кругом авторов со всего Русского Зарубежья и предполагал сделать газету серьезным изданием с большим литературным разделом. Вскоре, однако, он разошелся во взглядах с Гукасовым, которого явно не устраивала политическая ориентация Струве. Гукасов обвинил Струве в том, что из-за редакционной политики последнего в газете восторжествовали снобизм и кружковщина, ее высокомерный тон и стиль отпугивают простого читателя-эмигранта. Оскорбленный Струве подал в отставку. Пост редактора занял Ю.Ф. Семенов, и газета стала открыто монархистской и «реакционной», адресованной малообразованному читателю, хотя она и информировала о многих общественных, профессиональных и политических организациях эмиграции, о событиях в жизни Русского Зарубежья и имела прекрасный литературный раздел, где сотрудничали, среди прочих, Ходасевич, Зайцев, Шмелев, а иногда и Бунин. Газета потеряла, однако, многих читателей и вынуждена была уделять внимание событиям во Франции и в мире в большей степени, чем это предполагалось вначале. В 30-х гг. она открыто приветствовала победу на выборах в Германии Гитлера и успехи профашистских организаций в других странах (например, «Огненных крестов» во Франции); она поддерживала войну, развязанную Муссолини в Эфиопии, ликовала в связи с мятежом Франко в Испании и выступала в поддержку политики умиротворения агрессора. Менее однозначным было ее отношение к Народному фронту во Франции, поскольку правительство Леона Блюма сделало немало для улучшения экономического и правового положения русских эмигрантов. Затянувшаяся забастовка печатников и экономические трудности начала 30-х гг. заставили газету с 1936 г. стать еженедельной, какой она и оставалась вплоть до немецкого вторжения. Несмотря на обращенные к читателям призывы, благотворительные мероприятия и рекламу, «Возрождение» никогда не добивалось такой популярности, как его главный конкурент «Последние новости», о чем сокрушенно писал в своих мемуарах Семенов. Он обвинял «масонские» и «еврейские» элементы среди эмиграции в том, что они субсидировали соперничавшую с «Возрождением» газету и не дали ему возможности оказывать влияние на более широкую аудиторию читателей[20].

Разнообразие журналов, бюллетеней и прочей периодики настолько велико, что классифицировать их довольно сложно. Библиографический указатель, составленный Институтом славянских исследований, несмотря на свою неполноту, содержит впечатляющий список изданий. Многие периодические издания занимались преимущественно информированием читателей о деятельности различных групп и объединений и имели хождение среди достаточно

узкого круга членов этих организаций. Чисто литературные и художественные журналы, такие как «Версты», «Встречи», «Веретено», «Звено», выступали как выразители строго определенных эстетических и философских взглядов[21].

Издания политических партий, организаций и идейных течений носили сугубо внутренний характер, поскольку сосредоточивали свое внимание исключительно на собственных организационных и идейных спорах и были адресованы тем, кто разделял их взгляды. Многие из них просуществовали недолго, поскольку всякое политическое или идеологическое движение в эмиграции по природе своей предрасположено к дроблению, постоянно распадается на фракции и новые организации. Эту судьбу разделило, в частности, движение евразийцев — единственная, быть может, новая идеология в области историософии и политики, возникшая в Русском Зарубежье. В начале 30-х гг. движение раскололось на «консервативную» фракцию, которая продолжала обсуждать идеологические и исторические проблемы, воздерживаясь от дискуссий о текущих событиях в Советском Союзе, и «левое» крыло, которое в политическом отношении сближалось с позицией «сменовеховцев». «Левая» фракция считала, что все происходящее в Советской России является закономерным результатом действия основных законов развития евразийской цивилизации. Ее авторитету был нанесен сильный удар, когда стало известно об участии одного из ее членов С. Эфрона (мужа Марины Цветаевой) в инспирированном Советами убийстве Игнатия Рейсса в Швейцарии. Подобным образом и молодежные политические движения — младороссы и Народно-трудовой союз (НТС), — строившиеся на корпоративном принципе и придерживавшиеся профашистских воззрений, раскололись по вопросу о том, какую позицию — оборонительную или пораженческую — следует занять в конфликте между сталинской Россией и нацистской Германией.

Среди журналов политической направленности особое место принадлежало «Социалистическому вестнику». Это был орган «заграничной делегации» партии меньшевиков. Вплоть до начала 30-х гг. доминирующую позицию в журнале занимали представители левого крыла партии, последователи Ю. Мартова, которые обвиняли советский режим в нарушении политических свобод и свободы личности, но принимали революцию, в том числе и большевистский переворот, поскольку они вывели Россию на верный путь социалистических преобразований экономических и общественных отношений. Они одобряли индустриализацию и основные принципы коллективизации, хотя и отвергали жесткие методы их проведения в жизнь. Фракция правых, к которой в середине 30-х гг. во многом под влиянием событий, связанных с установлением жестокой сталинской диктатуры, перешло руководство жур-

налом, клеймила советскую систему как извращение социализма. Они первыми охарактеризовали ее как тоталитарный социализм[22].

«Социалистический вестник» интересен для изучения истории Русского Зарубежья тем, что он оказался самым долговечным из всех журналов, издававшихся эмиграцией. Он был основан в Берлине 1 февраля 1921 г., а после захвата власти Гитлером стал выходить в Париже. Затем редакция журнала переехала в Нью-Йорк, где издание прекратилось в 1963 г., со смертью своих основных авторов. Основная его ценность заключалась в том, что даже в 30-е гг. он сохранял связи с Советским Союзом. Это позволяло «Вестнику» получать важную и, что доказано, надежную информацию о положении в стране и о действиях правительства. По мере ужесточения сталинского режима журнал стал постепенно лишаться внутренних источников информации, хотя обширные познания его авторов и глубокое понимание ими процессов, происходящих в России, позволили сохранить присущие «Вестнику» достоинства. Многие статьи, опубликованные на его страницах, могут представлять интерес и сегодня.

Так называемые «толстые» журналы, играли ведущую роль в культурной жизни Русского Зарубежья. Эти журналы были продолжением одной из самых славных традиций культурной России. Действительно, «толстые» журналы, которые можно сравнить с французским «Revue des Deux Mondes» или с английским «Edinburgh Review», были главным средством распространения произведений художественной литературы, идей и вообще культуры в широчайшем смысле этого слова среди все растущего круга русской читающей публики XIX и начала XX в. Объем «толстых» журналов традиционно достигал 300—400 страниц; они выходили раз в три—четыре месяца (иногда — раз в два месяца). Более половины объема каждого номера обычно отдавалось художественной литературе — публиковавшимся отдельными выпусками романам, рассказам, повестям, поэзии, пьесам — как русским, так и переводным. Остальная часть номера была занята литературной, художественной и музыкальной критикой, политическими, философскими, социорелигиозными эссе, обзорами книжных новинок, хроникой текущих событий в стране и за рубежом (с комментариями или без). В зависимости от существовавшей в данный момент отношений с цензурой номер мог быть вызывающе дерзким или более сдержанным. Как правило, каждый «толстый» журнал в дореволюционной России занимал определенную общественную позицию: консервативную, либеральную, народническую, ни одно периодическое издание, однако, не носило откровенно реакционного или открыто социалистического характера. Вне зависимости от своей специфической ориентации «толстый» журнал обращался к достаточно широкому кругу читателей и способствовал формированию основных эстетических и интеллектуальных течений. В эпоху Се-

ребряного века влияние «толстых» журналов в значительной мере ограничивалось сферой общественно-политических отношений, чисто литературные и эстетические движения заявляли о себе со страниц специальных журналов (например, «Мир искусства») или издаваемых различными группами альманахов.

Как только эмигранты осели на новом месте жительства, они начали возрождать восходящую к XIX в. традицию издания «толстых» журналов. Два эмигрантских журнала могут претендовать на титул законных наследников и достойных продолжателей этой традиции. Издававшаяся в Праге «Воля России» просуществовала около десяти лет, в Париже выходили более долговечные и влиятельные «Современные записки». «Воля России» возникла как приложение к одноименной ежедневной газете. Их издавала группа эсеров, наиболее влиятельной фигурой которой был литературный критик Марк Слоним. Главным достижением журнала в области литературы было то, что он предоставил свои страницы писателям модернистам и авангардистам более молодого поколения, таким, как Марина Цветаева, Сирин (Набоков) и др. Журнал признавал существование «единой русской литературы» вне зависимости от того, где она создавалась — в Советском Союзе или за его пределами. Он регулярно знакомил эмиграцию с литературой советской родины, надеясь и впредь поддерживать тесные контакты между двумя Россиями. Эти связи ослабли после того, как социалистический реализм был официально провозглашен единственно допустимой в Советском Союзе эстетической доктриной и литературным течением. Журнал был адресован в первую очередь молодежи, а также тем, кто по меньшей мере допускал мысль, что советская система является естественным продуктом исторического развития и воплощением, пусть в жестоко искаженном виде, насущной потребности России в модернизации и достижении социальной справедливости. Произошедший за границей раскол партии эсеров, политические разногласия и разного рода события, равно как и резкое сокращение финансовой поддержки со стороны чешского правительства в 1932 г., положили конец существованию журнала.

«Современные записки», очевидно, являлись наиболее влиятельным и уважаемым «толстым» журналом Русского Зарубежья и оставались таким в течение всего периода своего существования — с 1920 по апрель 1940 г., до кануна немецкой оккупации Парижа. Об этом журнале нам известно больше, чем о других, поскольку полные его комплекты представлены во многих библиотеках, а также благодаря мемуарам и обширной переписке ответственного секретаря редакции Марка Вишняка. Попытаемся описать этот журнал, его облик, учитывая при этом, что вынести определенное суждение о всех его особенностях и аспектах деятельности невозмож-

но, не говоря уже о статистических данных и о «внутренней» истории редакции.

Мемуары Вишняка были написаны уже после второй мировой войны, так что некоторые факты он мог невольно исказить. Так, согласно приводимым им сведениям, в 1920 г. Александр Керенский получил от Масарика и Бенеша средства на издание газеты и журнала партии эсеров. Чехи предоставили деньги (сверх тех, что были выделены позднее на Русскую акцию) потому, что эсеры выступили союзниками чешских легионеров в Сибири, и в случае падения большевиков эсеры, за которыми шла огромная масса крестьянства, представлялись наиболее вероятными лидерами нового демократического режима. Какими бы ни были мотивы чехов (при этом не надо сбрасывать со счетов присущий Керенскому дар убеждения), сумма была достаточной для того, чтобы обеспечить выпуск двух периодических изданий. Газеты эсеров под разными названиями издавались в течение последующих лет. «Толстый» журнал под названием «Грядущая Россия» был основан в Париже при содействии некоего промышленника, но дела его шли не слишком хорошо, и он закрылся как раз в то время, когда эсеры получили чешские деньги. Комитет лидеров эсеров решил пригласить нескольких авторов и редакторов этого журнала и начать новое издание под названием «Современные записки». Заглавие должно было напоминать эмигрантам о «Современнике» и об «Отечественных записках», наиболее солидных «толстых» журналах либерального направления России в XIX в. Образованный не без труда редакционный комитет состоял из пяти человек — Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова-Фондаминского, М.В. Вишняка, А.И. Гуковского и В.В. Руднева. Первый номер вышел в свет в конце 1920 г.

Все пятеро редакторов являлись членами партии социалистов-революционеров. Вишняк пишет, что благодаря Фондаминскому в журнале сотрудничали авторы, далекие по политическим взглядам от эсеров. Иногда авторы были настроены даже враждебно по отношению к деятельности этой партии в период революции и гражданской войны. Заявление редакции, однако, отчетливо обозначило цели журнала, которых он последовательно придерживался и которые в конце концов определили его успех. В заявлении подчеркивалась либеральная позиция журнала и его задачи в области культуры, которые совпадали с основным смыслом существования Зарубежной России:

"«Современные записки» посвящены прежде всего интересам русской культуры. Нашему журналу суждено выходить в особо тяжких для русской общественности условиях: в самой России свободному, независимому слову нет места, а здесь, на чужбине, сосредоточено большое количество культурных сил, насильственно оторванных от всего народа, от действенного служения ему. Это

обстоятельство делает особенно ответственным положение единственного сейчас большого русского ежемесячника за границей. «Современные записки» открывают поэтому широко свои страницы, — устраняя вопрос о принадлежности авторов к той или иной политической группировке, — для всего, что в области художественного творчества, научного исследования или искания общественного идеала представляет объективную ценность с точки зрения русской культуры. Редакция полагает, что границы свободы суждения авторов должны быть особенно широки теперь, когда нет ни одной идеологии, которая не нуждалась бы в критической проверке при свете совершающихся грозных мировых событий.

Как журнал общественно-политический, «Современные записки», орган внепартийный, намерены проводить ту демократическую программу, которая, как итог русского освободительного движения XIX и начала XX в., была провозглашена и воспринята народами России в мартовские дни 1917 г.

Редакция считает необходимым установить здесь лишь основную свою точку зрения: что воссоздание России несовместимо с существованием большевистской власти; что оно возможно лишь в меру самодеятельности внутренних сил самого русского народа и что разрешение этой задачи, непосильной ни для одной партии или класса в отдельности, требует объединенных усилий всех искренне порвавших со старым строем и ставших на сторону общенародной революции 1917 г. ..."[23]

Первый номер вышел в ноябре 1920 г. тиражом 2000 экземпляров. Позднее тираж уменьшился, но точные сведения на этот счет отсутствуют. Вишняк не указывает, какая сумма была получена от чехов, но упоминает о том, что вскоре размеры субсидий заметно сократились, а возможно, они и вовсе сошли на нет. К этому времени, однако, журнал уже получил признание читателей, хотя до прочного финансового положения, практически недостижимого в экономических условиях эмиграции, — ему было далеко. Например, двум членам редакционного комитета, все свое время отдававшим исключительно журналу, сильно урезали заработную плату (так, сам Вишняк стал получать 400 франков в месяц вместо прежних 1000)[24]. Было испробовано немало способов укрепить финансовое положение журнала: например, заключено специальное соглашение с «Последними новостями», которые помещали на страницах журнала на льготных условиях свою рекламу и подписные квитанции, проводился сбор пожертвований, заключались сложные договора с книжными магазинами и книготорговцами, которые, однако, не приносили желаемых результатов. Журнал предпринял также попытку наладить издание сборников, которые должны были включать статьи и произведения художественной литературы, опубликованные в «Современных записках», и приносить

журналу дополнительный доход. Это предприятие также оказалось в финансовом смысле неудачным, хотя под маркой журнала и появился целый ряд прекрасных изданий. В любом случае благодаря индивидуальным пожертвованиям удалось довести издание журнала до 70 номера, который, из-за немецкого вторжения во Францию, стал его лебединой песней. В известном смысле можно признать, что он был возобновлен в 1942 г. под названием «Новый журнал» в Нью-Йорке, где и продолжает выходить до сих пор, однако уже с совершенно иными задачами.

Несмотря на то, что в редакционный комитет входили люди, воспитанные в традициях дореволюционного радикализма, позитивизма и социализма, журнал публиковал авторов и произведения, выражавшие весьма далекие или даже прямо противоположные этим традициям взгляды. В самом начале журналу повезло, поскольку «Современные записки» получили поддержку от самого известного и популярного эмигрантского писателя того времени Алексея Толстого, чей новый роман «Хождение по мукам» печатался частями в первых выпусках журнала. Примеру Толстого последовал Андрей Белый, недавно прибывший из большевистской России и раздумывающий, возвращаться назад или остаться в изгнании. В конце концов оба, и Толстой и Белый, вернулись в Советскую Россию, где первый стал «придворным романистом» сталинского режима. С другой стороны, личные связи Фондаминского позволили привлечь к сотрудничеству с журналом З. Гиппиус и Д. Мережковского, которые и в литературном и в политическом плане были полными антиподами Белого и А.Толстого. В целом все эмигрантские авторы старшего поколения публиковались в «Современных записках». Высокий уровень печатавшейся в журнале литературы создавал ему хорошую репутацию и популярность. Однако для интеллектуальной жизни Русского Зарубежья не меньшее значение имела публицистика, помещавшаяся на страницах журнала в разделах критики, политики, информации. Эти высокого уровня работы представляли весь идеологический спектр Русского Зарубежья — от социалиста, правого меньшевика, Ст.Ивановича, до умеренного кадета В. Маклакова и беспартийного консерватора Б. Нольде.

Хотя журнал и имел антибольшевистскую направленность, тон его был далек от истерии, он давал взвешенную информацию о событиях в Советской России. Более того, создавшаяся в 30-е гг. угроза сохранению мира и социальной стабильности заставила нескольких, хотя и немногих, авторов, в том числе и некоторых членов редакционной коллегии, занять более терпимую позицию по отношению к Советскому Союзу, учитывая роль, которую он мог сыграть в мире, и признать, что социальные изменения, осуществленные в нем, были неизбежны. Это в свою очередь сказалось на

готовности пересмотреть прежние суждения о причинах, характере и последствиях революции.

Многим эмигрантским авторам, отрезанным от родины, были свойственны мучительные размышления и внутренние сомнения. Конфликты между отдельными эмигрантами зачастую приводили к большим сложностям. Противоречия возникали из-за мнений, что подход к отбору литературы в журнале был слишком требователен и старомоден. Молодые авторы были убеждены в том, что их печатают слишком редко. Редакторы полагали, что публиковать произведения никому не известных писателей, чей стиль или тематика могут шокировать читателей старшего поколения, слишком рискованно. Это в первую очередь относилось к прозе. Поэтический раздел был вотчиной поэта М.О. Цейтлина и Ф. Степуна, которые более внимательно относились к молодым дарованиям, в особенности к представителям модернистской и так называемой парижской школы эмигрантской поэзии. Поощряемые авторитетными критическими эссе Г. Адамовича, «Современные записки» всегда предоставляли свои страницы стихам Марины Цветаевой, Б. Поплавского, Г. Иванова, В. Ходасевича и многих более молодых поэтов. Раздел прозы был практически монополизирован такими маститыми писателями, как Бунин, Зайцев, Алданов, А. Ремизов, И. Шмелев, М. Осоргин и более молодой Сирин (В. Набоков). Правда, в 30-е гг. журнал помещал прозу молодых, таких, как В. Яновский и Г. Газданов, однако многие авторы полагали, что экспериментальные направления в литературе не получают достаточного освещения на страницах журнала.

Второе, более важное противоречие было порождено эволюцией философских и религиозных взглядов Фондаминского, который был наиболее активным членом редакционной коллегии и пользовался поддержкой В. Руднева. Он эволюционировал в сторону идеализма и духовности, что становилось все более частым явлением среди эмигрантов. Статьи таких религиозных мыслителей, как Л. Шестов, С. Франк, Г. Флоровский и др., вызывали недовольство других членов редакции, прежде всего М. Вишняка. Они полагали, что журнал распахнул двери перед мракобесием, реакционными течениями дореволюционной общественной мысли в ущерб либеральным, гуманистическим и светским ценностям, провозглашенным в первоначальном редакционном заявлении журнала. С другой стороны, я убежден, что это новое направление приветствовалось весьма многими, поскольку, как мы увидим в шестой главе, начавшийся в эпоху Серебряного века ренессанс религии и идеализма продолжился за рубежом, увлекая все большую часть эмигрантской интеллигенции. В общем, конфликт вокруг публикаций этих авторов привел к уходу Вишняка. Он стал ответственным секретарем нового «толстого» журнала «Русские записки», который был основан в значительной мере для удовлетворения потреб-

ностей части диаспоры, сосредоточенной на Дальнем Востоке, объединив наиболее стойких радикалов-позитивистов и антиклерикалов из «Современных записок». «Русские записки» продолжали выходить вплоть до начала войны, в них были представлены многие авторы, сотрудничавшие в «Современных записках», своего рода оппонентом которых стал новый журнал. Однако публикации были мало интересны, и журнал никогда не пользовался большой популярностью.

Еще один вид периодических изданий был рассчитан на самую широкую аудиторию читателей-эмигрантов. Он предлагал развлекательные материалы для менее интеллектуальной и образованной части читателей. Речь идет о еженедельном иллюстрированном журнале, образцом для которого послужила дореволюционная «Нива», — «Иллюстрированная Россия». Этот журнал по преимуществу состоял из иллюстраций, но наряду с этим печатал романы и детективы, специальные материалы для женщин и детей. Он пользовался большой популярностью и, будучи откровенно аполитичным, тем не менее демонстрировал в угоду большинству читателей ностальгию по монархическому прошлому России, рассказывая о жизни представителей царской фамилии в эмиграции и о других царствующих дворах. Как и его предшественница «Нива», журнал предлагал по низким ценам подписки на собрания русских классиков, справочники и т.д. Более интеллектуальным чтением среди периодики подобного рода был иллюстрированный журнал «Для Вас», выходивший в Риге и имевший такой же формат. Ввиду близости Германии, «Для Вас» проявлял все больший интерес к событиям в этой стране в начале 30-х гг., особенно после захвата власти Гитлером[25].

Можно смело заключить, что Русское Зарубежье сохранило основные черты, характерные для интеллектуальной жизни дореволюционной России. Следует отметить также, что ни одно из популярных эмигрантских изданий не проявляло большого интереса к интеллектуальной и культурной жизни той страны, где оно издавалось, и в свою очередь не испытывало с его стороны заметного влияния.

Периодическая печать была наиболее эффективным, но не единственным средством поддержания единства разбросанных по свету русских, обмена идеями, продолжения творческой жизни. Осознавая себя обществом в изгнании, русские эмигранты стремились воссоздать те институты культуры, которые существовали на родине. Поскольку проникнуть в сложившуюся общественную структуру стран расселения было очень сложно, институты, сформированные эмигрантами, жили своей собственной жизнью. Бóльшая часть этих эмигрантских организаций, как и в России до 1917 г., носила в значительной мере частный характер, и поэтому сложно составить полные каталоги их изданий, проследить их

внутреннюю историю и ежедневную жизнь. Многие организации не хранили свои материалы, а личные архивы большинства их участников обнаружить не удается. Приведенные ниже сведения дают общее представление о характере этих организаций и указывают на необходимость более глубокого их изучения.

Наиболее распространенной формой организации русских интеллигентов XIX и XX вв. были кружки. Практика их создания восходит к существовавшим еще в XVIII в. в Московском университете и в кадетском корпусе студенческим кружкам. В начале XIX в. в юношеской среде они носили эмоциональную окраску и обрели почти исключительно идеологическую направленность в 1830—40-е гг. у западников и славянофилов. Традиция была продолжена имевшими разную философскую и эстетическую направленность, политические убеждения объединениями студентов-нигилистов в 1860-е гг., кружками революционеров и группами, нацеленными на активные действия, в последней четверти XIX в. В художественных и литературных кругах эпохи Серебряного века дискуссионные кружки вновь получили метафизическую, эстетическую и религиозную окраску.

Такие кружки были воссозданы в эмиграции. Как будет показано при рассмотрении религиозной жизни диаспоры, молодые студенты, ветераны гражданской войны встречались в дискуссионных кружках. Там они стремились найти выход накопившимся эмоциям и утолить жажду самосовершенствования, посвятить себя работе на общее благо своей родины. Эти кружки, образованные молодыми людьми и представителями старшего поколения, к которым они обращались в поисках знаний и духовного руководства, переросли в религиозные братства, которые послужили основой для создания Русского христианского студенческого движения и других религиозных организаций. Так называемая Православная акция, ставившая своей целью помочь в преодолении экономических трудностей, давая духовное утешение, имела своим источником подобные кружки и братства. В 30-х гг. в Париже был основан «Круг», который собирался обсуждать проблемы философского, религиозного, исторического и художественного характера. «Круг» был тесно связан с журналом «Новый град» (о нем будет рассказано ниже), ключевыми фигурами в котором были Фондаминский и Г.Федотов. Протоколы заседаний «Круга» публиковалась на страницах «Нового града». К сожалению, они представляют краткие сообщения, в которых опускались имена участников и дискутировавших, что не дает возможности во всей полноте осветить ход полемики и выдвигавшиеся идеи. Кружки были источником установления контактов, обмена информацией, новых идей для изгнанников молодого поколения в Париже[26].

Существовал также кружок религиозной направленности среди ученых. Образцом для него послужило Приютинское Братство, в

котором ведущую роль играли выдающиеся ученые, такие, как В.И. Вернадский. В 1919 г. в России С.Булгаков создал Братство св. Софии, которое было призвано сблизить научные идеи с религиозными идеалами. Оно было восстановлено за границей П.Струве, С.Франком, П.Савицким и другими эмигрантами. Чувство общности поддерживалось ими, несмотря на разделявшее их расстояние, одновременным выполнением религиозных ритуалов — молитвы как индивидуальной, так и в церкви и причастия. Подобные формы объединения могли служить и политическим целям. Так, Братство русской правды в 20-е гг. участвовало в ряде политических акций на территории Польши и на границе Советского Союза[27]. Подобные кружки, преследовавшие более четко выраженные общественные цели, формировались по типу масонских лож. Нам известны русские эмигрантские масонские ложи в Париже, но, кроме того, что они объединяли некоторых видных представителей эмиграции, они, как представляется, вопреки претендующим на сенсационность разоблачительным утверждениям, не играли сколько-нибудь заметной роли в жизни Русского Зарубежья[28].

В период революции создавались Дома художников и литераторов, которые были призваны помочь им пережить трудности, возникшие из-за распада экономики и общества. Подобные объединения создавали и эмигранты. Наиболее активным, хотя и недолго просуществовавшим, был Дом искусств, созданный в Берлине в начале 20-х гг. Он служил для обмена информацией и взаимопомощи, стремился объединить находившихся в Берлине русских писателей, художников, музыкантов и тех, кто оказывал им помощь. Дом искусств проводил дискуссии, чтения, выставки и т.п. Мне не удалось обнаружить свидетельств существования где-либо столь же активного Дома искусств, хотя посещавшиеся парижской богемой кафе на Монпарнасе («Ротонда», «Купол») неформальным образом выполняли ту же функцию[29].

В учебных заведениях дореволюционной России существовала традиция поощрять создание студенческих и молодежных кружков для занятий литературой, изобразительным искусством, театром и музыкой и руководить их деятельностью. По всей видимости, во многих школах диаспоры существовали подобные кружки, но их деятельность оставила о себе лишь смутную память в некоторых мемуарах. Весьма энергично работала созданная в Харбине группа, называвшаяся «Чураевка». Она издавала свой собственный журнал, который позволяет в некоторой степени проследить ее историю. Печальная история этого кружка служит наглядным примером того, как внешние события влияли на основанные в изгнании организации, меняя и искажая первоначальный замысел, положенный в основу их деятельности в области культуры. Группа была основана в середине 20-х гг. способными гимназистами, студентами и другими молодыми людьми, проявлявшими интерес к искусству

и литературе. На собраниях общества обсуждались и изучались проблемы эстетического, художественного, литературоведческого характера, зачитывались работы членов группы, устраивались концерты и драматические представления. Журнал «Чураевка» печатал работы членов группы и отчеты о ее работе. Основной целью общества было поддержание у ее членов чувства культурного единства, сохранение и развитие русской культуры; оно стремилось избегать политических вопросов и поддерживать высокий интеллектуальный и художественный уровень своей деятельности. Успех «Чураевки» показывал, что она сумела найти достойный ответ на главный вопрос, мучивший эмиграцию: что такое «русскость», что следует сохранять и развивать в изгнании.

В начале 30-х гг. Маньчжурия стала испытывать все возрастающее давление со стороны Японии, кульминацией которого стало, как известно, создание империи Маньчжоу-го. Политические события сделали некоторых членов «Чураевки» приверженцами узкого, ограниченного толкования «русскости» как имперской традиции и монархических убеждений. Эти шовинисты захватили контроль над организацией, положив конец творческой свободе кружка и приблизив его скорый конец.

В период своего расцвета «Чураевка» обросла группами, носившими то же название и преследовавшими те же цели, в других расположенных в Китае центрах эмиграции. До своего перерождения «Чураевка» и ее отделения предоставляли возможность для свободного развития литературных и художественных способностей многих молодых людей, представителей эмиграции на Дальнем Востоке, и даже содействовали установлению определенных связей с представителями литературной жизни Парижа[30].

Русские дома искусств, не столь явно ориентированные на художественное творчество, как в Берлине или в Китае, появились в Праге, Балканских странах и в Риге. Они служили культурными центрами для всего здешнего эмигрантского населения: приглашали лекторов и исполнителей из других городов, отмечали литературные и исторические даты, субсидировали проведение концертов, дискуссий, благотворительных балов и т.д. Иногда они открывались при русских библиотеках и выполняли функции общественных клубов. В этом случае они играли скорее пассивную, нежели творчески активную роль в развитии культуры. Наряду со школами, церквами, профессиональными и общественными организациями, русские Дома искусств участвовали в проведении традиционных праздников[31].

Руководители Земгора и Ассоциация учителей-эмигрантов выступили инициаторами празднования Дня русской культуры, в который все эмигранты, где бы они ни находились, могли продемонстрировать свою верность русскому культурному наследию. Поскольку русский язык являлся для всех эмигрантов основной час-

тью культурного наследия, а современный литературный русский язык был в известной мере создан А.С. Пушкиным и получил свое наивысшее воплощение в его прозведениях, было предложено ежегодно отмечать день рождения поэта как День русской культуры[32]. Инициатива была с готовностью и энтузиазмом подхвачена, и День русской культуры праздновался повсюду, где только находились группы русских изгнанников.

В этот день проводились публичные чтения и постановки произведений Пушкина, другие театральные и музыкальные мероприятия. Ученые выступали в клубах, школах, церквах, русских домах искусств с лекциями по русской истории и культуре, обращаясь прежде всего к молодежи. Молодые представители Русского Зарубежья знакомились с лучшими достижениями русской культуры и искусства, с родной историей. Отчеты о празднованиях распространялись по всему Русскому Зарубежью в виде брошюр, газетных сообщений и т.д.

Самое яркое празднество состоялось в 1937 г. в столетнюю годовщину смерти Пушкина. Берлин уже погрузился во мрак нацизма, бóльшая часть других центров диаспоры пришла в упадок и опустилась до «провинциального» уровня, но в Париже День русской культуры стал грандиозным событием. При финансовой поддержке таких людей, как С. Лифарь, многих французских и русских культурных и общественных организаций во время празднования прошло несколько выставок, посвященных Пушкину и русской культуре XIX в. Проводились чтения, в зале Плейель и в Гранд-Опера были представлены фрагменты театральных, балетных и оперных спектаклей, созданных по мотивам произведений Пушкина. В этом же году вышли в свет специальные издания сочинений поэта. Столетняя годовщина была пышно отмечена и в Советской России, в какой-то степени это способствовало восстановлению чувства культурного единства двух Россий. Быть может, именно Дни русской культуры в эмиграции побудили советское руководство отметить столетнюю годовщину смерти Пушкина с такой помпой, размахом и в таком именно духе.

Увы, политические конфликты, расколовшие общество в изгнании, не обошли стороной даже это чисто культурное мероприятие. Празднование Дня русской культуры в день рождения Пушкина не устраивало тех, кто полагал, что культура, воплощенная в творчестве поэта, была слишком светской и модернистской. Они выступали за такие праздники, которые подчеркивали бы религиозные и монархические русские традиции. Консервативные круги в Югославии, пользовавшиеся полной поддержкой митрополита Антония (Храповицкого) и епископского синода в Сремски Карловицах, предложили отмечать альтернативный День русского национального сознания 28 июля, в день св. Владимира, князя, крестившего Русь. Сторонники Дня русского национального сознания утверж-

дали, что Пушкинский день задуман масонами, либералами и безбожниками, которые несут главную ответственность за революцию и поражение Белой армии в гражданской войне. Несмотря на успешное проведение нескольких подобных праздников в Югославии и публикацию нескольких коллективных сборников, призванных обозначить место св. Владимира в русской истории, День русского национального сознания так и не смог вытеснить традицию празднования Дня русской культуры[33].

5.

СПАСТИ И СОХРАНИТЬ.

ЧТО ЕСТЬ РУССКАЯ КУЛЬТУРА?

Русские эмигранты твердо верили, что их главная цель в изгнании состоит в том, чтобы сохранить, развить и приумножить русскую культуру. Что они подразумевали под русской культурой, той исторической традицией, которую следовало сохранять и продолжать? Какие литературные, художественные, интеллектуальные традиции эмигранты собирались поддерживать и развивать? Разумеется, сами эмигранты никогда не конкретизировали понятие русской культуры, мы можем лишь вычленить отдельные элементы этих представлений; составленные вместе, они позволят раскрыть взгляды на эту традицию. Современная русская культура, как нам кажется, нашла самое полное свое выражение, в наиболее характерной и типичной форме, прежде всего в литературе. Конечно, литературные произведения легче всего распространять и «экспортировать», а язык — главная черта, определяющая единство нации. Живопись и музыка также внесли уникальный вклад в достижения русской культуры, но это утверждение спорно, поскольку музыка и изобразительное искусство носят универсальный характер и легче ассимилируются в западную или мировую культурную жизнь.

С конца XIX в. в России царило согласие по поводу того, что считать национальной классической литературой. Раннесредневековые хроники и эпос включались в романтическую традицию, но литература XVIII в., за некоторыми исключениями, в расчет не принималась. Для большинства русских классической литературой была словесность XIX в. У ее истоков и в то же время на недосягаемой высоте стояло творчество Пушкина. Начиная со знаменитой речи Достоевского во время первого празднования Пушкинского дня (1880), Пушкин символизировал высочайший уровень, достигнутый русской литературой. Его не только читали, его заучивали все образованные и даже полуобразованные русские. Поскольку произведения Пушкина очень трудно переводить на другие языки,

русские могли считать его исключительно своим. Для изгнанников, оказавшихся вдали от родины и ностальгически сохранявших всякое приятное воспоминание о прошлом, Пушкин значил исключительно много. Его произведения не только легко заучивались, но и вызывали в памяти множество образов отчизны, более того, его проницательные описания других народов и культур облегчали эмигрантам вхождение в мир, окружавший Русское Зарубежье. Благодаря Пушкину, новые страны, их литературные герои, характерный для них образ мысли и чувства — короче говоря, их менталитет становился ближе эмигрантам.

В Русском Зарубежье развился настоящий культ Пушкина. Конечно, Пушкина признавали, изучали, чтили и в дореволюционной России, однако не без оговорок. Поколение интеллигенции, подверженное влиянию позитивизма, в какой-то мере разделяло нигилистический критицизм Д. Писарева и Н. Добролюбова, которые в 1860-е гг. утверждали, что творчество Пушкина принесло мало «общественной пользы». Символисты хотя и восстановили лирическую традицию, но считали, что их собственная поэзия была более глубокой, более философской, её новаторская форма несла метафизический заряд, воздействующий на все человеческие чувства. Пушкин был для них учителем: он создал язык, который они использовали, но они далеко ушли от него в развитии как формы, так и содержания. В эмиграции образованные русские заново открыли для себя Пушкина как действительно своего поэта, самого близкого к ним не только с точки зрения языка и формы, но и из-за его приверженности творческой свободе, свободе, безжалостно растоптанной в большевистской России.

Русское Зарубежье гордилось выдающимся пушкинистом Модестом Гофманом, неутомимым собирателем пушкинианы С. Лифарем, поэтами В. Ходасевичем и М. Цветаевой, для которых Пушкин был идеалом безупречной русской поэтической речи[1]. Существовала яркая эмигрантская литература о Пушкине; новые документы о его жизни и произведениях, которые обнаруживались в диаспоре, становились украшением торжеств, носивших почти культовый характер. Как мы видели, день его рождения отмечался как День русской культуры. Политическая позиция Пушкина — примирение с царским режимом из страха перед народным бунтом, его случайные хвалебные отзывы о русском национализме и империализме так же, как его бескомпромиссный индивидуализм и духовное вольнолюбие, находили особенно горячий отклик у эмигрантской интеллигенции[2]. В 20-е и вплоть до середины 30-х гг. советская пропаганда в области культуры отвергала Пушкина, отдавая предпочтение другим кумирам, таким, как поэт-народник Н.Некрасов или писавшие социально направленную прозу М.Салтыков-Щедрин и В.Гаршин. Это неприятие еще больше укрепило преданность эмигрантов Пушкину — главной для них фигуре в русской культуре.

Пушкин был самой почитаемой фигурой в русской классической литературе, однако не единственным божеством в этом пантеоне. В него входили также М. Лермонтов и Ф. Тютчев, чья поэзия в значительной степени отвергалась во второй половине XIX в. и вновь напомнила о себе лишь в эпоху символизма. Тютчев импонировал эмигрантам своими консервативными политическими убеждениями, религиозными и пессимистически метафизическими взглядами на жизнь и на мир. Многие второстепенные, хотя и знаменитые поэты — И. Крылов, А. Кольцов, А. Фет — также широко читались в Русском Зарубежье, их произведения переиздавались в антологиях или отдельными томами. Основной предшественник Пушкина, Г.Державин, стал героем весьма интересного и блестяще написанного биографического исследования поэта В. Ходасевича.

Конечно, квинтэссенцией «русскости» и для эмигрантов, и для иностранцев была проза XIX в. Основные произведения Гоголя, Тургенева, Гончарова, рассказы А. Чехова переиздавались и всегда пользовались спросом в библиотеках и читальных залах. Дети читали их в русских школах, а взрослые перечитывали. Гоголевская барочная двусмысленность и гротесковость, на которую обратили внимание исследователи-эмигранты (Д.Чижевский и К.Мочульский), с трудом воспринимались рядовым читателем-эмигрантом, но он наслаждался блестящим юмором Гоголя. Его комедии «Женитьба» и «Ревизор» входили в репертуар всех эмигрантских театральных групп, также, как драматургические произведения Д.Фонвизина, А.Островского и А.Чехова. Тургенев был популярен благодаря своему прозрачному поэтическому языку, а также своим проникнутым ностальгией описанием сельской России и образа жизни провинциального дворянства прошлого века. Теми же причинами можно объяснить постоянную популярность Гончарова, Чехова и даже горькой сатиры Салтыкова-Щедрина, а также многих писателей натуралистической школы. Эту традицию в эмиграции продолжали такие писатели, как И.Бунин и Б. Зайцев. Когда в 1933 г. Ивану Бунину была присуждена Нобелевская премия в области литературы, эта традиция обрела признание и во внешнем мире.

А как же два титана прозы XIX в. — Лев Толстой и Федор Достоевский? На рубеже веков Мережковский осуществил своего рода революцию в истолковании и понимании обоих романистов с философской, религиозной, моральной и метафизической позиций. Его книга о Толстом и Достоевском открыла и позволила оценить Достоевского как пророка и психолога — того самого Достоевского, которого прогрессивная интеллигенция клеймила за его склонность к болезненному самоанализу и политический консерватизм. Мережковский сделал акцент на религиозном и метафизическом аспектах творчества Достоевского, указал на его предвидение путей общественного и политического развития современного мира как на основной его вклад не только в русскую, но и в мировую

культуру. Книга Мережковского, без сомнения, способствовала росту популярности Достоевского за рубежом, особенно в Германии, где Меллер ван ден Брук перевел его основные произведения, сделав их достоянием широкой публики. Популярность Достоевского в Веймарской республике была постоянной[3].

Русское Зарубежье приняло эту новую трактовку Достоевского, но с некоторыми оговорками. Те, кто продолжал стоять на прежних прогрессистских позитивистских позициях, т.е. большинство кадетов, эсеров и других социалистов, как и раньше, отказывались признавать писателя, которого они называли «больным гением». Многие консерваторы и обыватели в эмигрантском обществе тоже не любили Достоевского отчасти из-за его «нездорового» интереса к психологии, отчасти потому, что они находили его слишком сложным, напыщенным и вообще «не таким», («comme il faut»). Была, как мне кажется, еще одна причина, почему эмигранты скептически относились к вновь обретенной славе Достоевского. За рубежом считали, что романист открыл и описал темную и непонятную русскую «душу»; эмигранты же протестовали против использования этого образа для того, чтобы отмахнуться от России и ее народа как «загадочных» и «непознаваемых». Этот же образ мог служить объяснением того, что происходило в Советском Союзе; поскольку русские, как считали за рубежом, больны, непостижимы, подвержены неконтролируемым sauts d'humeur (переменам настроений), большевизм представляет собой нечто для них естественное и является их собственной виной.

С другой стороны, некоторые видные религиозные мыслители и философы Русского Зарубежья подчеркивали значение Достоевского как критика современного мира с позиций мистики, как писателя, открывшего истинное предназначение человека на основе глубокого понимания православия. Этот аргумент выдвигался Н.Бердяевым и Л.Шестовым в философии, С.Булгаковым и Г.Флоровским в богословии; авторитетная биография, написанная К.Мочульским, членом «Круга» и «Нового града», немало послужила распространению этой трактовки[4]. В целом же, эти авторы опускали антисемитские, антипольские выпады Достоевского и вообще проявления свойственной ему ксенофобии или приводили в его оправдание призыв писателя к христианскому милосердию в отношении всех людей.

Отношение Зарубежной России ко Льву Толстому также было отмечено чертами некоторой двойственности. Каждый признавал литературные достоинства Толстого — его стиль, его абсолютно правдивое описание чувств и поступков огромного числа русских типажей и отдельных личностей. Не вызывала разногласий и толстовская философия истории, поскольку она подчеркивала решающее значение случая и стечения обстоятельств. В противоположность марксизму (или историческому материализму) Толстой отрицал действие так называемых объективных сил или железных законов

истории. По крайней мере так это представлялось на фоне всего произошедшего, а большинство читателей-эмигрантов глубже не заглядывали. Популярность исторических романов Марка Алданова во многом объясняется тем, что он следовал манере письма Толстого: простой и ясный стиль Алданова был, возможно, слегка более галльским, чем стиль мастера, но его живое изображение исторических персонажей и его философия истории подчеркивали непредсказуемость последствий случайных событий и людских поступков.

В творчестве Толстого была и другая сторона: его идеализация крестьянства и проповедь анархизма и непротивления. Эта позиция Толстого была неприемлема для изгнанников, которые на собственном опыте познакомились с проявлениями анархии, ненавистью и насилием, на которые оказались способными крестьяне. Многие эмигранты также верили, что идейные и религиозные взгляды Толстого сыграли свою роль в подготовке революции. Действительно, бунт писателя против всех общественных институтов и властей в немалой степени послужил подрыву стабильности и социального согласия в дореволюционной России. Он внес разлад в умы многих интеллектуалов и привел к бессилию интеллигенции перед лицом войны, насилия, макиавеллиевской жажды власти, характерной для Ленина и большевиков. Примечательно, что во время празднования столетия со дня рождения Толстого в 1928 г. эмигранты подчеркивали литературный гений романиста, обходя молчанием его общественно-религиозные и политические идеи, снисходительно пожимая плечами по поводу досадных заблуждений великого человека. Например, в развернутой речи, с которой В.Маклаков выступил на толстовских торжествах в Париже и в Праге, говорилось о Толстом как о человеке (которого он знал лично) и о Толстом-писателе. Маклаков только кратко и вскользь упомянул о политических и религиозных «заблуждениях» Толстого[5].

Труднее определить, что́ понималось под классикой в русском изобразительном искусстве (особенно в живописи, поскольку в Русском Зарубежье вряд ли можно было на практике продолжить традиции русской архитектуры) и музыке. В живописи это были неоклассический академический стиль начала XIX в. и реалистическая, социально направленная школа передвижников. Передвижники выражали национальную традицию, были предметом национальной городости, так что их полотна или репродукции выставлялись на продажу на благотворительных базарах во время различных национальных праздников (например, во время празднования Дня русской культуры). Эта школа русской живописи имела отношение к возникновению псевдорусского стиля, который получил широкое распространение в России в начале XX в. Он соответствовал тому образу подлинно русского искусства, который сложился у иностранцев и в вульгаризированном виде присутствовал в оформлении русских кабаре, ресторанов, в безделушках и т.д. В более

сложной и творческой форме он стал составным элементом балетных, драматических или оперных постановок на русские сюжеты.

Музыка, язык которой не знает национальных барьеров, легко воспринималась иностранным окружением и получала его признание. Конечно, русская классика XIX в., произведения композиторов «Могучей кучки» и Чайковского уже стали неотъемлемой частью концертного репертуара. Эмигранты, занимавшиеся концертной деятельностью (например, С.Рахманинов, Ф.Шаляпин, С.Кусевицкий и другие знаменитые пианисты и скрипачи русского происхождения), способствовали дальнейшей популяризации этой музыки. Они быстро влились в интернациональный музыкальный мир. Русская народная музыка и церковное хоровое пение были представлены широкой международной аудитории Русским Зарубежьем. Эмигранты-казаки организовывали ансамбли народных песен и танцев, путешествовали по ярмаркам, людным местам, выступали в концертных залах и театрах. Их репертуар состоял из «популярных» песен и танцев, а также духовной музыки. Наиболее известный казачий хор под управлением С.Жарова в течение изучаемого нами периода и после второй мировой войны объездил весь свет. Лучшие церковные хоры, например хор русского кафедрального собора на улице Дарю в Париже, приглашались в различные центры эмиграции и давали концерты для иностранной аудитории. В этой связи мы можем отметить, что исследование русской средневековой церковной музыки стимулировалось работой таких специалистов, как профессор И.Гартнер, и курсами, открытыми при Богословском институте св. Сергия в Париже. Эти курсы были важным вкладом в русскую культуру, учитывая запрет на подобные исследования в Советской России в 20—30-е гг.

Русское культурное наследие средних веков занимало особое место как в дореволюционной России, так и в Русском Зарубежье. Интерес к музыке, живописи, архитектуре, декоративно-прикладному искусству IX—XIII вв. пережил период возрождения в конце XIX в. и был важной составляющей культурного процесса эпохи Серебряного века. Тесная связь этого искусства с религиозной жизнью побуждала большевиков подавлять интерес к его изучению в стране, по крайней мере в течение описываемого периода. В эмиграции возросла приверженность церкви и религии, что способствовало росту интереса ко всем культурным воплощениям русского православия. Поскольку доступ к рукописям и архивным собраниям, находившимся в России, был невозможен, научное изучение средневековой русской литературы было весьма затруднено, однако сравнительное исследование славянских языков, фольклора и поэзии могло с успехом осуществляться в Русском Зарубежье, и его возможности увеличивались за счет привлечения западных источников и методологии. Эта задача была блестяще выполнена Н.Трубецким, а позднее Р.Якобсоном в рамках Лингвистического кружка в Праге, который

был ими основан и просуществовал до начала второй мировой войны. Как уже указывалось в предыдущей главе, Семинар Кондакова стал центром изучения наследия средневековья, особенно в области изобразительного искусства, и эта работа была продолжена отдельными исследователями, например А.Грабарем и Б.Лосским.

Преданность сообщества эмигрантов церкви способствовала углубленному изучению русской иконографии и принесла мировое признание этому виду искусства. Как особое ремесло, иконопись развивалась рядом студий и усилиями отдельных мастеров. Они украсили многие новые эмигрантские церкви (например, св. Сергия при семинарии и Богословском институте в Париже), работали на довольно обширный рынок индивидуальных покупателей. Иконопись была жанром, целиком зависящим от традиций, однако благодаря тщательным историческим исследованиям, которые проводились Н.П. Кондаковым и его учениками, а также влиянию современных эстетических представлений и техники живописи эмигрантским иконописцам удалось внести в свое искусство ряд оригинальных и новаторских элементов. Деятельность эмигрантских художников, передвижная выставка икон, организованная советским правительством за границей в конце 20-х гг., способствовали росту популярности икон среди иностранцев: в Европе (Реклингхаузен) и в Соединенных Штатах (коллекции Хаммера, Хана, Дэвиса) возникали частные собрания и проводились публичные аукционы. Повышенный интерес к средневековой иконе был тесно связан с возрождением духовности и мистицизма — феноменом, уже наблюдавшимся в период Серебряного века. Иконы получали божественное истолкование, далекое от тех исторических обстоятельств, при которых они были созданы. Это в свою очередь делало их источником особых чувств, чем-то неповторимо и мистически русским. Эти взгляды укрепляли убеждение, разделявшееся в Русском Зарубежье многими, что именно они являются носителями истинных русских религиозных ценностей, — убеждение, которое проповедовал, например, Бердяев, и которое охотно воспринимало иностранное окружение, особенно в Германии. К сожалению, этот образ способствовал сохранению старого мифа об особенностях русской души, что имело негативные политические последствия. Это приводило также к восприятию периода Московской Руси как досадного отклонения от «нормального» и «правильного» пути развития России, — отклонения, которое вполне естественно привело к насаждаемым с Запада «извращениям» Санкт-Петербурга.

Сама попытка вычленить из русского культурного процесса «классическую» традицию может показаться спорной, однако она в значительной степени оправдывается тем, что сами эмигранты определяли свое наследие, используя понятия классических и неклассических элементов в культурной традиции. На деле, однако, истинные корни культуры изгнанников были в том периоде, который они

пережили в молодости или зрелости — непосредственно или через опыт родителей и людей старшего поколения. Этот период был эпохой Серебряного века, уже много раз упоминавшейся на предыдущих страницах. Изначально понятие Серебряного века относилось лишь к определенному этапу в развитии поэзии, в противоположность Золотому веку пушкинской поры. Позднее, однако, так стали называть все явления, связанные с невиданным расцветом новаторского творчества в разных областях художественной, культурной и даже хозяйственной жизни. Этот период продолжался с последнего десятилетия XIX в. — часто его начало связывали с всплеском общественной и политической активности в период большого голода 1891—1892 гг. — до начала мировой войны в 1914 г. В некоторых отношениях экспериментаторство первых лет советской власти, примерно до 1925 г., было прямым продолжением Серебряного века. То же можно сказать и о культурной деятельности Русского Зарубежья в 20-е и 30-е гг. Они характеризовались приматом написанного слова, что в эпоху Серебряного века нашло отражение прежде всего в поэзии: первые его проявления обозначились в литературе.

Первоначально Серебряный век был синонимом символизма в поэзии. Он ознаменовал собой ренессанс лирической поэзии, которая была объектом насмешек со стороны нигилистов и позитивистов, отдававших предпочтение гражданственной поэзии и реалистической прозе, имеющим общественное звучание. Из области поэзии символизм распространился на другие формы искусства — живопись (импрессионисты) и музыку (Скрябин), возродив интерес к духовности, религии и метафизике. Нет нужды здесь обсуждать эстетические и философские принципы символизма или описывать роль французского и немецкого влияния на становление русских аналогов. Французское влияние — Бодлер, парнассцы, позднее Верлен, Рембо, Малларме — способствовало поэтическому ренессансу, тогда как идеи, пришедшие из Германии, оказали большее влияние на философию (Шопенгауэр, Ницше, неокантианство); большую роль сыграл также витализм Бергсона. В любом случае, зарубежные веяния видоизменялись под влиянием поистине стремительных общественных, экономических и культурных перемен в самой России. Энергия, высвобожденная великими реформами 1860-х гг. — отменой крепостного права, — несмотря на то, что она всячески сдерживалась правительством (а может быть, как раз и поэтому), преобразовывала Россию в невиданных за два прошедших после Петра Великого века масштабах, все шире и глубже проникая в общественную структуру империи. Тот факт, что этот творческий взлет сопровождался не подъемом оптимизма, а напротив, мрачными предчувствиями (как и на Западе), которые порождались наступлением технологии и материализма на традиционные духовные ценности, ни в коей мере не умаляет плодотворного характера Серебряного века. Он не мог не оказать влияния на всех тех, кто вырос

в это время. Но, что бы ни пророчили Серебряному веку — позитивное развитие в будущем или скорый катастрофический, апокалиптический конец, — его творческий взлет оборвался с началом первой мировой войны и был окончательно похоронен революцией и гражданской войной.

Те, кто вырос в интенсивной творческой атмосфере, кто видел, как все ожидания и страхи принимают реальные очертания в анархии и кошмарах революции, мировой и гражданской войн, были теми самыми мужчинами и женщинами, которые, оказавшись за пределами родины, основали Русское Зарубежье. Они надеялись, что в этой, новой, России они, в ожидании падения большевизма, сумеют продолжить творческую традицию Серебряного века. Культурные достижения эпохи Серебряного века не остались не замеченными на Западе. Вообще, Серебряный век был первым направлением современной русской культуры, который оказал воздействие на зарубежные страны. Несмотря на то, что литература, даже в переводах, была нелегка для восприятия иностранцев, произведения Д.Мережковского, А.Блока, Ф.Достоевского и Л.Толстого были широко известны. Р.М.Рильке пытался писать стихи по-русски и популяризовал русскую поэзию в Германии. Еще более сильным было воздействие изобразительного искусства и музыки, в меньшей степени — естественных и гуманитарных наук. В эпоху Серебряного века Россия влилась в общий поток мировой, западного типа, культуры XX в.

Разумеется, не все в Русском Зарубежье ценили поэтическое и прозаическое наследие литературы Серебряного века. Широко известно, например, неприятие Иваном Буниным поэзии А.Блока. В целом, однако, эмигранты признавали символистов и акмеистов (наследников символизма) как поэтов, следовавших канонам «классического» русского стихосложения. Континуитет по отношению к Серебряному веку подтверждался творческой активностью тех, кто оказался в Русском Зарубежье, — З.Гиппиус, К.Бальмонта, В.Иванова, — а также тем центральным положением, которое занимали в эмигрантской литературе преемники символизма, например В.Ходасевич, М.Цветаева и Г.Иванов. Литературные критики и историки литературы Г.Адамович и К.Мочульский также сосредоточили основное внимание на этом славном периоде в истории русской поэзии и способствовали пониманию его творческих импульсов и достижений.

Общая позитивная оценка не исключала, однако, некоторых серьезных сомнений и вопросов. Многие спрашивали: разве не символизм распахнул двери перед теми деструктивными и анархическими тенденциями, которые из области искусства переместились потом в русскую жизнь как таковую? Оправдывая, подобно писателям эпохи Серебряного века, порыв к очищению, можно было вплотную подойти к ожиданию революции и хаоса. Это, как теперь казалось, и составляло политическое предназначение А. Блока до 1917 г. И не получило ли оказанное им вредное влияние свое

подтверждение в собственном его принятии большевиков, принятии, получившем отражение в его весьма двусмысленной последней великой поэме «Двенадцать»? Нельзя ли сказать то же самое и о В. Розанове и его неуловимом смешении авангардистского искусства, религиозного анархизма и националистической мистики?

Написанные до 1917 г. произведения Блока и Мережковского были предчувствием и предостережением о грядущем апокалиптическом конце. Конец этот, однако, с энтузиазмом приветствовали такие модернисты и постсимволисты, как А.Белый, и такие поэты, как В. Маяковский. В своих произведениях и в публичных выступлениях за границей они призывали изгнанников вернуться домой и с чистым сердцем принять то, что будет там происходить. Позиция Белого может быть оправдана анархическим характером самого поэта. Но разве анархизм и нигилизм, присущие крайнему модернизму, не были законными наследниками экспериментаторства символистов? Их модернизм часто ассоциировался с деструктивным воздействием Серебряного века на политику и мораль, и это мешало полному признанию, например, поэзии Марины Цветаевой (или Бориса Пастернака, когда он жил за границей). Еще более губительным, по мнению эмигрантов, было творчество тех молодых поэтов — В.Маяковского, С.Есенина, В.Хлебникова, — кто исказил завоеванную символизмом литературную свободу, превратив ее в анархическую вседозволенность. Грубая крикливость Маяковского не только ассоциировалась со всем тем отвратительным, анархическим и жестоким, что было в большевистской России, но для многих также служила напоминанием о том, где Серебряный век перешагнул черту дозволенного, а именно, о его чрезмерном либерализме, апокалиптическом ожидании гибели, отрицании традиционных эстетических норм и проверенных временем общественных ценностей.

Подобная двойственность была характерна и для отношения эмигрантов к искусству и музыке эпохи Серебряного века. Поскольку изобразительное искусство и музыка пользуются особым, наднациональным языком, они могут легко интегрироватся в международную художественную среду. Эксперименты в искусстве, которые не запрещались большевиками в первые годы их правления, были широко известны на Западе, прежде всего в Германии. Выдающиеся композиторы и художники — Кандинский, Шагал, Стравинский — быстро стали частью немецкой, французской и мировой культуры. Их работы, однако, несмотря на то, что они вносили «русскую ноту» в современное искусство и музыку, строго говоря, не принадлежали к Зарубежной России, хотя эмигранты, безусловно, посещали их выставки и концерты.

Одно направление художественной жизни, тесно связанное с Серебряным веком, продолжило свое существование, хотя и не в столь яркой форме, как прежде, в Русском Зарубежье. Речь идет об объединении «Мир искусства», получившем название по изда-

ваемому им журналу; в него входили представители изобразительного искусства и балета. В некотором смысле это течение было русским аналогом импрессионизма и символизма, оно оказало мощное влияние на формирование художественных вкусов дореволюционного поколения. Зародившись как художественное движение в довоенной России, оно поразило воображение западного мира, во многом благодаря декорациям и костюмам дягилевских балетов. Создавшие их художники эмигрировали и продолжили работу по оформлению балетных и оперных спектаклей на Западе в 20—30-е гг. (и после второй мировой войны). Таким образом, А.Бенуа, М.Добужинский, Н.Гончарова, Л.Бакст (если называть только самые известные имена) не только помогли наладить культурную жизнь Русского Зарубежья, участвуя в его культурных мероприятиях (например, в праздновании пушкинских дней), но также сохранили и продолжили на чужбине традиции своего культурного наследия. Они внесли большой вклад в успех преемников «Русских балетов», которые послужили основным стимулом к преобразованию балетного и изобразительного искусства на Западе. Ballets russes de Monte Carlo продолжали традиции Дягилева, в то время как Серж Лифарь стал вслед за В. Нижинским ведущим танцором и хореографом во Франции, а Дж.Баланчин — в Соединенных Штатах. Русские балеты способствовали признанию музыки И.Стравинского, единственного в Русском Зарубежье композитора-авангардиста, которому удалось легко вписаться в западную, особенно американскую, музыкальную среду. С другой стороны, музыканты, придерживавшиеся более традиционной манеры, даже те, кто был связан с «Миром искусства» до 1914 г., такие, как А.Глазунов, оставались на периферии мировой музыкальной жизни, а С.Рахманинов составил себе имя за границей прежде всего как виртуозный исполнитель. В то же время именно дирижер-эмигрант С.Кусевицкий знакомил слушателей с современным и классическим репертуаром, созданным в обеих Россиях.

Яркой отличительной чертой Серебряного века, так же, как прежде, в 1830—1840-е гг. века Золотого, было пробуждение острого интереса к проблемам духовного, религиозного и философского характера. В противоположность позитивизму конца XIX в. ренессанс философии был явно отмечен расцветом идеализма и метафизики. Более того, следует отметить, что в течение первых полутора десятилетий XX в. философия превратилась в сугубо самостоятельную научную дисциплину. К вопросам, связанным с возрождением духовности и религиозных запросов, мы обратимся в следующей главе. Здесь же я позволю себе сказать несколько слов о ренессансе философии.

Начало его было заложено в трудах В.Соловьева, чьи взгляды оказали влияние на таких мыслителей, как П.Новгородцев, С.Булгаков, Н.Лосский, Н.Бердяев и, в несколько меньшей степени,

С.Франк. Большинство этих философов были по приказу Ленина высланы из страны в 1922 г. За границей они возобновили свою работу, публикуя статьи и книги в эмигрантских издательствах. Философское обновление происходило в рамках двух взаимосвязанных идейных направлений — идеалистической метафизики и индивидуалистической психологии или философской антропологии. Оба направления уходили корнями в онтологию, основанную на признании экзистенциальной и исторической автономии человеческого духа как творения Бога, обладающей лишь той степенью свободы, которую Бог предоставляет своим созданиям. Не удивительно, что это философское течение смыкалось с религиозным экзистенциализмом Кьеркегора. Оно помогло поддерживать исконно присущий русской философии преимущественный интерес к реальным экономическим и политическим проблемам, вместе с тем оно подготовляло реорганизацию или возрождение общества и его институтов в духе гуманности и духовной свободы для свободного творческого развития по воле Бога.

Бердяев, самый широко читаемый философ Русского Зарубежья, чьи труды были переведены на все основные западные языки, исходил в своей трактовке этой основной посылки из суждения о неограниченной свободе воли. Рассуждения Бердяева привели его к категорическому неприятию как буржуазного материализма, так и большевистского атеизма. В то же время он обвинял позитивистски настроенную интеллигенцию в том, что ее неразборчивость в средствах, использовавшихся ради достижения благой цели, в конце концов привела к революции. Признавая за собой эту вину или этот недостаток, интеллигенция, в том числе и эмигрантская, должна была принять то, что делается большевиками, пусть в крайней и искаженной форме, для разрушения буржуазного материализма, т.е. для решения той задачи, с которой сама она не сумела совладать. В 30-е и особенно в 40-е гг. русский национализм Бердяева обусловил его терпимость по отношению к сталинской России. Эта странная позиция не способствовала росту его популярности в некоторых эмигрантских кругах, однако его влияние от этого практически не пострадало. Он жил в материальном достатке, его труды издавались и неизменно находили широкий отклик и у иностранного читателя, благодаря его обширным связям в зарубежных интеллектуальных кругах. Его друг и некогда коллега Лев Шестов являлся наиболее ярким последователем учения Кьеркегора об экзистенциальном предназначении Человека, — предназначении, которое, как он полагал, нашло самое отчетливое воплощение в сомнениях Паскаля относительно существования Бога. Это привело Шестова к осуждению склонности людей надеяться на разум, как не просто ограничивающей наше естество, но и антидуховной по своей природе. Хотя его сочинения изобилуют повторами и неясностями, они встретили отклик у интеллектуалов Русского Зарубежья и даже, благодаря его

лекциям и публикациям в зарубежных журналах, пользовались известностью в Германии и во Франции.

Н. Лосский и С. Франк в межвоенный период оказывали меньшее воздействие на Русское Зарубежье и на философию Запада. Франк сосредоточил свое внимание на проблемах социальной этики, косвенным образом затрагивая также политическую философскую антропологию, которую он трактовал с христианских и идеалистических позиций. Лосский развивал эпистемологию и философскую антропологию со строго индивидуалистических позиций. Никто из них не пользовался большим влиянием также потому, что они жили в относительной изоляции, один — в Праге, другой — в Берлине. Вместе с тем Лосский не был кабинетным мыслителем и много сил отдавал преподавательской работе в различных пражских русских учебных заведениях.

Среди философов-эмигрантов Серебряного века мы можем упомянуть также Л. Карсавина (строго говоря, он был историком, но проявлял особый интерес к философии истории) и двух социальных философов П. Новгородцева и Б. Вышеславцева, занимавшихся проблемами юриспруденции, а также С. Гессена, получившего известность благодаря своим работам по педагогике и политической теории. Список философов-эмигрантов отнюдь не исчерпывается названными выше мыслителями, однако именно их слово находило наибольший отклик в диаспоре, они внесли наиболее заметный вклад в развитие и популяризацию экзистенциализма и христианского подхода к социальным и эстетическим проблемам, в полемику с материализмом и рационализмом радикалов и марксистов всех направлений. Под воздействием опыта, приобретенного в период революции и гражданской войны, они углубляли и расширяли трактовку социальных проблем, поставленных возродившимся в эпоху Серебряного века критическим идеализмом.

Два мыслителя более молодого поколения, А.Кожев и А.Койре, которые достигли идейной зрелости уже в Русском Зарубежье, оказали глубокое воздействие на западную философию после второй мировой войны. А.Кожев, который поступил на службу во французское министерство иностранных дел и специализировался по проблемам экономики, организовал семинар по изучению философии Гегеля. Этот семинар, проводившийся под эгидой Ecole pratique des hautes études, играл ведущую роль в возрождении интереса к Гегелю во Франции, которое повлияло на развитие марксизма и диалектического экзистенциализма после второй мировой войны. А. Койре начал свою научную деятельность, написав диссертацию о русских мыслителях-идеалистах 30—40-х гг. XIX в., но затем переключился на изучение традиций немецкой мистики и натурфилософии, а также наследия Якоба Беме и Николая Кузанского. Это в свою очередь, как считает французский историк науки П.Дюэм, привело Койре к философии и истории науки — обла-

стям, которые он обогатил своими глубокими исследованиями, посвященными Галилею и Декарту. Однако мы вновь должны отметить, что признание пришло к нему после 1945 г., когда он наконец получил постоянную должность в Парижском университете.

Мыслители-эмигранты, которых мы упомянули выше, развивали новые, возникшие в эпоху Серебряного века направления в философии, но вместе с тем воплощали в своем творчестве произошедшую тогда же профессионализацию этой области науки. Действительно, большинство из них, хотя бы временно, занимали преподавательские должности в университетах и считали философию не только своим призванием, но в равной мере и своей профессией. Очевидно, что занятие философией не было той единственной профессией, представители которой добились признания и автономии своего творческого «цеха» в период Серебряного века. К началу революции 1905 г. полное признание, законодательное и общественное, получили все свободные и технические профессии. Это послужило дополнительным импульсом, стимулировавшим развитие творческой энергии специалистов, а также облегчило их контакты с зарубежными коллегами. Для естественных и гуманитарных наук Серебряный век также стал переломным моментом, ознаменовавшим включение России в международную научную жизнь в качестве признанного и полноправного ее участника.

В то время как юристы и представители гуманитарных дисциплин столкнулись с серьезными сложностями — языковым барьером и повсеместно существовавшим для таких специалистов дефицитом рабочих мест, — русские ученые-естественники, оказавшиеся в эмиграции, более легко устраивались за границей. Приведем некоторые сведения, которые, как нам представляется, весьма показательны и применимы к тем случаям, которые хуже документированы данными источников.

Если практикующий юрист испытывал большие сложности с трудоустройством и ведением самостоятельной деятельности в чужой стране с иной законодательной системой и правовой традицией, с учеными-правоведами и специалистами по международному торговому праву дело обстояло иначе. Ведущие специалисты в области общественного и гражданского права в дореволюционной России Б.Нольде и В.Эльяшевич достигли высокого профессионального положения во Франции и признания как ведущих исследователей в своей области благодаря трудам, публиковавшимся как по-русски, так и на иностранных языках, а также выступая в качестве экспертов в судах и государственных учреждениях. Юристы, преподававшие в русских учебных заведениях в Праге (Н.Тимашев), Харбине (Г.Гуинс) и Хельсинки (С.Корф), затем получили хорошие должности в Соединенных Штатах, однако их связи с Русским Зарубежьем ослабли. Правовед более молодого поколения Г.Гурвич, чьи интересы охватывали широкую область права, социологии, филосо-

фии и истории общественной мысли, внес важный и самостоятельный вклад в эти сферы, который стал всеобщим достоянием западной науки. Он оставался гражданином Зарубежной России вплоть до конца 30-х гг., когда он начал все больше интегрироваться во французскую научную среду. Завершился этот процесс после 1945 г., когда Гурвич вернулся из Соединенных Штатов, где провел годы войны. В начале своей карьеры Гурвич был одним из самых ярких правоведов Дерптского (Юрьевского, ныне — Тартуского) университета, специалистом по социальным правам, впоследствии работал в Берлине и в Париже. Его критика марксистского социализма с точки зрения социальных прав, его идеи относительно новой системы прав собственности в условиях либеральной демократии составили заметный вклад в развитие общественной и политической мысли 20—30-х гг. и по сей день могут представлять практическую ценность. Интерес к этой проблематике развился у него под влиянием его учителя Л.Петражицкого и русской школы психологического правоведения, существовавшей в эпоху Серебряного века. Позднее Гурвич обратился к занятиям социологией, где развивал направления, во многом опиравшиеся на формализм и структурализм, впервые возникшие в теории литературы в период Серебряного века.

Как уже говорилось выше, представителям гуманитарных дисциплин было нелегко продолжать творческую деятельность в иноязычной, отличающейся иной историко-культурной традицией среде. В этой главе я упомяну лишь об одной отрасли гуманитарных знаний, которая тесно связана с философией, — о лингвистике. До своего отъезда в эмиграцию в 1920 г. князь Н. Трубецкой был активным сторонником новых направлений в философии, которые утверждали, что языковая практика находится в зависимости от особого духовно-антропологического контекста и роли символов в данном обществе и в данной культуре. Структуралистские штудии Трубецкого совпали с интересами его коллеги, тогда еще студента, Р. Якобсона, который исследовал роль систем символов и их сочетания со звуковыми образами в процессе создания поэтического произведения. Примеры черпались из творчества поэтов-символистов и постсимволистов (например, Маяковского). Трубецкой стал основателем структурной лингвистики, которая развивалась в рамках основанного им в Праге (до того, как он получил кафедру в Вене) Лингвистического кружка.

Совсем не случаен тот факт, что Н.Трубецкой вместе с тем явился одним из отцов-основателей евразийства — единственной новаторской (несмотря на свой синкретизм) историко-философской доктрины, возникшей в Русском Зарубежье. Учение евразийцев подчеркивало культурную уникальность территории, лежащей между Центральной Европой и Тихим океаном, — уникальность, коренящуюся в общих структурных чертах климата, географии, языков и, наконец, того, что сейчас называется менталитетом населявших эти

земли народов. Евразийцы отстаивали примат духовных элементов в историческом процессе, — тех элементов, которые находили свое отчетливое выражение в лингвистических особенностях народов или культур. Впоследствии Р.Якобсон порвал с евразийством и сосредоточил свое внимание на формальных и структурных элементах, лежащих в основе как поэтического, так и повседневного языка, — поэзии, отражавшей наиболее «примитивные» или первичные в генетическом смысле сущностные аспекты языка. Переехав из Праги в Швецию, а затем в Соединенные Штаты, Якобсон стал ведущим теоретиком и практиком в области формальной литературной критики и структурной лингвистики на Западе. Вместе с тем он был и всегда оставался «гражданином» Зарубежной России не только в силу своего происхождения, но и благодаря своему постоянному, продолжавшемуся всю жизнь, исследовательскому интересу к русской поэзии и к общеславянскому наследию. Он принимал участие в работе различных научных учреждений эмиграции, ведя в них преподавательскую деятельность и публикуясь в русских изданиях.

Как уже отмечалось выше, литературоведы, продолжая свою работу за границей, иногда вынуждены были менять направление исследований, Так, К.Мочульский переключился с романских литератур на русскую. Несмотря на то, что доступ в зарубежные научные учреждения был для них ограничен, они внесли свой вклад в распространение за рубежом знаний о русской литературе и культуре, подкрепляя тем самым смысл существования Русского Зарубежья как единого целого. Подобную роль сыграли, например, Т. фон Браун и Ф.Степун в Германии, К.Мочульский во Франции, Д.Чижевский в Чехословакии (а позднее — в Германии). В Англии сходное значение имела деятельность Д.П.Святополка-Мирского, а после его возвращения в Россию, где ему было суждено погибнуть в лагерях, — Глеба Струве. Во всех этих случаях развитие дореволюционного литературоведения было продолжено без существенных новаций, единственное исключение составляло появление формального метода в критике, начала которого, впрочем, были заложены еще в период Серебряного века. Благодаря усилиям этих ученых изучение русской литературы как научной дисциплины не только достигло расцвета в Русском Зарубежье, но и вышло за его пределы, знакомя Запад с ранее неизвестными или не замечавшимися достижениями русской литературы и подготавливая быстрое развитие этого направления в западной науке после 1945 г.

В других гуманитарных дисциплинах — древней истории, палеографии, византинистике — русские ученые-эмигранты добивались признания лишь тогда, когда удавалось заручиться поддержкой соответствующих научных учреждений или спонсоров. М. Ростовцев, например, специализировался в области экономической и социальной истории древнего мира; заняв должность профессора в Йельском университете, он получил возможность расширить поле

своей научной деятельности, осуществив раскопки поселения римской эпохи в Дура-Еуропус на Ближнем Востоке. Не порывая с Русским Зарубежьем, он много писал для эмигрантских журналов, например для «Современных записок», где публиковал отчеты о результатах своих археологических разысканий и исследования по древней истории (экономике Египта при Птолемеях), проводя при этом аналогии с современностью. Историк-византинист А.Васильев, прочно обосновавшись в Висконсинском университете, исчез из поля зрения Русского Зарубежья, его более молодой коллега Г.Острогорский, обучавшийся в Семинаре Кондакова и в Германии, может считаться представителем науки Русского Зарубежья, поскольку его ранние работы были опубликованы на страницах эмигрантских изданий. С. Довгелло, жена писателя А. Ремизова, была авторитетным палеографом-медиевистом. Под ее руководством в Ecole pratique des hautes études изучали палеографию многие французские исследователи. Следует подчеркнуть, что во всех этих случаях ученые-эмигранты внесли вклад в развитие своих научных направлений, продолжая именно те тенденции — методологические, фактологические, концептуальные, — которые сложились в дореволюционной России. Таким образом, эти тенденции стали интегральной частью мировой науки.

Достаточно назвать лишь несколько имен, чтобы показать вклад Русского Зарубежья в развитие естественных наук и техники. Чтобы продолжать свою профессиональную деятельность, ученые и инженеры должны были получить право работать в государственных учреждениях или частных фирмах зарубежных стран. Для среднего инженера это было делом совсем не простым — многим приходилось довольствоваться менее престижными должностями или вовсе заниматься физическим трудом. В Югославии, некоторых приграничных государствах, в ряде случаев также в Чехословакии русские инженеры имели возможность устраиваться на работу в государственные учреждения. В Западной Европе, однако, это было практически невозможно. Иногда, в особенности в период наивысшего подъема сотрудничества германской промышленности с Советским Союзом, русских инженеров принимали на временную работу в качестве консультантов фирмы, имевшие деловые связи с СССР. Разумеется, при этом те, кто уже успел составить себе имя в России, находились в более выгодном положении. В течение последних предреволюционных десятилетий русская наука и технология переживали невиданный расцвет, их достижения нашли широкое признание за рубежом. В некоторых областях, например в биологии и аэродинамике, русские ученые занимали лидирующие позиции. Не удивительно поэтому, что Институт Пастера распахнул свои двери перед многими учеными-эмигрантами, учениками И.Мечникова. С другой стороны, медикам-практикам в большинстве случаев приходилось туго. Местное медицинское за-

конодательство и ассоциации врачей весьма неохотно предоставляли лицензии на занятие врачебной деятельностью, только после сдачи сложного экзамена. Большинство врачей-эмигрантов работали полулегально в качестве ассистентов местных медиков или на вспомогательных должностях в больницах и клиниках[6].

В области химии прежние, получившие широкое признание работы В. Ипатьева позволили ему занять видное место в лабораторных и промышленных исследованиях. Он обосновался в Соединенных Штатах в конце 20-х гг[7]. Специалист по сопротивлению материалов С.Тимошенко был признанным лидером в этой области науки. Он переехал в США еще раньше, утратив тем самым почти все связи с Русским Зарубежьем, но сохранив в то же время верность и преданность родине и ее культуре. То же можно сказать и о его брате Владимире, агрономе. Пионер аэронавтики И. Сикорский внес свой вклад в развитие военно-воздушных сил США, работая в области вертолетостроения. Инженер-кораблестроитель В.Юркевич принимал активное участие в проектировании и строительстве океанского лайнера «Нормандия». Этот список может быть продолжен. Мне, однако, хотелось бы подчеркнуть, что все эти мужчины (женщин среди них, к сожалению, не было) и их менее известные или просто менее удачливые коллеги получили образование и сделали свои первые самостоятельные шаги в дореволюционной России. Удивительная творческая атмосфера Серебряного века открыла перед ними новые перспективы, преисполнила их стремлением расширять горизонты знаний. Нам следует также помнить о том, что гораздо большее число ученых и инженеров, рядовых или выдающихся, сознательно или по воле случая оставшихся в Советской России, продолжали там свою творческую деятельность.

Язык был тем базовым элементом, который не просто воплощал в себе традицию современной русской культуры, отражая ее в литературе, но также представлял собой существенный элемент самосознания «граждан» Зарубежной России. Именно русский язык связывал эмигрантов с их прошлым и помогал преодолевать разобщенность. Естественно, что и литература служила для них средством выражения их принадлежности к «обществу в изгнании» и осуществления той культурной миссии, которую Русское Зарубежье выполняло по отношению к обеим Россиям. При этом эмигранты стремились к тому, чтобы их язык соответствовал поставленным задачам. Речь шла, в сущности, об отстаивании его чистоты. Как мы уже отмечали, рассказывая об образовании в эмиграции, символическое значение в этой связи приобрел отказ от использования введенных большевиками новых правил орфографии. Реформа была разработана под руководством Академии наук за много лет до революции. К несчастью, именно советское правительство обнародовало ее и немедленно, в 1918 г., осуществило. Позиция того или иного человека в эмиграции по вопросу об орфографии была символом и показате-

лем его отношения к советской системе и к революции. Можно вспомнить о том, что однажды в русской истории проведение реформы орфографии и календаря при Петре Великом уже вызвало волну сопротивления. Неприятие этих нововведений стало своего рода знаменем оппозиции, а их признание символизировало поддержку усилий Петра, направленных на модернизацию и европеизацию России. Для большинства эмигрантов отказ принять новую орфографию означал их решимость сохранять русский язык в чистоте и неприкосновенности. Некоторые писатели-эмигранты, например З.Гиппиус и И.Бунин, неизменно настаивали на том, чтобы их произведения печатались только в соответствии с правилами старой орфографии. Утверждалось, что новые правила не способствуют исправлению произношения, вводят весьма спорные нормы написания, которые нельзя обосновать ни этимологически, ни исторически. Этот конфликт был в конце концов разрешен: упрощенные правила находили все большее распространение среди молодежи, а доступность книг, изданных в Советском Союзе по правилам новой орфографии, побуждала все больше число авторов и издателей принимать ее. Этот процесс, однако, был окончательно завершен лишь после второй мировой войны.

Речь шла не только о чистоте языка, но и о чистоте той традиции, которая нашла отражение прежде всего в литературе, сделав ее воплощением современной русской культуры. Настоятельное требование сохранить чистоту языка предполагало также энергичную борьбу, в которую включились все эмигрантские педагоги и писатели, с неологизмами как советского, так и западного происхождения, а также с иностранными словами и выражениями. Советские неологизмы, прежде всего избыток сокращений, вызвали у большей части эмигрантской интеллигенции гнев и сарказм. В этой связи возникло негативное словосочетание «Совдепия», которое в течение всех 20-х гг. применялось в эмигрантской печати для обозначения страны Советов. Лишь в 30-е гг. его сменило более нейтральное выражение «Советская Россия», в котором хотя бы присутствовало название страны. Борьба против употребления иностранных слов в повседневной разговорной речи, типичного для любой группы, проживающей в инонациональном окружении, представляла собой, пожалуй, более сложную задачу. Менее образованная часть эмиграции мало заботилась о красоте речи или об эстетическом соответствии формы содержанию выражений; простые люди легко включали в свой обиход иностранные слова. Иностранное влияние распространилось из области словоупотребления на грамматические формы и конструкции, положив начало созданию разного рода жаргонов, где иностранные слова получали русские падежные окончания, а иностранные выражения переводились на русский дословно. Это веяние, получившее распространение среди эмигрантов, высмеивалось такими писателями, как Дон Аминадо и Тэффи в их сатирических замет-

ках на страницах периодической печати. Писатели и языковеды публиковали статьи в защиту правильного русского словоупотребления, указывая на неверные грамматические формы и неправомерное придание отдельным словам унижительного значения, что практиковалось как литераторами, так и простыми людьми в Советском Союзе. Русское Зарубежье, как они с гордостью отмечали, сохранило традиции правильной речи. Нужно сказать, что, действительно, большинство родителей и учителей-эмигрантов привили детям твердые навыки использования хорошего русского языка и, как правило, эмигрантские издания были выдержаны в этом отношении на весьма высоком уровне.

Язык рассматривался как инструмент, который нужно беречь и содержать в порядке. Однако это был всего лишь инструмент, и многое зависело от того, как и с какой целью его использовать. Писатели и критики-эмигранты поставили перед собой задачу определить эффективность и результаты использования языка. В этой связи встал вопрос, не создало ли Русское Зарубежье новую литературу, со всей очевидностью отличающуюся от той, что существовала на родине. В более общем плане речь шла о том, привела ли революция к созданию двух русских литератур вместо единой целой, существовавшей прежде. Интересно, что характер этого вопроса не оставался неизменным, и, поскольку это лишь отчасти явилось следствием внешних событий, приходится признать, что эта динамика создавалась самим ходом литературного процесса. Наиболее разительными, по крайней мере в этом отношении, были различия в развитии поэзии и прозы. В целом мы можем выделить два совершенно различных хронологических периода — 20-е и 30-е гг. Первое десятилетие в советской литературе было отмечено расцветом экспериментаторства, второе — утверждением социалистического реализма как теории и практики, обязательной для всех советских писателей. Соответственно, пропасть между литературами двух Россий выросла еще больше.

Вначале, однако, следует упомянуть о весьма важном событии в культурной, в частности в литературной, жизни Русского Зарубежья, которое хронологически почти совпало с водоразделом между двумя указанными периодами. В 1933 г. Бунин первым из русских писателей был награжден Нобелевской премией. Оставляя в стороне соображения эстетического характера, которыми руководствовались, присуждая эту награду (среди кандидатов были также Мережковский и Горький), нужно подчеркнуть, что это был в равной мере ярко выраженный политический и литературный жест. С точки зрения литературы, Нобелевский комитет отметил заслуги представителя реалистической школы русской прозы, — школы, уходившей корнями в дореволюционный период и тогда же пережившей пору своего расцвета. Награда означала также признание более высокого уровня старой литературы по сравнению с современ-

ной советской. Наконец, она явилась общественным признанием литературы в изгнании, ее художественной самостоятельности. Такой шаг был повторно предпринят Нобелевским комитетом лишь через много лет после окончания второй мировой войны.

Присуждение Бунину Нобелевской премии было действительно важным событием в жизни эмиграции. Самому Бунину она позволила избавиться (на время, как потом оказалось) от нищеты, и он, проявив благородство, разделил часть этих средств между нуждающимися товарищами по перу. Для распределения части премии, выделенной Буниным на эти цели, был создан комитет. Процесс распределения породил, что было, по всей видимости, неизбежно, некоторые трения: кто-то чувствовал себя оскорбленным; однако эта премия была первой существенной материальной помощью, которая в публичном порядке была оказана на международном уровне творчески активным русским писателям. Но важнее даже было моральное значение Нобелевской премии: это было общественное признание не только факта существования русской литературы в изгнании, но также духовной и культурной самостоятельности политической эмиграции. Международное культурное сообщество по достоинству оценило творческие возможности, морально-эстетическую роль писателя-изгнанника, работающего вдали от родины. Косвенным образом присуждение Нобелевской премии Бунину стало обвинением в адрес того давления, которое оказывалось на литературу в Советской России. То обстоятельство, что Бунин как писатель был далек от политики, несмотря на то, что испытывал неослабевающую ненависть к революции и ко всему большевистскому, повлияло на решение, принятое в Стокгольме[8]. Бунина чествовало все Русское Зарубежье. Во время празднования эмиграция преисполнилась гордой уверенностью в том, что создание Русского Зарубежья позволило сохранить ее единство как культурной и исторической силы. Награда была присуждена как раз в том момент, когда Сталин загонял советское искусство и литературу в тесные рамки социалистического реализма. Это совпадение во времени еще более усилило значение этого события и укрепило уверенность эмиграции в своей правоте. Наконец, оно послужило дальнейшему разграничению эмигрантской и советской литературы. Таким было значение Нобелевской премии для современников, но это лишь один из аспектов события, которое, как мы убедимся ниже, не следует воспринимать чересчур упрощенно.

Почти все оказавшиеся в изгнании известные прозаики принадлежали к реалистической традиции русской литературы (Д.Мережковский так же, как и Бунин-поэт, стоит несколько особняком). Исключение составлял А.Ремизов — совершенно особый, игривый, барочный, черпающий вдохновение в сверхъестественном (в гоголевском понимании). Другие, в особенности Бунин, Зайцев, Шмелев и Алданов, могут считаться продолжателями традиций Тургенева,

Толстого, Чехова. Как и для их предшественников, подробное описание жизни не было для них самоцелью, а призвано было вскрыть глубинный человеческий смысл, заложенный в судьбах героев и в описываемых ситуациях. В нечастых описаниях судеб эмигрантов они также выходили на уровень общечеловеческих обобщений, однако наиболее важную часть их творчества за границей составляли воспоминания и ностальгические обращения к прошлому. В любом случае они избежали характерных для социалистического реализма дидактизма, приукрашивания и мифологизации.

Я полагаю, что благодаря этим особенностям произведения, написанные людьми, долгое время находившимися в изоляции от жизни в Советском Союзе и от действительности, окружавшей их за границей, читаются с неизменным интересом. Другие писатели, последователи той же традиции, оставили нам незабываемые юмористические, подчас едко сатирические зарисовки жизни в эмиграции. В их числе следует назвать Дона Аминадо, Тэффи и А.Даманскую. Несмотря на то, что эти писатели не принимали участия в новаторских экспериментах позднего Серебряного века (Ремизов опять-таки составляет здесь исключение) или начала 20-х гг. и не привнесли в эстетическом отношении в русскую литературу ничего нового, их романы и рассказы представляют собой захватывающие произведения и прекрасные образцы, свидетельствующие о тех высотах, которых достигла русская проза в прошлом. На них не оказали заметного воздействия зарубежные литературы, их не поглотила литературная среда тех стран, где они проживали, великие фигуры современной западной прозы — Джойс, Пруст, Т.Манн — никак на них не повлияли. Этим, быть может, объясняется, почему их переводили гораздо меньше, чем можно было ожидать. Даже присуждение Бунину Нобелевской премии не способствовало заметному росту числа переводов и изданий их сочинений на иностранных языках.

От более молодого поколения писателей-эмигрантов трудно было ожидать, что они повторят опыт своих старших коллег и пойдут по их стопам. Их не только отличал иной опыт жизни в дореволюционной России, восприятия революции и гражданской войны — волей-неволей они глубоко погружались в атмосферу зарубежных стран. Они оказались более восприимчивыми к новым тенденциям, обозначившимся как в советской, так и в западной литературе. Насколько я могу судить, особый вклад авторов молодого поколения заключался не столько в стилевых новациях и экспериментах, сколько в выборе тем и способе их раскрытия. В области языка и стиля они оставались прямыми продолжателями традиций классической русской прозы XIX в. Вместе с тем они отошли от узкого понимания натурализма, все чаще делая акцент на психологии отдельной личности, ее реакции на чуждое и необычное окружение. Более важно, пожалуй, что они обнаружили большой интерес к таким проявлениям человеческой психики, которые не могут быть

объяснены со строго материалистических, натуралистических и рационалистических позиций. Они испытывали влияние Пруста и Кафки и ощущали, быть может, даже более сильно, чем старшее поколение, воздействие духовных исканий авангардистов и модернистов 10—20-х гг. Молодые прозаики, чей дебют состоялся в эмиграции, например Сирин (В. Набоков), Ю. Фельзен, Б. Поплавский и В. Яновский, в той или иной мере, более или менее последовательно придерживались этой ориентации. Принимали их по-разному. Многих узнали и оценили лишь после второй мировой войны, иногда они вообще с самого начала печатались на иностранном языке. Завершая разговор о прозе, следует сказать, что писатели-эмигранты старшего поколения продолжали писать в традиционной манере и, после того как в 30-е гг. социалистический реализм был официально объявлен методом советской литературы, их произведения все больше отличались от литературной продукции Советской России. В еще большей степени это может быть отнесено к писателям более молодого поколения. Это обстоятельство осложнило положение молодых литераторов: им трудно было найти свой путь, добиться признания в обеих Россиях. В то же время, однако, предпринятые ими новаторские шаги, признание ими современной зарубежной литературы и отдаление от советских коллег оказали влияние на постсталинское поколение диссидентов и писателей-авангардистов в Советском Союзе[9].

Ситуация в поэзии была сложнее, и описать ее не столь легко. Взаимоотношения эмигрантской поэзии и поэзии советской также представляются менее однозначными, чем это было в случае с прозой. Серебряный век, как уже упоминалось выше, оказался переломным этапом в развитии русской поэзии. Его новаторство расчистило дорогу для таких еще более смелых течений, как футуризм. Из старшего поколения признанных лидеров символизма в изгнании оказались Вяч. Иванов, З.Гиппиус и К.Бальмонт. Несмотря на то, что они продолжали писать стихи, центр их интересов сместился в другую плоскость, или же просто вдохновение оставило их. Новые стихи, написанные В. Ивановым в 20—30-е гг. в Италии, были опубликованы лишь в конце 30-х гг., а некоторые даже после второй мировой войны. В целом же он отдалился от Русского Зарубежья, эта изоляция была связана с его переходом в католицизм.

Наиболее известной поэтической школой накануне революции и в самые первые годы существования советского режима был акмеизм. Некоторые представители этого течения — Г. Иванов, В. Ходасевич, И. Одоевцева — в конце концов оказались в Русском Зарубежье. К их числу можно причислить и молодого Сирина. Их творческие достижения в изгнании носили более скромный, менее новаторкий характер, чем то, что было создано на родине, но их присутствие в Русском Зарубежье имело большое значение, их имена появлялись на страницах большинства эмигрантских изда-

ний — альманахов, журналов, газет. Они поддерживали связь с представителями модернистского авангарда в Советской России. Маяковский и Есенин представлялись чересчур политизированными, пропагандистскими и резкими, но О. Мандельштам, А. Ахматова, Н. Гумилев и Б. Пастернак писали стихи, которые высоко ценились в Русском Зарубежье, даже если они не всегда встречали полное понимание[10].

Наиболее значительной фигурой в поэзии Русского Зарубежья была Марина Цветаева, сохранившая тесные связи с модернистами на родине. Читающая публика в эмиграции и даже литературные критики никогда не принимали ее творчество безоговорочно, несмотря на то, что ее произведения, и поэтические, и прозаические, печатались очень много. Она создавала постоянный стимул к развитию русской поэзии, который укреплялся благодаря связям поэтов по обе стороны границы, а также таким эмигрантским критикам, как М. Слоним, К. Мочульский и Д. Мирский, которые воспринимали поэзию обеих Россий как составные части единого литературного процесса. У советских авангардистов были близкие друзья, даже последователи, в Русском Зарубежье. Если иметь в виду мир поэзии, то здесь нельзя говорить о двух литературах — это было развитие единой поэтической традиции.

Подобная ситуация не могла не оказать воздействия на то поколение поэтов-эмигрантов, которое было слишком молодо, чтобы заявить о себе до революции. Эти поэты дебютировали в конце 20-х — начале 30-х гг. Из-за географической разобщенности Русского Зарубежья в его поэтическом хоре можно было расслышать пражскую, берлинскую, главную — парижскую, а также, быть может, харбинскую ноты. Парижская группа, действительно, получила наиболее широкую известность, обладая большим доступом на страницы печатных изданий и, кроме того, отличаясь большей склонностью к поискам нового. Парижские поэты продолжали усилия своих предшественников в послереволюционный период как в России, так и за рубежом, ведя поиск новых путей для выражения своих переживаний. Важно отметить также, что в отличие от большинства своих соотечественников за границей они проявляли живой интерес к литературным и художественным новшествам Запада, прежде всего Франции (кубизм, дадаизам, сюрреализм). Их опыт — это пример доселе не изведанного духовного одиночества в чуждой, иностранной среде. Образцом формы и техники, а временами источником вдохновения для них служила поэзия Гумилева, Мандельштама, Пастернака и их товарищей-эмигрантов — Г. Иванова, М. Цветаевой и В. Ходасевича. Молодые парижские эмигранты создали практически новую русскую поэзию, хотя и были тесно связаны с формальной традицией национальной литературы. Именно это обстоятельство позволило критику (он был также и поэтом, правда, не входил в число самых талантливых) Г. Адамовичу бла-

годарить судьбу за то, что она привела их в изгнание в Париж[11]. Самые большие надежды среди молодых парижских поэтов подавал Б. Поплавский, который умер совсем молодым, не раскрыв всех граней своего поэтического дарования. Большие потери понесло это поколение также во время войны.[12]

Тесная связь между двумя Россиями, восходящая к общим культурным корням — Серебряному веку, — сохранялись недолго. В Советской России недоверие к экспериментаторству и к творческой индивидуальности, а также авторитаризм и удушливая атмосфера сталинизма сковали поэтическое творчество, по крайней мере, это относится к той поэзии, которую печатали, что ясно видно на примере трагических судеб Мандельштама, Пастернака и Ахматовой. С другой стороны, молодое поколение поэтов Русского Зарубежья продолжало работать и публиковаться, живя в нужде за границей. Их творческие усилия стоили им больших эмоциональных и физических издержек, которых явно не восполняли скудные гонорары. Мостик через пропасть, разделившую две русские литературы, был переброшен только после окончания войны, слишком поздно для большинства поэтов-эмигрантов, которые уже не имели возможности оказывать непосредственное влияние на их соотечественников-диссидентов в Советском Союзе.

Наши рассуждения подводят к двум комплексам вопросов. Первый касается взаимоотношений литературы Русского Зарубежья с зарубежными литературами, в среде которых она развивалась. Второй — с возможностью существования обратной связи, т.е. влияния Русского Зарубежья на ситуацию в литературе Советской России. В весьма дерзкой статье, появившейся на страницах «Современных записок» в 1929 г., В. Вейдле, впоследствии ведущий литературный критик, который с большим расположением относился к молодому поколению писателей-эмигрантов, утверждал, что русские всегда плохо понимали иностранную литературу, прежде всего французскую. Правда, добавлял Вейдле, они верили, что основываются на зарубежных образцах, главным образом на французских. Так, Пушкин вдохновлялся стихами Парни, символисты — Бодлера и т.д. Однако, доказывал он, это было весьма поверхностное влияние, которое было непосредственно связано с исключительно плохим пониманием великих произведений французской литературы. Характерно, что русские читали Парни и Метерлинка, но проходили мимо Валери, Клоделя и, например, Пруста.

Эти резкие суждения нуждаются в пояснении. Без всякого сомнения, немецкие и английские авторы оказывали влияние на русских писателей, в том числе и на эмигрантских (Цветаева, например, была очарована поэзией Рильке); поэты и писатели-эмигранты молодого поколения были связаны с кружками дадаистов во Франции (благодаря писателям старшего поколения и тем авторам, которые познакомились с ними раньше или в самом начале

эмиграции, например братьям Бурлюк и И. Зданевичу). В принципе, однако, Вейдле был в значительной степени прав. Жизнь в Русском Зарубежье не слишком способствовала преодолению этого недостатка, поскольку энергия эмигрантов сосредотачивалась на каждодневной борьбе за выживание, а многие зарубежные писатели в свою очередь если и проявляли интерес к русским, то относились к ним, прежде всего к молодым литераторам, свысока, в лучшем случае покровительственно[13].

На первый взгляд может показаться странным, что многие писатели-эмигранты недостаточно свободно владели иностранным языком, чтобы без труда изъясняться на нем и читать местную литературу. Были, разумеется, яркие исключения, прежде всего двуязычные Сирин-Набоков (вторым языком для которого стал английский) и Вейдле, в совершенстве владевший французским. Но даже Набоков утверждает, хотя в данном случае это, быть может, поза, что, прожив десять лет в Берлине, он не выучил немецкого и не познакомился достаточно близко с немецкой литературой. Некоторые молодые эмигрантские авторы начали писать на другом языке. Дж. Кессель, А. Труайя, З. Ольденбург и З. Шаховская в конце концов стали писать только по-французски. Правда, однако, творчество писателей в изгнании не отразило в сколько-нибудь заметной мере того обстоятельства, что они находились в чужой стране и имели широкий доступ к другой богатой литературной традиции, приобщение к которой могло бы обогатить и разнообразить их собственные произведения. Русская литература в изгнании оставалась столь же изолированной от западных литератур, как это было в дореволюционной России, а может быть, даже в большей степени. Писатели-эмигранты чувствовали себя одинокими и потерянными в чужом окружении.

К другому вопросу — об «обратной связи» с СССР — мы уже обращались ранее. Как мы видели, в течение 20-х гг. особенно в поэзии между двумя Россиями существовали оживленные контакты. Воздействие, однако, как представляется, в огромном большинстве было односторонним — Советской России на зарубежную. Это было вполне естественно, поскольку Советская Россия переживала период подъема и новаторства, сопутствовавших созданию нового общества. Культурное воздействие большевистской России даже в большей степени коснулось зарубежных художников и писателей, которые с неподдельным интересом следили за этими усилиями, каково бы ни было их отношение к итогам и методам деятельности Советов. Действительно, советский «эксперимент» (даже теперешние советские руководители, кажется, уверены в том, что это был лишь эксперимент с весьма сомнительными результатами) вызывал любопытство и в значительной мере симпатию западной интеллигенции, что в свою очередь также способствовало углублению изоляции писателей Русского Зарубежья от их окру-

жения и накладывало отпечаток на их взаимоотношения с зарубежными собратьями по перу.

В 30-е гг. контакты между эмигрантами и советскими гражданами были ограничены, а после 1934 г. прекратились окончательно. Советские граждане боялись поддерживать связи с внешним миром, в первую очередь — с эмигрантами. Интеллигенция и писатели в изгнании не проявляли интереса к скучным и стереотипным произведениям, выдержанным в соответствии с навязанными сверху строгими канонами социалистического реализма, которые появлялись на родине. В этой обстановке писатели-эмигранты были лишены возможности оказывать влияние на советских авторов. Во-первых, последние были практически не знакомы с их произведениями, во-вторых, у писателей старшего поколения они ничему не могли научиться. Что касается молодых писателей-новаторов в эмиграции, они не могли рассчитывать на то, что их произведения (даже если они будут доступны читателю) встретят заметный отклик у той части современников, чей опыт был столь отличен от их собственного, поскольку в них преобладали мотивы одиночества и отчаяния. В любом случае, официальная советская политика не признавала экспериментов и новаторства в области формы — в той единственной сфере, где советские авторы могли перенять что-то интересное для себя у своих коллег-эмигрантов. Картина радикальным образом изменилась в период оттепели после смерти Сталина и продолжала меняться позже, в последние годы — с головокружительной быстротой. Советская публика, сначала молодежь и диссиденты всех возрастов и взглядов, открыла для себя культуру Русского Зарубежья, в том числе и литературу. Произведения писателей-эмигрантов старшего поколения — Бунина, Цветаевой, Ремизова, В. Иванова и В. Ходасевича — вновь стали издаваться на родине (среди них и написанные в эмиграции). Пристальное внимание уделяется писателям, мыслителям, публицистам и критикам Русского Зарубежья. Влияние эмиграции очень долго не давало о себе знать, но от этого теперь оно стало лишь действеннее и мощнее.

Что касается изобразительного искусства и музыки, то здесь складывалась совершенно иная ситуация. В отличие от литературы они не были органически связаны с языковой средой — с языком, который не был понятен окружающему миру и чистоту которого следовало ревностно охранять. Следует вспомнить также о том, что в первые годы своего существования советская власть относилась терпимо и даже поощряла модернистские течения и авангардистские настроения (например, в архитектуре и в декоративно-прикладном искусстве), видя в них средство, которое могло оказаться полезным для формирования и развития новой «пролетарской» культуры. Поскольку при этом не использовалась словесная форма, которая могла заключать в себе опасное политическое содержание, власти могли относиться более терпимо к художествен-

ным и музыкальным средствам выражения. Разумеется, и это искусство могло нести на себе отпечаток политики, но в данном конкретном случае в него не было заложено однозначно «революционное» содержание. До тех пор пока Советы продолжали придерживаться этой политической линии, не существовало никаких препятствий для поддержания контактов с другой Россией и даже более тесных — с художественной и музыкальной жизнью Запада. Когда политика изменилась и власти стали силой навязывать каноны, известные под названием социалистического реализма, разрыв связей произошел также в музыке и в изобразительном искусстве. Ситуацию усугубило то обстоятельство, что многие художники Русского Зарубежья прочно утвердились в западной художественной среде и стали неотъемлемой частью ее истории.

Следует упомянуть также о модернистских течениях в русском театре и режиссуре, основателями которых были К. Станиславский, Вл. Немирович-Данченко и В. Мейерхольд в эпоху Серебряного века и которые имели своих представителей в Русском Зарубежье, привлекая к себе внимание зарубежного театра. Режиссеры и актеры-эмигранты, сумевшие преодолеть языковой барьер, стали частью западной театральной жизни. Например, Г. и Л. Питоевы внесли свой вклад в обновление немецкого, а затем французского драматического искусства. Наибольшего успеха они добились на парижской сцене, где в 20—30-е гг. тесно сотрудничали с ведущими французскими актерами и режиссерами. До наступления эпохи звукового кино большим успехом пользовались многие русские актеры (например, И. Мозжухин), конец «великого немого» лишил их возможности продолжить карьеру в кинематографе.

К сожалению, драматический театр не был столь широко известен. Актеры-эмигранты из Московского Художественного театра играли почти исключительно перед русскоязычной аудиторией. В конце концов эмигрантские театральные труппы (например, пражская «ветвь» Московского Художественного театра и группа Михаила Чехова) были вынуждены прекратить свои гастрольные поездки, а затем распались, поскольку русская диаспора переживала тяжелые времена и из-за экономических сложностей продолжение поездок стало невозможным. Даже в странах с многочисленным русским этническим меньшинством, например в Латвии, где в 20-е гг. существовали русские драматические и оперные театры, к середине 30-х гг. под воздействием политических ограничений и экономического кризиса всем подобным попыткам был положен конец.

В заключение можно сказать, что диаспора внесла наиболее заметный вклад в западную и мировую культуру в области литературы, изобразительного искусства и музыки, продолжая развитие творческих направлений, возникших в эпоху Серебряного века. Это главное наследство, завещанное эмиграцией как Советской России, так и Западу.

6.

ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС ЕСТЬ.

ЦЕРКОВЬ И РЕЛИГИЯ В ДИАСПОРЕ

Увы, мы в XX в. уже привыкли к зрелищу тысяч людей, спасающихся бегством из опустошенных земель, от насилия и ужаса войн, революций и братоубийства. Поражает не столько их плачевный внешний вид, сколько выражение потерянности, безысходности и отчаяния в их глазах. Это взгляд людей, которые потеряли все: материальное положение и общественный статус; но самым тяжелым и гибельным является утрата психологических и духовных ориентиров. В их глазах отражается крушение всех тех идеалов и надежд, за которые они боролись и страдали, сама их манера держаться свидетельствует о духовном одиночестве и потере морального равновесия. Все это относилось и к тем, кто спасался от «реконкисты» бывшей Российской империи, предпринятой Красной Армией. Внутренняя опустошенность застыла в глазах тех, кто эвакуировался из Крыма, гражданских беженцев в бывших лагерях для военнопленных, детей и студентов во временных убежищах, мужчин, женщин и детей в наспех сооруженных бараках в Латвии, Болгарии, Югославии или тех, кто по воле случая оказался без средств на улицах Берлина, Парижа и других европейских городов.

Какими бы ни были их прежние политические и общественные идеалы, все эмигранты потеряли стабильные основы и смысл своей жизни. Лишь немногие из прежних общественных ценностей уцелели в огне революции и гражданской войны. Монархия утратила свою притягательность (за исключением жалости к судьбе последнего императора и его семьи), показав неспособность предотвратить хаос и сохранить верность своего народа. Либеральные и социал-демократические программы продемонстрировали свое бессилие, поскольку не смогли не допустить насилия, перевернувшего Россию до основания. Общественные потрясения разрушили те моральные ценности, которые сплачивали русское общество, они породили зверства одних людей по отношению к другим, себе подоб-

ным. «Смутное время» в России оставило кровоточащие раны и шрамы в жизни почти всех людей. Члены одной семьи оказывались по разные стороны баррикад и забывали о родственных чувствах; близкие родственники погибали на поле брани или от болезней и голода, были казнены или исчезали бесследно в хаосе гибнущего общества. Многие семьи распались: кто-то (как правило, более молодые) оказывались в изгнании, другие бедствовали или затерялись на родине. Так, Марина Цветаева уехала из России, чтобы отыскать своего мужа, который сражался в Белой Армии; будущий профессор Гарвардского университета М. Карпович долгое время не имел никаких вестей от своей невесты и встретил ее лишь годы спустя; сестру Набокова жених нашел в лагере для беженцев, и таких примеров можно приводить множество. Попытки родителей отыскать своих детей, которые были эвакуированы за границу, заканчивались иногда весьма горькими и неожиданными результатами, как это было с героями набоковского рассказа «Машенька». И, как будто этого горя потерь было недостаточно, первые шаги русских в эмиграции сопровождались материальными и физическими трудностями, осложнявшимися весьма сдержанным, а иногда и открыто враждебным приемом, который им оказывали бывшие союзники, власти и жители зарубежных стран.

Для многих эмигрантов возрождение веры явилось источником утешения и внутренней силы, необходимой для того, чтобы пережить тяготы изгнания и заполнить пустоту, возникшую после утраты прежних идеалов. Для большинства русских эмигрантов вера ассоциировалась с русским православием. Однако обращение к православию означало признание церкви как центра и средоточия повседневной жизни. Разумеется, это означало также восстановление традиций, хотя условия эмиграции заставляли отказываться от строгих старых обычаев и искать новые формы организации церковной жизни.

Недавнее прошлое было не слишком благоприятным наследием для новой, активной и дальновидной церковной политики. Со времени Петра I Русская православная церковь была прислужницей государства, причем достаточно кроткой и покорной. Правда, как справедливо возражал Г.Л. Фриз, во многих отношениях, особенно во внутренних делах, в частной жизни, официальная церковь в значительной мере сохранила свое влияние, активно отстаивая свои интересы и взгляды[1]. Однако в вопросах духовного развития и воспитания, а также в социальных и этических, т.е. как раз в тех областях, которые представляли первостепенный интерес для людей XX в., деятельность церкви до 1917 г. оставляла желать много лучшего. Тесная связь государства и церкви, которая упрочилась в последние десятилетия существования царского режима (можно упомянуть о влиянии К. Победоносцева, о скандалах вокруг Распутина и о других целителях и «святых людях» при дворе Николая II и т.д.), серьезно подорвала престиж церкви как одного из

общественных институтов даже среди представителей высшего общества. Следует отметить также, что церковь не слишком успешно справлялась со многими важными общественными и экономическими проблемами, включая народное образование, с которыми русское общество столкнулось на заре XX в. Короче говоря, при старом режиме церковь не имела того влияния, которым, по мнению многих образованных представителей интеллектуальной элиты, должна была бы обладать.

Не удивительно поэтому, что при сложившихся условиях церковь не могла быть духовным наставником тех образованных людей, кто искал ответы на вопросы, возникавшие под влиянием современных философских, научных, технологических и социально-экономических проблем. Жестокость по отношению к представителям клира и насмешки над ними в годы гражданской войны, инспирированные большевистским правительством, возмущали многих верующих. Но даже это возмущение не помогло реабилитировать церковь за ее позицию в прошлом. Наиболее просвещенные представители эмиграции, прежде всего интеллигенты, были озабочены тем, как преодолеть традиционный характер и роль церкви, чтобы религиозность глубоко проникла в русскую жизнь.

Эту довольно мрачную картину следует немного смягчить. В течение полутора десятилетий, предшествовавших первой мировой войне, которая прервала (временно, как тогда думали) многие позитивные перемены, кое-что и в самой церкви, и в ее отношениях с государством и обществом начало меняться. Это в особенности относится ко времени после революции 1905 г., к так называемому периоду столыпинской реакции. Во-первых, наблюдаются попытки возродить значение и роль церковного прихода. Прихожанам дали возможность играть более активную роль в церковной жизни, а приходские священники все более широко участвовали в решении социальных и экономических проблем паствы, вопросов, связанных с образованием. Воскресные и приходские школы стали играть заметную роль в распространении грамотности среди крестьянских детей. В городах приходы и клир брали под свою опеку крестьян, приезжавших искать работу на заводах или наниматься в услужение. Некоторые приходские священники помогали этим новым обитателям городов и их детям обустроиться, заботились об их духовном наставлении. Правда, если возникали потребности культурного и интеллектуального порядка, то церковь не могла ничем особенно помочь простым людям, поскольку она сама далеко отстала от ведущих течений в науке и в искусстве. Поэтому священники пытались держать свою паству в неведении о новейших представлениях. Тем самым они лишались возможности оказывать влияние на более образованную часть подрастающего поколения.

Наряду с возрождением приходской жизни первое десятилетие XX в. было отмечено также осознанием необходимости в проведе-

нии глубокой реформы центральных структур церкви и ее взаимоотношений с государством. Священники и миряне требовали, чтобы Собор Русской православной церкви обсудил этот вопрос. Началось движение за восстановление патриархата, отмененного Петром I, как средства освобождения церкви из цепких объятий государства. Эти реформаторские усилия не принесли сколь-нибудь существенных результатов, пока продолжала существовать империя. В 1917 г., однако, при Временном правительстве Собор восстановил институт патриарха, новый патриарх Тихон был избран в 1918 г. Так, парадоксальным образом церковная жизнь оживилась в тот самый момент, когда власть в стране переходила к воинственно атеистическому правительству. «Освобожденная», отныне независимая от государства церковь более глубоко включилась в жизнь общества и в годы гражданской войны разделила муки народа.

Как бы ни развивалось реформаторское направление, первые годы XX в. стали водоразделом во взаимоотношениях между церковью и образованной элитой империи. Эпоха Серебряного века ознаменовалась драматическим возрождением интереса к метафизике, а также к идеалистическим и виталистическим философским течениям: символизму, неокантианству, учению Бергсона, Ницше и др. Сходные процессы происходили на Западе, однако в России это нашло гораздо более глубокое отражение в литературе, искусстве, науке, общественно-политической мысли. Наиболее характерной чертой этого процесса в России была связь, которая установилась между религиозной мыслью и наукой в результате возрождения философии. Кроме того, по примеру славянофилов XIX в. более активную роль в религии по сравнению с клиром и учеными-богословами стали играть светские люди. Поскольку церковные власти в лучшем случае относились к этим проблемам равнодушно, лишь немногие представители духовенства принимали участие в процессе духовного возрождения. В то же время можно отметить, что некоторые ученые приняли сан, например С.Булгаков, В.Зеньковский. В те годы происходил интересный эксперимент во взаимодействии духовенства и мирян: религиозно-философские общества, основанные в Петербурге и имевшие свои отделения в Москве и в Киеве, стали местом, где миряне и представители духовенства собирались для обсуждения религиозных, философских и политических проблем. Вероятно, церковные власти запрещали участие в них высшим иерархам (т.е. епископам и настоятелям монастырей), однако отдельные священники и слушатели духовных академий и семинарий поддерживали тесные связи с мыслителями и публицистами из числа мирян. Впоследствии некоторые представители интеллигенции и лидеры духовенства возобновили свои контакты в эмиграции.

В этой связи следует упомянуть еще один момент истории Русской православной церкви в 20-е гг. — ее судьбу после захвата власти большевиками. Воинственно атеистическая и антицерковная

позиция советского правительства не нуждается ни в описании, ни в комментировании. Сначала, правда, после того, как в 1919 г. патриарх Тихон объявил о том, что церковь и духовенство не будут ни при каких обстоятельствах вмешиваться в политику и не будут поддерживать один политический режим или партию в борьбе против других, патриарха и церковные власти оставили в покое. Тем не менее церковь и духовенство вряд ли могли полностью избежать противоречий и столкновений с советскими властями, видя, с какими трудностями сталкивается население в ходе гражданской войны. Патриарху Тихону и некоторым иерархам, в частности митрополиту Петроградскому Вениамину, суждено было погибнуть, защищая то, что в их глазах составляло высшие интересы веры и церкви. Поскольку религиозное образование и пропаганда были запрещены, в России стало сокращаться число священников, молодое поколение не только не знало учения церкви и ее ритуалов, но, наоборот, принимало активное участие в антирелигиозных кампаниях. Само выживание России как христианской державы и русских как верующей нации было поставлено под вопрос. Эти обстоятельства не могли не оказывать воздействия на настроения эмиграции, особенно тех ее представителей, кто стремился сохранить религиозное возрождение эпохи Серебряного века и поддержать дух довоенного социального и политического реформизма.

Дополнительные проблемы морального характера создавались для духовенства и верующих за рубежом существованием в СССР так называемой Живой церкви. Она возникла как попытка некоторой части иерархов и приходского духовенства найти modus vivendi* при большевистском режиме. В качестве доказательства безусловной верности политическим властям церковь согласилась, чтобы назначения на должности приходских священников и епископские престолы осуществлялись с разрешения советских властей. Этим она хотела получить возможность продолжать нормальную деятельность церкви. Практика, однако, вскоре показала, что дух примирения отнюдь не в равной степени разделяется обеими сторонами. Соглашение не привело к установлению отношений по принципу «живи и дай жить другим», а свелось к тому, что деятельность Живой церкви, которую правительство использовало в своих целях, все более ограничивалась. Как только советское правительство перестало испытывать потребность в умиротворении церкви и ее паствы, особенно после того, как оно объявило войну деревне, были развязаны кампании против известных представителей клира. В конце 20-х гг. показательные процессы, осуждение на каторжные работы, ссылки и даже смерть сократили ряды и Живой церкви, и Московского патриархата. Эти события не только укрепили эмигрантов в их бескомпромиссном

* Способ существования (*лат.*).

промиссном неприятии советского режима, но и подняли заново проблемы морального и практического характера, связанные со взаимоотношениями между церковью, обществом и политической властью. По сути речь шла о способности церкви остаться в стороне от политической и социально-экономической системы, какой бы она ни была. Вокруг этих проблем разгорелись живые, острые дискуссии, которые волновали церковные власти и религиозные круги в изгнании в течение 30-х гг. В результате русской церкви за границей стало еще сложнее сохранять традиционную для дореволюционных времен покорность и аполитичность.

Совершенно очевидно, что и сам факт эмиграции, и положение церкви и религии на советской родине порождали у изгнанников пристальное внимание к проблемам религии и восприятие главенствующей роли православной церкви в сохранении своего национального и культурного единства. Вместе с тем это привело к появлению целого ряда новых взглядов и новой практики не только в решении проблем повседневной жизни, но и в плодотворном обсуждении основных вопросов интеллектуального и духовного порядка. Те же самые обстоятельства позволили русскому духовенству в изгнании и заинтересованной в этом части мирян установить контакты с другими христианскими конфессиями и вступить с ними в экуменический диалог[2].

До революции за границей существовало несколько русских приходов. По большей части они находились при посольствах империи в крупнейших государствах, а также при дворах, часть представителей которых принадлежала к Русской православной церкви (например, Гессен-Дармштадт, Вюртемберг). Эти церкви и приходы находились под юрисдикцией митрополита С.-Петербургского, который в свою очередь подчинялся Священному Синоду, управляющему делами церкви со времен Петра Великого. В 1918 г. общерусский церковный Собор отменил Священный Синод и избрал патриарха. Поскольку это произошло после захвата власти Лениным, духовенство, находившееся за рубежом, отказалось признать это изменение. Во время гражданской войны на юге, находившемся под властью Белой армии, была основана Временная Церковная администрация, куда входили митрополиты и епископы этой части России. В конце гражданской войны практически все члены этой Временной администрации эмигрировали в Королевство сербов, хорватов и словенцев, в г. Сремски Карловицы, являвшийся резиденцией патриарха Сербии. Епископский Синод в Сремски Карловицах объявил себя временным местоблюстителем Священного Синода Российской империи. Благодаря присутствию в его составе митрополита Антония (Храповицкого), выдающегося по своей образованности и пользующегося большим влиянием, бывшего митрополита Киевского, к мнению Епископского Синода прислушивались. Большинство заграничных приходов, прежде

всего в государствах, граничащих с Россией, признали полномочия этого Синода. Меньшинство, однако, поддержало новоизбранного патриарха Тихона как главу Русской православной церкви. Арест патриарха (и его преждевременная смерть), возникновение Живой церкви породили многочисленные сомнения относительно того, кого же считать главой русской церкви за границей. Проблема осложнялась попытками православных церквей балканских стран распространить свою юрисдикцию на русские эмигрантские приходы. Например, митрополит Афинский, а позднее патриарх Сербии добивались того, чтобы их признали главой всех приходов эмигрантов и дали право назначать по собственному усмотрению местных епископов для управления ими. Нельзя забывать и о Константинопольском патриархе, хотя он и выражал желание признать автокефалию русской церкви за границей.

Епископский Синод в Сремски Карловицах назначил бывшего архиепископа Волынского Евлогия главой русской церкви в Западной Европе. Резиденция его должна была находиться в Берлине, который являлся тогда центром русской эмиграции. Число эмигрантов здесь было значительным из-за большого количества бывших военнопленных из лагерей, расположенных на территории Германии. С другой стороны, вскоре после прибытия в Берлин Евлогий был назначен Московским патриархом митрополитом русской церкви в Западной Европе, которому должны были подчиняться приходы в Германии, Франции, Бельгии, Швейцарии, Италии, Голландии и Скандинавии. Евлогий принял это назначение и согласился с проводимым патриархом курсом отказа от участия в политических делах ради сохранения церкви. Сначала Епископский Синод согласился с этим назначением и поддержал эту политическую позицию. Однако вскоре Епископский Синод огласил распространенное эмигрантской печатью заявление, в котором утверждалась необходимость восстановления монархии в России. Патриарх Московский Сергий, сменивший на этом посту Тихона, от имени церкви осудил это заявление и объявил о недопустимости вмешательства в политические дела. Евлогий подчинился этому приказу и публично отмежевался от призыва Епископского Синода к восстановлению монархии (хотя сам он был и оставался монархистом). Попытка примирения церковных иерархов провалилась, и русская церковь за границей оказалась расколотой на приходы и епархии, одни из которых признавали Епископский Синод в Сремски Карловицах и его монархические устремления, а другие считали своим главой митрополита Евлогия. В 1923 г. митрополит Евлогий перенес свою резиденцию в Париж, где и оставался до самой своей смерти в 1946 г. митрополитом Западной Европы. В 1927 г., после того, как советская власть отменила Московский патриархат (он был восстановлен только во время второй мировой войны), Евлогий перешел под юрисдикцию Константинопольского патриарха. Раскол, естественно, породил

много конфликтов по поводу права собственности отдельных приходов (некоторые из них заканчивались слушаниями в местных судах) и противоречий среди духовенства, которые, как мы увидим, оказывали непосредственное влияние на околоцерковную деятельность. Раскол сопровождался теологическими диспутами, начавшимися после того, как Епископский Синод в Сремски Карловицах объявил отца С. Булгакова, ректора Богословского института имени св. Сергия в Париже, еретиком и отлучил от церкви за его философские взгляды. Поскольку Булгаков признавался ведущей фигурой в интеллектуальной жизни русской церкви повсюду в Европе, за исключением Югославии, этот акт усугубил конфликт и привел в замешательство многих верующих. В любом случае, если рассматривать культурную жизнь русской эмиграции (за исключением Белграда и в меньшей степени — Софии), именно митрополит Евлогий и церковная организация, которую он возглавлял, играли центральную и творчески активную роль. На них мы и сосредоточим основное наше внимание.

Следует отметить, что раскол практически не породил проблем на уровне приходов, за исключением тех немногих случаев, когда взгляды священника и паствы расходились или когда два священника с разными мнениями претендовали на одно и то же место. В большинстве случаев, однако, подобные конфликты приводили к созданию в одном городе или местности и карловицких, синодальных, и «евлогиевых», митрополичьих, приходов, а верующие посещали тот, который казался им более предпочтительным. Подобное относительно мирное решение стало возможным благодаря «федералистской» традиции православия. В отсутствии единой центральной власти, каковой являлось для католиков папство, смешанная юрисдикция не оказывала существенного влияния на отдельные приходы и их отношения со своими прихожанами. После изучения источников, в особенности мемуаров, создается впечатление, что раскол имел ощутимые последствия только для высших иерархов и светской элиты эмиграции. Что касается последней, то личные качества митрополита Евлогия сделали его бесспорным лидером православия в изгнании. Даже после прихода к власти нацистов, когда организации эмигрантов в Германии перешли под контроль крайне правых монархистов, в церковных делах он сохранил свое влияние. Во время войны, в период оккупации Евлогий сумел сберечь как достоинство своей церкви, так и собственную честность, несмотря на попытки нацистских приспешников заставить его благословить действия германских властей. Во всех практических вопросах влияние и власть Синода в Сремски Карловицах ограничивались Югославией, Балканами и приходами (или клиром), непосредственно связанными с монархическими организациями (объединения ветеранов, детские дома, кадетские корпуса). Можно отметить, хотя это и выходит за рамки этого исследования, что

главный русский религиозный центр в Соединенных Штатах, монастырь в Джорданвилле (Нью-Йорке), сохранил связь с Епископским Синодом, а русская церковь в Америке пережила раскол после того, как ряд перемещенных лиц из Югославии и некоторые представители духовенства из числа сторонников Епископского Синода обосновались после 1945 г. в Соединенных Штатах.

Русская церковь традиционно состояла из относительно небольших приходов, что объясняет огромное их число в империи. Эта черта была, пожалуй, еще более характерна для Русского Зарубежья, поскольку эмигранты селились в чужом окружении маленькими разбросанными группами. В результате эмигрантские приходы также были небольшими, бедными, зачастую ютились во временных помещениях. Демографические и социальные условия, о которых мы говорили выше, сделали многие приходы недолговечными, некоторые годами не имели постоянного помещения. Только центральные храмы в главных столицах Европы (и в Харбине), построенные до 1914 г. при дипломатических миссиях и в русских колониях, продолжали действовать и объединяли большое число эмигрантов. Наиболее известным среди них был Собор св. Александра Невского на улице Дарю в Париже, где служил митрополит Евлогий. Нередко, особенно в отдаленных местах, приходы состояли всего из нескольких десятков человек, службы проводились в переоборудованных жилых помещениях или складах. Часто один священник обслуживал несколько подобных церквей, переезжая из одной в другую. Такая ситуация была типичной для угледобывающих районов Франции и Бельгии. Это обстоятельство также объясняет, как эмигрантской церкви удалось обходиться небольшим, почти непополнявшимся числом лиц духовного звания; кроме того, один священник вынужден был обслуживать несколько приходов и в силу причин финансового характера.

В так называемых приграничных государствах — балтийских республиках, Польше, Румынии, — где проживало довольно значительное «свое» русское национальное меньшинство, ситуация была совсем иной. Здесь положение церкви было стабильным, управлялась она местными епископами. Основной проблемой, которая, впрочем, выходит за рамки настоящего исследования, была проводившаяся здешними режимами политика дискриминации и угнетения. Более того, местная церковь (за исключением некоторых городских центров) не играла заметной роли в жизни эмигрантов, поскольку те были для нее чуждым элементом. Ее судьба, однако, интересовала религиозных деятелей диаспоры, и они пытались помочь православным церквам в этих странах в культурном отношении. В ряде случаев, например в Эстонии и в Латвии, эмигрантские церковные организации, такие, как Русское христианское студенческое движение, добивались временного успеха.

Следует помнить также, что помимо приходов (и епархиальных церквей) в эмиграции было и монашество. В тех районах, которые ранее принадлежали к империи, а после 1918 г. отошли к вновь образовавшимся или соседним государствам, продолжали существовать русские православные монастыри, хотя они почти не пополнялись новыми членами, например Валаам в Карелии и Печоры в Эстонии. Кроме того, в ряде случаев целые монастыри переезжали в более безопасные места: так, женский монастырь Богородицы в Лесне (близ Хопово) в Югославии был основан сестрами, изгнанными из Хелмского (Холмского) монастыря того же названия. Почаевский монастырь св. Иова, обладавший своей типографией, переехал в Словакию, в Ладомирову. В странах, предоставивших убежище эмигрантам, прежде всего на Балканах и во Франции, возникали новые монашеские объединения. Они были немногочисленны и обречены на медленное вымирание из-за естественной убыли своих членов. Монастыри часто служили местом для проведения эмигрантских церковных конференций и летних лагерей. В целом, монашеские организации не играли большой роли в культурной жизни и в обыденном сознании эмиграции. Новые их члены, как свидетельствует биография отца Иоанна (Шаховского), впоследствии архиепископа Сан-Франциско, должны были приобретать опыт и получать постриг в русских православных монастырях в Палестине или на Афоне в Греции.

Естественно, что в дальней перспективе самой острой проблемой русских приходов неизбежно должно было стать их укомплектование кадрами священников. Ряды духовенства, оказавшегося в эмиграции, должны были пополняться, не говоря уже о том, что вообще численность эмигрантских священников была недостаточной для того, чтобы обслуживать разбросанные по разным странам приходы и другие церковные институты. На приезд духовенства из Советской России рассчитывать было нечего даже в то время, когда поездки туда и обратно еще были возможны. Духовные семинарии и академии в Советской России были закрыты (некоторые возобновили свою деятельность только во время или после второй мировой войны), а в тех немногочисленных, что еще оставались, студенты и преподаватели находились под постоянной угрозой преследования и не могли получить разрешения на выезд за рубеж (притом их присутствие на родине представлялось более необходимым, поскольку речь шла о сохранении там церковной жизни вообще). Обучение в семинариях православных стран, прежде всего Болгарии и Югославии, могло стать выходом из положения, однако это не всегда устраивало изгнанников, поселившихся в странах Западной Европы. Очевидно, что необходимо было найти другой способ подготовки молодых священников за границей.

Решению этой проблемы призвано было служить создание специального учреждения, ставившего перед собой двойную цель:

обучение новых священников и проведение научных исследований в области богословия и истории православной церкви. В России конца XIX — начала XX в. развитие богословской науки дало толчок к появлению профессионалов с большим интеллектуальным кругозором. Углубление знаний и расширение методологии в пореформенную эпоху оказало воздействие на все области науки, включая исследования в области религии, теологии и истории. Специальное учреждение, которое должно было удовлетворить интеллектуальные и профессиональные потребности русской церкви в диаспоре, было создано при следующих обстоятельствах.

В результате высылки из Советской России в 1922 г. более ста выдающихся представителей интеллигенции и ученых в Берлине, а позднее в Праге и Париже оказались ведущие фигуры религиозной жизни дореволюционной России. Они присоединились к деятелям (С. Булгаков и А. Карташев), эмигрировавшим ранее. Самой яркой фигурой среди вновь прибывших был Н.А. Бердяев. Благодаря его энергии и широкому кругу знакомств среди западных интеллектуалов ему удалось организовать в Берлине Свободное религиозно-философское общество. Материальная поддержка была предоставлена руководителями американской ИМКА. Общество в свою очередь создало академию, которая финансировала чтение курсов лекций на культурные, исторические, философские и религиозные темы. Когда Бердяев переехал в Париж, эти две организации переместились вслед за ним, хотя некоторые активные члены, например С. Франк и Ф. Степун, остались в Германии.

Деятельность бердяевской академии привела представителей русской эмиграции, озабоченных будущим церкви в диаспоре, к мысли о необходимости огранизации обучения священников и предоставления возможности получения высшего образования тем, кто уже был рукоположен. Сперва подобное учебное заведение планировалось создать в Праге, где было сконцентрировано наибольшее число студентов и ученых, там же находился и центр Русского христианского студенческого движения. Существование в Праге при Методистском центре русской библиотеки и чрезвычайно благосклонное отношение властей к эмигрантским научным учреждениям было дополнительным стимулом. Согласно другим предложениям, речь шла о создании такого учебного заведения в Королевстве СХС, поскольку там не только находился Епископский Синод в Сремски Карловицах — центр всей церковной жизни эмиграции (дело было еще до разрыва с митрополитом Евлогием), но и местная православная церковь протянула руку помощи многим русским священникам и церковным общинам, которые обосновались там наряду с необходимыми молодому государству специалистами. В конце концов возможность приобрести здание и присутствие наиболее активных представителей интеллигенции в Париже обусловили создание религиозного учебного заведения именно там.

Французское правительство выставило на продажу здания и земли, изъятые у немецкой протестантской церкви в 1914 г. При поддержке американских и английских фондов, обеспеченной Джоном Р. Моттом, митрополит Евлогий приобрел недвижимость для русской церкви в изгнании. Митрополит, ученые и другие деятели эмиграции при энергичном содействии ИМКА решили использовать эту собственность для основания религиозного учебного и научного центра с общежитием для студентов, которые должны были набираться из диаспоры по всему миру, но главным образом из Европы. Специально обращались к Джону Д. Рокфеллеру, который предоставил дополнительные средства для погашения расходов на обучение будущих студентов[3]. Бердяевская академия первой занялась комплектованием преподавательского состава и составлением учебных планов. Русское эмигрантское общество с энтузиазмом, по крайней мере вначале, откликнулось на призыв Евлогия и собрало часть необходимых средств во время благотворительной кампании, которая захватила даже Дальний Восток и Соединенные Штаты.

В 1925 г. храм и земли были освящены в честь св. Сергия Радонежского, покровителя Московской Руси; в том же году открылись семинария и Богословский институт. Весь комплекс стал известен под названием Сергиевского подворья. Он действует и по сей день, хотя после второй мировой войны уступил свою лидирующую роль семинарии св. Владимира в Соединенных Штатах. Митрополит Евлогий был номинальным главой этого учреждения 'и постоянно осуществлял надзор за его деятельностью. Его заместитель, епископ Вениамин, был назначен ректором, а роль интеллектуального и духовного лидера была отведена декану отцу С.Булгакову. Среди преподавателей были выдающиеся ученые как духовного звания, так и миряне — С.Булгаков, И.Лаговский, С.Безобразов, Г.Флоровский, А.Карташев, Г.Федотов, В.Ильин, Н.Лосский, Б.Вышеславцев, Л.Зандер, Н.Кульман, П.Ковалевский и П.Чесноков, а позднее — К.Мочульский и В.Вейдле (некоторые впоследствии приняли монашеский сан, как например, С.Безобразов, принявший имя Кассиана и ставший деканом после 1945 г.).

Учебный план, образцом для которого послужили программы дореволюционных духовных семинарий и академий, включал следующие дисциплины: Ветхий и Новый Завет, догматическая теология, патристика, всеобщая история церкви и история русской церкви, история церкви на Западе, литургика, философия, логика, церковнославянский, латинский и греческий языки, теория церковного пения. На третий год существования семинарии и института, в 1926-1927 гг., состоялся первый выпуск семинаристов — 19 человек. 20 студентов обучались на втором курсе и 23 (и два вольнослушателя) на первом[4].

По разным причинам, как личным (главным образом, экономическим), так и по научным, не все студенты проходили полный курс

и не все потом занимались церковной деятельностью. Хотя сегодня эти цифры могут показаться слишком скромными, очевидно, что Сергиевский институт помог сохранить и подготовить кадры, взявшие на себя основную тяжесть интеллектуального и духовного лидерства в русской церкви за границей (достаточно хотя бы вспомнить имена таких деятелей послевоенной поры, как отцов А.Шмемана и И.Мейендорфа). Семинария и институт, преодолевая большие финансовые трудности, возникавшие, несмотря на щедрость Всемирной христианской студенческой федерации и ИМКА, преданность самих эмигрантов, сыграли также свою роль в сохранении русской культуры в диаспоре[5].

Интеллектуальное воздействие Свято-Сергиевского института не ограничивалось обучением будущих священников. Семинария и институт обеспечивали интеллигенцию и ученых скромными пособиями, которые позволяли продолжать научную и педагогическую деятельность, что шло на пользу всей эмиграции и способствовало популяризации русской культуры за рубежом. Семинария и институт также финансировали издания, которые внесли заметный вклад в русскую культуру и науку. Главный религиозный журнал эмиграции «Путь», выходивший под редакцией Н. Бердяева, не был органом института, однако большинство его авторов были преподавателями института, и он сыграл чрезвычайно плодотворную роль в развитии русского богословия и религиозной мысли. Собственным изданием Института св. Сергия была «Православная мысль», которая печатала специальные исследования по богословию и проблемам, непосредственно связанным с жизнью церкви, например по литургике и гомилетике. Для более широкой аудитории институт издавал так называемые листки дидактического и апологетического содержания, продолжая традицию публикации брошюр и плакатов, осуществлявшейся Троице-Сергиевой лаврой и другими монастырями дореволюционной России.

Под покровительством Института св. Сергия (хотя и без его грифа) ИМКА-Пресс публиковала книги, написанные его преподавателями, тем самым внося вклад в русскую историографию и религиозную мысль. Нет возможности перечислить здесь все эти издания, в частности, потому, что граница между тематикой, непосредственно связанной с деятельностью института, и тематикой, вытекающей из проблем религиозной жизни эмиграции, в целом зачастую размыта6. Не останавливаясь на специальных теологических трудах отца С. Булгакова по софиологии, я бы хотел упомянуть работы двух преподавателей института, которые оказали огромное влияние на развитие той области науки, которая на Западе называется русистикой. Первый из них, отец Г. Флоровский, рукоположенный после окончания курса по истории в Русском университете в Праге, написал много статей по истории русской литературы и философии. Будучи назначен на должность преподавателя патри-

стики в Институте св. Сергия, он написал два тома, которые изначально задумывались как историко-сравнительные исследования, — «Восточные отцы ранней церкви» и «Византийские отцы церкви». Это классические труды в своей области, которые, несмотря на то, что они написаны по-русски, оказали заметное воздействие на западную патристику и теологию. Основной труд Флоровского также был прямо связан с изучением им греческих отцов церкви и преподавательской работой в Институте св. Сергия. Речь идет о книге «Пути русского богословия», которая вышла в свет в конце 1938 г., накануне второй мировой войны. Ее воздействие сказалось после окончания войны, особенно благодаря переезду Флоровского в Соединенные Штаты, где у него было много учеников. Поскольку историографический разбор этой книги выходит за рамки нашего исследования, отметим лишь, что содержание ее гораздо шире, чем можно заключить из заглавия, фактически, это самобытное, дающее повод к размышлениям, хотя и не лишенное противоречий исследование русской мысли, как религиозной, так и светской[7].

Вторым преподавателем Богословского института, чьи труды также ознаменовали новый этап в развитии дореволюционной историографии, был Г. Федотов. Федотов начал свою научную карьеру как историк французского средневековья, изучал религиозную жизнь и представления эпохи Меровингов. Он сумел по-новому взглянуть на хорошо известные агиографические источники, предвосхитив подходы, характерные для социологии религии и так называемого «насыщенного описания». Ту же методологию и тот же тип источников он использовал и при изучении русских святых. Исследовав житийную литературу и так называемые духовные стихи, которые отражали истинный характер русской религиозности, Федотов опубликовал книгу «Святые древней Руси», где он создал типологию русской святости и описал ее особенности. Вслед за этой книгой увидело свет краткое жизнеописание митрополита Московского Филиппа, чья казнь по приказу Ивана IV вызвала широкий общественный резонанс. Наконец, Федотов приступил к написанию работы по истории русского религиозного сознания, которая так и осталась незавершенной, хотя первый том был издан после войны на английском языке[8]. В этой книге он проявил свои аналитические способности и знания в области антропологии, создав достоверную картину развития религиозных чувств и отношения к религии на Руси с древнейших времен до XVII в., их переплетения с пережитками языческих культов. Наблюдения и выводы, сделанные Федотовым в этой работе, так же, как и параллели с современностью, приведенные в более ранних его работах, имеют значение для реформ, проводимых в нынешнем обществе, в частности для постсоветской реконструкции России. В трудах Федотова обосновывается и утверждается тезис, согласно которому преданность интересам общества является характерной чертой русской

христианской традиции и практики церковной жизни. В то же время его труды помогли обнаружить корни русского национального самосознания, уходящие в глубь его религиозного наследия. Эмиграция, искавшая ответ на вопрос о природе своего культурного наследия и самосознания, воспользовалась трудами Федотова.

Институт св. Сергия был не единственной организацией, печатающей религиозную литературу. Оказавшаяся под властью Советов Россия уже не могла поставлять такие издания за границу, лишь с конца 30-х гг. с крайней неохотой в СССР было дано разрешение на публикацию ограниченного числа религиозных изданий. У православных церквей на Балканах также не было средств, а возможно, и желания браться за это дело ради церкви в изгнании. До 1914 г. за границей не было необходимости печатать литургические и дидактические материалы, поскольку за пределами империи постоянно проживало лишь незначительное число русских. Кроме того, подобную литературу всегда можно было заказать в многочисленных российских церковных издательствах. С другой стороны, большинство наиболее активных, предприимчивых, обладавших большими связями эмигрантов, из числа тех, кто был связан с издательским делом в дореволюционной России, не проявляли большого интереса к религиозной литературе. Они ориентировались по большей части на светские издания, а к церкви относились с недоверием, явившемся следствием тесной связи между государством и церковной иерархией при Романовых. Таким образом, решая задачу сохранения полноценной религиозной жизни в чужом окружении, диаспора испытывала большой недостаток в такой литературе.

К счастью для диаспоры, одно из крупнейших издательств, выпускавшее религиозную литературу и созданное, как это часто бывало в России, при монастыре, было расположено в Почаевском монастыре св. Иова, который оказался на территории, по условиям Рижского мира отошедшей к Польше. Настоятель этого монастыря архимандрит Виталий (Максименко) организовал одно из самых эффективно работавших издательств, которое специализировалось на выпуске литературы для чтения, адресованной малообразованному читателю. Притесняемый польскими властями, монастырь был вынужден продать типографию и переехать во Владимирово (Ладомирова) в восточной Словакии. На деньги, вырученные от продажи оборудования, настоятель приобрел более современную типографию, и, миновав трудный период становления, монастырь снова сделался наиболее крупным центром издания богослужебных книг и, что важнее, брошюр религиозного содержания, которые распространялись по всему Русскому Зарубежью. Вскоре Владимирово стало монополистом изданий такого рода литературы на Западе. Другие религиозные издательства возникали спорадически и не располагали ни средствами для распространения своей про-

дукции, ни возможностью установить на нее такие цены, при которых она могла бы соперничать на рынке с изданиями Владимирова. Издательская деятельность монастыря продолжалась вплоть до начала второй мировой войны. Бо́льшая часть сотрудников издательства продолжила свою деятельность в Джорданвилле (США), который выполняет сегодня сходную роль для потомков первой волны эмиграции и русских беженцев второй волны.

Учебная религиозная литература так же, как и другие книги религиозного содержания, печаталась и в других местах, но в более скромных масштабах. Среди наиболее важных и постоянных публикаций такого рода следует назвать листовки, выпускавшиеся Русским христианским студенческим движением, а также их издание «Вестник», о котором речь пойдет ниже. Некоторые приходы и школы издавали свои собственные учебные пособия и брошюры для своих учеников — главным образом учебники истории и грамматики, книги для чтения. Их содержание, однако, далеко не всегда носило строго религиозный характер, более того, это были лишь издания ad hoc, направленные на удовлетворение временных и специфических потребностей.

Таким образом, мы подошли к вопросу о религиозном образовании в Русском Зарубежье. Приход создавал, разумеется, естественные организационные рамки для подобного обучения. Но, как мы уже отмечали, эмигрантские приходы были раздробленными, маленькими и бедными. Лишь немногие из них могли взять на себя ответственность за религиозное воспитание детей прихожан, хотя в силу неблагоприятной демографической ситуации, сложившейся в русской диаспоре, детей было немного. Везде, где приходская церковь взяла на себя заботы о религиозном образовании, она справлялась с ними лишь в первое время. Кроме религиозного воспитания, дети занимались изучением русского языка, грамматики, истории и литературы. Эти уроки обычно проводили добровольцы из числа прихожан, чаще всего женщины. Насколько мы имели возможность убедиться, только в больших городах с достаточно значительным эмигрантским населением такое обучение существовало в течение 30-х гг. В других случаях подобные попытки были оставлены к концу 20-х гг. Воскресные школы, устоявшейся традиции которых в дореволюционной России не было, создавались во многих местах, однако не везде они работали с равным успехом. Ясно, что задача ознакомления детей с основами веры и родного языка ложилась в основном на семью. И здесь, как и сделовало ожидать, обстоятельства складывались по-разному. Многое зависело от того, в какой степени окружение угрожало тем, что педагоги-эмигранты называли «денационализацией», а в США известно под названием культурной ассимиляции и «американизации».

Там, где были русские начальные и средние школы, т.е. прежде всего в больших городах и в странах с наибольшей концентрацией

эмигрантского населения — Югославии, Чехословакии и Балтийских государствах, — религиозное обучение входило составной частью в учебные программы. Преподавание велось местным священником и было тесно связано с другими «русскими» дисциплинами, которые изучались в школе наряду с предметами, обязательными в данной стране. Язык был существенным компонентом религиозного образования, поскольку службы проводились на русском языке (так называемом церковнославянском в модернизированной и русифицированной форме). Очевидно, проблема использования современных национальных языков в богослужении стала актуальной прежде всего в Соединенных Штатах после второй мировой войны. Духовенство и те миряне, кто полагал, что связи между культурой и религией исполнены особенно глубокого смысла, не воспринимали русской культуры вне религиозного контекста. Таких взглядов придерживались люди разной политической ориентации, однако наиболее распространенной она была среди консерваторов и монархистов. Здесь лежала причина разногласий относительно того, какую дату следует отмечать как День русской культуры, о чем мы говорили выше. Интеллигенция выбрала день рождения Пушкина как дату, которая наиболее ярко символизировала ее культурную традицию, и в большей части диаспоры церковь принимала участие в праздновании этого дня. Духовенство проводило специальные службы в местных церквах, участвовало в разного рода мероприятиях, которые устраивались в честь этого дня. Однако, как мы уже видели, консервативные круги при поддержке Епископского Синода в Сремски Карловицах приняли решение отмечать день памяти св. Владимира (28 июля) как День русского национального самосознания, тем самым подчеркивая религиозный компонент исторической традиции. В отличие от Пушкинского дня, этот праздник всегда имел откровенно политическую окраску, против чего возражали многие представители духовенства, поскольку он напоминал о союзе церкви с государством до 1917 г., имевшем более чем неблагоприятные последствия для ее общественной и культурной роли.

Тем не менее следует признать, что вопрос о том, что составляло суть русской культуры, которую эмиграции предстояло сохранить и передать грядущим поколениям, решался вполне однозначно. Даже те, кого не слишком заботили вопросы религии, не могли отрицать религиозное прошлое России. Так 950-я годовщина Крещения Руси отмечалась в 1938 г. не только в церквах, но также в школах и в светских организациях. К этой дате были изданы несколько книг, в частности интересный «Владимирский сборник». Эмигрантская историография давала более позитивную оценку периоду Киевской Руси в отечественной истории, когда церковь играла действительно самостоятельную роль, в противоположность периоду Московского государства, когда возвеличивались интересы государства.

Разрозненные, часто изолированные группы эмигрантов не имели социальной защиты, которую общественные институты стран, принявших эмиграцию, обычно предоставляли своим собственным гражданам. В некоторых странах в 20-х и даже в 30-х гг. социальное законодательство было еще слабо разработано. Организации взаимопомощи, существовавшие на средства добровольных пожертвований самих эмигрантов, благотворительных организаций или отдельных лиц, несколько облегчали условия существования самых нуждающихся. Храня верность своей традиции милосердия, церковь в изгнании стремилась оказывать содействие бедным и слабым. Однако в отличие от протестантских и католической церквей Русская православная церковь не обладала большим опытом организации широкомасштабной благотворительной работы. В дореволюционной России благотворительность была сконцентрирована в монастырях, где, как и в средние века на Западе, бедные получали пищу и единовременную материальную помощь. (В XIX в. существовало много филантропических организаций староверов, они, однако, за рядом исключений, оказывали помощь только своим единоверцам и облекали ее в традиционные формы.) Когда же накануне первой мировой войны церковь в России начала проявлять больший интерес к общественному и экономическому положению бедных, ее благотворительная деятельность осуществлялась, как правило, силами отдельных приходов или представителей духовенства. В эмиграции церковь оказалась не подготовленной к благотворительной деятельности в широком, международном масштабе. Руку помощи протягивал отдельный приход или отдельный человек, клирик или мирянин. Мы, однако, уже отмечали, что приходы в Русском Зарубежье были небольшими и бедными. Волей-неволей их благотворительная деятельность носила ограниченный характер и не отвечала существовавшим потребностям. Только в больших городах или в поселениях эмигрантов (например, в самоуправляющихся общинах на территории Югославии) филантропическая и общественная деятельность могла носить более широкий характер, не ограничиваясь рамками одного прихода, и пользоваться поддержкой общественных организаций и частных фирм. Были и примечательные исключения. Так, например, в Аньере, рабочем пригороде Парижа, группа эмигрантов под руководством священника и наиболее активных прихожан сумела не только организовать начальную и воскресную школы, но также осуществляла целый ряд программ помощи нуждающимся семьям, безработным и больным.

Материальная нужда была лишь одной из тягот эмигрантской доли. В отличие от бедных и немощных местных граждан, которые оставались членами общества и с которым их связывали личные, семейные, организационные узы, русские изгнанники были вырваны из своей среды, лишены семейных, дружеских и прочих важных для человека связей. Это было особенно характерно для лю-

дей в провинции, работавших на фабриках или шахтах, проживавших в общежитии и питающихся в общественных столовых. Сколь бы ни была велика их материальная нужда, духовный голод зачастую ощущался острее, его нельзя было удовлетворить за счет благотворительной помощи. Вначале во Франции (это известно из документов) возникла организация «Православное дело». Она продолжала традицию добровольных объединений мирян, мужчин и женщин — общин, которые отдавали свое время и силы содействию бедным и нуждающимся, сохраняя при этом обычный образ жизни в обществе. Они оказывали не только материальную помощь, но, что важнее, духовную и психологическую поддержку.

Ведущей фигурой «Православного дела» во Франции была Елизавета Скобцова, которая приняла постриг под именем Марии, однако с разрешения митрополита Евлогия продолжала свою благотворительную деятельность среди мирян. Мать Мария ездила по промышленным и угледобывающим центрам Франции, где были русские рабочие-эмигранты. В отличие от Симоны Вейль, с которой ее часто сравнивают и которая пыталась жить жизнью рабочих по идеологическим причинам, мать Мария, руководствуясь чисто религиозными мотивами, стремилась, скорее, принести утешение отдельной душе, нежели пытаться изменить экономические условия их жизни. Она организовывала столовые, где могли питаться русские эмигранты, оставшиеся в Париже без работы, основывала приюты для бездомных. Важной характерной чертой ее деятельности была тесная связь с церковью, хотя, в отличии от Армии Спасения, она не настаивала на посещении богослужений или общении со священниками. Во время войны она открыла двери приютов для бездомных евреев, скрывавшихся от немецких и вишистских властей. Именно этим был вызван ее арест вместе с сыном и отцом Дмитрием Клепининым: мать Мария погибла в нацистском концлагере. Она наладила сотрудничество с представителями интеллектуальной элиты Русского Зарубежья — К. Мочульским, Г. Федотовым, И. Фондаминским, входившими в дискуссионное общество «Круг». Таким образом, религиозные моменты тесно переплетались как с интеллектуальной жизнью, так и с благотворительной деятельностью. Это обусловило возвращение в лоно церкви части эмигрантской интеллигенции, тогда как контакты с рабочими-эмигрантами способствовали росту культурных запросов последних, в особенности представителей младшего поколения[11].

Наконец, следует упомянуть о том, что церковь и духовенство принимали участие в организации домов для престарелых, лечебниц и сиротских приютов. Как уже отмечалось выше, такие учреждения основывались и поддерживались военными и ветеранскими организациями. Тесная их связь с церковью может быть проиллюстрирована не только фактом присутствия священника, заботившегося о повседневных нуждах обитателей этих учреждений, но и тем

обстоятельством, что митрополиты и епископы оказывали им материальную поддержку и осуществляли надзор за их работой.

Несмотря на то, что число детей среди эмигрантов было в пропорциональном отношении невелико, их материальные и эмоциональные потребности всегда привлекали к себе особенно пристальное внимание диаспоры. Детей обучали русскому языку, основам веры в семье и в приходе. Ввиду той социальной изоляции, в которой находилось большинство эмигрантов, относительно легко было привить детям владение русским языком как основным или по крайней мере как языком, на котором говорили дома. Несколько сложнее было воспитать в них чувство принадлежности к нации, о которой ребенок знал лишь понаслышке. Больше всего боялись денационализации, потери преданности России, ее прошлому и, как надеялись, ее будущему. До революции, когда церковь не была отделена от государства, не существовало потребности в организациях, которые объединяли бы религиозные и патриотические ценности, как это было в протестантских и католических странах. Забота о воспитании детей в духе верности как религиозным, так и национальным ценностям, о наиболее полном развитии их интеллектуального, морального и физического потенциала через активную деятельность легла в основу движения бой-скаутов, основанного лордом Баден-Поуэллом в Англии, и «движения соколов» в Чехословакии. Ту же цель, правда с меньшим акцентом на национализм, преследовала и американская ИМКА, которая стремилась к более тесной и сознательной связи и с церковью, и с повседневной жизнью.

До 1914 г. эти движения затронули Россию лишь в очень незначительной степени. Движение скаутов имело некоторое число последователей среди протестантов, прежде всего среди городского, образованного населения империи (главным образом, в Прибалтике), однако не привлекло внимания церкви и русской образованной элиты. Чешские «соколы» также нашли последователей, впрочем, крайне немногочисленных. После революции, общаясь с представителями этих движений в странах, предоставивших им убежище, и признав их роль в укреплении патриотизма и религиозности молодежи, эмигранты заинтересовались опытом их деятельности. Пример работы с детьми и взрослыми в лагерях для военнопленных и беженцев, данный ИМКА, усиливал этот интерес и побуждал эмигрантов следовать ему. Результатом явилось создание молодежного движения, которое, перенимая опыт западных организаций и повторяя их практику, тем не менее было совершенно sui generis*. Речь идет о Русском христианском студенческом движении, далее называемом РХСД.

* Особенным (*лат.*).

Непосредственный импульс к созданию этого движения был дан двумя взаимосвязанными, хотя и различными процессами. Студенты, чье образование было прервано гражданской войной и кто сумел возобновить учебу в университетах Королевства СХС, чувствовали себя потерянными в психологическом и в духовном смысле. Тот ад, через который они прошли во время войны, бедность и плачевное положение, одиночество — все это заставляло искать духовный фундамент, на котором можно было бы заново строить свою жизнь. Поскольку обстоятельства складывались таким образом, что было очень трудно найти группу близких по духу молодых людей, то в поисках вдохновляющих идей и источника силы им приходилось обращаться к религиозной традиции. Студенты, и юноши, и девушки, объединенные общим прошлым и сходным жизненным опытом, собирались вместе сначала в колониях эмигрантов на территории Югославии, а потом и в других странах. Во вновь созданных русских учебных заведениях в Белграде и Праге возникали кружки, занимавшиеся изучением религиозной литературы, проводившие совместные молитвы и получавшие духовные наставления священника. Некоторые члены этих кружков, закончив свое образование, выбрали духовную карьеру и были рукоположены. Другие стали общественными деятелями и светскими лидерами церкви в эмиграции, как, например, некоторые члены семьи Зерновых. С другой стороны, студенты-эмигранты нуждались в дешевом питании и жилье, так как Европа была разорена войной и не могла предоставить этого эмигрантам. Устройство общежитий и организация столовых привели к созданию библиотек и читальных залов, проведению общественных и научных собраний. Этот результат мог быть достигнут только при содействии Всемирного христианского студенческого движения. Эти группы и студенческие организации координировали свои усилия, чтобы помочь друг другу преодолеть изоляцию, в которую они попали как иностранцы. С помощью Всемирного христианского студенческого движения они созывали конференции и слеты представителей студенческих групп из разных стран, где были расселены эмигранты, в особенности из Югославии, Чехословакии, Германии и Болгарии.

В 1923 г. в Чехословакии, в Пржебове, состоялась всеевропейская встреча представителей этих эмигрантских студенческих групп и организаций, на которую собрались члены упомянутых выше неформальных объединений и кружков духовного самосовершенствования. Именно на этой конференции в Пржебове произошло организационное оформление РХСД. ИМКА и Всемирное христианское студенческое движение предоставляли средства и поддерживали первые шаги движения. Главная цель движения состояла не столько в отстаивании узко понимаемых интересов студенчества, сколько в налаживании более тесной связи между духовными и практическими потребностями студентов. Существовавшая в Рос-

сийской империи связь между государством и церковью привела к резкому противопоставлению мирской жизни и жизни церкви, к духовному обнищанию образованной элиты. Студенты-эмигранты на своем опыте ощутили последствия этого обнищания. Они верили, что первоочередной целью должно быть установление (или воссоздание) плодотворной связи между жизнью души, ума и тела. Эта связь необходима, как они полагали, не только для преодоления нынешнего трудного их положения, но и для подготовки к той роли, которую им, возможно, предстоит выполнять в восстановлении духовных, социальных и политических основ России. Этот результат мог быть достигнут (в чем, собственно, и состояла главная цель движения), когда все аспекты повседневного мирского существования будут пронизаны православными ценностями и когда церковь в свою очередь будет оказывать воздействие на повседневную жизнь верующих, проявляя активную заботу об их физическом и духовном совершенствовании, экономическом положении. Программа РХСД, таким образом, призывала к «оцерквлению» жизни и «оживлению» церкви.

Сформулированная таким образом цель предполагала тесное сотрудничество с Русской православной церковью, поскольку с самого начала студенты воспротивились «интерконфессионализму», на котором последовательно настаивала ИМКА, поскольку они желали быть строго русским православным движением. Европейское руководство ИМКА согласилось с этим. С другой стороны, организаторы не хотели, чтобы движение стало послушным орудием в руках церкви, т.е. подчиненной ей организацией, контролируемой церковной иерархией. Они желали видеть в церкви покровительницу и наставницу, однако возражали против диктата епископов и митрополитов. Верховные иерархи, прежде всего митрополит Евлогий, согласились с этим и оказали движению безграничную поддержку. Эту позицию не разделял, однако, Епископский Синод в Сремски Карловицах, который отказался признать новую организацию, поскольку она отвергала непосредственный контроль со стороны церкви. Епископы, входящие в Синод, также заявили, что ИМКА, которую они считали «масонской», а возможно, даже пробольшевистской организацией, ввергнет движение в ересь. Несмотря на все усилия руководителей движения, представителей ИМКА и Всемирного христианского студенческого движения достичь примирения Синод в Сремски Карловицах и в свою очередь большая часть монархистской эмиграции в Югославии стали в непримиримую оппозицию движению. Это оказало влияние на отношение к нему наиболее консервативных, реакционных и монархических студенческих группировок в разных странах. Поэтому РХСД ничего не оставалось как сделаться «либеральным» в социальных и политических вопросах и вступать в контакты и в объединения с другими церквами и конфессиями.

Движение стремительно разрасталось, прежде всего в Западной Европе, Париж стал его главным центром. Основу движения составляла сеть молодежных кружков (не все их участники были студентами), где обсуждались вопросы религиозного, интеллектуального характера, проблемы повседневной жизни и где укреплялась духовность участников движения. Некоторые из этих кружков превратились в нечто похожее на религиозные объединения — братства, которые проводили совместные богослужения и вели общую духовную жизнь, нацеленную на общественную активность среди диаспоры. Следуя примеру православной церкви, построенной на федеративном принципе, движение также оформилось как федерация кружков и братств (куда допускались лица обоего пола). Кружки в свою очередь объединяли свои усилия, где это только было возможно, для организации совместных мероприятий — лекций, занятий, работы с детьми (по примеру скаутских отрядов).

На конференции движения съезжались делегаты из всех европейских стран, чтобы осудить проблемы, представляющие общий интерес, прослушать лекции видных церковных и светских деятелей, вместе причаститься. Часто конференции были посвящены определенной теме, по которой читались лекции, велись дискуссии, а основные выводы служили ориентирами в деятельности движения. Много конференций проводилось на базе летних лагерей, которые организовывались для детей. В этих лагерях подростки не только получали возможность поправить свое здоровье благодаря занятиям спортом, пребыванию на свежем воздухе и хорошему питанию, но и расширить свои знания о русской исторической и религиозной традиции. Если доверять публиковавшимся отчетам и воспоминаниям участников, пребывание в лагерях и конференции воодушевляли и поднимали настроение, способствовали физическому здоровью и духовному совершенствованию всех их участников. Интеллектуальные и церковные лидеры также получали возможность установить тесный контакт с молодым поколением эмигрантов и оказывать воздействие на их умственное и духовное развитие.

Помимо всего вышесказанного, РХСД служило организационной основой для целого ряда других мероприятий, адресованных эмигрантам, не только в Париже, но и в других основных центрах Русского Зарубежья, включая Дальний Восток. Штаб движения, находившийся в Париже, на бульваре Монпарнас, 10, предоставлял свои помещения для проведения курсов лекций, воскресных классов, внешкольных занятий детей. Молодежь изучала русскую грамматику, литературу, географию и историю, ставила пьесы и проводила концерты, члены движения были основными организаторами и участниками Дней русской культуры и других праздников (например, Татьянина дня, традиционного праздника русских университетов). В здании на бульваре Монпарнас размещалось также Религиозное педагогическое бюро, где В. Зеньковский и его

помощники изучали проблемы образования, собирали специализированную библиотеку и информацию о развитии педагогики во всем мире, в том числе и в Советском Союзе.

Центральным органом РХСД (а также нашим основным источником по его истории) был ежемесячный «Вестник Русского христианского студенческого движения», который издается по сей день, но уже в измененной форме и с иным содержанием. Он начинался с гектографированного листка, имевшего тираж 75 экземпляров, достиг в течение года тиража в 1500 экземпляров, а накануне войны, в 1939 г., — 5 000 и распространялся как в розницу, так и по подписке. «Вестник», имевший вначале полдюжины страниц, достиг объема 24—36 страниц. Он содержал статьи дидактико-гомилетического характера, посвященные основным проблемам православного вероучения и богослужебной практики, специальный раздел знакомил с информацией о различных мероприятиях, проводимых движением во всех странах и городах, печатал полные отчеты о конференциях и встречах, а также о летних лагерях. «Вестник» содействовал проведению благотворительных кампаний и извещал о них, сообщая достаточно подробно о тех, кто делал пожертвования. Естественно, что менее зажиточные более охотно отзывались на призывы собирать пожертвования, нежели немногочисленные состоятельные эмигранты (к последним, правда, обращались с подобными призывами гораздо чаще и более настойчиво). В связи с кампаниями по сбору средств «Вестник» публиковал сведения о ежегодном бюджете движения, который со всей очевидностью показывает важность средств, вносимых ИМКА и церковными организациями Англии. Иногда «Вестник» помещал отчеты о работе и достижениях таких учреждений, как Религиозное педагогическое бюро и Институт св. Сергия, о религиозных движениях, идеях и дискуссиях во французских, немецких и английских интеллектуальных кругах. В течение 20—30-х гг. «Вестник» был более «популярным» и «демократичным» (если использовать это слово в высокоинтеллектуальном смысле) вариантом главного религиозно-философского журнала «Путь».

С течением времени ключевым аспектом деятельности РХСД, который находил все большее отражение на страницах «Вестника», стали контакты — встречи, дискуссии, конференции — между православным эмигрантским духовенством, интеллигенцией и лидерами молодежного движения и их коллегами из Англии, в меньшей степени из Германии. Это был лишь один из аспектов более широкого экуменического движения, в которое включилась русская церковь в Западной Европе в 20-е гг. Этот процесс был санкционирован митрополитом Евлогием (но осужден епископами в Сремски Карловицах) и получил активную поддержку Института св. Сергия.

В 1927 г. в Сент-Олбансе лидеры англиканской церкви, если говорить точнее — ее англо-католического крыла, организовали пер-

вую встречу представителей Русского христианского студенческого движения и групп английских студентов. Встреча прошла с большим успехом и положила начало целой серии конференций, в которых принимали участие русские, как миряне, так и духовенство, и англикане. Корпорация св. Сергий — Сент-Олбанс была создана при активном участии Н. Зернова, прежде входившего в состав упомянутых выше студенческих кружков, занимавшихся проблемами духовного совершенствования. Он был приглашен в Оксфорд читать лекции по восточному христианству. Корпорация оплачивала обмен студентами, главным образом поездки русских на учебу в Англию, а также проведение конференций, где обсуждались представляющие взаимный интерес вопросы литургического характера. Митрополит Евлогий и его партнеры-англикане пришли ко взаимному признанию причастия, совершаемого обеими церквами. Тем не менее ни по одному вопросу речь не заходила о какой-либо унификации, т.е. о достижении компромиссной позиции по основным разногласиям догматического или литургического характера. Их взаимоотношения сохраняли характер корпорации, братства, причем каждый из партнеров признавал самостоятельность другого и уважал его таинства, соглашаясь вместе с тем искать пути сближения позиций по церковным и социальным проблемам.

Англо-русские связи сыграли огромную роль в достижении обеими сторонами взаимного уважения, они стали моральной поддержкой для русской православной молодежи, помогая ей преодолеть чувство изоляции и отчуждения благодаря признанию ценности ее традиций западным миром. Некоторые лидеры движения и его идейные наставники, например Г. Флоровский и Г. Федотов, установили тесные интеллектуальные и религиозные связи с Англией. Конференции стимулировали пробуждение у русских интереса к социальным течениям на Западе, помогли им ощутить себя частью содружества наций и культур, в котором они выступали представителями «отсутствующей России». Группы английских студентов и подростков приезжали в летние лагеря, организованные РХСД. Трудно сказать, каким было значение этого опыта, поскольку описания в «Вестнике» выдержаны в чрезмерно оптимистических тонах, чтобы безоговорочно принимать их на веру.

Как подтверждение цели существования движения, из номера в номер «Вестника» повторялся призыв к «христианизации жизни» эмигрантов в надежде и в ожидании на возвращение домой, в освобожденную Россию. Нельзя упускать из виду патриотический и православный характер движения. В то же время «Вестник» отражал отношение эмигрантской молодежи к тем социальным, политическим и экономическим проблемам, с которыми мир, главным образом Европа, столкнулся в начале 30-х гг. Сообщая об отдельных сторонах интеллектуальной жизни во Франции, Германии и Англии, «Вестник» сумел избежать характерного для эмиграции узко-

го и одностороннего освещения современных проблем. В этой связи нам следует обратить внимание на активность в интеллектуальной сфере, которую проявляли религиозно настроенные представители диаспоры. Прежде чем обратиться к этому вопросу, я хотел бы вновь отметить, что очень трудно вычленить тенденции и события, деятельность отдельных лиц, характеризующие историю религиозных кругов Русского Зарубежья, из более широкой картины его интеллектуальной жизни. Для многих эмигрантских мыслителей и писателей разделение духовной жизни на религиозную и мирскую со временем становилось все более трудным. Разумеется, некоторые отдельные личности и группы сохраняли непримиримое отношение к подобному сближению, это в первую очередь характерно для последовательно антиклерикальных групп (социалисты, традиционные либералы и позитивисты), равно как и для крайне консервативных церковных сил (Епископский Синод). В последующем изложении поэтому, ведя речь об интеллигенции, я, кроме специально оговариваемых случаев, буду иметь в виду лишь ту ее часть, которая открыто, публично выражала свою приверженность православию и религии, составлявшим неотьемлемую часть их мировоззрения и их внутреннего мира.

Как и следовало ожидать, интеллектуальные корни религиозно настроенной эмигрантской интеллигенции также уходили в эпоху Серебряного века — в те десятилетия, когда представители этой группы достигли зрелости и сделали свои первые самостоятельные шаги в творчестве. Их не обошли стороной тяжкие испытания войны и революции, а в особенности — войны гражданской, они познали, разумеется, материальные лишения жизни в изгнании, хотя в ряде случаев наиболее удачливым (например, Бердяеву и, быть может, Шестову) удалось избежать худшего. Кружки, дискуссионные группы, публичные лекции и обсуждения, активная издательская деятельность — все эти характерные черты Серебряного века получили свое дальнейшее развитие в Русском Зарубежье. Следует отметить, что для тех, кого живо интересовали вопросы духовности и религии, в чьей жизни церковь играла заметную роль (для активных прихожан, авторов публикаций на церковные темы, членов религиозно-философских групп и обществ), существовала еще одна, дополнительная организационная возможность проявить себя.

В конце XIX в. в России был создан целый ряд братств, построенных на более ранних сходных образцах. Братства являлись неформальными объединениями мирян, в первую очередь ученых, придерживавшихся сходных религиозных и идейных взглядов и активно участвовавших в церковной жизни. Их члены собирались регулярно и по возможности часто, чтобы изучать и обсуждать научные и философские проблемы, представлявшие общий интерес, а также для совместной молитвы, духовной взаимопомощи и утверждения моральных ценностей. Они также принимали на себя обя-

зательство строго выполнять религиозные ритуалы (например, регулярно и часто ходить к причастию), строить свою повседневную жизнь на основе главных предписаний и ценностей христианства. Примером такого объединения может служить Приютинское братство, куда входили такие выдающиеся мыслители и ученые, как А.А. Корнилов и В.И. Вернадский.

Осев на новом месте жительства в изгнании, религиозно мыслящая интеллигенция стала стремиться к восстановлению старых связей. Потребность в восстановлении братств, в активной проповеди их ценностей и образа жизни приобрела поистине критическую остроту, поскольку необходимо было противостоять нигилизму и отчаянию, которыми была наполнена жизнь в эмиграции, противиться угрозе ассимиляции и утрате национального самосознания, которая нависла над эмигрантами. Но поскольку такие братства создавались по инициативе частных лиц, их состав и деятельность не всегда хорошо отражены в источниках. Лишь случайные упоминания в переписке позволяют нам убедиться в их существовании. Так было, например, с братством св. Софии, члены которого, где бы они ни находились, в условленное время молились и ходили к причастию, чтобы сохранить духовную связь вопреки разделявшим их расстоянию и государственным границам. Эти группы были напрямую связаны с дореволюционным Приютинским братством благодаря присутствию бывших его членов Г. Вернадского и П. Струве. Братство создавало неформальную структуру, наподобие масонской ложи, которая в случае необходимости могла оказывать помощь его членам в получении работы или предоставлении возможности для публикации. Сознательно или нет, они использовались как образец, по которому создавались упомянутые выше религиозные кружки и братства студентов-эмигрантов.

Сходную, однако в данном случае менее общественно значимую роль играло Свободное религиозно-философское общество, созданное Бердяевым в Берлине в 1922 г., которое было преобразовано в академию, носившую то же название, и приняло участие, как мы знаем, в основании семинарии и Института св. Сергия. То же самое можно сказать о «Православном деле» и связанном с ним «Круге», поскольку они совмещали духовно-интеллектуальную деятельность с общественной активностью. Были и другие группы, носившие более светский характер. Несмотря на то, что цели их деятельности не носили строго церковного характера, их отличал повышенный интерес к религиозным и духовным проблемам. В качестве примера можно назвать собрания, происходивие в домах частных лиц, например у Лот-Бородиной, у Мережковских, а также публичные собрания кружка «Зеленая лампа». Другая группа еженедельно собиралась в доме Бердяева в Клемаре, пригороде Парижа. Сюда приходили представители русской и французской интеллигенции, интересующиеся православной церковью и ее филосо-

фией личности, самыми известными среди которых были Жак Маритен и д'Эрбиньи. На эти встречи у Бердяева походили еженедельные собрания в доме Жака и Раисы Маритен в Медоне, которые посещал такой влиятельный публицист, как Эммануэль Мунье (редактор журнала «Эспри»). Сам Бердяев, а также другие русские эмигранты, например А. Койре, В. Вейдле, приглашались на коллоквиумы в Понтиньи, являвшиеся важным элементом французской и вообще европейской интеллектуальной жизни 20-х и 30-х гг. Бердяев выступил инициатором проведения ряда коллоквиумов с представителями французской интеллигенции, связанными с «Кайе де ля Кензен», в ходе которых ставились и обсуждались не только вопросы духовной жизни, но также исторические и социально-политические проблемы. В данном случае, однако, русские, как представляется, чаще просто делились информацией, нежели активно участвовали в диалоге.

Этот момент заставляет нас затронуть более широкий вопрос о контактах интеллектуальной общественности западных стран с эмигрантами и о ее влиянии на оказавшуюся в изгнании русскую интеллигенцию. Здесь мы обратимся к рассмотрению духовно-религиозных течений, которые развивались в Западной Европе в 20-е и особенно, в 30-е гг. Лишь проблемы морального и социального характера безусловно представляли взаимный интерес, позволяя православным эмигрантам и их католическому или протестантскому окружению находить общий язык. С начала века, а точнее с момента появления энциклики Льва XIII «Rerum novarum», положения которой были подтверждены и усилены в 1931 г. в «Quadrogesimo Anno» Пия XI, ничто так не волновало умы мирян и клира на католическом Западе, как проблемы, созданные индустриализацией, угроза новых разрушительных войн, нависшая над миром. Во Франции эта тенденция наметилась еще до 1914 г. с появлением сочинений Леона Блуа и Шарля Пеги. Общественная мысль католической интеллигенции получила импульс к развитию, что нашло отражение в популистских и протосоциалистических взглядах, выраженных Марком Санье в его журнале «Борозда» («Le Sillon»). Под воздействием великой войны и Депрессии дискуссия, развернутая журналом Эммануэля Мунье «Эспри», приобрела политическое звучание. К позиции последнего примыкали еще более воинственно настроенные в вопросах политики группы, издававшие «Ордр нуво» и «Труазьем форс», среди членов которых следует упомянуть Дени де Ружмона, социалиста-протестанта Андре Филипа и энергичного Жоржа Изара.

Все эти люди и издаваемые ими журналы стремились сформулировать в рамках демократического политического устройства реальную социально-экономическую программу, которая помогла бы облегчить положение нуждающихся и преодолеть экономический кризис, с которым западный мир боролся со времени окончания

мировой войны 1914–1918 гг. В международных делах они выступали против войны, выражая озабоченность возрастающей агрессивностью национализма, прежде всего в его фашистском и нацистском варианте. Их отношение к советской системе отличалось некоторой двойственностью: с одной стороны, они рассчитывали воспользоваться некоторыми практическими шагами СССР для разработки конструктивной экономической политики (привлекательным представлялось, например, государственное планирование), с другой — их беспокоила исходившая от советской диктатуры угроза свободе слова и мысли, безопасности индивида. Их отличал повышенный интерес к настоящему и прошлому России, и эмигранты в большинстве своем могли помочь им удовлетворить это любопытство. Более того, и этот момент составлял существенный элемент их мировоззрения, этих французских публицистов привлекала философия Бердяева, в особенности его повышенное внимание к свободе личности. Индивидуализм, развивавшийся на базе философии русского Серебряного века и в разных своих вариантах представленный в трудах Лосского, Франка, Степуна и, конечно, Бердяева, был близок к индивидуализму Мунье, уходившему корнями, в частности, в витализм Бергсона. С другой стороны, Льву Шестову был близок питаемый религией экзистенционализм Жана Валя, который также был связан с «Эспри». Рассудочный неотомизм Жака Маритена не представлялся русским особенно привлекательным, однако его либеральный гуманизм в социальных и политических вопросах, его антифашистская позиция вызывали интерес у эмигрантов, прежде всего благодаря контрасту с позицией официального католичества (а российско-еврейское происхождение Раисы Маритен позволяло находить общий язык).

Протестантский мир, главным образом Германия, также был потрясен последствиями индустриализации, еще в большей степени — первой мировой войной, ее психологическими и общественно-политическими последствиями. Относительное затишье в общественной и политической жизни Франции, сохранявшееся как минимум до начала 30-х гг., преобладавший там более организованный и устоявшийся католицизм не требовали пересмотра основ политической и социальной системы, в отличие от лютеранской Германии. После 1918 г. связь между старым прусским государством и консервативным лютеранством воспринималась как моральное бремя, от которого следовало избавиться, поскольку государство потерпело сокрушительное поражение. Экономические бедствия и раскол в обществе, последовавшие за поражением в войне и инфляцией, обида и злоба, продолжавшие существовать и в мирное время, заставили многих представителей германской интеллигенции пересмотреть свои прежние взгляды и убеждения. Так, Пауль Тиллих сделался сторонником социально окрашенного лютеранства, основная задача которого состояла в поиске альтернативы негуманному и несправед-

ливому капиталистическому устройству. Он зашел настолько далеко, что увидел в большевистской России возможный образец для собственных планов реформ в экономике и в обществе. Он называл свой социализм «религиозным социализмом», не желая, чтобы в этом названии сохранялось прилагательное «христианский», и рассчитывая тем самым получить более широкую поддержку в обществе. Он стремился также к полной независимости от каких бы то ни было организованных церковных структур.

Другие интеллектуальные течения в послевоенной Германии разрабатывали националистические планы возрождения былой ведущей роли страны в Европе и в мире. Они не столь резко критически относились к существовавшей социально-экономической системе и рассчитывали скорее на коррективы под воздействием новых подходов и структурной реорганизации, нежели на фундаментальное революционное изменение. Молодежное движение (Jugendbewegung), созданное до 1914 г., сочетало устойчивые религиозные, христианские устремления с заботой о здоровом и естественном образе жизни, который позволил бы психологически и физически освободить индивида от неблагоприятного воздействия современного индустриального общества. После 1918 г. молодежное движение выдвинуло идею разумного патриотизма, который помог бы преодолеть последствия поражения и стать основой для преобразования немецкого общества. Отзвуки этих планов слышны в сегодняшнем экологическом движении и движении «зеленых» в Германии.

Исходным пунктом идейных течений критически-консервативного толка был не ярый национализм, а романтическая вера в предрасположенность немецкого народа (расы или нации) к общинности, в ее прошлые культурные и религиозные традиции, противопоставляемые «собственническому индивидуализму» и материализму англо-французского Запада. В отличие от молодежного движения, они критиковали современный капитализм, в особенности в нечестивом обличье паразитического финансового капитализма, но принимали его индустриальные и технологические достижения. Они восхваляли героизм рабочих, их индивидуальную творческую энергию и силу. Этот мотив звучал, например, у Эрнста Юнгера, который выступал также певцом войны и героизма на полях сражений. Большевизм привлекал их благодаря своим успехам в переустройстве государственной власти в России и почету, который оказывался «героям производства». Эти зачатки несколько противоречивого мировоззрения, отчасти легшие в основу идеологии нацизма, сохранили вагнеровское и ницшеанское наследие XIX в. — наследие, не оставшееся незамеченным деятелями русского Серебряного века. Выразители этих разнородных, националистических и романтических, идей группировались вокруг издателя Эугена Дидерихса. Его журнал «Ди тат» («Дело») придал этим воззрениям более систематический и социально ориентированный

характер. Им были близки корпоративные представления консервативных католических кругов, находившие сторонников в Германии и Австрии, не говоря уже о Португалии и фашистской Италии, где они существовали в особой форме (прежде всего Отмар Спанн; Франция не была столь заметно затронута корпоративизмом, хотя историк Э. Лусс и некоторые монархисты придерживались близких к нему взглядов). Ситуация в Германии детально освещена русскими эмигрантскими публицистами и мыслителями, например Ф. Степуном и Б. Ижболдиным, которые поддерживали контакты с Бердяевым, Институтом св. Сергия и его изданиями.

Англо-американский протестантизм также оказал влияние на эмигрантские религиозные интеллектуальные круги. Его влияние в основном выражалось в практической помощи, в чем мы уже могли убедиться, рассказывая об ИМКА. Не узко конфессиональная, но отчетливо христианская и протестантская ориентация ИМКА и Всемирной христианской студенческой федерации, их активная позиция обрели конкретную форму в движении за «христианизацию жизни» и способствовали повороту православной церкви к реальностям и нуждам Русского Зарубежья. Ни ИМКА, ни разнообразные англиканские организации, которые имели контакты с русскими, не были резко критически настроены по отношению к существовавшему на Западе социальному и экономическому строю, не противостояли ему. Однако их глубокая обеспокоенность теми социальными и экономическими проблемами, с которыми столкнулись в этот период многие люди, необходимость более активно искать средства для их преодоления, которые могли бы оказаться особенно полезными в будущем, вдохновляли многих эмигрантских общественнных деятелей и мыслителей.

Мы уже упоминали о попытках сближения, предпринимавшихся православными и англиканами. Они представляют собой лишь одно из проявлений более широкого экуменического движения, набравшего силу в 20-е гг. Инициаторами этого движения выступили протестанты, и наибольший резонанс оно получило в тех странах, где они преобладали. Оно, однако, стремилось охватить все христианские конфессии и рассчитывало наладить контакты с великими восточными религиями. Римско-католическая церковь отказалась от участия в межконфессиональном диалоге, заявив, что он подрывает и выхолащивает основные догматы христианства. Русская православная церковь в изгнании решила присоединиться к экуменическому движению, побуждаемая к этому собственным опытом и более тесно в отличие от православных церквей в Болгарии, Греции и Югославии связанная с западным миром. Фактически же можно говорить лишь об активном участии Западной митрополии, возглавляемой Евлогием, тогда как Синод в Сремски Карловицах в силу целого ряда причин остался в стороне, а Мос-

ковский патриархат не мог присоединиться к нему из-за противодействия советского правительства.

Русские эмигрантские иерархи и духовенство принимали участие в экуменических конгрессах в Лозанне и Стокгольме и вошли в состав комиссии, созданной в соответствии с заключительным актом Лозаннской конференции. Таким образом представители интеллигенции Русского Зарубежья С. Булгаков, Г. Флоровский, Н. Зернов, А. Карташев и Н. Владиславцев (если назвать только самых известных) оказались вовлеченными в экуменическое движение (и с большим энтузиазмом возобновили свое участие в нем после окончания второй мировой войны). Это участие, разумеется, предоставляло лидерам эмиграции практические возможности для завязывания контактов с известными церковными деятелями, которые могли иметь влияние на принятие решений, касающихся оказания материальной и правовой поддержки русской эмиграции (например, на Лигу Наций и Комитет Нансена), и содействовать сбору средств на деятельность русской православной церкви за рубежом. Эти контакты способствовали также приобретению опыта и расширению интеллектуальных горизонтов эмигрантской интеллигенции. Русские, принимавшие участие в экуменических конференциях, рассказывали о них на страницах журналов, имевших широкое хождение среди эмигрантов. Довольно обширные отчеты публиковались также на страницах ежедневных газет («Возрождение», «Последние новости», «Сегодня»). Эмигранты также получали возможность путешествовать, если не возникало сложностей с получением виз и с финансированием поездок. В протестантских кругах и в рамках экуменического движения русская эмиграция играла активную роль и могла вносить свой, пусть и скромный, вклад в культурную и религиозную жизнь Запада в межвоенный период.

Описанные в этой главе тенденции и события отразились на культурной жизни Русского Зарубежья благодаря печатному слову, которое объединяло разбросанных по всему свету эмигрантов. Воздействие печатного слова было гораздо более значительным и эффективным, нежели роль личных контактов и деятельность отдельных учреждений, которая охватывала, как правило, только узкий круг лиц, непосредственно с ними связанных. Давайте же в этой связи обратимся к изучению двух основных эмигрантских журналов, посвященных почти исключительно вопросам религии, духовности и культуры.

Мы уже неоднократно говорили о том, что ИМКА стояла у истоков многих инициатив эмиграции, а также, что Бердяев был одной из наиболее влиятельных и активных деятелей в интеллектуальной сфере. Так было и с журналом «Путь», одним из наиболее важных изданий Русского Зарубежья, писавших на религиозные темы. С самого начала «Путь» был органом Свободного религиозно-философского общества и его академии, которые были основа-

ны и возглавлялись Бердяевым. Его название со всей очевидностью перекликалось с заглавием религиозно-философского журнала «Новый путь», издававшегося перед первой мировой войной. Цель, которая была поставлена перед журналом, заключалась в поиске «пути» возрождения и восстановления России. Бердяев убедил представителей ИМКА в Берлине финансировать журнал и не прекращать субсидий после переезда журнала в Париж. Даже в период пика депрессии Пол Б. Андерсон, представитель ИМКА в Русском Зарубежье, поощряемый Бердяевым, сумел убедить свое руководство в США и коллег в Англии в исключительной важности «Пути» для продолжения интеллектуальной и религиозной жизни эмиграции и для будущего философско-религиозного возрождения России. Насколько можно судить по существованию нелегальной группы последователей Бердяева в Ленинграде в 60-е г. и жгучему интересу к этой проблематике, проявляемому некоторыми представителями диссидентских кругов советской интеллигенции, надежды эти были не напрасны.

«Путь» издавался с 1925 г. до немецкой оккупации Франции. В течение всего этого периода Бердяев оставался его главным редактором, который определял направление и содержание журнала. Как и многие другие эмигрантские издания, «Путь» прекрасно начал, но затем столкнулся со все нараставшими трудностями. В этой связи в последние годы своего существования он выходил реже, меньшим объемом, привлекал меньшее число авторов, в чем проявились как сложности финансового характера, так и общая усталость, физическая и интеллектуальная, эмигрантской интеллигенции накануне войны. Мы не располагаем точными цифрами тиража журнала, они могли составлять примерно 1000—1200 экземпляров. Подписная цена в 1935 г. составляла 2 доллара 25 центов (за 4 номера), отдельный номер стоил 70 центов, что сопоставимо с ценой одного экземпляра «Современных записок», главного эмигрантского «толстого» журнала, которая составляла 90 центов. В редакционную коллегию входили Бердяев, Б. Вышеславцев, работавший также в Институте св. Сергия, и представитель ИМКА Г.Г.Кульман. Список авторов был весьма обширным и разнообразным, включал практически всех известных ученых и мыслителей Русского Зарубежья. «Путь» не печатал произведений художественной литературы и литературной критики, на его страницах была представлена исключительно религиозная, философская и общественная мысль, причем публикации отличались высоким интеллектуальным и научным уровнем. Он собрал все лучшее, что было в интеллектуальной жизни Русского Зарубежья.

Первый номер открывался обширным редакционным заявлением, очевидно написанным Бердяевым и отразившим его собственные взгляды и политику журнала. В заявлении редакции прозвучали следующие моменты: несмотря на раздробленность и матери-

альную нужду, эмиграция должна решить важную созидательную задачу. Интеллигенты Русского Зарубежья, хотя и сохранили свободу, вряд ли были материально обеспеченнее своих коллег, которые остались в советской стране, они не испытывали чувства превосходства по отношению к тем, кого угнетало безбожное большевистское государство. Экономическую нужду, которую испытывали изгнанники, можно было воспринимать как тайную благодать, ведь революция означала банкротство старого режима, причем не только политическое, но и социально-экономическое; в конкретном плане она положила конец коррупции, порожденной мелкими, обывательскими, буржуазно-материалистическими проявлениями современного капитализма и современной культуры. Более того, революция способствовала разрыву порочного союза между церковью и государством, содействуя тем самым подъему духовности, возрождению чистого православия и религиозной жизни, не отягощенной ложным отождествлением с делами государства. Короче говоря, революцию нельзя было отрицать, бессмысленно игнорировать; несмотря на те страдания, которые она принесла народу и в особенности интеллигенции, пути назад не было, и это обстоятельство определяло особую роль эмиграции. Изгнанники, пользующиеся свободой слова, недоступной их соотечественникам в России, должны воспользоваться этими благоприятными обстоятельствами и упорно трудиться во имя духовного возрождения народа, за новую русскую культуру, генетически связанную с православием.

Все это, как отмечалось в заявлении редакции, диктует необходимость придерживаться двойственного подхода к создавшейся исторической ситуации. Это связано, с одной стороны, с неприятием капитализма и дореволюционного порядка, а с другой — с попыткой очертить социально-философскую перспективу и программу на постреволюционный период. Следует избегать ностальгии по всему, что в итоге предопределило судьбы эмиграции, поскольку революция была наказанием, ниспосланным русской интеллигенции и элите за греховность их ошибок и поступков. Постреволюционный порядок должен основываться на очищенной православной церкви и творческом духе. В этой связи принципы и программы не должны ограничиваться исключительно соображениями политической целесообразности, но создавать прочную базу, необходимую для духовно созидательной интеллектуальной работы. Наконец, поскольку судьбе было угодно, чтобы эмигранты оказались в чужих странах, в окружении других народов, им следует учиться у последних, особенно в том, что касается религиозной жизни и религиозной практики. Очевидно, однако, что им не следует отказываться от своей исторической традиции национального культурного наследия или принижать его значение — напротив, нужно упорно и энергично бороться с угрозой денационализации. Будущая православная церковь должна быть воссоздана на принципах дружбы

и взаимодействия с западными церквами, должна приобщаться к зарубежному религиозному опыту. Недостаточно знать лишь свое собственное прошлое и извлекать уроки только из своей истории, следует пользоваться теми преимуществами, которые предоставляет вынужденное переселение за границу, впитывать то лучшее, что может предложить внешний мир, и сознательно обогащать русскую культуру, которая тем самым приобретет космополитическое звучание и международное признание. Критика капиталистического, материалистического прошлого должна содействовать восприятию прогрессивных идей в области социальной политики и возрождению общества, хотя при всем том эмиграция должна безоговорочно оставаться в оппозиции всем проявлениям тирании и бесчеловечности, которые характерны не только для большевизма, но и для всех диктатур как правого, так и левого толка.

«Путь» с самого начала выступал со свободолюбивых и гуманистических позиций против итальянского фашизма и германского нацизма, был всегда тверд, отказываясь прислушиваться к похвалам большевистскому национализму, от кого бы они ни исходили — от русских или от иностранцев. Относительно этого, последнего, момента следует оговориться, так как сам Бердяев одобрял восстановление Сталиным России как великой державы и призывал к защите родины против германской агрессии, хотя это и означало признание, пусть даже и временное, советского режима.

Что касается критического отношения «Пути» к взаимозависимости церкви и государства, существовавшей в дореволюционной России, его негативное отношение к любым попыткам продолжить или восстановить подобную практику не случаен. Таким образом «Путь» отрицал притязание Епископского Синода в Сремски Карловицах на роль единственного представителя русской церкви в изгнании и резко противостоял стремлению Синода к восстановлению монархии и его поддержке претендентов на русский трон. «Путь» критиковал Епископский Синод также с идейных и богословских позиций за отказ от модернизации церковной жизни, от признания ценности для православия таких духовных организаций, как РХСД. «Путь» однозначно выступал на стороне митрополита Западной Европы, который одобрял творческую свободу и преобразования, предлагаемые эмигрантской интеллигенцией, а также поддерживал митрополита Евлогия в признании власти патриарха Московского до тех пор, пока это не было связано с политическим признанием советского режима. Конфликт с Сремски Карловицами все углублялся, а после того, как Епископский Синод осудил софиологию С.Булгакова, перешел также и в плоскость теологии. Не заняв ясной позиции относительно достоинств теологической доктрины Булгакова, «Путь» предоставлял свои страницы для публикации его трудов и признавал за ним право свободного выражения своих суждений, поскольку он не вступал в противоречие с основными догма-

тами православия. «Путь» постоянно подчеркивал, что в будущей свободной России церковь должна выйти из-под контроля государства и впервые за все время, прошедшее с XVI в., вернуть себе духовную независимость, чтобы вновь играть активную творческую роль в развитии русской культуры.

Следуя линии на неприятие дореволюционного мира, авторы «Пути» были настроены резко критически по отношению к капиталистическим, буржуазным общественным и этическим нормам, которые доминировали в России до 1914 г. Тем самым они продолжали и расширяли критику, начатую бывшими марксистами, такими, как Струве, Булгаков и сам Бердяев, философами и публицистами-символистами, например Д. Мережковским. Их критика была направлена, с одной стороны, на философский и этический материализм, поддерживаемый ложными доктринами позитивизма, и, с другой — на буржуазную безвкусицу, обывательские культурные ценности, порождаемые капиталистическим экономическим развитием. Большевистская система, если рассматривать ее с этой точки зрения, лишь возвела низкопробную массовую культуру в ранг официальной, сделала ее доступной для широких слоев населения. Наиболее важным и губительным последствием смещения ценностей в мировоззрении современного человека, как утверждали авторы журнала «Путь», явилось оттеснение на задний план религиозных, духовных и творческих проявлений личности. Как мы знаем, этот момент находился в центре внимания дореволюционной философской и психологической мысли, стремившейся представить отдельную личность, создателя всех истинных духовных ценностей как симбиоз материального и духовного в контексте высшего религиозного предназначения.

Эти философские предпосылки объясняют интерес «Пути» к проблеме достоинства труда — достоинства существования отдельного работника как индивида. Это внимание, без сомнения, усиливалось по мере того, как все большее число эмигрантов, в том числе те, кто прежде занимался умственным трудом, вынуждены были зарабатывать на жизнь неквалифицированным физическим трудом или работая на фабриках. Авторы «Пути» в большинстве своем выступали за подлинный гуманистический социализм, философское обоснование которого строилось не только на упрощенном материалистическом позитивизме радикальной интеллигенции XIX в., но и на признании духовного и религиозного потенциала гармонически развитой личности. Социализм, уходивший корнями в религиозные ценности православия и связанный с ними, был той целью, к которой стремилось большинство выступавших на страницах «Пути». Полемизируя с тенденцией отождествления социализма с большевизмом, «Путь» не только напоминал своим читателям о «коммунистических» чертах ранних христианских общин, но утверждал также, что всякая система социальной организации имеет

чисто прикладное значение. До тех пор пока социалистическая система не препятствовала свободному развитию личности, она была совместима с церковью. В этой связи авторы «Пути» проявляли большой интерес к процессам, происходившим в западном социализме, к творчеству тех религиозных мыслителей, которые не боялись браться за решение так называемого социального вопроса, — вопроса, который по сути дела сводился к проблеме функции и места труда в современном обществе и его экономической организации. Этот интерес распространялся также на доктрины корпоративизма, в особенности в тех случаях, когда он выступал в связке с религиозными и культурными традициями нации. Создается впечатление, что, отвергая специфические католические или протестантские варианты, восходившие к средневековому корпоративизму на Западе, из-за их легализма и материализма, «Путь» и в особенности сам Бердяев ревностно выступали за включение «подлинных» корпоративных ценностей в русское православие.

В этой связи мы можем отметить, что «Путь» не избегал политических вопросов, хотя и отвергал тот узкий групповой подход к политике и склоки, которыми была отмечена политическая жизнь эмиграции. Он осуждал, как мы уже видели, тесную связь церкви и государства в дореволюционной России, поскольку она привела к пренебрежению церковью социальными и политическими вопросами и, соответственно, к утрате ею влияния на жизнь и образ мыслей русского общества, прежде всего его элиты. Озабоченность эмиграции социальными, экономическими и политическими проблемами, как полагали авторы «Пути», должна была создать необходимую основу для возрождения роли церкви и ее более широкого участия в жизни общества. Эта перспектива не содержала в себе угрозы свободе, поскольку лишь отдельная личность, каждый верующий должны были решать, вносить ли в свою религиозную жизнь те проблемы, которые волновали общество, те ценности, которые были в нем приняты. Соглашаясь с РХСД, Бердяев и его сторонники полагали, что необходимо вдохнуть дух церкви в жизнь и жизни — в церковь, что естественным образом приведет к должному вовлечению церкви в решение социальных и политических проблем. Существенной чертой резко негативного отношения «Пути» к нацизму, в меньшей степени — к фашизму и франкизму, было беспрекословное подчинение церковной (протестантской) жизни нацистской идеологии. Католическая церковь проявляла большую стойкость в этом отношении и могла служить примером при определении роли церкви и религии в будущей России.

В международных делах «Путь» осуждал агрессивную политику фашистов и нацистов. Нацистская Германия вызывала особую озабоченность, во-первых, из-за подавления свободы слова и расизма (Бердяев был безоговорочно тверд и в осуждении антисемитизма), а также потому, что от нее исходила непосредственная уг-

роза для России. Пагубная и страшная война, как показали события 1936 г. и в особенности 1938—1939 гг., представлялась неизбежной. «Путь» выступал за сопротивление гитлеровской экспансии, представлявшей опасность как для России, так и для западных демократий, где эмигранты нашли себе пристанище. Откровенно говоря, однако, «Путь» не слишком глубоко вникал в вопросы международной политики, и сегодня его суждения на этот счет не представляют значительного исследовательского интереса.

Устремляя основное свое внимание на будущее возрождение русской культуры на базе как чисто русских, так и общечеловеческих ценностей, авторы «Пути» стремились определить, в чем состоит сущность русской культуры. Как и для большинства эмигрантской интеллигенции, символом современной русской культуры для «Пути» был Пушкин, — Пушкин, творчество которого, воплотившее в себе все стороны русской культуры, получало еще и чисто религиозное прочтение. Небольшое исследование С. Франка, посвященое религиозности Пушкина, и выдержанное в том же духе булгаковское вступление предлагали по-новому взглянуть на традиционное, принятое и в Советском Союзе изображение Пушкина, вобравшее в себя черты скептицизма, секуляризма и marivaudage* XVIII в. Булгаков даже доказывал, что Пушкин сознательно искал смерти, зная, что только она может искупить двойственность его поэтического гения: христианская смерть была необходимой составляющей той художественной задачи, которую он столь блестяще выполнил.

Другие представители послепетровской русской культуры не вызывали такого восхищения. Зато «Путь» печатал многочисленные статьи об истории русского монашества, святости, о церковном прошлом, а также помещал сообщения о положении церкви в Советской России. В отличие от журналов, выходивших до 1914 г., «Путь» опубликовал ряд статей, освещавших историю византийской и древнерусской церковной жизни и мысли. Насколько мне известно, это был первый русский светский журнал, который содержал серьезную информацию и дискуссионные материалы, посвященные теологическим и церковным вопросам, а также истории церкви. До 1917 г. только церковные издания и иногда специализированные научные журналы, выходившие под эгидой богословских академий или министерства народного просвещения, могли содержать подобный материал. Эмигрантской интеллигенции, в отличие от большей части русской интеллигенции XIX в. (за исключением славянофилов, как подчеркивал «Путь»), нечем было больше оправдывать свое незнание вопросов, связанных с прошлым и традициями церкви и религии.

---

* Игривость (в отношениях между женщиной и мужчиной) (*фр.*)

Единственная принципиально новая система взглядов на русскую историю и культуру, появившаяся в Русском Зарубежье, была сформулирована в 20-е гг. евразийцами. Как движение, евразийство быстро пришло в упадок, попав под влияние сменовеховцев и расколовшись по политическим и групповым признакам. Генетически евразийство восходило к идее признания русского православия существенным аспектом культуры, возникшей в Евразии. Ведущие идеологи евразийства, особенно Н. Трубецкой, Л. Карсавин и П. Савицкий, всегда подчеркивали свою преданность православию. Тем не менее Бердяев и большинство авторов «Пути» были настроены по отношению к евразийскому учению резко критически, если не сказать, негативно, причем прежде всего по философским соображениям. Они не могли принять натурализм и исторический детерминизм, основанный на климатических и географических факторах, которые составляли ядро евразийской концепции исторического развития России. С их точки зрения, это слишком сильно отдавало позитивизмом и биологическим детерминизмом. Последний же представлялся Бердяеву, верившему в то, что только свободная личность может быть полноценным участником создания культуры народа, в особенности неприемлемым. Индивидуализм, основанный на свободе воли, который проповедовал «Путь» и которого придерживались верующие представители эмигрантской интеллигенции, не сочетался с детерминизмом евразийцев, привязанным к естественным физическим факторам.

Наконец, что также очень важно, «Путь» играл значительную роль в ознакомлении Русского Зарубежья с некоторыми западными идейными течениями того времени. Это обстоятельство играло большую роль, поскольку нельзя забывать, что эмигранты составляли замкнутую группу, изолированную от окружающего общества. Во-первых, они были слишком заняты преодолением трудностей повседневного существования. Во-вторых, многие выросли в тот период, когда Россия была отрезана от Запада, так как довоенные международные связи русской интеллигенции были прерваны политическими событиями. Более того, специалисты, сформировавшиеся в последнее десятилетие существования царского режима, были гораздо хуже образованны и провинциальны с точки зрения своего кругозора, нежели свободная интеллигенция и высокообразованные аристократы-дилетанты XIX в. Наконец, и в этом сказывалось их ненадежное и стесненное положение, эмигранты, сталкиваясь vis a vis со своими западными коллегами, чувствовали себя очень неуверенно, как младшие перед старшими. Естественно, эмигрантские издания, имевшие широкое хождение, заботились больше о распространении информации, касающейся повседневной жизни эмиграции, нежели об адекватном освещении событий интеллектуальной жизни Запада. «Путь» пытался заполнить этот пробел. Правда, это также носило весьма избирательный характер,

поскольку внимание уделялось только тем процессам, которые так или иначе соответствовали религиозной и философской направленности журнала. Более того, делалось это, как правило, путем публикации обзоров книг. Сколь ни редкими были статьи, посвященные Западу, они информировали читателя об организационных изменениях в западных, прежде всего в англиканской, церквах. Книжные обзоры, однако, дают нам представление об основных интересах «Пути», о том, какого рода информацию он давал своим читателям. Всего «Путь» прорецензировал около 160 зарубежных изданий (включая работы, написанные русскими и изданные на иностранных языках) и только 75 русских. Мы можем легко выявить здесь просветительскую цель, которую преследовал журнал, публикуя обзоры и рецензии, убедиться в его экуменических пристрастиях, а также в высоком интеллектуальном уровне читателя, которому он был адресован. С этой особенностью журнала тесно смыкалась также традиция помещать регулярные и подробные отчеты о межконфессиональных контактах[25].

Если «Путь» был прежде всего религиозным и философским изданием, то «Новый град», другой журнал, посвященный духовно-религиозным проблемам, последовательно освещал социальные, экономические и политические проблемы. Потребность в издании, которое бы сосредоточило свое внимание на проблемах современности в их преломлении применительно к Русскому Зарубежью, а возможно, и на их воздействии на будущую Россию, стала особенно настоятельной после того, как Европа и Соединенные Штаты Америки оказались охваченными Великой депрессией, таившей в себе угрозу свободе и демократии. Инициатива создания нового журнала исходила от трех ведущих представителей эмигрантской интеллигенции, глубоко озабоченных проблемой возрождения православия и восстановления его роли в решении социальных и политических вопросов, проблем отдельной личности, волновавших и русских, и людей на Западе. Это были Г.П. Федотов, наиболее авторитетный и активный сотрудник (преподавал агиографию и русскую историю в Институте св. Сергия); И.И. Бунаков-Фондаминский, один из редакторов «Современных записок», бывший член боевой организации партии эсеров и активный организатор благотворительных и просветительских мероприятий и акций в эмиграции; Ф.А. Степун, ученый-обществовед и философ, преподаватель Технологического института в Дрездене. Все трое в прошлом были народниками и оставались приверженцами этого течения. И Федотов, и Степун эмигрировали позднее других идейных лидеров диаспоры и прибыли на Запад, воочию увидев те глубокие изменения, которые стали происходить в России под воздействием новой экономической политики. Поскольку Степун постоянно жил в Германии, он стал свидетелем событий, которые привели к падению Веймарской республики и захвату власти Гитлером. Средства для

издания были собраны во многом благодаря содействию ИМКА, и первый номер журнала увидел свет в конце 1931 г. Он издавался вплоть до начала войны в 1939 г., хотя и не всегда регулярно — было выпущено только 14 номеров, причем иногда с годичным интервалом[26].

В заявлении редакции (написанном Федотовым) утверждалось, что «старый град» становится все более непригодным для жизни. Это вызвано и растущей опасностью для жизни, и в большей степени угрозой духовного опустошения, которая исходит от экономического, общественного и политического хаоса. Задачей журнала провозглашался поиск и выработка основ «нового града» — Града на Горе, — заложенного на фундаменте христианской веры и универсальных духовных ценностей. Журнал призван был стать дискуссионной трибуной, с которой должны были обсуждаться основные идеи, которые могли бы стать строительным материалом для «нового града». Сначала статьи, публиковавшиеся в «Новом граде», освещали те аспекты социального и экономического положения на Западе (и в Советской России), которые порождали проблемы этического характера, требовавшие разрешения. Это было вполне естественным, поскольку Депрессия лишний раз продемонстрировала, как тогда казалось, неспособность капитализма улучшить условия существования, гарантировать материальную безопасность и реформироваться в сторону предупреждения социальных потрясений. «Новый град» поэтому проявлял стойкий интерес к экспериментам в экономической и социальной сфере, которые происходили в ряде стран, а также к различным планам, призванным спасти мир от Депрессии и сопровождавших ее болезней общества.

С течением времени, однако, основное внимание «Нового града», прежде всего главного лица редакции — Г. Федотова, сосредоточилось на международных делах, так как становилось все более очевидным, что мир в Европе, если не во всем мире, находится под угрозой. Гражданская война в Испании явилась в этом отношении критическим моментом: она сама несла в себе угрозу миру и, кроме того, выявила агрессивные и зловещие планы фашистской Италии и нацистской Германии. Поскольку жертвами агрессии, очевидно, могли стать западные демократии, где нашли себе приют эмигранты и где они имели возможность открыто высказываться, эмигрантская элита не могла игнорировать эту опасность. Международная безопасность России также находилась под угрозой. Как Русскому Зарубежью следовало реагировать на возможное вторжение в Советский Союз такого экспансионистски настроенного и жестокого врага, как нацистская Германия? Этот вопрос породил волну сомнений среди эмигрантов. «Новый град» с самого начала занял твердую позицию, отстаивая необходимость поддержки Советского Союза при его столкновении с нацистским экспансионис-

мом и расизмом, и осуждал линию на умиротворение агрессора, которая лишь оттягивала решающую схватку.

Детальный анализ редакцией «Нового града» ключевых событий тогдашней общественно-политической жизни мог бы быть очень интересен, но увел бы нас слишком далеко от предмета исследования. Я позволю себе лишь кратко перечислить главные события 30-х гг., освещенные в журнале: Депрессия и порожденные ею, прежде всего в Германии, социально-экономические проблемы, захват власти Гитлером; кризис демократии во Франции и приход к власти правительства Народного фронта во главе с Леоном Блюмом; процессы, разворачивавшиеся в Советском Союзе, и гражданская война в Испании. Что касается последней, то «Новый град» решительно выступал на стороне республики, вместе с тем вскрывая ошибки и крайности, допущенные республиканскими правительствами. «Новый град» выражал негодование по поводу бесчинств, творимых войсками Франко, призывов к «крестовому походу» в защиту христианства и церкви, лицемерно прикрывавших самые коварные, циничные и жестокие репрессии[27]. «Новый град» занимал в этом отношении даже более радикальную позицию, нежели эмигрантские газеты либерального толка типа «Последних новостей». Если говорить об отношении журнала к событиям в Советском Союзе, то следует отметить, что авторы «Нового града» вместе со всеми эмигрантами испытали шок, узнав о голоде 1932 г. и последующих политических чистках. Эти события были восприняты ими, как и всей диаспорой, с неприкрытым ужасом; сталинские зверства были подвергнуты на страницах журнала резкому осуждению. Правда, этот негодующий тон был несколько смягчен, когда на первый план вышла задача сохранения мира. Многие лидеры эмиграции, включая и редакторов «Нового града», пришли к мнению, что следует желать военного и дипломатического укрепления Советской России, чтобы она могла оказывать эффективную поддержку антигитлеровской коалиции западных держав.

«Новый град» пристально следил за развитием ситуации в Веймарской республике в последние годы ее существования и за первыми шагами, предпринятыми Гитлером на посту рейхсканцлера после января 1933 г. Журнал, получавший подробную информацию от Степуна и Б. Ижболдина, проявлял интерес к различным планам преодоления социальных и экономических пороков Веймарской республики, в особенности к тем, которые черпали идеи из корпоративных теорий органического общества, имеющего лишь профессиональную структуру. Журнал в целом положительно отзывался о попытках реформирования германской экономики путем ограничения роли банков и введения элементов планирования в целях достижения большей сбалансированности производства и распределения (или потребления), поскольку считалось, что основной причиной возникновения Депрессии явилось перепроизводство.

Сперва «Новый град» избегал однозначно негативных оценок экономического законодательства нацистов, прежде всего создания Reichsnährstand, призванного исправить положение в сельском хозяйстве. Вместе с тем с самого начала, а с течением времени все более решительно «Новый град» отвергал политическую линию и особенно расистскую практику нацизма. Резкое осуждение Степуном жестокости и антидемократического характера нацистского режима заставило его отказаться от должности преподавателя в Дрездене (правда, он остался жить в Германии и умер там, пережив всю войну). Его фамилию пришлось убрать из списка редакционной коллегии, однако он продолжал писать для журнала и публиковался под своим именем.

Новый курс — «американский эксперимент» Франклина Д. Рузвельта — был встречен «Новым градом» с одобрением. Авторы журнала положительно оценивали способность Соединенных Штатов Америки проводить глубокие изменения в обществе и экономическую реформу демократическим путем, не разрушая основных политических и социальных институтов, и полагали, что этот опыт могла бы перенять и Европа. Журнал не поддерживал, однако, сохранение огромной роли банков, но отмечал, что другие достижения политики «Нового курса» легко перевешивают этот недостаток, который, возможно, будет устранен в будущем. Позитивные результаты осуществления «Нового курса», прежде всего на его первом, законодательном, этапе убеждали авторов «Нового града» в необходимости оказать полную поддержку Народному фронту и законодательству Леона Блюма, которое, как им представлялось, испытало на себе влияние американского опыта.

События февраля 1934 г. испугали либерально настроенную часть русской эмиграции, вскрыв моральную деградацию политической системы Третьей республики и вызвав опасения, что Франция может оказаться в руках у главарей фашистских орд. Этот страх, даже если опасность и преувеличивалась, вполне объясним, ведь положение русских изгнанников было весьма уязвимым в силу причин как экономического, так и политического характера. Русские рабочие больше, чем их французские коллеги, опасались последствий Великой депрессии и безработицы. В политическом отношении авторитарный диктаторский режим мог бы ограничить и без того слабые правовые гарантии, которые все-таки позволили многим русским изгнанникам обосноваться во Франции. «Новый град» высказывал менее серьезные опасения по поводу сотрудничества Народного фронта с коммунистической партией, чем другие левые и либеральные печатные органы русской диаспоры. Что же касается социального законодательства Блюма, его приветствовали с энтузиазмом как долгожданный первый шаг к защите человеческого достоинства французских рабочих. Единственное критическое замечание в адрес эксперимента Блюма состояло в том, что он

не заходил настолько далеко, чтобы взять на себя выполнение функций, ранее принадлежавших финансовому капиталу. Авторы «Нового града» твердо верили, что финансовый капитал имеет исключительно паразитический характер и это не дает ему возможности участвовать в промышленном воспроизводстве и мешает осуществлению эффективной политики экономического планирования. Мы можем легко обнаружить здесь влияние экономического анализа, применявшегося лидерами германской и австрийской социал-демократии (О. Бауэром, Ф. Адлером). Как уже упоминалось выше, после начала гражданской войны в Испании и резкой эскалации напряженности после 1938 г. вопросы международной политики приобрели первостепенное значение, оттеснив на задний план проекты экономических реформ[28].

Редакторы «Нового града» участвовали в активной общественной деятельности РХСД, с лидерами которого поддерживали тесные связи, — деятельности, которая была отмечена чертами особого православного мировоззрения. Мать Мария нашла новых активных сторонников среди авторов «Нового града», и встречи участников кружка, созданного при «Православном деле», получали освещение на страницах журнала. Однако, если прочесть статьи, вышедшие из-под пера редакторов журнала, может создаться впечатление, что журнал имел более выраженную социалистическую направленность, чем христианское движение. Движение в принципе было политически нейтральным и за исключением активных попыток улучшить материальное положение рабочих не вмешивалось в политические и социальные вопросы, если они не были непосредственно связаны с задачей защиты духовности и христианского уважения личности рабочего. С другой стороны, «Новый град», как мы видели, занимал четкую позицию в отношении актуальных в то время политических и экономических проблем, авторы его верили, что плановая экономика является единственным выходом из Депрессии и единственным способом обеспечить материальное благосостояние и человеческое достоинство рабочих. Исповедуя ту же индивидуалистическую философию, что и «Путь», и французские авторы, писавшие для «Эспри», «Новый град» испытывал большую симпатию к кружку, издававшему «Ди тат», и пропагандировавшему корпоративные и националистические идеи.

Социальная активность в духе христианского социализма — так можно определить основную интеллектуальную задачу «Нового града». Существовала глубокая уверенность в том, что осуществление этого принципа окажет положительное воздействие на дальнейшее развитие культуры. Естественно, авторы журнала надеялись, что с помощью (именно с помощью, а не под руководством) элиты эмиграции, вдохновляемой «Новым градом», будущая свободная России сможет обрести свой голос и соответствующее ее потребностям общественное устройство. Подобно Бердяеву, Федотов и его друзья

оценивали русскую революцию как неизбежное в сложившихся условиях и имевшее позитивное значение событие. Правда, цена оказалась слишком высокой, однако это уже в прошлом. В любом случае, революцию невозможно совершить заново, следует выявить ее положительные результаты и включить их в качестве составных частей в план будущего переустройства России. И Степун, и Федотов не уставали повторять, что Россия пережила, а быть может, и до сих пор переживает глубокую социальную революцию, что результаты коллективизации и пятилеток еще скажутся в будущем[29]. Все это вселяло в них надежды на то, что «новый град», который должен возникнуть в России, явится образцом для подражания и источником вдохновения для Запада, поскольку он будет сочетать в себе духовные ценности православия с преимуществом уходящего корнями в индивидуалистическую, духовную метафизику христианского социализма в социальной, политической и культурной областях.

Не подлежит сомнению, что значительная часть эмиграции, прежде всего ее идейные лидеры, пережили возрождение глубокого интереса к религии и церкви. Религиозные институты нуждались как в материальной, так и в духовной поддержке. Многие изгнанники обратились за утешением и в надежде сохранить свои культурные традиции и свои обычаи к Русской православной церкви. Они стали относиться к церкви с большим уважением, чем прежде, стремились помочь ей распространить свое влияние в социальной, материальной и культурной (прежде всего, в области образования) сферах. Многие стали сторонниками идеи привнесения религии в повседневную жизнь и жизни, т.е. заботы о мирянах, в церковь. Этот лозунг формулировался как «христианизация жизни». Разумеется, эти устремления встречали определенное сопротивление. Как мы видели, этому способствовал и раскол, происшедший внутри самой церкви в изгнании, — раскол, коренившийся как в противоречиях относительно юрисдикции церкви в эмиграции, так и в разных взглядах на место и роль церкви в Русском Зарубежье.

Несмотря на эти противоречия в эмигрантской церковной иерархии, роль религии и церковно ориентированных теорий в эмиграции резко возросла. В то время как в Советской России церковь оказалась оттесненной на задний план, ее идейное влияние практически было сведено к нулю, интеллигенция Русского Зарубежья поставила православие в самый центр своих идейных и культурных представлений. Семинария и Институт св. Сергия стали активным и новаторским научным центром, публикации которого помогли русским исследованиям в области теологии и истории церкви получить широкий резонанс в зарубежных научных кругах. Многое из того, что было создано и опубликовано до 1939 г. под эгидой Института св. Сергия и западноевропейской митрополии русской церкви, дало импульс к научному изучению Русского За-

рубежья и в наши дни продолжает оказывать воздействие на культурные процессы на родине, в России. Образование Русского христианского студенческого движения, его общественная деятельность, работа в области образования и печатного дела помогли многим эмигрантам вернуться в лоно церкви, придали особое, православное, звучание развитию общественной и политической мысли. Таким образом, церковь в Русском Зарубежье сумела занять видное место в интеллектуальной жизни эмиграции, способствовала сохранению культурных и национальных традиций. Она участвовала в выработке планов социальных, экономических и культурных изменений, которые могли представлять интерес для всего мира, а в будущем — и для России. Поддержав усилия английского протестантизма по сближению христианских церквей и достижению экуменического взаимопонимания, западноевропейская митрополия русской церкви в изгнании утвердила свое значение в христианском мире. В результате русская церковь перестала быть в глазах западноевропейских христиан чем-то примитивным, сверхконсервативным, замкнутым и связанным по рукам и ногам традицией. Этот новый образ, без сомнения, еще более прочно утвердился после недавних усилий в области экуменического диалога, предпринятых Московским патриархатом.

Подобным образом и социализм, органически присущий христианству, получил благодаря деятелям русской эмигрантской церкви свое дальнейшее идейное и практическое развитие и сыграл значительную роль в том успехе, которым христианский социализм стал пользоваться в мире после окончания второй мировой войны. Наконец, он вовлек православно мыслящих мирян в процесс интеллектуального диалога с западным христианством. То обстоятельство, что русская церковь в изгнании выжила и сумела оказать влияние на культурную деятельность Русского Зарубежья, во многом объясняется помощью ИМКА и других англо-американских протестантских организаций.

Любой группе эмигрантов свойственно сохранять и поддерживать традиционную роль своей церкви. Однако модернизация общественной роли церкви и активизация ее идейной жизни, которые имели место в Русском Зарубежье, отнюдь не являются типичной чертой всякой эмиграции. Будущее покажет, найдут ли эти достижения применение на родине. Судя по некоторым признакам, это представляется вполне возможным. Если так произойдет, это может иметь глубокие последствия для развития русской культуры, а быть может, и русской общественной жизни. Это будет ценнейшим даром Русского Зарубежья новой России.

7.

ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ.

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Мировая и гражданская войны, революция раскололи русское общество. Они не только драматическим образом изменили привычный ход общественной жизни, но и раскрыли такую бездну жестокости, зверства, страданий, лишений, леденящего душу ужаса, о существовании которых прежде и не догадывались. Какая бы идея или модель гармоничного, идиллического кооперативного общества ни владела многими умами накануне 1914 или 1917 г., она была разрушена поведением всех общественных классов. Правда, были примеры и героизма, и самопожертвования, и преданности и любви, но эти проявления высоких чувств были исключением в бурлящем море людских бедствий и страданий. Всадник из Апокалипсиса не пощадил ничего из того, чем жила образованная часть русского общества до 1914 г. После нескольких лет страшной войны у власти утвердился режим, который враждебно относился ко всему, что представлялось в прошлом святым и дорогим, который ни перед чем не останавливался, чтобы удержать власть над страной и ее населением. Большевики, казалось, сознательно насаждали все самое уродливое и достойное презрения и действовали бесцеремонно и жестоко.

Многим из тех, кто бежал за границу, старая Россия казалась потерянной навсегда. Казалось разрушенным все самое доброе и прекрасное, казались безвозвратно утраченными все обычаи и традиции. Эмигрантам казалось, что творится нечто низкое, страшное и бесчеловечное — разрушаются сама природа и душа русского народа. Каждый образованный человек в эмиграции, даже если он не задумывался над вопросами, как такое могло случиться, кто виноват и что делать, должен был создать новый, удовлетворяющий его образ прошлого России. Трудно выдержать жизнь в изгнании, если перед глазами стоят лишь картины смерти, разрухи и страшной диктатуры. Естественным в таких условиях было обращение к прошлому, поиск там таких тенденций, которые, казалось бы, обещали другой

вариант развития событий. Эмигранты невольно вспоминали прошлое избирательно, отыскивая в истории России события, которые помогли бы им забыть недавние ужасы, утверждали вечные истинно русские ценности. А поскольку изгнанники были воспитаны в эпоху постромантического национализма, они отмечали в прошлом прежде всего те черты, которые всегда были характерны для русского народа, его культуры, объясняли его историческое развитие.

Подобная реакция вполне объяснима. Человеческая память отбирает в прошлом только приятные и нужные воспоминания, то же происходит и с памятью групповой, в особенности если это группа образованных людей, которые могут выразить свое восприятие прошлого в литературной форме. Наиболее яркий и наглядный пример тому — Великая польская эмиграция после 1831 г. Она дала не только двух величайших национальных поэтов А.Мицкевича и Ю.Словацкого, но и наиболее крупного историка И.Лелевеля. Из отдельных периодов и событий — славы прошедших времен и недавних страданий — они создали свой образ польской истории, исполненный особого значения и высвечивающий их собственную роль в подготовке грядущего национального возрождения.

Подобно им эмигранты 30-х гг. из Германии не удовольствовались лишь поиском в предшествующей истории Германии корней того зла, которое взяло верх на их родине. Они понимали, что некоторые аспекты истории предполагали альтернативный вариант развития событий и содержали намек, пусть весьма неясный, на возможность в будущем перемен к лучшему. Отказываясь от детерминистского прочтения губительного наследия Лютера и Пруссии времен Фридриха, эмигрантская интеллигенция обратилась к литературным и философским достижениям гетевского Веймара, к вкладу Германии в науку, к традициям личной свободы и местной автономии, существовавшим в Священной Римской империи[1].

Как русские историки, оказавшиеся в эмиграции, откликнулись на необходимость дать исполненное нового смысла прочтение русской истории?[2] Сначала рассмотрим организационные основы их деятельности в изгнании, что поможет нам найти ответ на поставленный вопрос.

В 1922 г., после того как по приказу Ленина за границу было выслано более 100 представителей интеллигенции, в эмиграции, по некоторым оценкам, находилось около 500 ученых[3]. Как и вся «великая эмиграция» из России, эти ученые были рассеяны по всей Европе и Дальнему Востоку, центрами научной деятельности были Берлин, Прага, Харбин, Белград, в меньшей степени — Рига, Варшава и София. Большинство ученых до революции работали в провинциальных университетах на Украине и в Сибири, некоторые — в Москве и Санкт-Петербурге. Разумеется, уехали не все, кто хотел, что подтверждает недавно обнаруженный дневник московского историка Ю.Готье[4].

Оказавшись в эмиграции, ученые стали немедленно предпринимать шаги к тому, чтобы обеспечить свое существование и продолжить профессиональную деятельность. Думский период и опыт гражданской войны научили многих интеллигентов тому, как объединять свои усилия для достижения общих целей. Как уже отмечалось в предыдущих главах, в Париже политически активные ученые и представители интеллигенции начали еще в 1917—1918 гг. создавать так называемые академические группы. При поддержке и скромном материальном содействии английских научных кругов и отделения ИМКА в Берлине некоторые академические группы превратились в крупные европейские центры русской эмиграции[5].

Академические группы русских ученых создавались для того, чтобы, во-первых, оказывать материальную поддержку ученым-эмигрантам; во-вторых, помогать ученым продолжать их научную работу; в-третьих, распространять знания о русской науке и культуре в зарубежных странах. Позднее возникла и четвертая цель — взаимодействие и сотрудничество с теми организациями, которые стремились дать эмигрантам молодого поколения (и их детям) такое образование, которое подготовило бы их к профессиональной деятельности на родине.

Как мы уже отмечали, наиболее серьезные попытки достичь эти цели предпринимались в Чехословакии. Так называемая «Русская акция» способствовала созданию в Праге Русского университета, а также ряда исследовательских учреждений. В числе наиболее известных русских историков, работавших в Праге, следует назвать А.Кизеветтера, Е.Шмурло, В.Францева, Г.Вернадского (до его переезда в Соединенные Штаты в конце 20-х гг.), более молодых М.Шахматова и А.Соловьева. В Русском университете занимались некоторые «молодые» историки — С.Пушкарев, Г.Флоровский, Н.Андреев (в течение некоторого времени также М.Карпович).

Борьба за выживание отнимала у эмигрантов львиную долю сил и времени. Этим в значительной степени объясняется то, что они не писали объемные исследования и монографии или же создавали таковые, только достигнув некоторой финансовой стабильности, как это было с «удачливыми» правоведами В.Эльяшевичем и Б.Нольде или с П.Милюковым. Некоторые, например Н.Бердяев, существовали на «пожертвования», поступавшие от почитателей, чаще всего американцев, и друзей.

Трудности возникали даже с написанием малообъемных работ, в основном — из-за недостатка материалов. В ведущих европейских университетах не было необходимых источников о России. Даже печатные материалы находились в разных городах, а при технических, юридических и экономических условиях, которые тогда существовали, копирование документов или поездки были практически недоступны для эмигрантов. Определенный этноцентризм, присущий историографии того времени, не позволял большинству эмиг-

рантских историков обратиться к изучению иностранных архивных источников по истории России. Были, правда, и заметные исключения. Так, Е. Шмурло продолжал изучение русско-итальянских связей, однако он практически ничего не добавил к тому кругу ватиканских источников по данной проблематике, который был им выявлен и частично опубликован до 1917 г. А.В.Флоровский с середины 20-х гг. начал писать монументальный двухтомный труд по истории чешско-русских отношений в средние века и в раннее новое время. Насколько мне известно, однако, более никто из исследователей-эмигрантов не пытался изучать архивные собрания в Париже, Берлине или где-либо еще на предмет содержащихся в них «русских» материалов. Отчасти это объяснялось тем, что иностранцам в то время было трудно получить доступ в архивы, отчасти же, как я подозреваю, тем, что в дореволюционной России основное внимание исследователей было устремлено на внутреннюю историю страны, и они не отдавали себе отчета в том, какой потенциал для познания самих себя заключен в возможности взглянуть на себя со стороны.

Важной составляющей экономического и профессионального неблагополучия эмигрантов везде, кроме, пожалуй, Праги, были сложности с публикацией научных трудов. Многие исследователи не писали на иностранных языках, хотя и владели пассивно основными западными языками. Те немногие, кому это все-таки удавалось, могли рассчитывать на публикации только в научно-популярных изданиях (ouvrages de vulgarisation, как называют их французы) и на темы, близкие к современности. Переводы были дороги, и организовать их было непросто. Таким образом, эмигрантские историки были обречены обращаться лишь к ограниченной русской аудитории. Естественно, что подобная ситуация не вдохновляла их на материальные жертвы ради интересов науки.

В Праге историки образовали свою собственную профессиональную организацию — Русское историческое общество, председателем которого сначала был Шмурло, а затем Францев. Оно финансировало проведение встреч, научных дискуссий и публиковало собственное периодическое издание — «Записки Русского исторического общества в Праге» (1927—1930). Исторический факультет Русского университета в Праге принимал участие в издании «Ученых записок» университета и существовавшей при нем вечерней школы, так называемого Народного русского университета («Ученые записки, основанные русской учебной коллегией в Праге», 1924—?)[6]. Однако, как свидетельствует библиографическая роспись этих изданий, они выходили нерегулярно и нечасто. Поскольку желающих опубликоваться было много, большие работы можно было печатать только частями. Приходилось с большим трудом отыскивать деньги, затрачивая на издание много усилий и времени. В 20—30-е гг., особенно после начала Великой депрессии, найти благотворителей было непросто, кроме того, многие из них имели свои пристрастия. Пере-

писка, сохранившаяся в эмигрантских архивах, живо рисует картину многочисленных обращений за помощью, направлявшихся в разные страны по обе стороны Атлантики, и редких положительных ответов. Даже ИМКА, преданно и самоотверженно поддерживающая эмигрантов, не всегда охотно предоставляла помощь, особенно после провала своих усилий по налаживанию массового издания и распространения русских учебников[7].

Я уже упоминал о том, что исследователи с трудом находили издания, где можно было бы опубликовать свои труды. Таковые существовали при некоторых высших учебных заведениях и академических группах в крупнейших центрах эмиграции. Они выходили в свет более или менее регулярно и публиковали статьи по гуманитарным дисциплинам, праву, социологии, а иногда и по естественным наукам. Эти публикации вносили оригинальный и значительный вклад в изучение различных аспектов русской истории. В большинстве своем, однако, печатавшиеся там работы были основаны на материалах, найденных и обработанных авторами еще до эмиграции из России. Лишь в редких случаях в научный оборот вовлекались источники, хранящиеся в зарубежных архивах. Из-за ограниченного объема эти статьи в основном были посвящены частным вопросам — отдельному событию или проблеме локального характера[8]. Однако благодаря эрудиции и высокому профессиональному уровню, присущему авторам практически всех статей из таких «Ученых записок», эти работы заслуживают внимания и сейчас, если затрагивают проблему, составляющую предмет изучения современного исследователя. К сожалению, лишь немногие библиотеки обладают полной подборкой этих изданий, а в библиографиях они представлены лишь фрагментарно. Следует также подчеркнуть, что эти работы написаны стилем, присущим дореволюционным научным статьям, и не рассчитаны на простого читателя-неспециалиста. Поэтому они не привлекали внимания и, за исключением некоторого интереса со стороны исследователей-специалистов по истории России, остались не замеченными зарубежными историками (следует учитывать также невладение русским языком). Резюме на французском или на немецком языках, имевшиеся в некоторых периодических изданиях, лишь в незначительной степени способствовали расширению их аудитории. Только статьи, содержащие важные обобщения или новые трактовки, которые затрагивали более широкую общеевропейскую проблематику, временами переводились на иностранные языки и печатались в зарубежных специальных журналах.

Описывая материальные и психологические условия, в которых приходилось работать историкам-эмигрантам, следует остановиться еще на одном, последнем моменте. Речь идет о восприимчивости эмиграции к историческому знанию и изучению прошлого, другими словами — о ее интересе и отношению к истории. Эмигранты, осевшие в Европе или на Дальнем Востоке (и небольшими группами по

всему свету), только что пережили самые тяжелые, драматические и мучительные «исторические события». Их мир рушился у них на глазах, после нескольких лет кровавой братоубийственной войны утвердился совершенно новый политический и общественный строй, другая культура. Все это произошло непосредственно после первой мировой войны, участниками которой в той или иной степени они в большинстве своем также были. Удивительно ли, что эмигранты «устали от истории»? Они испытывали то, что литературный критик М.Гершензон в своих письмах к Вячеславу Иванову называл «бременем» истории и цивилизации[9]. Они не проявляли значительного интереса к событиям далекого прошлого, к проблемам и фактам, которые возбуждали любопытство профессионального историка.

Разумеется, эмигранты испытывали естественный интерес к тому, что довелось пережить их товарищам по несчастью. Мемуары известных деятелей дореволюционной эпохи, равно как и видных или рядовых участников мировой и гражданской войн, находили отклик у читателей. Их охотно выпускали отдельными изданиями или печатали в журналах и газетах. Интерес к мемуарам был сродни ностальгии, желанию оживить воспоминания о прошлом, пусть не самом счастливом, но все-таки незабываемом.

Не удивительно, что эмигранты задавали себе вопрос: как могло случиться, что Россия оказалась охваченной революцией и гражданской войной? Как Россия отклонилась от «нормального» пути, русского ли, европейского или вообще универсального? Эти вопросы рассматривались в обзорных или полемических статьях, но не в научных трудах. Подобные статьи, поднимавшие «проклятые вопросы» об отношениях России и Запада, России и Европы, о специфических чертах русского национального характера и опыта, постоянно появлялись на страницах эмигрантской периодики. Однако их уровень был весьма далек от научного анализа причин и следствий. Тем, кто лишь недавно был непосредственным участником этих исторических событий, подобный анализ казался невыразительным и бесчеловечным.

Исторические романы (или мемуары), в которых делались попытки такого анализа, воспринимались с большим интересом, чем научные труды. Этим в значительной степени, по-моему, объясняется популярность многочисленных романов и исторических заметок Марка Алданова. Действительно, Алданов, если можно так выразиться, сделал русский опыт «относительным», описывая предысторию и историю французской революции, проводя в общеевропейском контексте параллели между ней и русской революцией. С другой стороны, он описывал и объяснял те или иные события как результат стечения обстоятельств и непредсказуемых последствий действий отдельных людей. Люди преследовали одну цель, но чаще всего все происходило совершенно иначе, не так, как они ожидали. Следовательно, нет законов истории, нет предопределенности — все

решают случай и обстоятельства. История — это лишь сцена, на которой действуют люди, не больше и не меньше. Скептицизм и беспристрастность Алданова, равно как и его писательское мастерство, были своего рода бальзамом на раны читателей-эмигрантов. Он давал именно то историческое чтение, которое было им необходимо, и, сам того не желая, лишал их интереса к научной или «объективной» истории.

Иностранцев, среди которых жили русские эмигранты, не слишком занимало прошлое той страны, откуда прибыли их гости. Большинство из них проявляло интерес лишь к последним событиям — отчасти для того, чтобы понять, как могло произойти трагическое падение России, отчасти — чтобы вписать советский режим и его политику в некие рамки. В целом же к России испытывали не слишком дружественные чувства, считая, что Россия предала союзников в 1917—1918 гг. и способствовала росту нестабильности в послевоенном мире. Поскольку о России и о ее прошлом знали очень мало, иностранцы направили свой гнев на непостижимую «славянскую душу» и на русское «варварство». С другой стороны, так называемая прогрессивная мировая общественность — пацифисты, социалисты и их попутчики, убежденные коммунисты — рассматривала большевистскую революцию как прогрессивное и необходимое событие и не желала знать о позорном прошлом царской России от тех, кого история обрекла на изгнание. Учитывая все возрастающие просоветские настроения европейской интеллигенции в 30-е гг., можно понять, что исследователь истории России, особенно эмигрант, не мог рассчитывать на обширную зарубежную аудиторию.

Эта ситуация, безусловно, контрастирует с той ролью, которую играл, например, Адам Мицкевич в Великой польской эмиграции, положившей начало изучению славянских языков в College de France в 1840-е гг. Она отличалась и от положения немецких историков, эмигрировших в Англию и Соединенные Штаты после прихода Гитлера к власти[10]. Последние относительно быстро и легко интегрировались в научную среду стран, предоставивших им убежище. В США немецкие ученые-беженцы сыграли важную роль как в военное, так и в мирное время, способствуя повышению научного уровня в университетах и колледжах. Если говорить о развитии исторических исследований в Соединенных Штатах (и в меньшей степени — в Англии), то благодаря немецким ученым произошли заметные изменения в историографии, началось, например, изучение истории идей, утвердилось новое понимание истории эпохи Возрождения, произошел радикальный поворот в исследовании истории искусства, не говоря уже об их вкладе в изучение истории Германии и в подготовку специалистов по этой проблематике. Можно с полным основанием задать вопрос, почему подобного не произошло с русскими историками, среди которых были не менее выдающиеся ученые. Возможно, их было меньше, однако эта разница не была столь уж значительной. Наиболее важным представляется то обстоятель-

ство, что русские были и остались эмигрантами, они постоянно надеялись вернуться на родину, а потому не желали, а в условиях тогдашней Европы и не могли приспосабливаться к здешней научной жизни. Немцы же приезжали в США или в Англию, порвав все связи с родиной, они были преисполнены решимости (за некоторым исключением) навсегда обосноваться в другой стране. Кроме того, следует помнить, что система высшего образования в Соединенных Штатах строилась по немецкому образцу. Несмотря на то, что многие русские ученые до 1914 г. также учились в Германии и русская университетская система была близка к немецкой, это не означало такой же их взаимосвязи. Кроме того, большинство русских историков обосновались не в Германии, а во Франции и в других странах, где существовала иная практика и традиции, что также заставляло их развивать собственную научную организацию. Наконец, история России, в отличие от германской, была более «экзотичной», далекой от интересов европейского научного сообщества. Большинству западноевропейцев события, произошедшие в 1917 г., представлялись достаточно радикальными, чтобы игнорировать все, что им предшествовало. Это резко отличалось от отношения к Германии, в особенности после начала войны, разразившейся вскоре после появления немецких беженцев.

Что можно сказать о молодом поколении эмигрантов? Дети тех, кто сражался на полях мировой и гражданской войн, говорили по-русски и были знакомы с русской литературой и историей. Но лишь немногие стремились углубить свои знания о России. Большинство негативно относилось к трагическому прошлому своих родителей, из-за которого они находились на положении аутсайдеров в школе и вообще в стране, где обосновались. Стремление достичь приемлемого экономического и социального положения в чужой стране (поскольку возвращение на родину стало в сущности невозможным) не способствовало профессиональному подходу к изучению русской истории. Разумеется, некоторые дети эмигрантов проявляли интерес к истории и поступали в университеты, но в большинстве случаев там они занимались историей зарубежных стран, поскольку могли работать с архивным материалом и обучаться под руководством известных специалистов[11].

В результате профессиональные историки-эмигранты (за исключением считанных единиц в Праге) не имели последователей, учеников, которых они могли бы обучать, наставлять и направлять по своим стопам. Русский университет в Праге предоставил несколько аспирантских стипендий, однако их получили те, кто закончил свое профессиональное образование еще в России, например С.Пушкарев и Г.Флоровский. Только Н.Андреев, учившийся в Эстонии, получил степень в Праге. Марк Шефтель, который учился с А.Экком в Брюсселе, получил первую свою степень по правоведению на родине — в Польше.

На первый взгляд может показаться странным, что профессиональные историки-эмигранты не обратились сразу же к изучению событий революций 1917 г. и гражданской войны. Фактически мне известна лишь одна серьезная и крупная работа, посвященная революции, которая была написана эмигрантом до 1939 г. Речь идет о труде, принадлежащем перу неутомимого П.Милюкова и выдержанном в значительной степени в жанре мемуаров и краткого pro domo sua*, что несколько отличает его от обычного научного исследования[12]. Я полагаю, что это объясняется вполне очевидной причиной: события воспринимались еще слишком болезненно и были слишком близки, чтобы описывать их бесстрастно. Столь же важен, разумеется, и тот факт, что не было доступа к официальным архивам, а документы Белой армии, вывезенные за границу, были разрозненными и находились в хаотическом состоянии. Нужны были годы, чтобы архивы в Праге и в Гуверовском институте превратились в действительно научные учреждения; еще больше лет потребовалось для работы с содержащимися в них источниками и их анализа. Вторая мировая война прервала работу в этом направлении[13]. Возможно, ничуть не случайно и вполне естественно, что первое подробное исследование по истории революции и гражданской войны, которое до сих пор считается лучшим обзорным трудом, было написано американским журналистом Уильямом Г. Чемберленом[14].

Это, однако, не означает, что историки-эмигранты не занимались изучением причин и хода событий, которые предшествовали падению империи в феврале 1917 г., и тем, что за ними последовало. Их энергия была направлена на написание мемуаров, сбор воспоминаний и прочих материалов для будущих научных исследований. Это были, как правило, личные воспоминания или специальные записки, написанные теми, кто непосредственно принимал участие в каком-либо из важных событий в истории последнего десятилетия империи или же «смутного времени», которое за ним последовало[15]. Они старались изложить свою, пусть субъективную, точку зрения на причины, приведшие к падению старого режима. Для публикации подобного рода воспоминаний было основано несколько серийных изданий, наиболее солидным среди которых был «Архив русской истории»; помимо него, можно упомянуть издававшиеся короткое время журналы «Историк и современник» и «На чужой стороне»[16]. Кроме того, художественно-публицистические журналы и наиболее известные газеты также печатали отдельными выпусками мемуары участников и очевидцев революции и гражданской войны. Как свидетельствуют собрания зарубежных архивов, абсолютное большинство мемуаров так и не было опубликовано. Очевидно, что в 20—30-е гг. эмигранты еще слишком остро воспринимали эти со-

---

* В защиту себя и своих дел (*лат.*).

бытия, чтобы решиться на их критический анализ и «объективное» воссоздание картины случившегося.

Естественно, что более общая проблема предпосылок и причин революции не могла не привлечь внимание историков-эмигрантов. Целью написания ими и их товарищами по изгнанию воспоминаний в значительной степени была попытка дать свое объяснение произошедшему. Преобладали в основном два типа ответов: первый сводился к признанию революции случайным событием, которое нарушило более или менее естественное, гармоничное и прогрессивное развитие империи в последние десятилетия (после пореформенной эпохи), оборвав этот процесс. Это, по мнению одних, было результатом серии непредвиденных событий, например первой мировой войны, или, как полагали другие, козней негодяев, поставивших своей целью разрушить величие России и ее культуры ради интересов Германии или же во имя торжества нигилизма. Ответ, который предлагали либерально настроенные историки, заключался в том, что господствующие тенденции в истории Российской империи после 1861 г. и особенно после воцарения Александра III создали проблемы такого масштаба, что они не могли быть решены силами консервативной бюрократии или императора-обскуранта, для этого необходимо было сотрудничество правительства со всем обществом, но, поскольку этого не произошло, крах империи стал неизбежным, несмотря на то, что отдельные события, сопровождавшие этот распад, не были предопределены предыдущим развитием. За исключением С.С.Ольденбурга, защищавшего последнего царя как личность и как правителя, не было никого, кто бы всерьез отстаивал правильность шагов, предпринимавшихся прежним режимом в ответ на те критические обстоятельства, с которыми столкнулось русское общество. Это, однако, не повлияло на появление весьма значительного количества популярной, сентиментальной и патриотической литературы, которая оплакивала трагическую участь царской семьи. В ней нашла отражение эмоциональная реабилитация последнего царя и его супруги, которая возникла и утвердилась во время гражданской войны.

Сделанные выше замечания подводят меня к ключевому моменту, характеризующему эмигрантскую историографию, который, как мне представляется, способен в значительной мере объяснить неоригинальный и нетворческий ее характер. Историки-эмигранты прошли профессиональную подготовку в последние два десятилетия XIX или в начале XX в. Как в Западной Европе, так и в России это был период господства позитивизма. Позитивистское направление в историографии имело двойственный характер. С одной стороны, вера в то, что основная задача историка состоит в накоплении как можно большего количества фактов, прежде всего почерпнутых из архивных источников (для новой истории), а для более раннего периода — из рукописных памятников, и разработке в первую очередь политической и социально-экономической истории. Самое накопле-

ние взятых из источников фактов, которые можно было считать достоверными, рассматривалось как идеал, к которому следует стремиться историку, поскольку интерпретация представленных фактов происходит почти автоматически. Мы, безусловно, допустили чрезмерное упрощение фактологического уклона этой исторической школы, однако здесь кроется причина, в силу которой написанные подобным образом исторические сочинения не получали большого общественного резонанса. Их обедняло отсутствие красок, сюжета, личностей. Кроме Ключевского, который был исключением во многих отношениях, по крайней мере в прочитанных им и опубликованных университетских курсах лекций, русские историки писали напыщенным стилем, не проявляли интереса к биографиям отдельных лиц, так что их аудитория была ограничена по преимуществу кругом специалистов и немногочисленных любителей[17].

Общеизвестно, однако, что простое накопление фактов не создает еще предпосылок для глубокого синтеза, не говоря уже о том, что охватить все факты невозможно. Факты приходится выбирать, и выбор этот зависит от определенных пристрастий. Более того, подбор и интерпретация фактов, если мы хотим, чтобы они приобрели какое-то значение, должны быть основаны на некоей базовой идейной схеме. Другой особенностью позитивистской историографии (и эти принципы были впервые сформулированы основателем позитивизма Огюстом Контом) была вера в то, что факты сами вскроют те специфические формы, в которых проявляются законы общественного развития. Законы универсальны, хотя временами различаются в своем проявлении и в хронологической последовательности. Вместе с тем, если признать существование законов общественного и исторического развития, попадаешь в плен детерминизма, который допускает возможность лишь частичного и неадекватного воздействия отдельных людей и случайных событий.

Предложенная позитивизмом схема развития носит по сути телеологический характер, так как предполагает наличие определенных ступеней или конечной цели развития. Историки-позитивисты верят, что мы можем знать, какой будет эта следующая стадия, поскольку все человечество должно пройти через определенный ряд таких этапов в предопределенном порядке. Вера эта унаследована ими от эпохи Просвещения. Нам же следует знать, что ближайшие цели исторического развития просматриваются только для отдельного общества и исторического периода, тогда как другие общества (или нации), которые уже достигли определенной стадии своего развития, служат образцом и стандартом. Подобная схема может сочетаться с географическими, этническими, расовыми или иными факторами, определяющими эволюцию данного общества. Так, Россия, как заключали историки-позитивисты, пройдет те же стадии, которые уже прошла или проходит Западная и Центральная Европа, поскольку она тоже является частью Европы. Особенности раз-

вития России заключаются в хронологических отклонениях, в значительной степени объясняемых ее географией и прошлым развитием. Это означало, что рано или поздно, когда будут устранены искусственные барьеры на ее пути, Россия тоже станет неотъемлемой составной частью европейской социальной, экономической и политической цивилизации.

Я столь подробно остановился на этой схеме потому, что ее придерживался наиболее влиятельный и значительный историк эмиграции П.Н.Милюков. Она проходит лейтмотивом через его «Очерки», что особенно заметно в их «юбилейном» издании. Эта схема пронизывает работы других историков, занимавшихся более частными проблемами, — А.Кизеветтера, Д.Одинца, П.Бицилли. Именно эта концепция была положена в основу структуры и тех редких обобщений, которые можно встретить в трехтомной истории России, изданной в Париже на французском языке под редакцией Милюкова. Он был и одним из основных авторов. В ее создании участвовали В.Мякотин, А.Кизеветтер и несколько других ученых, которые написали короткие разделы по первобытной истории, географии и дипломатии. Интеллектуальным спонсором трехтомника был «высший жрец позитивистской историографии» Шарль Сеньобос[18]. Если оставить в стороне философские обобщения, эти три тома содержат ценный компендиум основных политических событий и социально-экономических явлений русской истории. Они, однако, недостаточно интерпретированы, и в части трактовок трехтомная история, как правило, повторяет основные клише либеральной историографии XIX в. Она не слишком привлекательна с точки зрения стиля, и, если добавить, что в ней практически нет портретов ведущих деятелей русской истории, становится понятным, почему она не пользовалась популярностью у массового читателя.

Главная сложность позитивистского подхода для историков-эмигрантов, если отрешиться от возникающих при этом проблем философского и эпистемологического характера, была связана с возможностью его применения к революции. Действительно, как бы ни оценивалась «отсталость» России по сравнению с западно- и центральноевропейскими (а также североамериканскими) стандартами, все разделяли убеждение, что ей предстоит стать таким же обществом. Революция, таким образом, была кульминацией продвижения России по пути модернизации и порождалась неспособностью старого режима справиться с решением возникавших трудностей. Эта эволюция, однако, могла восприниматься также как вполне естественный и органичный результат особого пути, избранного Россией на предыдущих этапах ее исторического развития (корни которого уходили вглубь, в бесконечность). Таким образом, напрашивается вывод, что революция была неизбежной, не противоречила порядку вещей, предопределенному особыми чертами русской истории, географии, общества, культуры и т.д. Было ли подобное за-

ключение приемлемо для эмигрантов, так много перенесших из-за революции и до сих пор испытывавших из-за нее лишения вдали от родины?

Альтернативный подход предполагал рассмотрение революции как результата внезапного и непредсказуемого воздействия случая, катастрофы, подобной природным стихийным бедствиям, которую нельзя было ни предвидеть, ни предотвратить. Это было не слишком глубокое объяснение, однако, приняв его, можно было отказаться от исследования прошлого на предмет поиска глубинных причин случившегося. Многие, прежде всего среди малообразованных и предубежденных монархистов, склонны были согласиться с таким видением недавнего прошлого, что объясняет отсутствие у них интереса к исторической литературе вообще. Неприятные выводы о собственном прошлом, которые предлагались другими подходами к русской истории, были тем основным барьером, который сдерживал интерес эмигрантов к истории. Подобную реакцию можно было наблюдать и у немецкой либеральной профессуры, которая эмигрировала после 1933 г., потрясенная падением Веймарской республики. Она примирилась с прошлым только после окончания второй мировой войны. Запоздалая реакция на массовый геноцид является другим примером стремления забыть недавнее неприятное прошлое.

Методология и методика позитивизма доминировали в межвоенный период практически во всех исследовательских учреждениях эмиграции. Было ли другое направление? С одной стороны, казалось, что возникло новое течение, которое, как показал Николай Рязановский, также уходило корнями в культурную среду дореволюционной эпохи. Речь идет о так называемом евразийстве. Его принципы в приложении к истории могут быть сформулированы следующим образом. Рамками исторического изучения России является Евразия — не механическое соединение Европы и Азии, а особая общность, отмеченная своими характерными чертами. Она определяется прежде всего географическим положением, от которого зависят климат, ресурсы и способы экономической организации. Евразия — это географический пояс степей и лесов, огромная часть суши, лишенная горных массивов (кроме тех, что расположены на ее южных и юго-восточных границах). Ее континентальный климат повлиял на развитие сельского хозяйства[19]. Определяя подобным образом географические особенности России, евразийцы первоначально отождествляли Евразию с границами Российской империи накануне 1914 г. или Советской России, хотя она и лишилась самых западных земель — Прибалтики, Бессарабии, восточной Польши. Социальное и политическое развитие этой евразийской общности определялось борьбой между степью и лесом, в которой последний постепенно брал верх. Эта борьба, однако, выявляет значение кочевых народов в создании той цивилизации — политической, материальной, духовной, — которая органически охватывала всю территорию Евразии.

Таким образом, чтобы понять прошлое России, следует уделить особое внимание «наследию степей», не забывая о том, что в течение долгих столетий она была обращена скорее к Азии, чем к Европе. Вместе с тем из Европы она получила основной свой сущностный элемент — христианство, характерно, однако, что это было восточное христианство. Это объясняет, почему западные компоненты современной русской культуры кажутся столь чуждыми ее духу — они были насильственно навязаны России Петром Великим и его преемниками. Большевистская революция, помимо всего прочего, была восстанием Евразии против чуждого влияния. Она вновь доказала, что культура России имеет в основе своей антизападную направленность, даже если сочетается с достижениями современной науки и технологии. Здесь нет нужды останавливаться на вопросе о политических выводах, которые делались евразийцами из этих посылок, — это выходит за рамки нашего исследования.

При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что евразийцы не предложили полноценной альтернативы позитивистской схеме. Их трактовка русской истории также приводила к детерминизму, основанному на географических и климатических факторах. Любой детерминизм, однако, предполагал признание неизбежности большевистской революции, легитимного и длительного характера советского режима[20]. Лишь немногие эмигранты готовы были согласиться с этим выводом. История в изложении евразийцев представала сухой и неинтересной, поскольку телеологическая сущность их теории лишала отдельные эпохи, события и действующих лиц их неповторимости и индивидуальности и, соответственно, не способна была заинтересовать студента и простого читателя. В силу всех этих причин евразийство не оказало того воздействия на историографию, которого можно было бы ожидать. Единственным историком, который всегда придерживался евразийской теории, был Г.Вернадский. Вместе с тем, однако, кроме признания значимости татаро-монгольского нашествия, которую русская историография временами старалась преуменьшить или замалчивать (примечателен, например, любопытный пропуск этих сюжетов в лекциях Ключевского), подход Вернадского к освещению русской истории едва ли заметно отличался от того, который можно обнаружить в более ранних общих очерках русской истории, в том числе в той же трехтомной истории на французском языке. Отметим, что некоторые проблемы предыстории и ранней истории Киевской Руси получили в трудах Вернадского новую интерпретацию. На основании лингвистических исследований он придерживался гипотезы о единстве славянской (русской) и туранской (восточной) культур. Эта гипотеза и приводимые в ее подтверждение аргументы, однако, были подвергнуты сомнению и в большинстве своем не приняты как историками, так и лингвистами. Если быть совсем откровенным, то следует признать, что Вернадский не отличался умением должным образом подать ис-

пользуемый материал и даже по-русски его работы читаются с трудом. Его главное научное достижение — пятитомная история допетровской России — была написана и увидела свет после второй мировой войны и, за исключением глав, посвященных татаро-монголам, выдержана скорее в духе традиционного позитивизма, нежели евразийства. Евразийство, оживив на время ведшиеся в эмиграции дискуссии о России, ее прошлом и ее культуре, о русской революции, не оказало тем не менее глубокого воздействия на русскую эмигрантскую историографию.

Как позитивистская схема с ее стандартными объяснениями, строящимися на западно- и центральноевропейских образцах, так и евразийская теория, идеализировавшая роль степи и кочевников в прошлом России, сталкивались с вопросом, требовавшим однозначного ответа: что понимать под «историей России»? Иными словами, что есть Россия? Политическое образование, известное с петровских времен под названием Российской империи? Но как оно соотносится с Московской Русью, с удельными княжествами и с Киевом? Как быть с такими регионами, как Украина, Белоруссия, Прибалтика, Кавказ и Средняя Азия, которые стали частью империи, как следует относиться к их истории и как соотнести ее с развитием империи? А поскольку, по общему признанию, ни географические условия, ни политические события, связанные с образованием государства, не создавали необходимой базы для изучения прошлого, прежде всего его связи с настоящим, наступившим после революционного потрясения, то какие методы следует использовать? Разумеется, процесс образования государства и строительства империи являлся одним из важнейших моментов в истории России. Но это было весьма опасным наследием — можно ли рассматривать его как часть национального самосознания русских, не говоря уже об украинцах, народах Кавказа, евреях, которые также были представлены в эмиграции. В конце концов, разве события 1917 г. и последующих лет не показали непрочность имперского устройства и не привели к его окончательной гибели? Пути назад не было, прошлое было уже дописанной главой. Наконец, делая акцент на политических моментах, можно ли было избежать дальнейшего роста политических противоречий в среде эмиграции, ожесточения и без того острых дискуссий и усиления раздробленности эмигрантского сообщества? И это в тот момент, когда следовало сосредоточить внимание на том, что объединяло изгнанников, что составляло ценность их наследия и могло быть передано поколению детей, рожденных на чужбине.

В 1917—1921 гг. была разрушена не только политическая, но и традиционная социальная структура русского общества, на смену которой пришла новая, создаваемая большевиками. Таким образом, трудно было говорить о России, используя привычные, прежде всего политические, понятия. Правда, с началом новой экономической политики и даже позднее, когда Сталин восстановил некоторые тра-

диции старого национализма и исторического наследия прошлого, казалось, что советское правительство воссоздает политически могущественное государство — новую «имперскую» Россию. Эти процессы способствовали развитию шовинистических настроений в среде эмиграции. Даже либералы, включая Милюкова, вновь заговорили о русском государстве, о прямой преемственности между Киевом, Москвой, Петербургом и красным Кремлем. Этот возврат к политически определяемому историческому континуитету, однако, произошел достаточно поздно, уже накануне второй мировой войны, когда большинство историков-эмигрантов миновали период своей наивысшей творческой активности.

Нетрудно заметить, что когда какая-либо традиционная политическая или социально-экономическая общность переживает период кризиса или даже катастрофы, возникает стремление отыскивать в прошлом такие проявления общественной жизни, которые могли бы создать более солидную основу для укрепления чувства исторической преемственности и единства[21]. Например, падение Веймарской республики и поражение Германии в 1945 г. заставили немецких ученых, находившихся в эмиграции, и не только их, не рассматривать прошлое своей страны в рамках обычных политических понятий, но стремиться к созданию иной объединяющей концепции. Для немцев такую роль сыграло гуманистическое наследие классического периода Шиллера и Гете. После 1945 г. первоочередное значение для многих приобрели идеи западного христианства. Для польской Великой эмиграции это была идея о Польше как о форпосте христианства, родине политической свободы и мученицы, обреченной на страдания ради будущего спасения западной цивилизации. Какая концепция могла заменить идею великой Российской империи? Один из выходов состоял в том, чтобы воспринимать Россию как православное общество, возникшее после принятия христианства при князе Владимире в 988 г. Эту идею восприняли некоторые эмигрантские ученые, в первую очередь консервативно настроенные, из числа тех, кто обосновался в Югославии. Они разрабатывали эту проблематику, опубликовали ряд книг и очерков и поддерживали идею празднования дня св. Владимира (28 июля) как символа единства и смысла существования эмиграции[22].

Они, однако, не оказали существенного влияния на научное творчество историков-эмигрантов. Действительно, для многих этот подход был слишком тесно связан с прошлыми ошибками и реакционной ролью Русской православной церкви, с ее покорностью Московскому государству и империи. Более того, большинство эмигрантских историков были позитивистами, придерживавшимися умеренно либеральных взглядов, и, соответственно, сторонниками светского образования. Какими бы ни были их религиозные чувства, а многие из них были благочестивыми христианами, они выступали за отделение церкви от государства. Будучи убежден-

ными приверженцами идей Просвещения о прогрессе и правах человека, они обличали «обскурантизм» и «варварство» Московской Руси, не говоря уже о предшествующих периодах Киевского государства и так называемой феодальной раздробленности. Нам следует помнить также о том, что, хотя все ученые-эмигранты владели русским языком, принадлежали к русской культуре и получили русское образование, не все они были православными и русскими по своему этническому происхождению.

Объединяющим началом, которое связывало всех ученых-эмигрантов и их читателей с прошлым, был язык, — язык как воплощение тех эстетических, духовных и моральных ценностей, которые были созданы русским словом, великой русской литературой. Великая польская эмиграция явилась колыбелью современной польской литературы, которая главными своими достижениями обязана писателям-эмигрантам Мицкевичу и Словацкому. Деятельность польской эмиграции хронологически совпала с периодом романтизма, когда искусство и национальная идея, объединившись, пытались заложить основу чисто национальной культуры. Русская эмиграция могла отчасти опираться на великую литературу, имеющую свои традиции и сыгравшую плодотворную роль в создании культурных ценностей и национального сознания русских вне зависимости от их убеждений и классовой принадлежности. (Успехи советского образования показали, что эта великая литературная традиция могла способствовать консолидации всего общества.) Естественно поэтому, что эмигранты принимали за точку отсчета русскую литературу, созданную в санкт-петербургский период. Поэт Александр Пушкин явился наиболее ярким ее представителем, что признавалось всеми со времени торжеств 1880 г.

Смысл, который вкладывался в понятие культуры, не поддается точному определению — это были довольно туманные представления, насквозь пронизанные сентиментальностью и ностальгией. Понятие культуры употреблялось историками-эмигрантами прежде всего применительно к великим произведениям русской литературы, заложенному в них моральному и духовному потенциалу. Литература явилась практически единственной основой культурного и национального исторического единства эмиграции и приобрела особое значение в связи с тем, что многие историки выступали также как литературоведы, критики, лекторы, например Кизеветтер и Милюков, Бицилли. Флоровский и Федотов уделяли литературным проблемам практически столько же внимания, сколько и историческим. Это же можно отнести и к философам и богословам — Бердяеву, Шестову, Франку, Зеньковскому. Самыми яркими проявлениями «русскости» считались произведения выдающихся представителей русской словесности — от М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина до великих романистов XIX в.

Характерной чертой русской истории в видении эмигрантов были периоды глубокой и радикальной ломки старого, заметные прежде всего на примере истории культуры, знаменовавшие собой переход от одной эпохи к другой. Признание глубинного и неизбежного характера этих изменений было присуще русской дореволюционной и эмигрантской исторической школе в большей степени, нежели любой другой историографии. Русская история традиционно рассматривалась как смена весьма отчетливо отличающихся друг от друга периодов, взаимосвязь между которыми всегда являлась предметом жарких дебатов. Период Киевской Руси резко контрастировал с эпохами феодальной раздробленности и татаро-монгольского ига, которые оценивались негативно. Петровская «революция» явственно отделяла историю Московского государства XV-XVII вв., пережившего ряд тяжелых кризисов, от эпохи Санкт-Петербурга, которая закончилась революцией и жестокой гражданской войной. Быть может, это чересчур обобщенно, но все же я не слишком погрешу против истины, если скажу, что каждый русский историк не только отдавал явное предпочтение какому-либо из основных периодов в истории страны, но и стремился не уделять большого внимания или вовсе игнорировал историю тех периодов, которые он не любил. Самые яркие примеры подобного избирательного подхода — это века феодальной раздробленности и татаро-монгольского ига, которые оценивались исключительно негативно или вовсе игнорировались. Дореволюционная историография, находившаяся под влиянием романтизма и гегельянства, основное внимание сосредоточила на процессе складывания централизованного государства вокруг Москвы или Санкт-Петербурга. Она мало занималась Киевской Русью и почти не изучала период распада политического единства и упадка культуры во время феодальной раздробленности и монгольского ига. Напротив, в историографии превозносилась роль великих московских князей за их «собирание русских земель» и покровительство церковной культуре. Высоко оценивалась также эпоха Санкт-Петербурга, явившаяся следствием усилий Петра Великого, направленных на европеизацию России. Славянофилы, подобно евразийцам в эмиграции, напротив, не усматривали в этой эпохе и в обращении к Европе позитивного начала, однако среди историков их было немного, и в любом случае они не могли не приветствовать создания империи и культурных достижений времени Петра и его преемников.

Большинство признанных историков-эмигрантов также имели явные приоритеты, если речь шла о прошлом России. За исключением чисто церковных авторов, они лишь бегло касались эпохи Киевской Руси. Даже Вернадский до 1945 г. писал о ней лишь в контексте связей с евразийской степью. Милюков в посмертно изданном томе «Очерков» довольно подробно остановился на древнейшей истории славян и процессе их расселения, но не проявил заметного интереса к Киевскому государству. Периоды феодаль-

ной раздробленности и татаро-монгольского ига, как и в большинстве дореволюционных работ, не получали достаточного освещения. С другой стороны, эмигрантские исследователи не проявляли большой симпатии и к Московскому государству 1400—1600 гг., хотя и признавали позитивное значение процесса «собирания русских земель»[23]. Даже когда историк-любитель И.Бунаков (Фондаминский) окрестил Московскую Русь «азиатским» сверхцентрализованным государством, что для большей части интеллигенции было явно негативным обозначением, возражения, как правило, сводились к тому, что не все в Московском государстве было следствием авторитарного правления царя (или результатом деятельности его окружения), что прежде всего благодаря особым формам организации русского общества удалось достичь всех тех позитивных результатов, которыми был отмечен этот период[24].

Историки-эмигранты, как и их либеральные предшественники в дореволюционной России, подвергали Московское царство суровой критике, поскольку оно ассоциировалось с господством церкви в области культуры и зарождением самодержавия. Практически неограниченная власть царя, проявившаяся в жестоком разгроме вольных городов Новгорода и Пскова, отмеченная произволом и жестокостью тирания Ивана IV, опричнина, столь живо напоминавшая о большевиках, не находили у них оправдания. Более того, традиции самодержавия оказались настолько сильными, что наложили неизгладимый отпечаток на все последующие столетия, вплоть до 1917 г. Как показал Милюков в своей первой монографии (это отмечал в свое время и Ключевский), методы правления Петра Великого нельзя понять вне контекста Московского государства. Самодержавие послужило тем инструментом, при помощи которого Петр проводил в жизнь свои реформы, и именно в силу этого обстоятельства его реформы и преобразования приняли искаженные формы и раскололи Россию на две нации.

Подобной двойственностью были отмечены и оценки петербургского периода. Основным его достижением признавалось создание основ и стержневых моделей развития современной русской культуры, в особенности великой литературы. Он удостоился похвалы и за то, что вывел Россию на путь модернизации и европеизации, — путь, который был столь резко обрублен войной и революцией. Существовала, однако, и оборотная сторона: русское самодержавие явилось основным барьером на пути либерализации и модернизации общественной жизни. Оно лишало интеллигенцию свободы слова. Революция, таким образом, в немалой степени была вызвана политикой Романовых — их недальновидной приверженностью бюрократическим и самодержавным методам правления, их искаженным и ограниченным взглядам на культуру.

Какие выводы можно сделать из рассмотрения научных интересов историков-эмигрантов и тем их исследований в сопоставлении с

приоритетами дореволюционной историографии? В противоположность так называемой государственной школе в русской историографии, начиная с 1880-х гг., наметился крен в сторону изучения социальных и экономических вопросов прошлого России. Университетский курс Ключевского был ярким и популярным примером нового направления. Этот уклон в социально-экономическую проблематику позволил многим ученым обнаружить новые, прежде не исследованные области и начать их изучение на базе новых данных; речь идет, например, о судьбах крестьянства, причем не только под углом зрения его взаимоотношений с государством, но прежде всего с точки зрения изучения крепостничества как всеобъемлющего социально-экономического феномена и его воздействия на аграрные отношения. Исследование бюрократического аппарата было вытеснено из числа сюжетов, привлекающих первоначальное внимание, его сменил интерес к действию «коренных процессов» на локальном уровне. Это направление продолжало развиваться, насколько это было возможным, в эмиграции. Те, кому удалось привезти с собой свои рабочие материалы, имели возможность писать монографии; один из лучших примеров подобных работ — магистерская диссертация В.Мякотина о социальных сдвигах в украинском крестьянстве в конце XVII — начале XVIII в. Другим примером может служить серия статей А.Флоровского, которые были написаны в дополнение к его основной монографии о созыве Уложенной комиссии 1767 г., изданной в России до революции[25]. В изгнании внимание исследователей по-прежнему было привлечено к истории крестьянства, хотя изучение этого вопроса за границей было сопряжено с огромными трудностями. Архивы были недоступны, но материал для исследования можно было почерпнуть из нового прочтения опубликованных источников. Подобный подход был осуществлен историком «молодого» поколения С.Пушкаревым, который завершил свою диссертацию в Праге и, работая там же, опубликовал многообещающую работу по истории крестьянского самоуправления в России. Подобным образом и юрист В.Эльяшевич, воспользовавшись вынужденным бездействием в период немецкой оккупации Франции, написал двухтомное историко-правовое исследование принципов и практики прав землевладения в XVI—XVIII вв. Несколько статей, посвященных крестьянству и крепостничеству, были опубликованы в юбилейном сборнике П.Б.Струве, а сам Струве последние годы жизни работал над проблемами экономической, прежде всего аграрной, истории России[26].

В годы гражданской войны многие эмигранты окунулись в жизнь русской провинции. Некоторые ученые работали в различных провинциальных университетах (Саратовском, Томском, Иркутском, Одесском, Ростовском) или в местных государственных учреждениях. Они имели возможность наблюдать не только анархию и распад, но и проявление местной инициативы, энергии и изо-

бретательности, после того как давление из Петербурга или Москвы ослабло или вовсе сошло на нет. Это способствовало развитию нового направления в историографии, которое заявило о себе еще до 1914 г., — поиск и изучение элементов местной или региональной автономии и инициативы, которые ранее оставались не замеченными исторической наукой. Таким образом, рост интереса и углубление знаний об окраинах бывшей империи выразились в создании историками-эмигрантами ряда монографических работ. По заказу атамана казачества в эмиграции С.Сватиков написал полную обобщающую историю Донского казачьего войска, сделав акцент на самостоятельности и независимом развитии его территории и высоко оценивая вместе с тем русский характер и ориентацию казачества. На основе своих исследований 20—30-х гг. Б.Нольде во время второй мировой войны приступил к написанию обобщающей истории присоединения и включения пограничных территорий в состав Московского государства и Российской империи. Эта работа осталась незавершенной; посмертно после войны на французском языке был опубликован лишь отрывок из нее. Это пример плодотворного и мастерского исследования, созданного эмигрантской историографией, исследования, которое является свидетельством трансформации научной деятельности эмиграции в 40-е гг. и фактической интеграции эмигрантской науки в интеллектуальную среду зарубежных стран. Следует упомянуть также исследования В.Рязановского по монгольскому праву, которые в некоторой степени явились итогом его личных сибирских впечатлений в период гражданской войны, а также общения с китайским и маньчжурским окружением в Харбине[27].

На предыдущих страницах я уже упоминал о «молодых историках» или о «молодом поколении». Наступило время сказать о них подробнее. Прежде всего следует пояснить, что в нашей работе словосочетание «молодое поколение» употребляется в двух смыслах — хронологическом и профессиональном. В хронологическом смысле термин «молодое» или «следующее поколение» относится к детям эмигрантов, выросшим за границей (хотя некоторые родились еще в России). Как уже упоминалось выше, до 1939 г. у ученых-эмигрантов, прежде всего у историков, практически не было последователей. Дети эмигрантов, в первую очередь те, кто достиг зрелости только в конце 30-х гг. или во время войны, отказались от всякого стремления вернуться в Россию (некоторые, правда, вернулись после 1945 г., многие сражались во Франции на стороне союзников и после войны полностью интегрировались во французское общество). Они росли и учились, рассчитывая влиться в общество той страны, где они жили. Тот факт, что некоторым из них вновь пришлось стать эмигрантами, спасаясь от наступления Красной Армии, не изменил ситуацию, в которой они находились до войны. Правда, в Чехословакии и в Югославии многие по-прежнему жили в русской языковой и культурной среде, но и их затронул процесс интеграции,

который все равно привел бы к логическому завершению, даже если ход военных действий на последнем этапе войны создал бы другую карту Европы. Короче говоря, я полагаю, что это поколение детей, несмотря на то, что они говорили по-русски и были знакомы с культурой страны, откуда приехали их родители, уже не принадлежали к Русскому Зарубежью.

В ином смысле выражение «молодое поколение» обозначает тех, кто начал профессиональную подготовку в России, но закончил ее уже за границей. Именно для них в центрах диаспоры были основаны учебные заведения и русские университеты. Среди них несколько историков sensu stricto, они заняли видное положение в науке лишь во время и после второй мировой войны. Их научная деятельность, таким образом, хронологически выходит за рамки нашей работы, хотя как специалисты они сформировались в изучаемый нами период. В этой связи о них следует здесь упомянуть. Как уже отмечалось, С.Пушкарев закончил свое образование в Праге, где и написал свой основной труд о крестьянском самоуправлении, там же он вел и преподавательскую деятельность. После войны уже в США он опубликовал несколько обзорных работ и ряд интересных статей, в которых, продолжая линию своего учителя А.Кизеветтера, обращал особое внимание на роль местной администрации и общественных институтов. М. Карпович, работавший в Праге над диссертационной работой, впоследствии преподавал в Гарвардском университете, придерживался историографической ориентации либерально настроенных эмигрантских ученых — Милюкова, Кизеветтера и Маклакова. Два медиевиста, представители молодого поколения — М.Шефтель, учившийся в Брюсселе у А.Экка, и Н.Андреев, выпускник Семинара имени Н.П.Кондакова, также подчеркивали в своих трудах значение местной и общественной инициативы и их юридической основы как в средние века, так и в Думский период. Именно этому поколению молодых исследователей после 1945 г. было суждено стать учителями западных историков — специалистов по истории России. К этой группе могут быть отнесены также учившиеся и работавшие в США А.Мазур, Г.Ланцев и М.Флоринский (некоторое время обучавшийся также в Англии). Они не принадлежали к Русскому Зарубежью, поскольку сразу стали членами американского научного сообщества. В.Леонтович, чья деятельность также приходится на послевоенный период, получил профессиональную подготовку в университетах Германии.

В этой связи целесообразно сделать несколько замечаний о влиянии историков-эмигрантов на изучение русской истории на Западе после второй мировой войны. Из всего сказанного выше следует, что эмиграция не имела сколько-нибудь обширных контактов с научной средой и исследовательскими учреждениями европейских стран (еще в большей степени это относится к Харбину с его китайским и маньчжурским окружением). К эмигрантам проявляли

интерес только тогда, когда дело касалось позиции Советского Союза в международных делах. Внимание, которое проявляли к советскому «эксперименту» коммунисты и их сторонники, никогда не затрагивало общества эмигрантов, скорее наоборот, оно лишь углубляло их изоляцию от иностранного окружения.

В начале 20-х гг., когда еще сохранялась надежда на возвращение эмигрантов в Россию или на установление дружественных отношений с недогматическим коммунистическим режимом, их рассматривали как потенциальный источник достоверной информации о стране. Так, один из мотивов проведения Русской акции заключался в том, что, предоставляя убежище студентам-эмигрантам и создавая им условия для продолжения обучения, чехословацкое правительство как бы помогало в подготовке кадров для новой России. Когда надежды стали таять, уменьшилась помощь и поддержка эмигрантских учреждений. В Германии после установления в соответствии с Рапалльским договором тесных экономических и военных контактов с Советским Союзом (а также позднее, когда Гитлер начал подготовку к войне с большевистской Россией) эмигрантов приглашали на работу в качестве экспертов, однако мнением историков в данной ситуации интересовались в последнюю очередь. (Следует отметить также, что у Германии был и другой источник информации о России — остзейские немцы, уехавшие из Советского Союза и из государств Прибалтики, а также так называемые российские немцы, чьи предки обосновались в России в XVIII и XIX вв. и которые сохранили верность немецкой культуре и политическим интересам Германии.) Тот факт, что во Франции и в других странах проявляли гораздо меньший интерес и испытывали меньшую потребность в советах изгнанников, позволяет понять, в какой изоляции оказались там ученые-эмигранты. (Это не исключает наличия отдельных личных контактов, например, Фердинанд Лот, жена которого М.Лот-Бородина была русской по происхождению, общался с ее знакомыми из числа эмигрантов, чему, правда, предшествовал период, когда он держался от них на расстоянии.)

Подобная изоляция существовала до 1941 г. и в Соединенных Штатах: например, Вернадский и Карпович занимали низшие исследовательские должности в Йельском и Гарвардском университетах. Ситуация радикальным образом изменилась во время второй мировой войны, поскольку правительства союзников остро нуждались в сведениях о Советском Союзе, и после 1945 г., когда появился широкий общественный интерес к этой стране. Разумеется, та легкость, с которой иностранцы интегрировались в американские научные центры, резко контрастирует с равнодушием, даже с враждебностью, которые до 1939 г. характеризовали отношение к ним в европейских странах. В известном смысле немецкие ученые, спасавшиеся бегством из гитлеровской Германии, создали прецедент и проторили путь для русских эмигрантов, в большом числе

прибывших в Соединенные Штаты накануне или во время второй мировой войны. Налаживая контакты с американским правительством и университетами, они помогали обучать новое поколение западных историков-русистов.

Я уже указывал на некоторые факторы, которые мешали историкам-эмигрантам развивать принципиально новые, в тематическом или методологическом смысле, направления исследований. Несмотря на то, что эта тенденция доминировала, общая картина развития исторических исследований в эмиграции этим не исчерпывается. Одна область исторических знаний получила в эмиграции новаторское развитие сразу по нескольким направлениям. Об этом и пойдет сейчас речь.

Как уже указывалось, годы накануне первой мировой войны явились в России временем небывалого интеллектуального подъема и взлета творческой активности. Противоречия, присущие традиционному позитивизму XIX в., осознавались все более явственно. Даже сам Ключевский, придерживаясь позитивистской методологии, на деле в своем лекционном курсе сбрасывал с себя ее путы, что выражалось прежде всего в том литературном блеске, с которым он излагал свой материал. Курс Ключевского стал своего рода научным аналогом импрессионистской живописи и поэзии символизма. Кроме того, Ключевский привлек внимание общественности к роли психологического фактора, политических и культурных символов в национальной истории.

Не удивительно поэтому, что более молодые историки вне зависимости от того, каких политических или философских взглядов они придерживались, подвергли ревизии многие традиционные трактовки и методы. В первую очередь это коснулось истории средневековья в России, изучение других периодов также было затронуто этими изменениями. Например, А.Пресняков и С.Веселовский коренным образом изменили традиционный взгляд на процесс формирования централизованного Московского государства, а историки-марксисты подвергли пересмотру взгляды на социальные и экономические аспекты новейшей истории России. Кроме того, развитие археологии, с одной стороны, и интереса к другим культурам — с другой, постепенно оказывали свое воздействие на исторические исследования. Поэт-философ В.Соловьев и поэт А.Блок (которому впоследствии подражал в своих романах А.Белый) подхватили и способствовали распространению идеи о «желтой угрозе» — апокалиптическом конце современного мира, который придет из Азии. Это вызвало в России интерес к среднеазиатским и кавказским владениям империи и к периоду татаро-монгольского ига. Эти явления могут восприниматься как предвестники идей, развивавшихся впоследствии историософией евразийства. Следует признать, однако, что накануне революции «ревизионизм» в исторической науке не получил широкого общественного резонанса и не повлиял на миро-

воззрение зрелых специалистов-историков. Этим объясняется то, что ученые в изгнании не продолжили линии, намеченной Пресняковым и Веселовским или, например, Н. Павловым-Сильванским. Конечно, сложности с доступом к архивным документам также ограничивали усилия в этом направлении.

Следует упомянуть также о другой характерной черте культурной атмосферы Серебряного века, несмотря на то, что ее влияние на эмиграцию в основном получило освещение в шестой главе. Серебряный век явился периодом мощного возрождения духовно-религиозных настроений среди образованных слоев русского общества. Общество проявляло все больший интерес к моральным и метафизическим аспектам религиозной жизни, а духовенство (по меньшей мере, ряд влиятельных его представителей) признавало необходимость более широкого вовлечения церкви в решение социальных и экономических проблем и установления более тесных связей с интеллигенцией. Примером служат дискуссии, проводившиеся в религиозно-философских обществах Петербурга, Москвы и других городов, общественная активность отдельных представителей клира, например Иоанна Кронштадтского (не говоря уже о Г.Гапоне). Интерес к религии и процесс духовного возрождения затронули и науку, причем отнюдь не только богословие, расширив круг читателей книг и исследований, посвященных церкви, ее истории и роли в современном обществе. Этот процесс в России резко оборвался после захвата власти большевиками, которые сразу же начали настойчиво проводить в жизнь антирелигиозную политику. Не удивительно, что все те, кто проявлял глубокий интерес к религии, после поражения Белой армии стремились эмигрировать. Более того в 1922 г. советское правительство выслало из страны целый ряд ученых, активно участвовавших в процессе философско-религиозного возрождения довоенных лет, в числе которых следует в первую очередь назвать Бердяева, Франка, Новгородцева, Карсавина и др.[28]

Возрождение и рост религиозных настроений породили интерес к церковной истории и роли религиозного фактора в русской идейной и культурной жизни. Историки и их исследования оказали воздействие на обращение эмигрантской историографии к этим сюжетам, поскольку в Советской России более не существовало возможностей для продолжения этих исследований. Правда, две крупнейшие работы по этой проблематике не получили того общественного резонанса, которого они заслуживали. Первая из них была опубликована накануне войны, бóльшая часть тиража погибла во время бомбежки. Вторая, хотя и была подготовлена в 30-е гг., вышла в свет лишь после 1945 г. и не на русском языке. Строго говоря, ни одна из этих книг не является частью культурной истории эмиграции, однако мы не можем обойти их вниманием в нашем изложении, поскольку обе они явились продуктом идейного опыта эмиграции. Следует также отметить, что оба автора, Г.Флоровский и Г.Федо-

тов, пришли в русскую историографию, если можно так выразиться, со стороны. Они принадлежали к молодому поколению, чья профессиональная подготовка была завершена уже после революции.

Георгий Флоровский (младший из них, родился в 1893 г.) уехал из России после нескольких лет обучения в университете. Получив солидный запас знаний в России, далее он совершенствовался самостоятельно. Сначала он решил посвятить себя изучению патристической традиции в русской церкви. Интерес к патристике помог ему в 1926 г. получить приглашение на преподавательскую работу в Богословский институт имени св. Сергия в Париже. Он работал там до начала войны, затем оказался в Швейцарии, позднее — в Белграде. Пережив немало сложностей и вернувшись в Париж через Прагу, Флоровский вновь приступил к работе в Институте св. Сергия. В 1948 г. он был назначен ректором Богословской семинарии имени св. Владимира в Нью-Йорке. В 1955 г. в значительной степени из-за политических разногласий с начальством и с коллегами Флоровский перешел на богословский факультет Гарварда, а после выхода на пенсию переехал в Принстонский университет, где вплоть до своей смерти в 1980 г. преподавал историю русской мысли. В Соединенных Штатах он активно участвовал в экуменическом движении, много писал по-английски на богословские сюжеты.

После недолгого увлечения евразийством Флоровский сконцентрировал свое внимание на патристике и на изучении русской мысли. Мы остановимся здесь на последнем аспекте его научного наследия[29]. Чтобы понять, какой вклад внес Флоровский в исследование этой проблематики, нужно вспомнить, как изучали русскую мысль либеральные историки до 1917 г. Традиционно речь шла об общественной мысли, т.е. о всех социальных и политических взглядах, которые критически рассматривали государственный и общественный строй Московского государства и империи. За редким исключением, во времена империи это были идеи, которые восходили к западным интеллектуальным и идеологическим течениям и отстаивали необходимость реформ и преобразований. В конечном счете эта проблема смешивалась с изучением истории революционных движений и теорий, их воздействия на русскую общественную жизнь до революции. В период, непосредственно предшествовавший 1914 г., изучение этого раздела истории основывалось на материалистических, позитивистских философских представлениях. Оно было по сути своей телеологично, поскольку стремилось показывать те идеи и течения, которые способствовали развитию революционной или радикальной идеологии, способной подготовить почву для переворота, призванного обновить русскую общественную, экономическую и политическую жизнь. Эта радикально-прогрессистская позиция была подвергнута резкой критике авторами сборника «Вехи» (1909 г.), что привело к возникновению оживленной и острой дискуссии. Естественный конец этой дискуссии был положен револю-

ционными событиями 1917—1918 гг., и сборник «De profundis», который отразил основные ее положения, остался практически неизвестным широкой публике[30]. Острие критики было направлено против материалистических и телеологических (детерминистских) пристрастий современной русской историографии, которую упрекали также в том, что она обошла молчанием метафизические и духовные искания русской интеллигенции XVIII и XIX вв.

Флоровский выступил продолжателем именно этой линии. Его предшественник, М.Гершензон, один из авторов «Вех», с симпатией писал о славянофилах и о поколении 1810—1820-х гг., уделяя основное внимание их духовным устремлениям. Вместе с тем Гершензон остановился лишь на не специфически религиозных вопросах, не проявив интереса к выявлению тех аспектов патристики и истории русской духовности, которые явились источниками вдохновения для его героев. Равным образом его не слишком волновал подтекст их философских воззрений. Помимо Гершензона, на Флоровского оказали влияние сочинения В.Соловьева, Г.Ренувье, А.Бергсона и американских прагматиков Ч.С.Пирса и У.Джемса. В сочетании с его собственным опытом, приобретенным во время революции и гражданской войны, эта солидная философская база позволила Флоровскому по-новому (в том числе и по сравнению с Гершензоном) взглянуть на историю русской мысли. В нескольких очерках, посвященных Ф.Тютчеву, В.Соловьеву, Н.Федорову и Л.Толстому, Флоровский раскрыл метафизические предпосылки, содержащиеся в их идеях. Он пришел к выводу, что их основная «ошибка» состояла в том, что они придерживались эволюционистских взглядов и, что еще более важно, подверглись «соблазну», уверовав в некую утопическую цель как конечный итог развития исторического процесса.

Последствия действия двух этих основных заблуждений Флоровский показал в очерке о «метафизических предпосылках утопизма». В статье, посвященной А.Герцену, он показал, как его увлечение натурфилософией, утопизмом, духовно-религиозными исканиями вне христианства, сформировало его в принципе негативное и трагическое в историческом аспекте мировоззрение. Свое исследование о природе религиозных исканий Герцена Флоровский представил в качестве диссертации в Русском университете в Праге. Защита прошла успешно, но вызвала живую, не всегда выдержанную в дружественных тонах дискуссию, в которой приняли участие такие светила, как Милюков. Диссертация Флоровского не получила широкого отклика, которого она заслуживала, поскольку не была опубликована эмигрантской печатью, ориентировавшейся на доминирующие традиционные позитивистские и либеральные взгляды (вышла лишь краткая обобщающая статья).

Основной новаторский вклад Флоровского в историографию — это его труд «Пути русского богословия». Он увидел свет в 1938 г., печатался и распространялся в Белграде. Книга практически не

привлекла к себе внимания, если не считать полемической рецензии, помещенной в издававшемся Бердяевым в Париже журнале «Путь». «Пути русского богословия» дождались своего часа лишь после второй мировой войны, когда в Соединенных Штатах пробудился интерес к русской истории, и стали классической работой в своей области. Второе русское издание появилось лишь в 1982 г. Первое издание стало библиографической редкостью, поскольку склад в Белграде, где находился тираж, был разрушен во время бомбежки. Предпринималось много неудавшихся попыток осуществить английское издание, которое лишь сейчас находится в процессе подготовки к печати.

«Пути» радикальным образом отличаются от традиционно написанных исследований по истории русской мысли. Во-первых, Флоровский твердо верил, что идеи являются продуктом деятельности индивида, живой, творческой личности. Чтобы понять идеи этой личности, следует знать как можно больше обо всем, что оказало влияние на создание отдельных концепций и гипотез. Живая, ищущая личность существует в собственном мире, поскольку человек «не строит, не рождает и не постулирует свой мир — он его находит». Каждая личность, таким образом, участвует в творческом процессе постижения мира и реагирует на его изменения. Этот процесс является актом «подвижнического деяния», и, лишь поняв уникальный контекст времени и места, в которых протекала жизнь данного мыслителя, можно действительно осознать идеи, которые явились результатом этого «подвижнического деяния»; только так можно постичь также динамическое воздействие и последствия той или иной идеи. В этом исследовании Флоровский проявил глубокое знание метафизических и телеологических воззрений, которые пронизывали всю русскую (и вообще европейскую христианскую) духовную жизнь. Объединяя индивидуальные исторические особенности и религиозные (в широком смысле) воззрения изучаемых авторов, Флоровский сумел по-новому взглянуть на историю русской мысли как на цепь «соблазнов» и «срывов». Он объяснил, как до него никто этого не делал, постоянное чередование этих элементов в недавней культурной истории России, а также вскрыл возможности существования в прошлом альтернативных вариантов развития, которые не были осуществлены, но которые могут заключать в себе уроки на будущее, если только удастся должным образом понять идейные ошибки («соблазны») и неудачи («срывы») прошлого.

Плодотворный характер книги Флоровского способствовал возрождению интереса ко многим аспектам русской истории (церковь, духовенство, богословие, славянофильство, «европеизация» XVIII в., Серебряный век), оказал глубокое воздействие на подход к их изучению. Значение этой книги заставляет нас остановиться на характеристике основных ее положений. Хронологический охват работы своеобразен и ограничен: опущены периоды Киевской Руси и феодальной раздробленности. Флоровский начинает свое

изложение с неовизантийских влияний конца XV в., проявившихся в период духовного кризиса, который совпал с победой Москвы над всеми ее соперниками. Изложение обрывается 1917 г., хотя отдельные упомянутые Флоровским личности и течения оказали влияние и на эмиграцию. Тематически книга также неполна: автор уделяет меньше внимания истории тех богословских идей, которые не сыграли в России заметной роли, и сосредотачивается на истории современной русской мысли. Но даже здесь Флоровский поступает избирательно, поскольку он избегает обсуждения чисто экономических и политических идей, если они не затрагивают непосредственно базовых философских концепций и не отличаются особым религиозным и духовным звучанием.

Наконец, в книге рассматриваются характерные черты церковного и светского образования, полученного ведущими мыслителями, и философские пристрастия и идейные взгляды, которые они усвоили. Флоровский доказывал, что каждый мыслитель и каждое поколение обладают своим набором характерных психических особенностей и разделяют философские убеждения, которые соответствуют их мировоззрению. Это позволило ему выявить «ошибочные линии», т.е. те идеи, которые вносили дисгармонию и обуславливали конечную неудачу определенного мировоззрения. Флоровский создал групповой идейный портрет каждого поколения, оставившего свой след в истории русской мысли, например образованной русской элиты XVIII в., стремившейся создать новый культурный синтез с западными светскими и религиозными идеями, духовных исканий времени царствования Александра I, нигилистического позитивизма 1860-х гг. с его приверженностью материалистической утопии и апокалиптических настроений первых лет XX в.

Важно отметить, что Флоровского интересовала только «высокая культура» русской религиозной жизни и мысли. Народных религиозных представлений и верований он касается лишь изредка. Как мы увидим, этот пробел был хотя бы отчасти восполнен другим эмигрантским историком-новатором Г.Федотовым.

Рассматривая историю русской философии и религиозной мысли, Флоровский не мог не остановиться на некоторых западных влияниях: греко-византийском, латинском влиянии XVI в., которое достигло своего апогея в неосхоластической протестантской форме в XVII в. и продолжало оказывать влияние в течение всего XVIII столетия; протестантской «внутренней религиозности» и метафизики Лейбница в начале XVIII в., которые подготовили почву для идеализма и романтизма с их увлечением натурфилософией и утопизмом. Последний получил материалистическое истолкование под воздействием западного позитивизма и сциентизма, которыми увлекалось поколение 1860-х гг., и, наконец, философии неокантианства и символистской эстетики, которые оказали заметное влияние на идеи Серебряного века, хотя одновременно обозначали возврат к нацио-

нальным культурным и духовным традициям. Понимание Флоровским этих «влияний» явилось радикальным отходом от представлений о механическом восприятии идей, которые господствовали в позитивистской историографии общественной мысли; оно оказало непосредственное воздействие на развитие исследований истории русской мысли на Западе. «Вообще сказать, вопрос о генезисе системы или мировоззрении нельзя подменять вопросом о «влияниях». Не всякое влияние есть тем самым зависимость, и зависимость не означает прямого заимствования, — «влиянием» будет и толчок, побуждение, «влияние» может быть и от обратного. Во всяком случае, не следует ссылкою на «влияния» заслонять самодеятельность мыслителя. Вопрос о влияниях может быть верно поставлен и надежно решен только в том случае, когда генетический процесс может быть восстановлен в целом и прослежен в смене своих фаз. При этом, конечно, всего важнее распознать и схватить основную интуицию, найти исходную точку развития, — иначе и о «влияниях» говорить будет трудно...»[31]

Флоровский не ограничивался простым перечислением заимствованных элементов, но описывал, как русские отбирали из основных принципов определенные идеи, которые им подходили, а затем видоизменяли применительно к новой среде. Этот подход к интеллектуальной истории был полностью воспринят после второй мировой войны, его отличает сходство с контекстуалистским методом, преобладающим в современной истории политической мысли. Особенно интересны и перспективны рассуждения Флоровского о «соблазнах» романтизма и натурфилософии, которые он отнес на счет неутоленной жажды духовного удовлетворения. «Соблазн» в соответствии с присущей романтизму логикой вел к «срывам», скрытым в утопизме — в любом из его идеалистических или материалистических воплощений.

Чтобы как можно полнее очертить условия, которые побуждали русских мыслителей выбирать и подвергать переоценке идеи, как зарубежные, так и собственные, Флоровский предпринял блестящий анализ социального облика духовенства. Действительно, именно духовенство явилось основным генератором и проводником идей в русской философской, религиозной и научной мысли. Воспитание и образование, которое оно получало, его особый общественный статус и экономическое положение, явившиеся следствием петровских реформ, объясняют специфическую роль духовенства в русской жизни с 1700-х до 1900-х гг. Прослеживая социальную историю духовенства и особенности его образования, Флоровский не пришел к каким-либо принципиально новым выводам, однако он сделал результаты предшествующих исследований более доступными широкой публике, которая прежде не имела представления о роли духовенства в создании современной русской культуры. Он не писал социальную историю в ее современном, ориентированном на социоло-

гию понимании — эту роль взял на себя Григорий Л.Фриз, испытавший заметное влияние со стороны Флоровского.

Из всего сказанного на предыдущих страницах должно быть ясно, что «Пути» Флоровского открыли новую страницу в изучении русской культуры и интеллектуального развития. Можно сказать, что сознательно или нет, вне зависимости от того, разделялась позиция Флоровского или критиковалась, авторы всех последующих работ, посвященных русской интеллектуальной истории, должны были принимать «Пути» за точку отсчета. Это объясняет важность и оригинальность вклада западных исследователей в изучение этой проблематики, резко отличающегося от твердолобого методологического консерватизма, характеризующего по сей день советские работы. Флоровский оказал столь значительное влияние в немалой степени благодаря тому, что после 1945 г. он получил более широкую аудиторию. Тем не менее следует подчеркнуть, что причины его влияния объясняются теми глубокими культурными и интеллектуальными преобразованиями, которые происходили в России в эпоху Серебряного века и на которые он опирался в 20—30-е гг. в Русском Зарубежье. Статус эмигранта позволил ему максимально развить свои таланты и усвоить западные методологические течения, углубляя свои изыскания в области патристики и философии, которые также наложили свой отпечаток на своеобразие «Путей»[32].

Георгий Федотов также внес большой вклад в изучение русской религиозной жизни, правда, не столько идейных, сколько экзистенциально-культурных ее аспектов. Родился он в 1886 г., учеба была прервана арестом и высылкой за границу за принадлежность к студенческой социалистической группе. Вернувшись на родину, Федотов получил серьезную историческую подготовку в семинарах Н.Кареева в Петербургском университете. Он специализировался по средневековой истории Франции, изучая агиографические источники меровингского и каролингского периодов. Эти источники привлекали его, поскольку с их помощью он рассчитывал постичь, как реально действовали религиозные нормы, что в свою очередь позволяло глубже понять жизнь и дух этой эпохи. В первые годы существования большевистского режима он принимал активное участие в политической деятельности и в жизни церкви, но в 1925 г. вынужден был эмигрировать. Он обосновался в Париже, где жил вплоть до немецкой оккупации, выступая как журналист и преподавая агиографическую литературу в Богословском институте имени св. Сергия. Он был активным участником церковных и общественных организаций, помогающих нуждающимся. Его привлекали принципы и программа христианского социализма. Своеобразные и подчас непопулярные суждения Федотова относительно экуменизма и современных событий (например, то, что он отдавал предпочтение Долорес Ибаррури перед Франко) создавали трудности в его взаимоотношениях с церковными властями и эмиг-

рантским обществом. В 1941 г. Федотов эмигрировал в Соединенные Штаты, где вплоть до своей смерти в 1951 г. преподавал в Богословской семинарии св. Владимира, продолжая заниматься журналистикой и ведя научно-исследовательскую работу.

Здесь я остановлюсь лишь на заслугах Федотова перед русской историографией. Вслед за несколькими статьями, посвященными французскому средневековью, вышедшими еще в России в 20—30-е гг., Федотов опубликовал ряд исследований по русской религиозной истории, которые создавали новые подходы к изучению этой проблематики[33]. Они заложили основу для более широкого исследования русской религиозности, материал для которого собирался во Франции и в Англии до 1939 г. Первый том его «Русского религиозного сознания» (ему предшествовала ценная антология русской духовности) вышел в свет в 1941 г., а второй том остался не завершенным из-за смерти исследователя. Фрагменты и наброски второго тома были изданы много лет спустя, в 1966 г., протоиереем И.Мейендорфом. Хотя «Русское религиозное сознание» представляет собой основной труд Федотова, я полагаю, что следует сказать несколько слов о его предшествующих работах, поскольку это даст ключ к пониманию того нового, что нашло отражение в его последней большой книге.

Познакомившись с новейшими направлениями во французской и немецкой медиевистике, которые стремились использовать иные, кроме хроник и грамот, источники, и движимый собственной глубокой верой, Федотов обратился к изучению религиозной жизни, религиозных представлений и практики в первые века существования христианства в римской Галлии, а затем — во франкских королевствах. Более всего его интересовало соотношение между дохристианскими представлениями и ценностями (как языческой религией, так и институтами варварского общества), с одной стороны, церковью и светской властью Меровингов и Каролингов — с другой. Его подход предполагал глубокое прочтение хорошо известных текстов и документов, свежий взгляд на жития святых, преимущественное внимание к тому, что осталось за рамками текста, попытка понять истинный смысл слов в их подлинном, историческом контексте. В России и в первые годы изгнания в Париже Федотов опубликовал несколько статей, посвященных исследованию этого круга вопросов на основе источников о св. Мартине Турском, первых меровингских королях и епископах.

Его выводы позволили по-новому взглянуть на взаимоотношения между церковью и королевской властью. Он указывал, что речь отнюдь не шла о безусловном подчинении церкви Меровингам. Скорее можно говорить о том, что идеи и практика церкви и ее наиболее заметных деятелей, обращенные к верующим, создавали определенную дистанцию между королем и клиром, а также помогали отделить духовенство от дурных дел правителя, сохраняя, однако, за ним роль хранителя и глашатая истинных ценностей

христианства. Например, Федотов отметил, что многие чудеса, о которых повествуется в житиях меровингского и раннего каролингского времени, связаны с «освобождением» пленников, рабов и т.д. По требованию святого или вследствие его непосредственного вмешательства распахивались двери узилищ, разрушались их стены, оковы падали, освобождая пленников. Если же правитель не сразу понимал смысл знамения, святой заставлял его поступить должным образом, совершая иные чудеса. Вывод, к которому подводил Федотов, был очевиден и особенно применим к периодам революции, гражданской войны и первых лет существования советского режима. Истинный христианский идеал не допускал посягательств на свободу личности со стороны светских властей.

В течение первого десятилетия жизни в эмиграции в Париже Федотов применял тот же метод к исследованию истории русской святости. Вновь источником ему послужили жития святых. Очевидно, не без влияния работы аббата Бремона (тогда он на него не ссылался, однако в «Русской религиозной мысли» такие отсылки есть) он анализировал агиографическую литературу, чтобы понять сущность русских религиозных ценностей и, шире, тех идеалов русской общественной жизни, которые в них отражались. Для своей книги «Святые древней Руси» Федотов изучил житийную литературу XI—XVII вв. вплоть до XVIII столетия. Он установил типологию русской святости начиная с Бориса и Глеба. Его поразил тот факт, что никто из ранних, зачастую весьма почитаемых святых не проявлял в полной мере строго религиозных качеств: они не были ни проповедниками христианства, ни чудотворцами, ни мучениками за веру. Напротив, это были кроткие жертвы жестокости светских властей. Они не боролись с этой жестокостью и погибали, но именно благодаря этой их покорной пассивности перед лицом зла они были канонизированы и оплаканы, а чудеса свои совершали уже после смерти. Некоторые другие святые — из числа светских князей — возвысились благодаря тому, что сражались с неверными за русскую землю. Наконец, большая часть других героев агиографических сочинений была причислена к лику святых за то, что они вели праведную жизнь, помогали бедным и слабым. За редкими исключениями в русской агиографии не представлены чисто христианские мученики, проповедники или могущие служить примером для подражания аскеты. (То обстоятельство, что здесь мы имеем дело с византийскими образцами, не противоречит предложенной Федотовым трактовке).

Этот идеал истинной религиозной жизни, физической покорности злу при его моральном отрицании нашел отражение в поведении митрополита Московского Филиппа, когда он публично осудил развязанный Иваном IV террор, но не сделал ничего, чтобы противодействовать ему, не призывал к низложению царя. За это Иван IV лишил его сана и обрек на голодную смерть — это мученичество вскоре стало основанием для канонизации митрополита. Федотов

опубликовал биографический очерк о св. Филиппе Московском в 1928 г. Эта работа позволяет составить представление о его видении ценностей русской святости, но вместе с тем она, безусловно, явилась комментарием к событиям современности, когда многие также молча и пассивно страдали из-за своего отказа поддерживать тиранию и диктатуру.

В своем труде «Русское религиозное сознание», особенно в первом томе, поскольку второй представляет собой лишь фрагменты, Федотов продолжал развивать свой подход. В завершенном томе изложение доведено только до XVI в., однако упомянутая выше антология может служить дополнительным источником, содержащим примеры также из истории Российской империи. «Русское религиозное сознание» представляет собой ценное, хотя и незаконченное дополнение к «Путям» Флоровского. Следуя народнической традиции, усвоенной в результате участия в революционном движении до 1917 г., Федотов сосредоточил свое внимание на «народе», его религиозных обычаях и ценностях, существовавших до и после принятия христианства. Используя при изучении хроник и агиографических сочинений тот же творческий подход, который он применял при исследовании меровингской Франции и установлении типологии русской святости, Федотов расширил свои концептуальные горизонты, обратившись к результатам как русских, так и западноевропейских антропологических и этнологических разысканий. Соответственно, под «религиозным сознанием», если использовать современную терминологию, он понимал религиозные представления людей, их верования и практику, те изменения, которые все это претерпевало в разные периоды истории. Клиффорд Геертц определяет это как «плотное исследование» религиозной культуры. Действительно, Федотов явился пионером изучения антропологии религии в историческом контексте. Несмотря на то, что мне не удалось обнаружить соответствующих свидетельств ни в его опубликованных работах, ни в его архивах, он, вероятно, был знаком с исследованиями, проводившимися в Музее человека в Париже (где начинал свою деятельность Клод Леви-Стросс), поскольку некоторые русские эмигранты молодого поколения (например, Ю.Фельзен и Е.Шрайдер) работали там в конце 30-х гг.

«Русское религиозное сознание» — широко известная и легко доступная работа, которую нет смысла подробно здесь пересказывать. Достаточно отметить два наблюдения Федотова. Во-первых, практика язычества и восходящие к нему суеверия сохранялись в русской религиозной жизни в течение долгого времени после принятия христианства, придавая ей своеобразные черты. В религиозных представлениях русского крестьянина в значительной степени присутствовали элементы язычества, в особенности в том, что касалось взаимоотношений человека с миром камней, с животным и растительным мирами. Этот вывод отнюдь не нов, однако Федото-

ву удалось показать, как в течение столетий эти элементы язычества усваивались и переосмысливались христианской традицией, в связи с чем нельзя говорить о существовании некоего противостояния христианства и язычества, скорее речь может идти об их конвергенции и взаимовлиянии. Какие элементы — православно-христианские или языческие — преобладали, зависело от времени, региона, в особенности же — от образа жизни той или иной группы людей. (Здесь мы имеем дело с синкретизмом и с синтезом, а не с «двоеверием».) Это нашло подтверждение в последних советских антропологических исследованиях, посвященных староверам.

Второй вывод Федотова логически следовал из его изучения житий св. Бориса и Глеба, которые стали прототипами древнерусской святости: русское благочестие подразумевает следование Христу в его самоотверженном призвании служить людям и указывать им путь к спасению. Самоотречение, скромность, стремление брать на себя заботы другого были основными составляющими кенотического, как говорил Федотов, аспекта русской религиозности. Присущая, таким образом, религиозному чувству «направленность на другого», его, если можно так сказать, социальное измерение, было, по мнению Федотова, величайшим вкладом русского православия в этический и духовный прогресс Европы. Естественно, что подобные суждения были непосредственно связаны с собственными христианско-социалистическими убеждениями Федотова, с его надеждами и устремлениями.

Насколько мне известно, Федотов не оказал влияния на изучение русской религиозности и культуры. Однако предложенный им подход оказался наиболее плодотворным при изучении истории раскола и староверов, был взят на вооружение теми, кто проявляет интерес к русской (и вообще европейской) религиозной истории. Он вполне сочетается с методологическими установками и выводами таких новейших исследований, как «Монтайю» Э.Леруа-Ладюри и «Сыр и черви» Карло Гинзбурга.

Сейчас самое время высказать наши соображения относительно тех вопросов, которые были подняты в начале этой главы. Каким было отношение эмиграции к прошлому России и как эти взгляды преломлялись в работах историков-эмигрантов? Если говорить об эмиграции как об общественной группе, то ее отношение к прошлому своей страны было противоречивым. Бремя испытаний, пережитых эмигрантами во время драматических событий недавней истории, полностью «испортило» восприятие исторического прошлого. Они безоговорочно отвергали его, не проявляя большого интереса к истории России в той интерпретации, которую предлагала дореволюционная историография. Поскольку историки-эмигранты продолжали придерживаться методов, убеждений и основных тракто-

вок, которые были выработаны в прежние времена, они получали лишь незначительный отклик со стороны эмигрантского сообщества, а работы их не пользовались большим успехом.

Сложности, с которыми были связаны попытки вести новые исследования, ограниченные возможности для публикации трудов не позволяли эмигрантам идти в науке непроторенными путями. Это обстоятельство позволяет объяснить тот огромный успех, которым пользовался у эмигрантов исторический роман — жанр, соединивший в себе ностальгические воспоминания, занимательные слухи, достойные подражания характеры, а также скептическое отношение к возможности предвидения и понимания хода развития событий, не говоря уже о воздействии на него. В этом кроются причины популярности Марка Алданова, последнего крупного представителя этого жанра. Романы Алданова, несмотря на их стилистический и литературный блеск, не выдержали испытания временем, хотя в настоящее время, по всей видимости, в силу тех же самых причин, в среде эмигрантов третьей волны, а с недавних пор — и в Советской России наблюдается возрождение интереса к его творчеству.

Основным фактором, обусловившим неэффективность работы историков-эмигрантов, а также отсутствие у них последователей, была их неспособность пробудить интерес к своей работе в странах Запада. В 20—30-е гг. Россия интересовала Запад только как страна, где проводился «советский эксперимент». Прошлое России мало интересовало и его противников, и тех, кто поддерживал этот «эксперимент». Они разделяли антиисторические настроения первых лет существования большевистского режима и были разочарованы, когда Сталин начал демонстрировать свое уважение к прошлому России. Настроенные антисоветски обыватели совсем не проявляли интереса к этой стране: их возмущало, что Россия устранилась от дальнейшего участия в первой мировой войне, отказалась от выплаты внешнего долга и оказывала поддержку всякого рода модернистским и нигилистическим направлениям в политике, искусстве и литературе. Они с одобрением читали либеральных историков-эмигрантов, которые писали об отсталости России по сравнению с Западной Европой, но и только.

Разумеется, некоторые научные круги и организации (прежде всего в Германии) проявляли интерес к России, но руководствовались исключительно утилитарными соображениями — политическими, военными или экономическими — и испытывали потребность лишь в конкретной информации о сегодняшней России. Они вовсе не нуждались в изучении прошлого этой страны.

Эмигранты со своей стороны стремились сосредоточить свое внимание на тех аспектах прошлого России, которые могли бы послужить утешением в их нелегкой жизни и предложить какие-то перспективы, дающие основание надеяться на лучшее будущее. Эта двойная причина обусловила, с одной стороны, почти благоговейное

отношение к русской литературе, символом которой был Пушкин, и, с другой стороны, возрождение интереса к своей религиозной истории. Как мы убедились, в изучение именно этой области эмигрантской историографии удалось внести наиболее заметный новаторский вклад, поскольку эта проблематика не могла разрабатываться в Советской России. Плодотворные изыскания Флоровского и Федотова, изучавших русскую религиозную традицию, сохраняют свое значение как для западной, так и для русской (включая советскую) науку.

Что можно сказать об отношении русской интеллигенции к прошлому своей страны на примере опыта ее жизни в эмиграции? Мне представляется, эмигрантская историография доказывает, что русская интеллигенция видела в истории лишь некую «инструментальную» ценность, рассматривая ее как средство для продолжения критики и борьбы с автократией, которая в 20—30-е гг. автоматически отождествлялась с большевистским режимом. Прошлое как таковое, как нечто само по себе ценное не привлекало к себе значительного внимания. Правда, эмигранты испытывали ностальгию по недавнему прошлому, свидетельством чего является популярность мемуаров и исторической беллетристики. В литературе, однако, они искали утешение и вдохновляющие примеры. И, подобно тому, как это было с дореволюционной интеллигенцией, источником моральной и духовной поддержки, откуда они черпали пищу для ума, была для них русская литература XIX в. начиная с Золотого века пушкинской поры и кончая великими произведениями Толстого и Достоевского.

Серебряный век, правда, внес одно новшество: живой интерес к духовности, философии и религии. Вместе с тем он лишь укрепил тот барьер, который существовал между теми образованными специалистами, которые отстранялись от политики и воспринимали новые направления, и теми, кто активно интересовался политикой, кто придерживался позитивистских, материалистических и инструменталистских идеологических течений XIX в. Этот барьер продолжал существовать и в эмиграции, что хорошо видно на примере дискуссий об относительном характере эстетических и общественно-политических ценностей, а также в появлении новых вкусов и норм у части тех, кто сформировался в Русском Зарубежье.

Парадоксальным образом и традиционализму, и новаторству суждено было оказать плодотворное влияние на возрождение научного интереса к России на Западе после второй мировой войны. Это в значительной мере явилось следствием интеграции эмигрантов, переселившихся в Соединенные Штаты в начале 40-х гг., в американскую научную среду (в меньшей степени это относится к Англии и Франции). Лишь тогда русские ученые оказались в таком же положении, как и немецко-австрийская еврейская эмиграция 30-х гг. В течение 40-х гг. русские стали неотъемлемой частью академической и прикладной научной общественности Запада и смогли внести свой вклад в дальнейшее развитие научных исследований.

8.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
ПО ВОДАМ ВАВИЛОНА

В этой книге я пытался воссоздать облик общества в изгнании, осветить его культурную жизнь. Имеет ли история Русского Зарубежья аналогии или же мы встретились с уникальным феноменом? В самом общем плане весь исторический процесс, в том числе и применительно к западному миру, представляет собой историю взаимодействия разных обществ, взаимопроникновения разных культур, что обусловлено присутствием «инородного, чуждого» элемента в местной среде. Инородным элементом могли быть как мирные переселенцы, так и завоеватели. Рассмотрим в этой связи другие примеры присутствия чужого «племени» в местной культуре, это поможет нам выявить черты уникальности или типичности Русского Зарубежья.

Согласно Библии, иудеи трижды в своей истории становились изгнанниками и спасались бегством на чужбину — в Египет, в Вавилон и по всему свету после разрушения Второго Храма. Об этих изгнанниках нам достоверно известно только то, что на чужбине они сохранили свои обычаи, прежде всего свою религию, постоянно ожидая возвращения на родину, надежды на которое дважды (и даже трижды, если считать создание современного государства Израиль) сбывались. В течение периода, который считается последним этапом античного мира, т.е. в первые века нашей эры, на территории Римской империи проживало много разрозненных, «вкрапленных» в местную среду этнических групп. Их присутствие способствовало возникновению исключительно цельной культурной и философской атмосферы того времени: была создана синкретичная, «универсальная» культура, которая в свою очередь заложила основы как восточной, так и западной средневековых цивилизаций. Во всех этих случаях, однако, мы можем лишь сделать предположение, что физическое смешение пришлого и местного населения привело к созданию нового культурного синтеза, проследить же по источникам конкретные пути его осуществления не представляется возможным. Скорее всего, подобные процессы имели место и в других частях

света, о чем свидетельствует, например, история Дальнего Востока. Эти примеры, различные по времени и месту, не всегда сопоставимы с нашим случаем, тем более что сведения о них фрагментарны. Более надежные параллели можно обнаружить в истории Нового времени, для изучения которого имеются более многочисленные и достоверные источники.

Великий религиозный кризис и раскол в западном христианстве, явившиеся результатом протестантской Реформации, стал причиной вынужденного бегства по религиозным мотивам многих групп людей. Большинство их были малочисленны и не несли с собой на новое место жительства достаточно мощной и ярко выраженной культуры, которая способна была бы создать нечто новое. Одно «общество в изгнании», однако, не только сумело в течение некоторого времени сохранять свой образ жизни и свою обособленность, но оказало мощное культурное воздействие на свое новое окружение. Речь идет о так называемом Великом бегстве (Grand Refuge), изгнании и переселении французских гугенотов, последовавшими за отменой Людовиком XIV Нантского эдикта в 1685 г.

Grand Refuge также было обществом в изгнании в том смысле, что его члены принадлежали практически ко всем социальным группам и классам, составлявшим протестантское меньшинство во Франции. В отличие от русских эмигрантов, однако, гугеноты никогда не питали надежд на возвращение во Францию. В изгнании предприимчивые и удачливые гугеноты сохранили свои занятия и традиции, в особенности это относится к интеллектуальной элите. Достаточно вспомнить их вклад в экономическое развитие многих германских государств, в особенности Бранденбурга-Пруссии. Столь же значимой была интеллектуальная деятельность изгнанников прежде всего в Голландии, где они имели возможность публиковать свои сочинения. Изгнанники-гугеноты сыграли наиболее важную и активную роль в распространении идей французского рационализма и морализма XVII в. Эти идеи явились наиболее значимым компонентом будущего Просвещения. Кроме того, они внесли свой вклад в распространение методов критики библейских текстов и идеи веротерпимости. В отличие от русских эмигрантов, французских refugiés охотно принимали в тех странах, которые предоставили им убежище, это способствовало их быстрой интеграции в элитарные слои зарубежных обществ. Прежде всего были приняты специальные законы, призванные сохранить им те правовые преимущества и гарантии, которые они некогда имели во Франции. Вскоре эти постановления устарели, но оставили след в законодательстве и юридической практике стран, принявших гугенотов. Процесс их интеграции в структуру новых обществ был завершен в течение жизни одного поколения, хотя потомки беженцев продолжали говорить на французском языке, который, впрочем, на протяжении XVIII—XIX вв. был языком всех образованных

людей. Они по-прежнему проявляли интерес к французской литературе и культуре, знания о которых они распространяли среди своих новых соотечественников.

Французская эмиграция периода революции 1789 г. была совершенно другой. Речь идет о достаточно малочисленной группе, которая состояла почти исключительно из представителей второго сословия (дворянства). Часть из них возвратилась в период Консульства, большинство же — после установления империи. На чужбине остались лишь самые закоренелые «реакционеры», которые составили окружение Людовика XVIII после поражения Наполеона.

Менее полустолетия спустя Западная Европа стала свидетельницей появления Великой польской эмиграции. После подавления войсками Николая I восстания 1830 г. несколько тысяч поляков, сражавшихся за национальную независимость, были вынуждены бежать и обосноваться за границей. Они нашли приют прежде всего во Франции и в Англии, их культурными центрами стали Париж и Лондон. В социальном плане эта группа была более гомогенной по сравнению с гугенотами или с русской эмиграцией первой волны — большинство в ней составляли выходцы из шляхты (дворянства). В отличие от гугенотов, они не обладали ценными практическими навыками, так что было трудно найти работу, которая соответствовала бы их образованию, воспитанию и прежнему опыту. Это была творчески активная элита, что и обусловило ее значение как для родины, так и для Европы. Достаточно назвать имена А.Мицкевича, Ю.Словацкого, И.Лелевеля и А.Чарторыйского, чтобы понять, сколь высок был творческий потенциал Великой польской эмиграции. Находясь в изгнании, эти люди создали не только произведения, ставшие классикой польской литературы, но также национальные историографическую и политическую традиции. Уподобляя судьбу и значение Польши искупительной жертве Христа, лидеры Великой эмиграции поддерживали в своем народе надежду и веру в восстановление независимости Польши, способствовали тому, что польский вопрос постоянно находился на повестке дня европейской дипломатии и политики. Более того, они внесли свой вклад также в культурное развитие всей Европы. Благодаря их усилиям исторические судьбы Польши вошли в число проблем, живо интересовавших влиятельные культурные круги Европы, они знакомили Запад с прошлым, культурой и нынешним положением славянского мира. Лекции, прочитанные Мицкевичем в College de France, явились первым в Западной Европе успешным примером развития исследований, которые сегодня называются славистикой. Совершенно непреднамеренно, хотя здесь можно усмотреть историческую иронию, Великая польская эмиграция послужила образцом для русских, когда на их долю выпало стать изгнанниками. Многие из русских эмигрантов проявляли интерес к ее истории, пытались воспользоваться ее опытом (например, поэт В.Ходасевич).

В остальном две «великие» эмиграции были совершенно различны. Поляки были гораздо малочисленнее и, как мы уже отмечали, в социальном отношении более однородны. В период изгнания многие поляки интегрировались в культурную и общественную среду стран, предоставивших им убежище, поскольку они говорили в основном на французском языке и признавали те же ценности. Это в особенности относится к Франции, где существовала та же практика и традиция римско-католической церкви. Вместе с тем XIX в. был гораздо более либеральным и терпимым по сравнению с XX столетием. Многие польские эмигранты возвращались на родину, временно или навсегда, несмотря на то, что там они могли попасть под надзор полиции и постоянно находиться на подозрении у властей. Связь между Великой эмиграцией и родиной никогда не прерывалась, и произведения изгнанников имели широкое хождение во всех частях разделенной Польши. Другие эмигранты, более твердые в своих политических убеждениях, остались за границей, но как политические эмигранты, а не как члены «общества в изгнании». После восстания 1863 г. их ряды пополнились новыми беженцами, так что к началу первой мировой войны за пределами государств, разделивших Польшу, по-прежнему находилась активная польская эмиграция, которой предстояло сыграть ведущую роль в возрождении независимой Польши в 1918 г.

Увы, XX в. заставил спасаться бегством и эмигрировать гораздо большее число людей, чем любой другой период истории. Все эти волны беженцев, первоначально захлестнувшие Европу и Ближний Восток, распространились затем по всему земному шару. Здесь мне хотелось бы повторить и особо подчеркнуть, что я не рассматриваю те потоки иммигрантов-переселенцев, которые ищут лучшей доли на чужбине, спасаясь от нищеты и голода, царящих на родине. Этот тип эмиграции, ныне часто встречающийся в Азии, был хорошо изучен на примере разных групп иммигрантов (отметим еще раз — не беженцев) и разных стран, где они расселялись — Соединенных Штатов, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Латинской Америки. В этой книге нас интересовала только подлинная эмиграция, беженцы в собственном смысле этого слова, которые вынуждены были эмигрировать по расовым, политическим или религиозным соображениям. Во время и после первой мировой войны многие из беженцев после прекращения военных действий и установления границ вернулись на родину или же интегрировались в структуру близких им в этническом и религиозном отношении обществ. Так было с поляками, греками, турками и чехами. Исключение составляли армяне, чья судьба и статус являлись предметом рассмотрения Лиги Наций наряду с русскими. Но поскольку у армян в обозримом прошлом не было собственного независимого государства, куда бы они стремились вернуться, их ситуация напоминала скорее положение еврейской диаспоры, нежели русской эмиграции. (Некоторое число ар-

мян эмигрировало после оккупации Красной Армией недолго просуществовавшей (1918–1921) Армянской республики. Большинство из них были русскоязычными и были тесно связаны с русской культурой и с Русским Зарубежьем.)

К сожалению, в XX в. многие страны пережили революции и политические потрясения, которые вынудили многих граждан спасаться бегством. В большинстве своем это были политические эмигранты в традициях XIX в. — радикалы и революционеры. Они покинули родину, чтобы избежать тюрьмы или еще худшего, но это были одиночки, целью жизни которых было продолжение прежней политической деятельности с территории зарубежного государства. Их было немного, несмотря на то, что в крупнейших европейских столицах — Париже, Лондоне, в отдельные периоды в Вене и в Берлине — они могли производить впечатление небольшого «общества в изгнании»; на самом деле это были скорее политические фракции или «секты», которые провозглашали себя оппозиционными по отношению к существовавшим на родине политическим центрам. Среди них были прибалты и поляки, большое число румын и венгров, а также итальянцев и деятелей из Балканских стран. В результате второй мировой войны большинство оставшихся в живых получило возможность вернуться домой и попытаться возобновить свою деятельность там.

Испанцы, бежавшие через французскую границу в 1938 г. после победы Франко над республиканцами, несмотря на то, что во многих отношениях они были сходны с политической эмиграцией, имели много общего с русскими беженцами начала 20-х гг. В обоих случаях бегство было вызвано сходными причинами и обстоятельствами — поражением в гражданской войне. Испанские беженцы также представляли собой срез испанского общества, и они надеялись на скорое возвращение на родину после падения диктатуры Франко, которое представлялось неизбежным. Трудно сказать, удалось бы им создать «зарубежную Испанию». Начало второй мировой войны лишило их такой возможности, по крайней мере во Франции, которая была для большинства беженцев первым пристанищем. После войны франкистский режим, который, впрочем, никогда не был столь жестким или столь же закрытым для остального мира, как советский, был смягчен; большинство беженцев получили возможность вернуться в Испанию, которой многие воспользовались. Что касается тех представителей политической и культурной элиты, которые обрекли себя на изгнание, они были гостеприимно приняты в Латинской Америке, прежде всего в Мексике. Мексика распахнула двери перед интеллигенцией и сделала много для того, чтобы использовать талант испанцев на благо мексиканской культуры и науки. Для ученых-эмигрантов был создан университет, который впоследствии вошел в состав университета города Мехико. Мексиканское правительство помогло эмигрантам

наладить издание литературы, научных журналов, обеспечило публикацию их трудов. Главным различием между испанцами, обосновавшимися в Мексике (или в любой другой латиноамериканской стране), и русскими в изгнании было то, что в Мексике говорили на том же языке, что и в Испании, а высокая культура в Латинской Америке повсюду (кроме Бразилии) совпадала с испанской. По всем данным, большая часть эмигрантов из Испании быстро интегрировалась в мексиканское общество, несмотря на то, что некоторые впоследствии, после либерализации диктатуры Франко, вернулись на родину[1].

Рассмотрим еще одну эмиграцию 30-х гг., на которую часто (в особенности в Соединенных Штатах) указывают как на близкий аналог русской. Речь идет о германо-австрийской (по большей части еврейской) эмиграции, последовавшей за приходом к власти Гитлера в 1933 г. и аншлюсом Австрии в 1938 г. В эту эмиграцию входили социалисты, либералы, по большей части еврейского происхождения, беженцы из Чехословакии (после 1938 г.), Венгрии и Румынии (в основном в конце 30-х гг.), носители немецкой культуры.

Вначале отметим черты сходства с русской эмиграцией, а затем, чтобы наше сопоставление было полным, и различия. Подобно русским, германо-австрийские евреи, которые были вынуждены бежать за границу, представляли практически все социальные и профессиональные слои общества. Культурная элита (а также политические деятели, многие из которых были нееврейского происхождения) уезжала с надеждой на скорое возвращение, так как она не верила, что Гитлеру удастся долго продержаться у власти. В тех городах, где они обосновались — сначала в Париже, затем в Соединенных Штатах, в первую очередь в Нью-Йорке и в Лос-Анжелесе, — они стремились сохранить прежний образ жизни. Германская культурная элита еврейского происхождения, подобно русской, полагала, что на нее возложена задача сохранить традиционную культуру Германии, над которой надругались и которую нещадно исказили нацисты, и продолжать свою творческую деятельность на благо будущей свободной Германии (или Австрии). Как нам известно из биографий тех представителей интеллигенции, которые были вынуждены отправиться в изгнание, они действительно не прекращали работать — в области литературы, искусства, науки. Подобно русским, они основывали свои организации — издательства, журналы, университеты, исследовательские институты. На этом, однако, сходство заканчивается, хотя в обоих случаях эмигранты внесли свой вклад в культуру тех стран, где они находились. Мы вернемся вскоре к этому вопросу, однако сперва следует отметить черты различия.

С самого начала основное отличие заключалось в условиях существования эмиграции. За редким исключением известных политических деятелей, которые с приходом Гитлера к власти в бук-

вальном смысле слова должны были спасаться бегством, отъезд еврейских беженцев из Германии носил довольно-таки «регулярный» характер, т.е. они уезжали спокойно и законным образом, но и неохотно. Нацистское правительство разрешало выезд, хотя за него приходилось дорого платить. (Вслед за хрустальной ночью 9 ноября 1938 г. была предпринята попытка массового выселения польских евреев на родину.)

Для этих людей процесс эмиграции растягивался на несколько лет, семьи насильственно не разлучались, эмигрантам разрешали взять с собой часть имущества и ценностей. Это позволяло многим из них начинать новую жизнь, не попадая в полную зависимость от зарубежной помощи. Немногим удавалось увезти с собой большую часть своей собственности. Так, беженец из Германии открыл в Ванве (Сена) на деньги, вывезенные через Швейцарию, магазин, а один известный историк искусства сумел вывезти морем в Соединенные Штаты бóльшую часть своей коллекции и мебели. Разумеется, огромную роль играло то обстоятельство, что в Европе все еще сохранялся мир — ситуация радикальным образом изменилась после 1939—1940 гг. До тех пор, однако, изгнанники могли опираться на разветвленную сеть еврейских филантропических организаций, прежде всего в Соединенных Штатах, которые немедленно оказывали помощь в переезде за океан или в другие страны, выразившие желание принять беженцев.

Поскольку мы говорим о группе, которая состояла в большинстве своем из людей еврейского происхождения, среди которых не все придерживались религиозных и культурных традиций этого народа, следует отметить, что дикий антисемитизм нацистов носил совершенно иной характер, чем политика большевизма. Нацисты провозгласили, что евреи всегда были и остаются чуждым элементом в арийской среде, и большинство населения Германии разделяло эти взгляды. Тот факт, что евреи были не только изгнаны из страны, где они родились, но и исключены из состава нации, которую они привыкли считать своей, воспринимался особенно болезненно. Я не имею в виду в данном случае так называемых ост-юден (евреев из Польши), которые выехали в Германию (или в Австрию) в XX в., а только тех, кого считали (и кто считал себя сам) «немцами Моисеевой веры». Большая часть германских и австрийских евреев, хотя они и воспринимали себя как немцев или австрийцев, чувствовали себя отвергнутыми, потерянными и не испытывали никакого желания вернуться. Они вскоре перестали быть беженцами и в подавляющем большинстве сделались собственно иммигрантами в тех странах, которые согласны были их принять.

В силу преобладавших социально-политических условий, а также из-за постоянной угрозы возникновения войны большинство предпочитало устроиться подальше от нацистской Германии, за океаном. Очень многие эмигрировали в Соединенные Штаты,

Канаду и Южную Америку. Поскольку они чувствовали, что их связь с немецкой нацией прервалась, то сразу по приезде на новое место жительства эмигранты стремились быстрее включиться в жизнь данной страны и ее народа. Принявшие их страны, в свою очередь, были настроены более гостеприимно, нежели европейские государства — по отношению к русским беженцам. Кроме того, культурные различия не были слишком значительными, поскольку англоговорящий мир имел тесные связи и был близок в культурном отношении прежде всего к Германии. Ученые и специалисты легко находили работу в научных и других учреждениях Соединенных Штатов, Канады или Южной Америки; относительно легко было устроиться также врачам и инженерам. Я нисколько не хочу преуменьшать те сложности, временами весьма тяжелые испытания, которые многим, прежде всего людям старшего поколения, пришлось пережить в процессе обустройства на новом месте. Однако важно подчеркнуть, что интеграция в новое общество была возможной и представлялась необходимой как эмигрантам, так и гражданам принявшего их государства. Это в корне отличалось от того отношения, с которым сталкивалось Русское Зарубежье, и с тем положением, в котором оно находилось.

Оценивать эти различия непросто из-за временного расстояния, разделяющего две эти эмиграции. Германско-австрийская еврейская эмиграция проходила после того, как различные международные организации помощи беженцев и государства, принимавшие эмиграцию, многому научились на опыте русских. Более важен тот факт, что немецкие евреи эмигрировали непосредственно перед или даже во время второй мировой войны. Обстоятельства сразу же складывались так, что их знания или опыт могли представлять ценность для главных держав, вовлеченных в войну, — Соединенных Штатов и Великобритании, основной целью которых была победа над фашистским режимом. (Вместе с тем были и примеры весьма гнусного обращения с эмигрантами, возникшего на волне истерии по поводу «пятой колонны», когда после начала войны беженцы из Германии были объявлены «союзниками врага».)

Период вынужденной эмиграции оказался для беженцев из Германии и Австрии относительно коротким: после 1947—1948 гг. они получили возможность вернуться или по крайней мере посетить родину. Многие тогда все-таки не вернулись. Томас Манн, например, предпочел после войны обосноваться в Швейцарии. Большинство беженцев не возвратились в те учреждения, откуда они были изгнаны до эмиграции, хотя несколько профессоров приехали читать лекции в Германию и в Австрию. Ряд политических деятелей, прежде всего молодые лидеры социал-демократической партии (Э.Рейтер, В.Брандт, Э.Олленхауэр), вернулись, чтобы возобновить успешную деятельность в Западной Германии. (Некоторые

немецкие эмигранты, уцелевшие после сталинских репрессий, были назначены командованием Красной Армии на административные посты в Восточной Германии.)

В силу всех этих причин «Германское зарубежье» так и не возникло. Существование Зарубежной России в этом смысле является феноменом XX в. Её активная и творческая культурная жизнь оказала воздействие на страны, где проживали русские эмигранты, и наконец становится все более известной в России. Эти два обстоятельства делают Зарубежную Россию еще более примечательным явлением.

Нет смысла перечислять достижения русской культуры в эмиграции — в области литературы, науки, искусства, музыки и т.д., — многие примеры уже были приведены выше. Мне бы хотелось, однако, создать несколько обобщенных портретов деятелей культуры Русского Зарубежья, которые позволят глубже понять этот феномен. Характер и размер вклада эмигрантов в культуру зарубежной страны зависели от того, оставались ли они в изоляции или им удавалось установить связи с местным обществом и его институтами. Это было особенно сложно для тех, чьим основным инструментом был язык. Писатели, а также в большинстве своем ученые-гуманитарии были отделены от окружавшей их культурной среды настолько, насколько они продолжали использовать в своей работе русский язык. Соответственно, влияние прозаиков и поэтов было незначительным; даже если их произведения переводились на иностранные языки, они не оказывали заметного воздействия на местную литературу. Когда же писатель использовал для самовыражения иностранный язык, он имел возможность влиться в местную национальную литературу. Правда, так обычно случалось с представителями молодого поколения литераторов, которые достигли творческой зрелости в эмиграции. Среди них можно назвать Дж.Кесселя, А.Труайя, З.Шаховскую, З.Ольденбург и, разумеется, В.Набокова. Впрочем, и воздействие зарубежной литературы на писателей-эмигрантов было мало заметным. Правда, временами можно говорить о влиянии Пруста, а также об элементах сюрреализма, но в основном русская литература за рубежом не изменилась. В других сферах культуры, где язык не был основным средством общения, интеграция или по крайней мере установление тесных связей с иностранным окружением происходили гораздо быстрее и успешнее.

Мы неоднократно отмечали значение эпохи Серебряного века для творческой активности русской эмиграции. С ее точки зрения, это наследие было лишь одним из органических продолжений классической традиции, оставленной поэтами и прозаиками XIX в., которая включала также социально-политические и философские течения этого столетия. Эта традиция в свою очередь уходила корнями глубоко в допетровское, средневековое наследие русской культуры, интерес к которому был возрожден в эпоху Серебряного

века и оказал особо важное влияние на некоторые направления в искусстве и на религиозный ренессанс, происходивший до 1914 г. Для внешнего мира, «приютившего» Русское Зарубежье, однако, русское классическое культурное наследие, за исключением, пожалуй, романов Достоевского и Толстого, представлялось мало интересным и привлекательным.

Однако Серебряный век со свойственными ему чертами модернизма, обозначившимися в музыке, балете, живописи и религиозной философии, а также апокалиптические настроения конца века, получили немедленный отклик. В той мере, в какой художники и мыслители Русского Зарубежья продолжали и обогащали ценности культуры Серебряного века, они находили в зарубежных обществах благодарную аудиторию. Произведения писателей-реалистов, таких, как Бунин, даже если не принимать во внимание языковой барьер, несмотря на присвоение ему Нобелевской премии, читались и переводились мало. Вместе с тем этот же языковый барьер не мешал поэтам, писавшим в более современной манере, находить заинтересованного читателя. Так, в творчестве Цветаевой и Рильке можно встретить черты, со всей очевидностью указывающие на взаимное влияние обоих поэтов. Подобные примеры, однако, были скорее исключением, и можно с уверенностью утверждать, что эмигрантская литература до 1939 г. оставалась по большей части неизвестной зарубежному читателю. Влияние ее, хотя и не непосредственное, обозначилось позднее, когда в Соединенных Штатах и в Советском Союзе заново был «открыт» модернизм Серебряного века и 20-х гг.

Если литература Русского Зарубежья не получила признания за его пределами, то этого нельзя сказать о живописи, скульптуре и музыке. Здесь опять-таки признания добивались те художники и музыканты из числа эмигрантов, чье творчество продолжало и развивало модернистские направления, берущие начало в эпохе Серебряного века. Что касается художников более старых школ, в том числе даже «Мира искусства», к ним относились с уважением, они получали заказы на выполнение иллюстраций, декораций или эскизов, однако в 20—30-е гг. они не могли дать Западу ничего нового. Очевидно, что именно черты модернизма, в особенности те, которые имели что-то общее с новаторскими направлениями в советской культуре начала 20-х гг., вызывали интерес на Западе. Так было с произведениями Шагала, Кандинского, Бурлюка, Пуни, Стравинского, Архипенко. Специфически русский элемент, получивший в значительной степени известность благодаря эмигрантам, стал составной частью современного международного модернизма. Модернистский художественный авангард Русского Зарубежья принадлежал Западу. И в этом своем качестве Зарубежная Россия сейчас все более открыто «возвращается» на родину, с готовностью заполняя «белые пятна» сталинской эпохи. Мы видели также, что сходные

тенденции обозначились также в естественных и гуманитарных науках. Будучи прямым наследником достижений Серебряного века, Зарубежная Россия в 20—30-е гг. внесла свой вклад в развитие этих областей культуры и знания на Западе. А сейчас она оказывает запоздалое, но все же весьма заметное воздействие на культурную жизнь России.

Поскольку очевидно, что развитие новаторских, творческих направлений 20-х гг., в котором принимали участие обе России, было насильственно прервано установлением жесткого контроля со стороны сталинского режима, можно поставить вопрос о последующих судьбах этих тенденций. Серебряный век (и достижения начала 20-х гг.) продолжился в России за рубежом. Этот феномен сейчас находит признание и на советской родине. Можно назвать имена писателей и художников-эмигрантов, чьи произведения стали составной частью общей истории русской литературы и культуры. Произведения Бунина, А.Ремизова и других были вновь опубликованы и вызвали всплеск интереса к тому, что происходило в Русском Зарубежье, — интереса, который может быть удовлетворен появлением еще большего числа изданий эмигрантской литературы. То же самое и с искусством — выставка, на которой была представлена коллекция Костакиса, показывает, что создаются неофициальные собрания русского авангарда, которые становятся все более доступными для заинтересованной аудитории. Подобное возрождение интереса в большей мере касается творчества тех эмигрантов, которые в конце концов вернулись в Советскую Россию, как это сделала, например, Марина Цветаева. Ее произведения широко доступны и изучаются (хотя еще и не полностью опубликованы), ее влияние на современную поэзию постоянно возрастает.

Еще более интересен до сих пор не до конца исследованный вопрос о возрастании интереса к идеалистической философии и религиозной мысли, наметившегося в Советском Союзе в последние годы. Труды Бердяева, как дореволюционные, так и те, что были написаны в эмиграции, имели хождение sub rosa, оказывая сильное влияние на отдельные круги молодежи. Большая терпимость Русской православной церкви, поворот к ней советского правительства, а также диссидентов привлекли внимание к творчеству религиозных мыслителей начала века. Символом этого возрождения стали труды и жизнь отца П.Флоренского. Это привело к тому, что многие ученые и верующие — представители интеллигенции открыли для себя творчество Г.Флоровского, Г.Федотова, деятельность Института св. Сергия в Париже.

И на Западе, и в Советской России осознали, что эмигранты продолжили традиции и своих предшественников, и старших товарищей, работавших на рубеже XIX—XX вв. Их деятельность была прямым продолжением творческого взлета эпохи Серебряного века и отмеченных духом экспериментаторства первых лет

советской власти. Их творчество сохранило черты, свойственные русской культурной истории и традиции, которые находились под запретом в годы сталинской диктатуры и которые сейчас вновь выходят на поверхность, вдыхая новую жизнь и внося разнообразие в официальные догматы социалистического реализма. Сегодняшний акцент на национальные моменты в прошлом России, чувство гордости за ее достижения в области культуры придают особую значимость наследию Русского Зарубежья: исследования по истории церкви и религиозной мысли, выявлявшие религиозный и духовный аспекты в жизни и творчестве таких писателей-классиков, как Пушкин, Достоевский, Гоголь и Блок, предпринятые в Русском Зарубежье, сейчас возвращаются в Россию. Теперь признается, что эмиграция выполнила свою двойную цель, заставившую ее покинуть оказавшуюся под властью советов родину и основать Россию за рубежом, — она сохранила традиции и ценности, которые не были приемлемы для большевистского режима, и продолжила творческую деятельность, начало которой было положено в эпоху Серебряного века.

Еще более важной, как мне представляется, является новая роль, которую Русское Зарубежье призвано сейчас сыграть на своей исторической родине. Оно служит посредником, способствующим передаче России достижений западной культуры 20—30-х гг. Вплоть до недавнего времени из-за своей изоляции эмигранты вряд ли были в состоянии помочь своим соотечественникам познакомиться с западной культурой. Теперь это стало возможным во все более широком масштабе. Несмотря на то, что русские эмигранты так и не интегрировались полностью в состав тех западных обществ, которые предоставили им убежище, и не в полной мере были готовы к восприятию культурных процессов в зарубежных странах, писатели, представители интеллигенции (прежде всего ученые) неизбежно замечали то, что происходило вокруг них, и информировали об этом Русское Зарубежье в многочисленных публикациях. Более того, определяя и отстаивая свою «русскость», эмигранты волей-неволей вынуждены были высказываться по поводу отличительных черт и особенностей современных процессов в западной культуре. Эта информация, содержащаяся в журналах, газетах и книгах, выходивших в Русском Зарубежье, в настоящее время представляет собой источник информации для тех, кто сумел найти к ним доступ в России или за границей. И эта информация имеет жизненно важное значение при заполнении тех «белых пятен», которые возникли из-за изоляции Советской России от внешнего мира в 30—40-е гг.

Интеллигенция Русского Зарубежья следовала традиции русской интеллигенции: она с моральных (или с политических) позиций критиковала то, что происходило дома, была своего рода каналом, по которому распространялась информация о достижениях западной мысли и о западных ценностях, и способствовала их усвое-

нию. Трагедия старой интеллигенции заключалась в том, что она была оторвана от народа, и интеллектуальная элита эмиграции всеми средствами стремилась перебросить мост через эту пропасть, путем «поиска», а фактически — создания нации, к которой они обращались. Преодолев этот барьер, частью, правда, за счет уничтожения старой элиты, советский режим выполнил одну из задач, которые возложила на себя интеллигенция. Но это было сделано за счет ущемления истинной роли интеллигенции, которая всегда видела себя в качестве критика существующей общественно-экономической системы и ее моральных ценностей. Именно эта наиболее существенная черта, характеризующая традиционную роль интеллигенции, присутствовала в деятельности интеллектуальной элиты Зарубежной России. В той мере, в какой работы эмигрантов становятся известны на родине, эту часть их миссии также можно считать выполненной. Подобно своим предшественникам в XIX столетии, они вынуждены были работать, не имея прямого доступа к тому, ради кого они, собственно, жили, — к русскому народу. Станет ли это обстоятельство препятствием на пути распространения их идей в ближайшее время? Будем надеяться, что нет, хотя нельзя быть полностью уверенным, если вспомнить о той изоляции, в которой находилось Русское Зарубежье. Правда, эта изоляция позволяла развивать творческие усилия в своей, замкнутой среде, в то же самое время она не могла не породить абстрактности и отрыва от действительности, в той или иной мере характерных для разных сторон деятельности эмигрантов. Вполне естественно, что эти особенности коснулись в первую очередь политической сферы, но они довольно заметно сказывались также на философии и литературе.

В более широком плане история России за рубежом помогает уяснить место и значение культуры меньшинства, оказавшегося в чужом окружении. С этой точки зрения условия для творчества были более чем неудовлетворительными. Творческая жизнь тем не менее продолжалась. Сами трудности, если только они не приводили к механическому повторению прежних достижений, как оказалось, служили стимулом к творческой активности. Контакты, пусть и поверхностные, с зарубежным миром позволили открыть перед русской культурой новые перспективы и обогатить ее новыми чертами. Эти контакты призваны были укрепить связи с западной культурой, которой русские вдохновлялись с тех пор, как Московское государство в конце XVII в. повернулось лицом к Европе.

Нам не следует также забывать или недооценивать то обстоятельство, что эмигранты обладали полной творческой свободой. Впервые в русской истории интеллигенты, писатель или художник, пользовались абсолютной свободой, не ограниченной никакими цензурными рамками. Ни правительство, ни общественное мнение не вмешивались в творческий процесс. Подобные условия не существовали даже в конце 1905 г. или в начале 1917 г. Зарубежные правительства

и общества не ограничивали их творческую свободу, за исключением тех случаев, когда существовала угроза общественному порядку или дипломатическим интересам этих стран. Подобное случалось крайне редко, поскольку вследствие своей изоляции эмигранты не могли оказывать заметного влияния на различные стороны политики и общественной жизни. Равным образом, находившимся за границей русским не приходилось обращать внимание на позицию общественного мнения за рубежом. Эта пьянящая творческая свобода временами выливалась в излишне смелые высказывания, но главным ее результатом была возможность художественного самовыражения и ведения открытых идейных дискуссий.

Культура Русского Зарубежья сейчас принадлежит истории, поскольку России за рубежом больше не существует. Станет ли эта культура составной частью культурного процесса, происходящего на родине? Хочется верить в это. Признаки, наметившиеся в последние годы, позволяют надеяться на положительный ответ. Подобный опыт Франции и Польши также вселяет оптимизм в этом отношении. Культурная жизнь Франции после революционных потрясений, при Наполеоне и в эпоху Реставрации в значительной мере определялась вкладом таких эмигрантов, как Шатобриан, мадам де Сталь, Б.Констан, Ж. де Местр. Именно эмигранты способствовали возникновению романтизма, углублению литературоведческих исследований, развитию общественной мысли, знакомству с культурой Англии, Германии и Италии. Великая польская эмиграция, безусловно, была главной движущей силой развития польской литературы и поддержания национального единства трех частей разделенной страны.

Изгнанники, создавшие Россию за рубежом, сумели выполнить двойную задачу — сохранить и развить дальше наследие национальной культуры. В этом смысле история Зарубежной России и ее культурной жизни была и всегда будет неотъемлемой частью истории всей России.

Послесловие

Великому русскому поэту Ф.И.Тютчеву принадлежат строки, не потерявшие своей актуальности и сегодня: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые, его призвали всеблагие, как собеседника на пир». Однако для большинства людей «роковые минуты», иными словами, крупные социальные катаклизмы, всегда сопряжены с духовным разломом, а нередко и с житейскими и личными трагедиями.

История России финиширующего двадцатого столетия свидетельствует об этом в полной мере. Три войны, одна из них — гражданская; по меньшей мере столько же революций. И каждый раз заложниками политических событий оказывались миллионы россиян, лишившихся своей родины.

Долгие годы тоталитарная система делала все возможное, чтобы лишить нас подлинного знания о судьбах тех соотечественников, кто, по разным причинам оказавшись в эмиграции, по образному выражению Р.Гуля, унес Россию на подошвах своих башмаков. Иными словами, сохранив ее навеки в своих сердцах. Нам же внушали, что это «политические отщепенцы», «предатели Родины», «полынь в чужих краях» и т.п. И только сейчас правда о российской эмиграции первой волны стала постепенно доходить до нас. Но этот процесс находится только в начальной фазе.

В 1991 году мне довелось несколько месяцев поработать в архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете. В его фондах хранится множество самых разнообразных документов деятелей русской эмиграции,

представителей различных политических партий и движений. Особый интерес представляют личные коллекции В.Маклакова, П.Струве, Б.Николаевского, М.Вишняка, В.Бурцева, В.Мельгунова, других мыслителей и общественных деятелей. Исповедуя разные взгляды — открыто ненавидя все, что связано с большевизмом, или относясь к советской власти терпимо, уповая на ее перерождение, — они были едины в главном — в любви к России. Эту любовь они пронесли через всю свою жизнь. Нельзя без волнения читать их переписку: будучи уже глубокими старцами, они не переставали размышлять о родине, внимательно следя за всем, что происходило в России.

Книга Марка Раева посвящена истории культуры русской эмиграции, тому, в каких тяжелейших условиях оказались сотни тысяч людей, которым «преображенное» Отечество стало мачехой, а другие страны по мере сил оказали приют и гостеприимство. Однако жизнь на чужбине никогда не была сладкой. Значительная часть русских эмигрантов оказалась в тяжелом материальном положении, столкнувшись с проблемой поиска куска хлеба в прямом смысле этого слова. Но и те, кому удалось решить эти проблемы, испытывали чувство ностальгии по покинутой России.

В книге М.Раева подробно и обстоятельно показано, что этнокультурной ассимиляции русской национальной элиты не произошло. Более того, в культурном ареале прежде всего Западной Европы возник достаточно могучий духовный очаг русской жизни. Его представители видели свою миссию в том, чтобы сохранить творческий потенциал России, неотъемлемой частью которой они себя считали, от большевистской «эрозии». Задача сохранения национального самосознания, отечественного культурного наследия стала лейтмотивом деятельности российской эмиграции. Но только сейчас мы осознаем ее значимость для судеб Отечества и, осмысливая события прошедших десятилетий, оцениваем вклад соотечественников в мировую культуру, их приоритет в понимании многих событий XX века, в первую очередь касающихся России.

М.Раев проделал колоссальную исследовательскую работу, создав действительно своего рода энциклопедию жизни России за рубежом. Появление этой книги на русском языке просто необходимо, поскольку многие страницы летописи российской эмиграции еще не стали нашим общим достоянием. Констатировав это и пожелав книге найти своего читателя, можно было бы поставить точку.

Однако, к сожалению, этого сделать нельзя. И прежде всего потому, что вновь около 25 миллионов россиян оказались за преде-

ми своей исторической Родины и во весь рост встал вопрос об их этнокультурном выживании.

Можно по-разному относиться к государству, называвшемуся СССР. Вряд ли правомерно видеть в его распаде лишь результат слабости и безответственности высших государственных руководителей и действий местных этнократических группировок, борющихся за передел собственности и удовлетворение своих политических амбиций. Все гораздо сложнее. Очевидно, что гигантское партбюрократическое образование, в котором собственно Россия являлась «внутренней колонией», несло в себе глубокие внутренние противоречия. Включив в себя ряд разных социокультурных миров, живших по своим законам, СССР обрек себя тем самым на экстенсивную модель развития. Сколь-нибудь эффективную политику модернизации в рамках такого пространства осуществлять вряд ли было возможно. К тому же национальные элиты в ряде республик уже фактически захватили командные позиции в социально-экономической и управленческой сферах.

Но вот о способах демонтажа тоталитарной империи — разговор особый. Сейчас очевиден революционный, лежащий вне сферы международно-правовых норм и цивилизованных подходов характер происшедшего в конце 1991 года. Заложниками его стали наши соотечественники, близкие, родные, друзья, в одночасье превратившиеся в париев в новых независимых государствах, политические режимы которых приобрели отчетливо выраженную этнократическую окраску. Для россиян это стало большим ударом, поскольку многие из них (особенно в Балтии) активно участвовали в демократическом движении за достижение государственной независимости бывших союзных республик.

Сутью этнократизма новых независимых государств является проведение целенаправленной политики по обеспечению приоритетов «титульной нации» и формирование своеобразного «комплекса неполноценности» у других народов, хотя их представители тоже участвовали в создании общественного богатства этих государств. Такая политика, не только умаляющая национальное достоинство личности, но и нарушающая гражданские права человека, в той или иной форме проводится почти во всех государствах т.н. ближнего зарубежья, особенно в странах Балтии, в первую очередь в Латвии и Эстонии. Это связано с тем, что на этапе создания государственности лидирующие позиции занимал радикальный национализм довольно влиятельной части правящего истеблишмента, который проявился в подходе к получению гражданства неэстонцами и нелатышами. В результате более трети этнических россиян фактически становятся людьми «второго

сорта», ощущают кризис идентификации, значительный психологический дискомфорт.

Особого внимания требует ситуация в Казахстане. Видя угрозу в консолидации русского и русскоязычного населения, составляющего почти половину населения, его руководство проводит политику, направленную на изменение этнического баланса в пользу казахов, курс (в открытой или скрытой форме) на «дерусификацию» властных и силовых структур, претворяется в жизнь концепция государства как формы самоопределения казахской нации и только ее.

Почти во всех новых государствах формируются механизмы свертывания этнокультурного воспроизводства россиян: сокращается число русскоязычных средних и высших учебных заведений, средств массовой информации на русском языке, русских театров и других очагов культуры. Русские общины испытывают затруднения с регистрацией и функционированием.

Образовательный процесс строится таким образом, чтобы сформировать у подрастающего поколения антирусский менталитет. Так, например, в Эстонии в русских школах рекомендуются написанные М.Лааром, Х.Валком, Л.Вихтре «Очерки истории эстонского народа», в которых Россия предстает в качестве некоего злого, варварского начала для европейской цивилизации, а Эстония — как сдерживающая это зло сила. В вышедшем в 1993 году в Таллинне учебнике для учащихся X и XI классов «XX век. 1900—1938» антироссийская позиция его авторов выражена даже изобразительным рядом: образ передовой, сильной Эстонии передан в виде эпического Калевипоэга, оружие которого обращено в пространство с легко угадываемыми контурами; Россия же представлена изображением отвратительного чудовища-спрута, в глаз которого помещен портрет Николая II.

На Украине специальным распоряжением Министерства образования введен «первый» (бывший ленинский) урок по истории Трипольской культуры, которую методисты от национализма трактуют как украинскую протокультуру, давшую начало мировому цивилизационному процессу.

Особенно беспокоит факт не только реабилитации, но и откровенной героизации национальных деятелей, боровшихся с коммунистическим режимом и одновременно сотрудничавших с гитлеровцами, и даже повинных в крови своих собратьев. Безусловно, это чрезвычайно деликатная тема, ибо под тоталитарный молот попадали все инакомыслящие, жертвами репрессивных кампаний по борьбе с националистами становились все, кто искренне хотел видеть Родину свободной и независимой. Понимая трагедию народов, одна часть которых вынуждена была бороться с другой, и брат

шел на брата, а сын на отца, можно и нужно почтить память жертв этого противостояния. Но поднимать на щит тех, кто участвовал в совместных с гитлеровскими палачами карательных акциях, кто убивал и вешал?!

И что совсем тревожно, фашизм перестает быть предметом осуждения официальных властей. На Украине популяризируются идеи Д.Донцова, которого современники прямо называли «барабанщиком фашизма». Свободно действуют националистические организации типа «Украинской национальной ассамблеи» и ее военизированной организации «Украинская национальная самооборона». В странах Балтии, в частности в Эстонии, президент посылает приветствие ветеранам военных формирований, сражавшихся на стороне гитлеровцев, и игнорирует День Победы и тех, кто внес в нее свой вклад, находясь в рядах Советской Армии. Разве решения Нюрнбергского процесса уже утратили свою силу? Нет, во всех демократических государствах они неукоснительно действуют. И здесь мировое общественное мнение должно бы сказать свое веское слово.

Все сказанное подтверждает непростое положение россиян в ближнем зарубежье. Но реальность такова, что им необходимо входить в новый мир, строить жизнь, исходя из действительного положения дел. И книга М.Раева может стать своего рода пособием для русских общин, помочь сохранить российские традиции, культуру, духовные ценности.

Ну а как же Россия, точнее ее руководство? Вновь, как это уже было, отвернулась от своих соотечественников? Этого не произошло. Однако и не сразу повернулось оно к ним лицом. Причин, думается, здесь несколько. Среди них можно назвать и сосредоточенность на собственных внутренних проблемах, и переоценку демократического имиджа политических режимов новых независимых государств, и отсутствие концепции национальных интересов России. Поэтому поначалу отношение к этой важнейшей проблеме характеризовалось недостаточной взвешенностью и последовательностью.

Последующие события, в том числе розыгрыш «русской карты» в качестве козырной радикальной частью политической оппозиции, заставляют уделять этому вопросу все большее внимание. Задача выработки и осуществления отвечающей международным правовым нормам и геостратегическим интересам России как великой державы политики в отношении соотечественников за рубежом начинает осмысливаться всеми ветвями власти как одна из приоритетных. Эта проблема стала предметом парламентских слушаний, в ходе которых вырабатывались новые подходы к политике России в данной области. Активное участие в этом

приняли и соответствующие структуры органов исполнительной власти, в первую очередь МИДа, Министерства по делам национальностей, Федеральной службы миграции. В общем виде сущность этих подходов состоит в поиске механизмов адаптации наших соотечественников к новым политическим и социокультурным условиям на правах народа-партнера или даже национального меньшинства. Одновременно речь идет о системе мер по сохранению национально-духовных ценностей россиян, — мер, предполагающих гуманитарную помощь сохранению образования на русском языке и единого информационного пространства, поддержку русских общин, национально-культурных центров, максимально возможный учет «русского фактора» при осуществлении внешнеэкономической деятельности. Российскому руководству и соответствующим ведомствам, в соответствии с этими подходами, следует активнее будировать на уровне международных организаций случаи ущемления гражданских прав россиян в новых независимых государствах, добиваться в ООН, СБСЕ, Совете Европы закрепления коллективных прав российских общин в рамках местного самоуправления, культурно-национальных автономий и т.п., при возникновении спорных вопросов шире использовать возможности Верховного Комиссариата по делам меньшинств, учрежденного в соответствии с Декларацией Хельсинкской встречи СБСЕ 1992 года.

Одновременно, реалистически подходя к сложившемуся положению, следует понимать, что часть русского населения вынуждена будет мигрировать в Россию. Решение этих вопросов следует обеспечивать на уровне двух- и многосторонних межправительственных соглашений, в рамках которых можно и нужно добиваться компенсации моральных и материальных потерь переселенцев за счет покидаемой ими страны.

Экспертами Министерства по делам национальностей и региональной политике Российской Федерации в тесном взаимодействии с другими ведомствами подготовлены и введены в переговорный процесс проекты соглашений о статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территориях стран нового зарубежья. Такие соглашения обсуждаются с государственными делегациями Казахстана и Киргизии. Подготовлены проекты соглашений о сотрудничестве со странами Балтии в области культуры, науки и образования. Самое активное и непосредственное участие эксперты Миннаца России принимают в разработке Договора о дружбе и сотрудничестве с Украиной.

Особое внимание уделяется созданию законодательной базы поддержки соотечественников. Министерством разрабатывается проект закона Российской Федерации «О репатриации», необходи-

мость которого диктуется самой жизнью. Дело в том, что миграционные потоки в Россию в настоящее время регулируются законами «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах». Однако не все россияне, желающие выехать на постоянное жительство в Российскую Федерацию, подпадают под статус, предусмотренный этими законами. Кроме того, мигранты из государств ближнего зарубежья переезжают в Россию не для того, чтобы, если можно так сказать, «пересидеть до лучших времен», — они возвращаются на родину, чтобы своим опытом, трудом и знаниями способствовать ее возрождению, возвращению ей былого величия. Репатриация — процесс естественный. С ним сталкиваются все развитые страны. Закон «О репатриации» предусматривает предоставление россиянам, возвращающимся на родину из ближнего зарубежья, статуса репатрианта, позволяющего им легализовать свое пребывание в России, облегчающего поиски работы, местожительства и жилья. Закон станет правовой базой поддержки репатриантов из государств ближнего зарубежья, позволит восстановить историческую справедливость, ибо рассматривает репатриантов как неотъемлемую часть российского общества.

Необходимо обратить внимание и на то, что негативные последствия оттока россиян начали осознавать и руководители ряда новых государств. Так, понимая необратимость серьезных социально-экономических последствий этого процесса, Президент Киргизии А.Акаев подписал 14 июня 1994 года указ «О мерах по регулированию миграционных процессов в Киргизской Республике», в котором признается, что миграция наносит «невосполнимый ущерб экономике, снижает качество жизни населения». В документе констатируется: в значительной мере рост миграции объясняется не столько экономическими, сколько социально-политическими причинами: проблемами языка, отсутствием должного представительства в органах государственной власти, проявлениями бытового национализма. И хотя предлагаемые меры по уменьшению оттока русских еще не означают их реализации на практике, сама позиция Президента весьма показательна.

И вообще, этнократический угар во многих новых независимых государствах идет на убыль: трезво мыслящие политики начинают понимать необходимость дружественных и взаимовыгодных партнерских отношений с Россией. И то, что положение россиян в их странах является залогом позитивного развития таких отношений.

И, что самое главное, в самой России отношение к этому вопросу приобретает все более масштабный государственный характер. 11 августа 1994 года подписан Указ Президента Российской Федерации «Об основных направлениях государственной политики Рос-

сийской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом», предусматривающий создание правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, в компетенцию которой входит рассмотрение основных направлений государственной политики в данной области, а также мероприятий по поддержке соотечественников в государствах — участниках Содружества Независимых Государств и странах Балтии.

Выход книги о судьбах российской эмиграции, подготовленной издательством «Прогресс-Академия» при участии Миннаца России, вносит реальный вклад в реализацию этой государственной программы.

С.Кулешов,
начальник Департамента по делам соотечественников за рубежом Министерства по делам национальностей и региональной политике Российской Федерации, доктор исторических наук

Примечания

Предисловие

1. Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Russian Nobility. New York, Harcourt, 1966.
   The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600—1800. 1983.
   Understanding Imperial Russia. 1984.

2. Hugh Seton Watson. The Russian Empire: 1801—1817. Oxford, Clarendon Press, 1967.
   A. Denikin. The Career of a Tsarist Officer: Memoirs: 1872—1916. 1975.
   Landmarks: A Collection of Essays on the Russian Intelligentsia. 1909. New York, 1977.
   I. Berlin. Russian Thinkers. 1978.

3. The Decembrist Movement. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice Hall, 1966 (Russian Civilisation Series).
   Russian Intellectual History: An Anthology. With an Introduction by Isaiah Berlin. New York. Harcourt, 1966. Repr. 1978.

4. Нива Жорж. Талисман эмигранта: читая книгу Марка Раева «Русское зарубежье». — Литературная газета, 20 февраля 1991, № 7 (5333), с. 10.

ГЛАВА 1

1. Sir John Hope Simpson. The Refugee Problem — Report of a Survey. London, New York, Toronto: Oxford Univ. Press, 1939; Michael R. Marrus. The Unwanted — European Refugees in the Twentieth Century. New York, Oxford: Oxford Univ. Press, 1985.

2. Некоторые цифры будут приведены во 2 главе.

3. Политика Сталина препятствовала массовому возвращению в Россию, хотя несколько сот эмигрантов все-таки вернулись в Советскую Россию сразу после окончания второй мировой войны в порыве советского патриотизма, испытывая отвращение к жизни людей второго сорта, которую они вели во Франции. Если

судить по недавно появившимся мемуарам и «Архипелагу ГУЛАГ» А.Солженицына, почти всех их постигла одна и та же участь.

4. Сергей Л. Войцеховский. Трест — воспоминания и документы. London. Ontario, Zaria, 1974. См. также его весьма ценную библиографию.

5. Краткое описание этих случаев даны в книге: Robert H. Johnston. New Mecca, New Babylon — Paris and the Russian Exiles, 1920—1945. Kingston, Montreal: McGill-Queen's Univ. Press, 1988.

6. О младороссах информации очень мало; см.: John J. Stephan. The Russian Fascists — Tragedy and Farce in Exile, 1935—1945. New York: Harper & Row, 1978; а также неопубликованные мемуары Н.П.Вакара в Гарвардском университете. Больше сведений сохранилось об НТС, поскольку его лидеры принимали участие в движении власовцев во время второй мировой войны, когда советский генерал Власов, взятый немцами в плен, пытался организовать из русских военнопленных армию для борьбы против Сталина на стороне немцев. См.: Catherine Andreyev. Vlasov and the Russian Liberation Movement — Soviet Reality and Emigre Theories. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987; А.П.Столыпин. На службе России. Frankfurt, Possev Verlag, 1986; Б.Прянишников. Новопоколенцы. Silver Spring, Md. Multilingual Typesetting, 1986.

7. Johnston. New Mecca; Stephan, Russian Fascists; Robert C. Williams. Culture in Exile — Russian Emigres in Germany, 1881—1941. Ithaca, London: Cornell Univ. Press, 1972; André Liebich. The Mensheviks in the Face of Stalinism. Ripensare 1956 — Socialismo Storia (n.p.: Annali della Fondazione Giacomo Brodolini, n.d.), p. 184—200; Liebich. Marxism and Totalitarianism: Rudolf Hilferding and the Mensheviks — Kennan Institute for Advanced Russia Studies — Occasional Papers № 217, 1986; M.Raeff. Novyi Grad and Germany — A Chapter in the Intellectual History of the Russian Emigration of the 1930s, в книге: I.Auerbach, A.Hillgruber, and G.Schramm, eds., Felder und Vorfelder russischer Geschichte — Studien zu Ehren von Peter Scheibert. Freiburg, Breisgau: Rombach, 1985; Raeff. Le Front Populaire et la presse émigrée russe, Russes, Slaves et soviétiques — Pages d'histoire offertés a Roger Portal. Paris (Collection historique de l'Institut d'Btudes slaves, vol. XXXIV), 1992.

8. Глеб Струве. Русская литература в изгнании, 2-е изд. Париж, ИМКА-Пресс, 1984; общий очерк и полезную библиографию можно найти в книге: E.Etkind, G.Nivat, I.Serman, V.Strada, eds. Histoire de la littérature russe — Le XXe siecle: La révolution et les années vingt Paris, Fayard, 1988. См. также наводящие на размышления труды коллоквиума «Одна или две русские литературы» (Lausanne, L'Aqe d'Homme, 1981).
   Н.П.Полторацкий, ред. Русская литература в эмиграции. Сборник статей. Slavic series № 1. Pittsburgh. Univ. of Pittsburgh, 1972.

9. Например, Abraham Ascher. Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1972; Richard Pipes. Struve — Liberal on the Right, 1905—1944. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1980; Richard Abraham. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. New York: Columbia Univ. Press, 1987.

10. См.: Johnston. New Mecca, Williams, Culture in Exile, а также Л.Флейшман, Р.Хьюз и С.Раевская-Хьюз, ред. Русский Берлин 1921—1923. Париж, ИМКА-Пресс, 1983; Catherine Gousseff and Nicolas Saddier. L'Emigration russe en France 1920—1930. MBmoire de Maitrise d'histoire, DBpartement d'histoire des slaves, University of Paris I, October 1983.

11. Stephan. Russian Fascists.

12. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University (Бахметевский Архив русской и восточноевропейской истории и культуры, Колумбийский университет (далее — Bakhmeteff Archive)), письма С.Г.Сватикова к О.С.Минору.

13. Carol A. Leadenham, comp. Guide to the Collections in the Hoover Institution Archives Relating to Imperial Russia, the Russian Revolutions and Civil War, and the First Emigration. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1986; Russia in the Twentieth Century — The Catalog of the Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Boston: G. K. Hall, 1987; Steven A. Grant and John H. Brown. The Russian Empire and the Soviet Union — A Guide to Manuscripts and Archival Materials in the United States. Boston: G. K. Hall, 1981; Janet M. Hartley. Guide to Documents and Manuscripts in the United Kingdom Relating to Russia and the Soviet Union. London, New York: Mansell Publishing, 1987.

Я не знаком с другими, сопоставимыми с этим обзорами для Франции, Германии или других стран расселения русской диаспоры.

14. Tatiana Ossorguine-Bakounine, comp.. L'Emigration russe en Europe — Catalogue collectif des périodiques en langue russe, 1855—1940. Paris: Institut d'études slaves, 1976 [Bibliotheque russe de l'Institut d'études slaves, XL-i-a second, revised, and complemented edition is in press]; T. L. Gladkova and T. A. Ossorguine, eds.. L'Emigration russe — Revue et recueils, 1920 — 1980 — Index général des articles. Paris: Institut d'études slaves, 1988 [Bibliotheque russe de l'Institut d'études slaves, LXXXI]; Ludmila Z. Foster. Bibliography of Russian Emigre Literature, 1918—1968. Boston: G.K.Hall, 1970.

Эти работы заменяют книгу: Michael Schatoff, comp. Half a Century of Russian Serials, 1917 — 1968, 4 vols. New York: Russian Book Chamber Abroad, 1970 — 1972.

Кроме того, Институт славянских исследований в Париже выпустил в серии «Русская библиотека: русские писатели во Франции» (Bibliotheque russe — série: Écrivains russes en France) библиографии произведений наиболее видных русских писателей-эмигрантов, живших во Франции; на сегодняшний день выпущено более пятнадцати томов. Дополнительный источник — Mark Kulikowski. «A Neglected Source: The Bibliography of Russian Emigré Publications since 1917», Solanus (International Journal for Russian and East European Bibliographic, Library and Publishing Studies), new series, 3. 1989: 89—102.

ГЛАВА 2

1. Z. Schakovsky. Lumieres et ombres. Paris, Presses de la cité, 1964.

2. См. мемуары Б.Прянишникова, в частности, «Новопоколенцы». Silver Spring. Md. Multilingual Typesetting, 1986.

3. Роман Гуль. Я унес Россию. — Апология эмиграции, т. 1, «Россия в Германии». New York. Most., 1981.

4. С.Г.Исаков, ред. Бунин в Риге. Из воспоминаний журналиста. — А.К.Перов. Труды по русской и славянской филологии. XXIV. Литературоведение. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 358. Тарту, 1975, с. 355—371. На эту статью мне указал Л. Флейшман из Стэнфор-

дского университета. Он же любезно предоставил мне ее экземпляр. В фонде А.Амфитеатрова в Библиотеке Лилли Индианского университета в Блумингтоне есть многочисленные свидетельства его контактов с издателями и коллегами в Варшаве и в других городах. Ежедневная газета «Сегодня», издававшаяся в Риге, непременно и подробно информировала о подобных визитах литераторов и общественных деятелей из числа эмигрантов.

5. Sir John Hope Simpson. The Refugee Problem. — Report of a Survey. L., N.Y, Toronto: Oxford Univ. Press, 1939, p. 81—82; подробные данные о беженцах в Польше см. на с. 78—80; на с. 68—74 описание и оценка численности беженцев, следовавших Черным морем и через Стамбул. См. также таблицы 1 и 2 (с. 261 и 262 настоящей книги), взятые из того же источника (соответственно таблицы 63 (приводится в сокращении) и 64).

6. Гуль Р. Я унес Россию; С. Тимошенко. Воспоминания. Paris. Association of Alumni of St. Petersburg Polytechnic Institute, 1963.

7. Simpson. Refugee Problem, p. 85.

8. Joseph Kessel. Nuits de princes. Paris. Juillard., 1928; Гайто Газданов. Вечер и Клер. Paris. Povolotsky, 1930.

9. Simpson. Refugee Problem, p. 85.

10. Там же, глава 9 («Частные организации содействия беженцам»). См. также сводные данные в работе M. R. Marrus, The Unwanted — European Refugees in the Twentieth Century. New York, Oxford: Oxford Univ. Press, 1985.

11. Университетские архивы: Архив Иллинойского университета в Урбана-Шампейн. Фонд Доналда А.Лоури. Record Series 15/35/53 Box 2. (письма к матери, январь—сентябрь 1921 г.).

12. Michel Heller. Premier Avertissement: Un coup de fouet (l'histoire de l'expulsion des personnalitеs culturelles hors de l'Union soviétique en 1922), — Cahiers du monde russe et soviBtique April—June 1979: 131—72.

13. См., например, письма А.С.Ященко И.Гессену, от 21 июля 1921 г., подтверждающее получение 1000 марок от казначея Б.И.Элкина, и от 4 мая 1922 г., где указывается, что всего он получил 3000 марок. Фонд А.С.Ященко, № 149 (Box. 1). Staatsbibliothek, Berlin, Preussischer Kulturbesitz.

14. Прянишников. Новопоколенцы; Hoover Institution Archives, A.S. Paléologue Papers, Box 023. Письмо Дирекции, русская колония в Белграде, 16 февраля 1925 г. (здесь и далее Фонд Палеолога).

15. Фонд Палеолога, Box 024. Меморандум 21 мая 1925 г. Общие ассигнования были урезаны до 3,5 миллионов динар. Ibid., Box, 029: резкое сокращение ассигнований на нужды русских последовало в 1931 г., так как в результате принятия Моратория Гувера, который сокращал долг Германии, Югославия потеряла 800 миллионов динаров, поступавших ежегодно в счет репараций из Германии.

16. Обобщенные данные о Земгоре см. в работе: Simpson. Refuqee Problem, p. 181—183, а также в «Информационном листе» этой организации. О пожертвованиях на нужды русских детей за границей см. журнал «День русского ребенка» (Сан-Франциско, ред. Н.В.Борзов № 1—8 (1934—1941)).

Таблица 1

Распределение неассимилированных русских беженцев в Европе и на Ближнем Востоке на определенные даты (в скобках приведены независимые оценки)

Страна	1 января 1922 г.	1 января 1930 г.	1936–1937
	основывается на оценках (….)	по данным подкомитета частных организаций по делам беженцев	по данным Службы Нансена
Австрия	3000-4000	2958	2500
Бельгия	3823	прим. 7000	8000
Болгария	30000-32000	21830	15700
Кипр	600-700	40	11
Чехословакия	5000-6000	15184	9000
Гданьск	(1000)	600	747
Дания	(800)	300	600
Египет	1000-1500	(500)	(350)
Эстония	14000-16000	11200	5283
Финляндия	19000-20000	10000	7932
Франция	67000-75000	150000-200000	100000-120000
Германия	230000-250000	90000	45000
Великобритания	8000-10000	4000	(2000)
Греция	3000-3200	прим. 2000	2205
Венгрия	3000-4000	5045	4000
Италия	8000-10000	2500	(1300)
Латвия	16000-17000	15646	12800
Литва	(4000)	5000-8000	5000
Польша	150000-200000	80000-90000	80000-100000
Румыния	35000-40000	12000-15000	11000
Швеция и Норвегия	1000-1500	1000	2500
Швейцария	2000-3000	2266	(1000)
Турция	30000-35000	1400	1211
Югославия	33500	29500	27000-28000
Всего не прошедших натурализацию русских беженцев в Европе и на Ближнем Востоке	(в средн.) 718000 (688000-772000)	(в средн.) 503000 (470000-536000)	(в средн.) 355000 (345000-386000)

Таблица 2

Распределение неассимилированных русских беженцев по географическим зонам

Группы стран	1922	1930	1937
Турция	35000	1400	1200
Балканские страны			+
Греция	3000	13000	2200
Румыния	35000	30000	11000
Югославия	34000	22000	27500
Болгария	31000	–	15700
	138000	68400	57600
Польша и страны Прибалтики			+
Эстония	15000	11000	5300
Финляндия	20000	10000	8000
Латвия	16000	16000	13000
Литва	4000	5000	5000
Гданьск	–	–	–
Польша	175000	85000	80000
	230000	127000	111000
Центральная Европа			
Австрия	4000	3000	2500
Венгрия	3000	5000	4000
Чехословакия	5000	15000	9000
Германия	250000	90000	45000
	252000	113000	60500
Франция	70000	175000	110000
Другие страны Западной Европы			+
Бельгия	4000	7000	8000
Великобритания	9000	4000	(2000)
Италия	9000	25000	(1300)
Скандинавия	2000	15000	3000
Швейцария	3000	23000	(1000)
Другие	1000	27000	(1700)
	28000	20000	17000
Дальний Восток	145000	127000	94000
Всего	863000	630000	450000

17. «Голос эмигранта», Берлин, № 9, 10 (20 декабря и 22 января 1922 г.) публикует список организаций беженцев в Берлине, Праге, Париже, Варшаве и Белграде. В.А.Оболенский и Б.М.Сарач, ред. Русский альманах-справочник (Париж, 1931), с. 241—257, перечисляет тринадцать подобных организаций во Франции.

18. Оболенский и Сарач. Русский альманах. В фондах Бахметевского архива находятся документы вполне типичной организации подобного рода — Союза русских шоферов. В этом фонде содержатся копии представлений, сделанных в защиту членов этой организации, попадавших в дорожные происшествия и аварии; представления помогали избежать штрафов и лишения лицензий.

19. Зинаида Жемчужная. Пути изгнания — Урал, Кубань, Москва, Харбин, Тяньцин — Воспоминания. Tenafly. N.y. Ermitazh, 1987; Дневники Ивана И. Серебренникова в Гуверовском архиве. См. прекрасный, полухудожественный автобиографический очерк Нины Федоровой «Семья». New York: Chekhov. Publishing House, 1952.

20. Фонд Палеолога, Box 17, file 32, part 2. «Доклад о расселении русских беженцев в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев» от 20 февраля 1922 г., с. 6 и далее. В начале 20-х гг. 8000 беженцев основали 57 колоний. После эвакуации Крыма число колоний достигло 323. Правила управления были разработаны в июле 1920 г. Устав Суда чести (разрешавшего споры внутри колонии) был одобрен сербскими властями в сентябре 1920 г., обновлен и дополнен в 1921 г.

21. Об обосновавшихся там представителях академических кругов писали эсеровские газеты и журналы и некоторые писатели, например Вас. Немирович-Данченко и Е. Чирков, связанные с издательством Ф.Топича. — В.Хеллман. Чешское издательство «Ф.Топич» и русские писатели — Новый журнал, 171 (1988), с. 269—287.

22. Царскими посланниками были, например, В. Штрандман в Белграде и С. Боткин в Мадриде; Временное правительство направило в Вашингтон Б. Бахметьева, в Париж — В. Маклакова. Поскольку к моменту захвата власти Лениным Маклаков еще не вручил верительные грамоты президенту Республики, у него был особый статус, однако фактически он представлял интересы русских до тех пор, пока Франция в 1924 г. не признала советское правительство.

23. Hoover Archives, Serge Botkine Collection. Box 7, file 58. («Историческая справка об организации In den Zelten»).

24. Johnston. New Mecca; M.Raeff. Le Front Populaire et la presse émigrée russe.

25. Большинство русских, которые там оставались, в 1945 г. вынуждены были вновь спасаться бегством (например, С.Г.Пушкарев), некоторые были арестованы советскими властями (как Н.Е.Андреев) или депортированы (П.Савицкий) в Советский Союз. — С.Г.Пушкарев. Прага, 1921—1945 — Бегство из Праги. — Новый журнал, 147 (1982), с. 91-99. См. также его воспоминания о «русской Праге» в «Новом журнале», 149 (1982) и 151 (1983). Письма П.Н.Савицкого находятся в Бахметевском архиве.

26. В 1933 г. русское меньшинство составляло около 10% всего населения (250000) и было наиболее значительным национальным меньшинством. См.: Русские в Латвии, сборник «Дня русской культуры» (Рига, 1933). Рижская ежедневная газета «Сегодня» отразила местную ситуацию в своих материалах.

27. (М. Вишняк). Из бессарабских впечатлений. — Современные записки, 30 (1926), с. 409—438. См. также: Марк Вишняк. Годы эмиграции 1919—1969 — Париж — Нью-Йорк. (Воспоминания). Stanford: Calif. Hoover Institution Press, 1970, pp. 96—97. Марк Вишняк, пожалуй, излишне драматизировал ситуацию.

28. Kessel. Nuits de princes; Hoover Archives. Ekaterina Murav'eva Papers. Letters to B.B.Mehring. Box 5.

29. Например, 16 января 1928 г. С. Палеолог советовал А.И.Кулябко (председателю русской колонии в Сремски Карловицах) пройти югославскую натурализацию и считать ее формой «двойного гражданства» (это соответствовало существовавшему раньше в империи правилу, когда с разрешения властей можно было принимать иностранное гражданство). Paléoloque Papers, Box 026.

30. В 1933—1934 гг. группа эмигрантов-меньшевиков организовала в Париже кооперативную радиомастерскую. Дела у нее шли неважно, даже несмотря на пожертвования со стороны преуспевающих доброжелателей. Очерки Тэффи и стихи Дона Аминадо, публиковавшиеся на страницах парижской русскоязычной периодики, также дают примеры личных деловых контактов.

31. Историк А.А.Кизеветтер в своем письме к Маклакову критиковал подобные сепаратистские настроения эмигрантов:

«Мне думается, что впредь до возможности делать в России общественно полезное дело эмиграция могла бы найти поле для деятельности за рубежом, если бы она не отграничивалась от окружающей местной жизни. Не делают ли русские зарубежники ошибку в том отношении, что, убаюкивая себя иллюзией на скорое возвращение в Россию, они живут за границей как на станции, замыкаясь в своем кругу, не завязывая сношений с окружающей их жизнью...» (1 декабря 1923 г.)

В более общей форме эту изоляцию изгнанников, которую он объяснял утратой чувства настоящего, описывал и Манес Шпербер: «Для изгнанника самое быстротечное и тем не менее самое значимое из трех времен — настоящее — враждебно. Лишь в прошлом он находит для себя оправдание и основание для надежд на будущее, когда все уладится, узурпаторы будут повержены, а ссыльные непременно возвысятся на вновь обретенной родине. Эта желанная и вместе с тем каждый день причиняющая новую боль тоска по прошлому мешает ему пустить корни в стране-убежище. Да он этого и не хочет, ведь он находится в пути, ему все представляется временным, всякое «сейчас» для него быстротечное «между тем»» (M. Sperber. Bis Man mir die Scherbon auf die Augen legt. Vienna: Europa Verlag, 1977, p. 104).

32. В фонде Алексея фон Лямпе (Hoover Archives, Aleksei A. von Lampe papers, Box 4) содержится обширная корреспонденция по поводу приказа № 82 генерала Врангеля, согласно которому ветераны не должны вступать в политические партии или участвовать в нелегальной политической деятельности, как этого требовал великий князь Николай Николаевич, формально являвшийся верховным главнокомандующим Белых армий и представителем Дома Романовых.

33. См. прим. 29. Это отношение напоминает известное еврейское стихотворение XIX в. «Еврей дома и русский на улице».

Дополнительная избранная библиография

Наиболее ценный справочник по эмигрантам — деятелям культуры:
П. Е. Ковалевский. Зарубежная Россия — история и культурно-

просветительная работа русского зарубежья за полвека 1920—1970, в 2-х тт. Paris Libraire des cing continents, 1971—1973.

Вл. Маевский. Русские в Югославии. — Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк, «Исторический кружок», 1966.

С. Постников, ред. Русские в Праге, 1918—1928. Прага, 1928.

Геннадий Озерецковский. Россия малая. — Том I: Русский блистательный Париж до войны. Париж, 1973.

Иван К. Окунцов. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес: «Сеятель», 1967.

ГЛАВА 3

1. Этот раздел своим появлением во многом обязан докладу, подготовленному Марксом Джонсоном для семинара по политической эмиграции XX в., проходившего в Колумбийском университете в 1986 г.

   В. В. Зеньковский, ред. Дети эмиграции. Сборник статей. Прага, Педагогическое бюро по делам средней и низшей школы за границей, 1925.

2. Как писал А.Петров, преподаватель русской школы в Стамбуле в 1924 г.:

   «Нам нельзя думать только о снабжении учащихся каким-нибудь комплексом знаний; мы раз на всегда должны отойти от старой пассивной школы. Сама собой выдвигается на первый план задача воспитания: мы обязаны воспитать детей, а все остальное будет достигаться легко; нельзя думать только об интеллекте, когда больна вся душа... Весь строй школы должен быть поставлен так, чтобы уроками, рекреациями, жизнью в интернате действовать на всю душу ребенка или юноши, одновременно лечить, воспитывать и учить. Наша школа должна стать прежде всего школой-семьей, где жизнь педагога неразрывно связана с детской жизнью, где не будет двух лагерей «мы» и «они», а все будут спаяны воедино. Далее наша школа, в виду переживаемого времени, должна думать о воспитании воли, характера, борьбе с той дряблостью и мягкотелостью, которая так разительно сказалась в русской интеллигенции в годину тяжких испытаний. Наконец третье — и м. б. самое важное: руководясь новейшими течениями педагогики и психологии, наша школа должна быть строго национальной, на нас лежит трудная ответственная задача сохранить в детях, а в нужных случаях зажечь святой огонь любви к утраченной отчизне, познакомить их с величием родной истории, красотой родной поэзии и литературы — словом, дать знание и понимание родного края». («Русская школа за рубежом», 9 (1924), с. 96).

3. Более подробные сведения см.: Зеньковский. Дети эмиграции, с. 249—250; Sir John Hope Simpson. The Refugee Problem — Report of a Survey. London, New-York, Toronto: Oxford Univ. Press, 1939, p. 101.

4. Переход на новое летоисчисление был воспринят более легко, поскольку эмигрантам приходилось жить в иностранном окружении, которое пользовалось григорианским календарем. Например, берлинская ежедневная газета «Руль» указывала обе даты, и по юлианскому и по григорианскому календарю, до 1925 г., затем стала давать только последнюю.

5. «Русский колокол» (Белград), № 1—9 (1928—1930); А. М. Черный и В. В. Зеньковский, ред. Русская Земля. Альманах для юношества (Париж, Религиозно-педагогический кабинет и ИМКА-Пресс, 1928); Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси 988-1938 (Белград, 1938).

6. Хорошо известный детский поэт Саша Черный писал 15 марта 1924 г. из Рима (где его жена преподавала детям Леонида Андреева) писателю А.Амфитеатрову:

«В Париже хочу попытаться наладить русский детский журнал, хотя бы самый скромный по заданиям. О детях как то все позабыли, и тысяча их, разбросанные по всем углам Европы, забывают родной язык и кроме случайно купленной у букиниста старой хрестоматии — часто ничего не имеют. Выйдет ли из этой затеи толк, не знаю. Литературных сил сколько угодно, да для детей и из старого (им незнакомого) можно дать сколько угодно чудесных страниц. Но издатель....»

7. Журнал «Русская школа за рубежом» (Прага, ред. С.И.Гессен, №№ 1-34, 1923-1929) отражал развитие этих процессов и помещал материалы о русских школах во всех странах, где проживали представители русской диаспоры. В особенности интересны отчеты о Русском педагогическом конгрессе в Праге в 1923 г. (его работа освещалась в № 2—3 за 1923 г., с. 1-30) и о Втором конгрессе, который также проходил в Праге 5—12 июля 1925 г. (№ 15—16, 1925, с. 209—225).

8. Franz Basler. Die deutsch-russische Schule in Berlin 1931—1945 — Geschichte und Auftrag (Berlin: Veroffentlichungen der Abteilung fur Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa Instituts an der Freien Universitat Berlin, Band 54, 1983). Обобщенные сведения об эмигрантских школах см. в кн. П.Ковалевский. Зарубежная Россия, в 2 тт. (Paris. Libraire des cinq continents, 1973), т. I, с. 39—65.

9. Информационный бюллетень педагогического бюро, 1926—1927, Прага; Вестник педагогического бюро, 1927—1931, Прага; Бюллетень педагогического бюро по делам средней и низшей школы за границей, Прага, № 1—10, 1923—1927.

10. Bakhmeteff Archive, V. V. Zen'kovskii Memoirs; Sophie Koulomzin, Many Worlds: A Russian Life Crestwood, N.Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1980.

11. В.В.Руднев. Судьбы эмигрантской школы. Прага, 1929, с. 7. Автор приводит следующие цифры за 1928—1929 учебный год: 29 детских садов, которые посещало 820 воспитанников, 62 человека персонала; 52 начальные школы, где обучалось 1452 учащихся (378 сотрудников); 37 средних школ — 5401 учащийся и около 3450 сотрудников. Более того, в славянских странах, где численность эмигрантов составляла примерно 75 000, в русских школах обучалось 49 000 детей (3250 преподавателей), тогда как в неславянских странах, где проживало более 350 000 эмигрантов, русские школы посещало лишь 26 000 детей (650 преподавателей) (с. 10). Эти цифры иллюстрируют перевес в пользу местных школ в неславянских, западноевропейских странах.

12. См. прошение двух сестер Ольденбург (Зоя впоследствии стала известной французской писательницей) о предоставлении стипендии для обучения в лицее в Париже (Bahhmeteff Archive. «Союз русских писателей и журналистов». Box 1).

13. Русский учитель Федор Ростовцев свидетельствовал, что в 1932 г. курс «русских дисциплин» на факультативной основе предлагали следующие французские лицеи: 6 — в Париже (Jeanson de Sailly, Buffon, Fénelon, Hoche, Moliere, Michelet), 4 — в Ницце и 1 — в Версале. Всего эти занятия посещал 231 ученик, преподавание вели 22 человека. Официальная субсидия составляла 57 000 франков (для сравнения — профессор лицея получал 38 000 в год). — Hoover Archives. Fedor Rostovtseff Papers, Box 2.

14. Koulomzin. Many Worlds. См. также программу мероприятий в штабе за январь—март 1933 г. (Paul B. Anderson Papers, 1913—1982, University of Illinois at Urbana-Champaign, University Archives, Record Series 15/35/54, Box 23 (далее Anderson Papers).

15. Труды русских ученых за границей. Т. 1. Берлин, 1922, с. 272—280.; Обзоры деятельности академической группы; Anderson Papers, Box 27: Письмо Н.Бердяева Андерсону, 21 февраля 1928 г.

16. Русская академическая группа ставила перед собой следующие задачи: тщательный учет русских ученых за рубежом и изучение их положения (1); организация научных обществ в каждой стране (2); выявление возможных вакансий в каждой стране, которые могли бы занять русские (3); рекомендация русских ученых для занятия этих вакансий (4); сбор и распространение помощи между учеными и научными проектами (5); обеспечение учебных и научных заведений книгами и журналами (6). — Труды русских ученых за границей. Т. 1 (1922). Более общие цели см. там же, с. 272.

17. L.Hamilton Rhinelander. Exiled Russian Scholars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute, — Canadian Slavonic Papers 16(3) (1974), 331—52. Райнлендер любезно предоставила мне экземпляр рукописи «Материал, предоставленный доктором Н.Е.Андреевым, бывшим студентом, сотрудником и исполнительным директором Института им. Кондакова». Кембридж, сентябрь 1968 г.

18. Ученые записки, основанные русской учебной коллегией в Праге, 1924; Записки русского исторического общества в Праге, 1927-1930.

19. Anderson Papers, Box 3. Доклад от 1 января 1936 г. насчитывает всего 9850 студентов (на 52 больше, чем в предыдущем месяце): 24392 принятых и 5704 окончивших. См. также «Доклад об организации Русского Высшего Технического Института содиректора Пола Б.Андерсона» 15 февраля 1932 г. (Anderson Papers, Box 10).

20. Richard Pipes. Struve — Liberal on the Right, 1905—1944 Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1980, p. 395—96; T. Pachmuss. Intellect and Ideas in Action — Selected Correspondence of Z. Hippius Munich: W. Fink, 1972, p. 219—228.

21. Известия юридического факультета в Харбине, № 1—12. Харбин, 1925—1938.

22. Русская общественная библиотека имени И.С.Тургенева. Сотрудники — друзья — почитатели. Сборник статей. Paris, Bibliotheque russe de l'Institut d'études slaves, tomo 78, 1987.

23. George Fischer. The Russian Archive in Praque. American Slavic and East European Review 8 (1949): 289—95; Bakhmeteff Archive, Svatikov Papers, Box 5 (Letters to O. S. Minor); и С.Постников, ред. Русские в Праге, 1918—1928. Прага, 1928, с. 41—50.

24. Русский заграничный исторический архив в Праге. Библиография русской революции и гражданской войны (1917—1921) — из каталога Р.З.И. архива, ред. С.П.Постников. Прага, 1938.

25. В дополнение к статье Фишера «Russian Archive» см. мемуары С.Г.Пушкарева «Прага 1921—1945. — Бегство из Праги» — «Новый журнал», 147 (1982), с. 91—99. Неопубликованный каталог сохранившихся материалов

Пражского Архива и Библиотеки был подготовлен г-жой М.Райман, которая любезно показала мне его в Тюбингенском университете.

26. «Студент». Прага, 1921—1922; «Студенческие годы». Прага, 1922—1925; Голос студента. Сборник. Прага, 1923.

ГЛАВА 4

1. По свидетельству покойного доктора А.С.Кагана, одного из основателей и владельца «Петрополиса».

2. Например, на книге Г. Флоровского «Пути русского богословия» (1938) стоит импринт ИМКА. Она была напечатана в Белграде, где весь тираж погиб во время второй мировой войны.

3. Anderson Papers, Box 9. Объединение парижских русских издателей и книгопродавцов. протокол заседания Товарищества объединенных издателей от 1 ноября 1935 г.

4. И. А. Шомракова. Зарубежные связи Госиздата. — Федоровские чтения, 1979. М., 1982, с. 113—120; свидетельство доктора А.С.Кагана; Л.Флейшман, Р.Хьюз, С.Раевская-Хьюз, ред. Русский Берлин, 1921—1923. Париж. ИМКА-Пресс, 1983. Русская книга за границей. Т. 1. М., 1926.

5. «Русская книга», ежемесячный критико-библиографический журнал. Ред. А.С.Ященко, № 1—9. Берлин, 1921. За ним последовал другой журнал — «Новая русская книга», № 1—12. Берлин, 1922; № 1—6, 1923. Также — Славянская книга. Месячник славянской библиографии (Ф.С.Мансветов, ред.). Прага, 1925—1926; Свободная Россия. Прага и Берлин, 1924—1926. Труды комитета русской книги, № 1. (Русская зарубежная книга. С.П.Постников, ред. Прага, 1924.)

6. M. Heller. Premier Avertissement: Un coup de fouet. — Cahiers du monde russe et soviétique 20:2 (April—June 1979): 131—172. Германские власти наиболее охотно оказывали содействие в получении виз и организации переездов. Свидетельство А.С.Кагана.

7. Thomas R. Beyer, Jr. «The House of the Arts and the Writers' Club, Berlin, 1921—1923» в книге: T. Beyer, G. Kratz, X. Werner. Russische Autoren und Verlage nach dem ersten Weltkriege. Berlin: Arno Spitz, 1987, p. 9—38. В приложении I перечислены встречи и лекции, проходившие в Доме Искусств; в приложении II — лекции и встречи в Клубе писателей.

8. Boyer, Kratz, Werner. Russische Autoren und Verlage. Весьма интересные и неожиданные результаты могли бы принести исследования положения в Париже, Праге, Риге и Белграде, подобные тому, что было предпринято для изучения положения в Берлине.

9. Издание И.П.Ладыжникова. Каталог. Берлин, И.П.Ладыжников, 1924; Книгоиздательство союза молодых людей — ИМКА-Пресс. Каталог, 1921—1956. Paris. Editeurs réunis, n.d.

10. A.V.Amfiteatrov Papers, Lilly Library, Indiana University (далее — Amfiteatrov Papers), письмо П.П.Балакшина Амфитеатрову, 1 мая 1934 г.. Автор информирует об организации в Сан-Франциско Русской писательской гильдии Калифорнии для защиты авторского права. В письме от 6 мая 1935 г. он констатиру-

ет, что его усилия ни к чему не привели. В том же архиве находится письмо из Сен-Нектера (Франция) от Тэффи (без даты), где она пишет, что привыкла к тому, что большевики, сербы и болгары «заимствуют» у нее рассказы, переводят и перепечатывают их.

11. Полные библиографические данные и описание изданий ИМКА даны в 6 главе, посвященной церкви и религии. Упомянутый выше (прим. 9) каталог ИМКА-Пресс перечисляет издания по следующей проблематике: (1) теология, философия, социология, апологетика, агиография (наиболее крупная рубрика, (с. 11—49); (2) литургика, катехизис, религиозное образование (с. 50—55); (3) художественная литература, классика, литературоведение, мемуары, книги для детей; (4) журналы («Новый град», «Путь», «Православная мысль»); и (5) учебники (включая технические брошюры).

12. Вл. Семичев — А.Циону, 15 июля 1921 г. Hoover Archives, Nicolaevsky Collection, 13—12.

13. Георгий Иванов. Без читателя. — «Числа», № 5, 1931, с. 148—152, перепечатано в книге: В. Крейд, ред. Третий Рим. Художественная проза. Статьи. Tenafly. NJ. Ermitage, 1987, pp. 239—43.

14. П. Милюков. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. Юбилейное издание. Париж, «Современные записки», 1937, с. VII.

15. Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. вып. 1 (1920—1930), вып. 2, часть 1 (1930—1940). Белград: Изд-во Русского научного Института в Белграде, 1931—1941. Переиздано: The Hague, Paris. Monton-Slavistic Printings and Reprintings, vol. 236, 1970.

16. См.: Hoover Archives, Gleb Struve Collection, Box 31, письма Григория Ландау (соиздателя «Руля») от 21 января и 19 февраля 1930 г., где говорится, какого рода материалы он просил бы Г.Струве перевести с английского.

17. T. Ossorguine-Bakounine, comp., L'Emigration russe en Europe. Paris: Institut d'Btudes slaves, 1976. Конечно, полицейские архивы и личные документы могли бы пролить дополнительный свет на историю отдельных публикаций.

18. «Последние новости». Ежедневная газета (ред. М. Л. Гольдштейн, затем П.Н.Милюков) № 1—7015, с 27 апреля 1920 г. по 11 мая 1940 г. «Возрождение». Орган русской национальной мысли (ред. П. Б. Струве, затем Ю. Ф. Семенов), Париж, 1—4239, 3 июня 1925 — 7 июня 1940 г. «Сегодня». Независимая демократическая газета (ред. М. С. Мильруд). Рига, с 17 августа 1919 г. по 21 июня 1940 г. (?). «Новое время». Ежедневная газета (ред. М.А.Суворин). Белград, 1921—?.

19. Ю. Ф. Семенов. Краткая история зарубежной России 1919—1940, с. 53 (Nicolaevsky Collection, series 10, Box 4, 19—14).

20. См. там же; M. Raeff. Le Front Populaire et la presse émigrée russe. — Mélanges Portal, Revue des études slaves.

21. «Встречи». Ежемесячный журнал, № 1—6, Париж, январь-июнь 1934 г.; «Веретено». Литературно-художественный альманах. Берлин, 1922; «Звено». Берлин, 1922, Париж, 1923—1928 (подзаголовки менялись).

22. «Социалистический вестник». Центральный орган российской социал-демократической рабочей партии. Основан Ю. Мартовым, № 1—784, (1 февраля 1921 — ноябрь—декабрь 1963). Cf. A. Liebich. The Mensheviks in the Face of

Stalinism. — Ripensare 1956 — Socialismo Storia (n.p.: Annali della Fondazione Giacomo Brodolini, n.d.); A. Ascher. Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1972; Leopold H. Haimson, ed. The Mensheviks:From the Revolution of 1917 to the Second World War. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1974.

23. От редакции. — «Современные записки». Ежемесячный общественно-политический журнал. Париж, № 1, 1920.

24. М. В. Вишняк. Современные записки. Воспоминания редактора. Bloomington: Indiana University Publications, Slavic and East European Series, vol. 7, 1957, p. 116. Вишняк не упоминает, в каком году произошло это сокращение заработной платы.

25. «Иллюстрированная Россия». Еженедельный (позднее — двухнедельный) литературно-иллюстрированный журнал. Париж, 1924—1939. «Для Вас». Еженедельный иллюстрированный журнал. Рига, 24 декабря 1933 — 27 июня 1940 г.

26. «Новый град», 10 (1935), с. 132-138; 11 (1936), с. 136-160. См. также: Г. Адамович. Table Talk. — «Новый журнал», 64 (июнь 1961), с. 114—115; В. Яновский. Поля Елисейские. Нью-Йорк. Серебряный век, 1983; Круг. Альманах. Берлин, Париж, 1938—1939.

27. Братство русской правды. Ср.: Amfiteatrov Papers... письма Вл. Бурцева; Nicolaevsky Collection, № 228.

28. Роман Гуль. Я унес Россию. — «Новый журнал», 152 (1983), с. 41—64; Nicolaevsky Collection, № 213 («Лотос». История образования и деятельности 1933—1949. Париж, 1950.)

29. Beyer. The House of the Arts. См. также: В. Варшавский. Незамеченное поколение. Яновский. Поля Елисейские; Гуль. Я унес Россию.

30. «Чураевка». Литературная газета кружка искусств, науки и литературы Чураевка. Харбин, 1932—1934.

31. Что касается Франции, то есть хроника для 1920—1930 гг. Michele Beyssac. La Vie culturelle de l'émigration russe en France-Chronique 1920—1930. Paris: Faculté des lettres et sciences humaines de l'Université de Clermont-Ferrand, 2e série, fasc. 32, 1971.

32. Есть мнение, что инициатором выступил руководитель Земгора князь П.Долгоруков, однако призыв был составлен от имени следующих организаций: Правления союза русских академических организаций за границей, Педагогического бюро по делам средней и низшей школы за границей, Объединения русских студенческих организаций. В призыве, подписанном в Праге в марте 1925 г., в частности говорится:

«К русским людям за рубежом

Несколько миллионов русских людей вынуждено жить за пределами нынешней России. Они распылены почти по всем государствам земного шара. И даже там, где они находятся в большом числе, они большею частью не имеют между собою живой связи и объединяющих культурных задач. Значительная часть их поглощена целиком заботами о хлебе насущном и не уделяет достаточного внимания потребностям духа. Если подобное положение вещей затянется, то немалому числу этих русских грозит утрата живого чувства родины. Особенно наглядно это успело уже сказаться на той значительной части нашего подрастающего поколения, которая находится вне русской школы и младшие возрасты

которой покинули Россию в раннем детстве. Непосредственные воспоминания о родине у этих детей тускнеют, а у иных даже совсем исчезли. Многие уже коверкают родную речь, а есть и такие, которые ее совершенно забыли. В дальнейшем эти явления грозят принять массовый характер и не только у одних детей. А тогда каким образом этим людям удастся выполнить мечту огромного большинства русских за рубежом: вернуться в Россию и работать над ее воссозданием?

Вот почему отсутствие национальной устойчивости в русской зарубежной среде прямо преступно. Чтобы бороться с этим национальным бедствием, необходимо прежде всего ясное сознание всей его остроты и все остальное приложится. Необходимо также объединение всех усилий в этом направлении, ибо разрозненные попытки часто обречены на бессилие.

Нижепоименованные центральные зарубежные организации решили обратиться к местным русским союзам, обществам и группам с предложением устройства ежегодного «дня русской культуры», считая это одним из желательных способов объединения всех русских людей. Таким днем мы предлагаем избрать 8 июня нового стиля (26 мая старого стиля) — день рождения Пушкина, более чем кто-либо наложившего печать своего творческого гения на язык русского народа.

Празднество это должным образом проведенное будет содействовать подъему духа зарубежных русских в нынешней тяжелой обстановке».

33. Меморандум М.В.Бискупского объединенному собранию советов приходов русской церкви в Белграде и Комитету по организации празднования дня св. Владимира. Ноябрь 1930 г.; бюллетень № 11 Союза русских деятелей образования в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, 28 февраля 1931 г. (Paléologue Papers. Box 029.)

ГЛАВА 5

1. Марина Цветаева. Мой Пушкин. — Избранная проза в двух томах, 1917—1937, т. 2. New York. Russica, 1979, с. 249—304, 356—359; «Мой Пушкин» был опубликован отдельной книгой (М., 1967) со ссылками на оригинальные издания.

2. Статьи С. Франка о религиозности и политических взглядах Пушкина собраны в кн.: С. Франк. Этюды о Пушкине. 3 изд. Париж: ИМКА-Пресс, 1987; П.Б.Струве. Дух и слово. Сборник статей. Париж. ИМКА-Пресс, 1981; Г.Федотов. Певец империи и свободы. — Современные записки, 63 (1937), с. 178—197.

3. Д. Мережковский. Толстой и Достоевский, тт. 1—2. СПб., М. В. Пирожков, 1903; А. Лютер. Достоевский в Германии. — Литературный альманах «Грани», т. 2. Берлин, 1923, с. 127—160.

4. Н. Бердяев. Миросозерцание Достоевского. Прага-Париж: ИМКА-Пресс, 1923, 1968. Есть несколько переводов на разные языки. См.: Bibliographie des oeuvres de Nicolas Berdiaev. Paris, JMKAPress, 1978; Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, ИМКА-Пресс, 1938; К. Мочульский. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж: ИМКА-Пресс, 1947. «Прародителем» подобного прочтения Достоевского, помимо Мережковского, был С. Булгаков: Иван Карамазов как философский тип // От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896—1903). Frankfurt.: Possev Verlag, 1968, с. 83—112.

5. В. А. Маклаков. Лев Толстой. (Учение и жизнь). — «Современные записки», № 36 (1928), с. 220—263; Толстой как мировое явление. — Там же, № 38 (1929), с. 224—245. См. также: главу «Маклаков и Толстой» в книге Г. Адамовича «Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек». Frankfurt.: Possev Verlag, 1968, с. 83—112.

6. Н.М.Зернов, М.В.Зернов. За рубежом. Белград-Париж-Оксфорд, 1921—1972. Париж, ИМКА-Пресс, 1973, часть II, раздел 2.

7. В. Н. Ипатьев. Жизнь одного химика, т. 2 — 1917—1930. New York, 1945; С. Тимошенко. Воспоминания. Paris, 1963.

8. Amfiteatrov Papers. М.А.Алданов в письме к Амфитеатрову в феврале 1933 г. утверждает, что Бунинский комитет послал ему 3000 франков. Бунин предполагал, что ему нужно будет распределить от 70 000 до 100 000 франков, так как ожидал, что в дополнение к Нобелевской премии получит еще 150 000 гонорара, но этого не случилось. Бунин выделил 40 000—50 000 франков из тех 600 000, что он получил в качестве премии. См. также письма Алданова к Амфитеатрову от 27 ноября 1933 г. и 9 января 1934 г. (в последнем утверждается, что Бунин распределил еще 50 000 франков между семью известными писателями, среди которых был и Амфитеатров). На пути в Стокгольм для получения премии Бунин столкнулся с весьма грубым отношением немецких пограничников и официальных лиц, что сделало его решительным противником нацизма. Во время войны он отказался вернуться в оккупированный немцами Париж, несмотря на заверения Бердяева в том, что немецкие солдаты ведут себя спокойно и что присутствие Бунина пойдет на пользу русским. Бунин также во время немецкой оккупации предоставил убежище еврейскому литератору А.Бахраху в своем доме около Грасса в так называемой «Свободной зоне».

9. Как отметил В. Аксенов в разговоре, состоявшемся в Колумбийском университете.

10. Произведения советских поэтов рецензировались такими критиками, как М.Слоним, К.Мочульский и Д.Мирский (Святополк-Мирский) в основных «толстых» журналах, прежде всего в «Воле России» и «Современных записках». См. также библиографический указатель: Эммануил Штейн. Поэзия русского рассеяния, 1920—1977. Ashford, Conn. Ладья, 1978.

11. «За все, за все спасибо. За войну ...». Это стихотворение было впервые опубликовано в журнале «Новый корабль», № 4, Париж, 1928. Переиздано в книге Г.Адамовича «На западе», Париж, Дом книги, 1939, с. 50 и в послевоенном сборнике «Единство», Нью-Йорк, Руссика, 1967, с. 21, где дан более удачный вариант последних строк. Издательство «Дом книги» публиковало серию «Русские поэты», где печатались (или должны были печататься) произведения поэтов, живущих во Франции. Каждый выпуск имел тираж 200 экземпляров, 20 из которых не поступали в продажу. Среди тех, кто опубликовался в этой серии, были Г.Адамович, А.Гингер, Б.Поплавский, С.Прегель, Н.Станюкович, Н.Цетлин, Амари (М. Цетлин), Ю.Терапиано, В.Смоленский, А.Головина, Вяч. Иванов, З.Гиппиус и Л.Кельберин.

За все, за все спасибо. За войну,
За революцию и за изгнанье.
За равнодушно-светлую страну,
Где мы теперь «влачим существованье».

Нет доли сладостней — все потерять.
Нет радостней судьбы — скитальцем стать,

И никогда ты к небу не был ближе,
Чем здесь, устав скучать,
Устав дышать,
Без сил, без денег,
Без любви,
В Париже...

12. Г. Струве. Русская литература в изгнании. 2-е изд. Париж, ИМКА-Пресс, 1984; сборники и автобиографические книги: Г. Иванов. Без читателя. — «Числа», № 5 (1931), с. 148—152; переиздано в кн.: В. Крейд, ред. Третий Рим. Tenafly. N.J. Ermitage, 1987; В. Яновский. Поля Елисейские, Нью-Йорк, 1983 (Серебряный Век); В. Варшавский. Незамеченное поколение. New York. Chekhov Publ. House. 1956. См. также: Д. Аминадо. Поезд на третьем пути. New York. Chekhov Publishing House, 1954; Н. Оцуп. Современники. Париж, 1961; В. Ходасевич. Литературные статьи и воспоминания. New York: Chekhov. Publ. House, 1954; Н. Берберова. Курсив мой. Автобиография. 2-е изд., т. 1. New York: Russica, 1983; И. Одоевцева. На берегах Сены. Paris. La presse libre, 1983.

13. В. Вейдле. О французской литературе. — «Современные записки», № 39 (1929), с. 491—502.

ГЛАВА 6

1. Gregory L. Freeze. Handmaiden of the State: The Church in Imperial Russia Reconsidered. — Journal of Ecclesiastical History. 1985, January, p. 82—102.

2. По вполне понятным причинам я не буду вдаваться в чисто теологические вопросы, например в учение С. Булгакова о божественной мудрости (софиология).

3. Письмо помощника Джона Д.Рокфеллера-младшего У.С.Ричардсона устанавливает сроки и порядок платежей. — Письмо Ричардсона Джону Р. Мотту от 19 марта 1926 г. Anderson Papers. Box 8.

4. Подробнее о первом наборе и бюджете см.: Хроника Богословского Института. — «Православная мысль», 1 (1928), с. 226—231. Отчет об итогах деятельности за три года см.: Отчет о деятельности Православного Богословского Института за трехлетие 1927—1930 годов — Там же, 2 (1930), с. 200—209.

5. См. «Меморандум о русских вкладах в Православную Богословскую Академию, Париж», написанный Полом Андерсоном 11 мая 1928 г. — Anderson papers. Box 8., а также письма Эдгара Мак-Нотона А. В. Морозову и Ф. Т. Пьянову от 19 августа 1932 г. — Ibid. Box 3.

6. Lev A. Zander, ed. List of the Writings of Professors of the Russian Theological Institute in Paris. Vol. 1—4. Paris, 1952—1954. Полезные сведения о Богословском Институте св. Сергия можно обнаружить также у Алексея Князева. — L'institut St. Serge — De l'academie d'autrefois au rayonnement d'aujourd'hui. Paris, Bauchesne, 1974 [Le Pont Theologique no. 14], а также у Дональда А.Лоури. — Saint Sergius in Paris. — The Orthodox Theological Institute. New York, McMillan, 1954. Ср.: Nicolas Zernov, comp., Russian Emigre authors: a Bibliographical Index and Bibliography of their Works on Theology, Religious Philosophy, Church History and Ortodox Culture, 1921—1973. Boston, G.K. Hall, 1973; A. D. Schmemann. Russian Theology

1920—1965: a Bibliographical Lecture. — Seventh Annual Lecture, Union Theological Seminary in Richmond, Virginia, 1969.

7. Второе издание «Путей русского богословия» вышло в Париже в издательстве ИМКА-Пресс в 1981 г. с предисловием о. Иоанна Мейендорфа. Библиография опубликованных работ Г. Флоровского была составлена Томасом Бердом и до сих пор не опубликована.

8. Библиография опубликованных работ Г.Федотова была составлена его вдовой. — Библиография трудов Г.П.Федотова 1886—1951. Paris, s.d., s.1.; Г.П.Федотов. Святые древней Руси. 3-е изд. Paris: YMKA-Press, 1985. John Meyendorff, ed. G. P. Fedotov. Russian Religious Mind. 2 vols. Cambridge, Mass. Harvard Univ. Press, 1946, 1966.

9. См.: Книгоиздательство и книжный склад исторической Почаевской церковной типографии пр. Иова во Владимирской на Карпатской Руси в Чехословакии. Каталог 1924-1936. Ladomirova, 1936.

10. Прот. Сергей Гаккель. Мать Мария (1891-1945). Paris: YMKA-Press, 1980. Советский Союз недавно наградил мать Марию посмертно орденом. — Передача Радио «Свобода», 26 июня 1985 г. «Награды русским эмигрантам, принимавшим участие во французском Сопротивлении». Автор — Юлия Вишневская.

11. Об идейной среде и о вовлечении мирян в религиозную жизнь Русского Зарубежья см.: Митр. Кассиан. Родословие Духа (Памяти Константина Васильевича Мочульского). — «Православная мысль», 7 (1949), с. 7-16.

12. Большой список конференций дан в обзоре А.П.Оболенского «Указатель авторов, предметов, рецензий к журналу «Путь». New York. Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the U.S.A., 1986, p. 37—38. Наиболее важные конференции состоялись в Бервильере в 1936 г., Клермоне и Аргонне в 1926 и 1927 гг. и в Аржероне в 1925 г.

13. См.: Письмо Пола Б. Андерсона Джону Р. Мотту от 29 декабря 1935 г., касающееся подведения итогов бюджета. — Anderson papers. Box 10. Интересный взгляд изнутри на взаимоотношения ИМКА с различными русскими эмигрантскими религиозными организациями можно обнаружить в «Протоколах встречи совета Русского студенческого христианского движения за границей, 3—6 февраля 1928 г.» — Anderson Papers. Box 6.

14. Секретарь Движения диакон доктор Л. Н. Липеровский — митрополиту Антонию от 20 мая 1926 г.; митрополит Антоний — Полу Б.Андерсону от 28 ноября (11 декабря) 1926 г. — Anderson Papers. Box 3.

15. См. прим. 12. Встречи состоялись в Сент-Олбансе в 1927 г., в Хай Ли в 1929, 1930, 1931 гг., в Ньюкасле и Кембридже в 1930 г., в Оксфорде в 1937 г.

16. «Русское христианское студенческое движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной церкви и обращение неверующих к христианской вере. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит задачу подготовлять защитников церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом».

17. См. прим. 11. О Приютинском братстве интересные сведения содержатся в мемуарах Г. В. Вернадского, опубликованных в «Новом журнале» № 93, 95, 96, 97, (1968—1969).

18. Anne Heurgon-Despardins, éd. Paul Desjardins et les décades de Pontigny (études, témoignages et documents inédits). Paris,: Press Universitaires de France, 1964.

19. Soirées franco-russes. — Cahiers de la quinzaine 20:9. (20 сентября 1929, 26 ноября 1929, 18 декабря 1929, 28 января 1930). St. Fumet et G. Fedotov. Le Renouveau spirituel en France et en Russie. — Cahiers de la quinzaine 22d séries, ler cahier (1932).

20. «Протоколы конференции ... по проекту публикации русского религиозного периодического издания, проведенной в Париже 6 октября 1924 г.», «Протоколы собрания нового русского религиозного журнала, проведенного в Париже 4 декабря 1924 г.», а также письмо Пола Б. Андерсона Э. Т. Колтону от 9 декабря 1924 г. — Anderson Papers. Box 6.

21. John B. Dunlop. The New Russian Revolutionaries. Belmont, Mass, Nordland, 1976.

22. См. указатель Оболенского по журналу «Путь».

23. Эти идеи Бердяева нашли отражение в его широко известной книге «Русская идея» (New York, McMillan, 1947). Он подвергся резкому осуждению за то, что в 1945 г. обратился в советское посольство за получением советского паспорта.

24. «Смена вех» — коллективный сборник, за которым последовал второй — «О смене вех», были опубликованы в пражском издательстве «Логос» в 1921 г. В них нашли отражение идеи, что большевистская революция победила, что это во благо для России, поскольку восстанавливается ее государственное могущество, и что эмигрантам следует смириться с этой ситуацией и вернуться на родину, чтобы работать там во имя ее прогресса в рамках советской системы. Некоторые сторонники «Смены вех» были близки к евразийству, и многие участники евразийского движения разделили позиции «Смены вех». Репутация евразийского движения была подорвана после того, как было обнаружено, что его участники (среди которых был, например, муж Марины Цветаевой С. Эфрон) были замешаны в убийстве И.Рейсса, бывшего советского дипломата в Швейцарии.

25. Опубликованные в «Пути» рецензии на книги перечислены в библиографии Оболенского. Основные встречи проходили в Стокгольме в 1925 г., в Лозанне в 1927 г., в Эдинбурге в 1937 г. и в Амстердаме в 1939 г.

26. Как можно уяснить из письма И. Фондаминского Полу Б. Андерсону, субсидии ИМКА предоставлялись в форме гарантированной покупки определенного количества экземпляров (350—500) по обычной цене. Судя по этой переписке, тираж составлял 800 экземпляров. — Письмо от 19 декабря 1933 г. Anderson Papers. Box 3. См. также: M. Raeff. Le Mouvement de la cite nouvelle. — Cahiers du monde russe et Soviétique, 29 (№ 3—4), 1988, pp. 543—552.

27. В 14 номере, датированном 15 октября 1936 г., журнала «Новая Россия» (выходил в Париже под редакцией А. Ф. Керенского) Г. Федотов опубликовал статью, озаглавленную «Пасионария», в которой он утверждал, что, встав перед необходимостью выбора, он предпочитает Пасионарию (Долорес Ибарру-

ри, известного лидера испанских коммунистов) диктатору Франко. Приведенные им аргументы напоминают доводы Жоржа Бернаноса в его «Больших кладбищах под луной» (Париж: Plan, 1938), и статья имела сходный с этим произведением эффект. Попытка уволить Федотова из Института св. Сергия, предпринятая Ю. Семеновым и «Возрождением», потерпела неудачу, после того как митрополит Евлогий выступил за свободу науки, хотя мягко упрекнул Федотова. Этот эпизод хорошо освещен в документах, хранящихся в фонде Федотова в Бахметевском архиве.

28. См.: M. Raeff. Novyi Grad and Germany. — В кн.: I. Auerbach, A. Hildgruber and G. Schramm, ed. Felder und Vorfelder russischer Geschichte. Freiburg, Breisgau. Rombach, 1985.

29. Довоенные суждения Федотова о Советской России хорошо отражены в его книге «И есть и будет» (Париж, Новый град, 1932), и в сборнике его статей, опубликованных в разные годы в «Новой России». — Г. П. Федотов. Защита России. Статьи 1936-1940 из «Новой России», т. 4 его «Полного собрания статей». Paris: YMKA-Press, 1988.

Дополнительная литература.

Неопубликованные мемуары В. В. Зеньковского о его участии в «правлении» РХСД, а также о его работе в должности директора Религиозного Педагогического Бюро находятся в Бахметевском архиве в фонде В. В. Зеньковского. Подробная история Русской православной церкви за рубежом описана в кн.: Gernot Siede. Geschichte der russischen orthodoxen Kirche im Ausland von der Grundung bis in die Gegenwart. Wiesbaden. Otto Harrassowitz, 1983 [Veroffentlichungen des Osteuropa Institutes, Munchen, Bd. 51].

Nikolai P. Poltoratzky, ed. Russian Religious-Philosophical Thought of the 20th Century (A Collection of Articles in Russian). Pittsburg, Univ. of Pittsburg, Slavic Series, no 2, 1975.

Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. — Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т.Манухиной. Париж: ИМКА-Пресс, 1947.

Helen Izwolsky. Light before Dusk — A Russian Catholic in France 1923-1941. New York, Longmans, Green, 1942.

Ethan Theodore Colton. Forty Years with Russians. New York: Association Press, 1940.

Nicolas Zernov. Russian Religious Rennaissance of the Twentieth Century. New York, Harper & Row, 1963.

Otto Boss. Die Lehre der Eurasier — Ein Beitrag zur Russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden. Otto Harrassowitz, 1961 [Veroffentlichungen des Osteuropa Institutes. Munchen, Bd. 15].

Nicholas V. Riasanovsky. The Emergence of Eurasianism. — California Slavic Studies, 4 (1967), 39—72.

ГЛАВА 7

1. Представители «великих эмиграций», имевших место до периода романтизма и возникновения современного национализма, не испытывали подобной нужды и не сталкивались с такими проблемами. Их изгнание было обусловлено религиозными убеждениями. Произошедшее с ними они объясняли исключительно в религиозном ключе: страдания, пережитые в изгнании, воспринимались как

проявление воли Божьей во имя спасения, а не как некий человеческий, мирской, исторический процесс. Кроме того, их национальное сознание было лишено исторического измерения. Наконец, те, например, кто бежал от преследований Людовика XIV, оказывались в интернациональной среде, которая охотно их принимала. Иммиграция в Америку, даже когда она была обусловлена религиозными или политическими преследованиями, в корне отличалась от той эмиграции, с которой мы имеем дело в данном случае. Нам известно слишком мало о масштабах и природе изгнания или эмиграции в еще более отдаленном прошлом, например в Византии или в древности, чтобы проводить сколько-нибудь значимые сравнения.

2. Я не принимаю в расчет тех ученых, кто исследовал историю других стран и периодов, например историка древнего мира М. Ростовцева или византиниста А. Васильева.

3. Об этой высылке см.: M. Heller. Premier avertissement: Un coup de fouet (L'histoire de l'expulsion des personnalités culturelles hors de l'Union soviétique en 1922) — Cahiers du monde russe et soviétique 20:2 (April-June 1979): 131—172.

4. Iu. Got'e. Times of Trouble, transl. and ed. by T. Emmons (Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1988).

5. Съезды русских академических организаций за границей. Прага, 1923, с. III, 3, 5—6.

6. С. Пушкарев. Русские в Праге. — «Новый журнал», 149 (1982), с. 150—163; С. Постников, ред. Русские в Праге, 1918—1928. Прага, 1928.

7. Anderson Papers. Box 10. Письмо Эдгара Мак-Нотона Этану Т.Колтону, 16 декабря 1931 г.

8. Близкое сходство с этой формой научного творчества имели сборники в честь коллег — эмигрантов или зарубежных ученых. Два наиболее важных из посвященных ученым-эмигрантам — Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову, 1859—1929. Прага, 1929; и Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве ко дню тридцатилетия его научно-публицистической деятельности, 1890 — 30 января 1925. Прага, 1925. Наиболее ранний обзор всей этой научной исторической литературы дан Антонином Флоровским: Antoine Florovskij. La littérature russe en émigration — Compte rendu 1927—1929. — Bulletin d'information des sciences historiques en Europe orientale 3, fasc. 1—2, Varsovie, 1930, p. 25—79, для 1921—1926 гг. — там же, I, 1928, pp. 83—121. См. также: Wolff Leppmann. Die russische Geschichtswissenschaft in der Emigration. — Zeitschrift fur osteuropaische Geschichte 1:2 (1931): 215—48.

9. Вячеслав Иванов и М.С.Гершензон. Переписка из двух углов. Пг.: Алконост, 1921.

10. О германской и вообще, европейской, научной иммиграции в Соединенные Штаты см.: D. Fleming and B. Bailyn, eds. The Intellectual Migration: Europe and America 1930-1960, vol. 2 of Perspectives in American History. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1968; Lewis A. Coser. Refugee Scholars in America — Their Impact and Their Experiences. New Haven, Conn.: Yale Univ. Press, 1984; Laura Fermi. Illustrious Immigrants — The Intellectual Migration from Europe 1930—41, 2d ed. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1971;

Anthony Heilbut. Exiled in Paradise — German Refugees and Intellectuals in America from the 1930s to the Present. Boston: Beacon Press, 1983.

11. Так было с М. М. Штранге, который примкнул в годы войны к коммунистическому сопротивлению и сделался агентом советской разведки во Франции, оставаясь им вплоть до возвращения в Советскую Россию, где он получил научное признание, работая в Институте истории Академии Наук СССР и занимаясь историей Великой французской революции и ее влиянием на Россию. (А.Ф.Даманская. Рукописные воспоминания, Bakhmeteff Archive.)

12. К этой категории принадлежат также «исторические мемуары» генерала А. Деникина «Очерки русской смуты», в 5 тт. Париж, 1921—1926; П. Милюков. История второй русской революции, в 3 тт. София. Российско-болгарское книгоиздательство, 1921—1924; Россия на переломе, в 2 т. Париж, 1927.

13. Постников. Русские в Праге; Я. Славик ред. и С. Постников, сост. Библиография русской революции и гражданской войны. Из каталога библиотеки русского заграничного архива в Праге. Prague, 1938. Carol A. Leadenham, comp. Guide to the Collections in the Hoover Institution Archives Relating to Imperial Russia, the Russian Revolution and Civil War, and the First Emigration. Stanford, Calif.: Hoover Institution, 1986.

14. W. H. Chamberlin. The Russian Revolution 1917—1921. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1987.

15. Сами историки также писали воспоминания о своей жизни и научной деятельности. Например: А. Кизеветтер. На рубеже двух столетий. Prague: Orbis, 1929; П. Милюков. Воспоминания, 1859—1917, в 2 тт. New York: Chekhov Publish., 1955.

16. «Архив русской революции», № 1—22. Ред. И. Гессен. Берлин, 1921—1937; «Историк и современник», № 1—5. Ред. И. Петрушевский. Берлин, 1922—1924; «На чужой стороне», № 1—13. Ред. С. Мельгунов. Берлин-Прага, 1923—1925. Первое из названных изданий было аналогом советского «Красного архива», который в свою очередь был продолжением дореволюционного журнала «Былое».

17. А. Амфитеатров. В. Ключевский как художник слова. — Литературный альманах «Грани», в 2 тт. Берлин, 1922—1923, т. 1, с. 173—179.

18. Paul Milioukov, C. Seignobos, and L. Eisenmann. Histoire de Russie, 3 vols. Paris: Librairie Ernest Leroux, 1932—1935.

19. O. Boss. Die Lehre der Eurasier. Wiesbaden, 1961) Nicholas V. Raisanovsky. The Emergence of Eurasianism. California Slavic Studies 4 (1967): 39—72. П. Савицкий развивал теорию пространственных перемещений цивилизации в зависимости от средних температур.

20. Новая экономическая политика пробудила надежды на смягчение большевистского режима и придание большей «легитимности» революционным изменениям. Однако политический курс, который начал проводиться с 1928 г., сохранил лишь один позитивный элемент — «этатический» и имперский характер Советского Союза.

21. По выражению Э. Геллнера, «если гражданство, действительное членство, «принадлежность» или, говоря менее сентиментально, обладание правами зависит от культуры, это означает, что лояльность также должна выражаться в ее терми-

нах... Национализм не создал ситуацию, когда группы вычленяются на основании культуры, когда она становится тем критерием, при помощи которого можно выразить членство и лояльность. Напротив, это независимое последствие подобной ситуации». — Ernest Gellner. Thought and Change. Chicago: Univ. of Chicago Press. 1964, p. 157.

22. Владимирский сборник. Белград, 1938. (Hoover Institution Archives, Paléologue Papers).

23. Сам этот процесс рассматривался более критично в изложении А. Преснякова. — Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918.

24. Сообщение об этой дискуссии см.: «Последние новости», № 51. Париж, 10 апреля 1935 г., с. 3. Оно подписано инициалами Н. П. В. (Вакар?), а также статью Д. Одинца. Московское царство. — «Современные записки», № 59 (1935), с. 297—317.

25. В.А.Мякотин. Очерки социальной истории Украины в XVII—XVIII вв., в 3 тт. Прага, Ватага-Пламя, 1924—1926. Статьи А. Флоровского разбросаны по номерам «Ученых записок ученой коллегии в Праге» и «Научных трудов русского народного университета в Праге».

26. Исследования С. Пушкарева вышли отдельным, исправленным изданием — Крестьянская поземельно-передельная община в России. Newtonville, Mass. Oriental Research Partners, 1976. В. Б. Эльяшевич. История права поземельной собственности в России. в 2 тт. Париж, 1948—1951.; П. Б. Струве. Социальная и экономическая история России. Париж, 1952. Струве написал также главу о крепостном праве для первого тома первого издания «Кембриджской экономической истории Европы». — Cambridge Economic History of Europe. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1941.

27. С. Сватиков. Россия и Дон, 1549-1917. Белград, 1924; Boris Nolde. La Formation de l'empire russe — Etudes, notes et documents, 2 vols. Paris, 1952—1953; В. А. Рязановский. Монгольское право. Харбин, 1924; его же. Обычное право монгольских племен. Kharbin, 1924; Fundamental principles of Mongol Law. Tientsin, 1937. Исторический очерк русской культуры был написан и опубликован Рязановским после второй мировой войны в Соединенных Штатах.

28. См.: M. Heller. Premier Advertissement.

29. Биографические сведения о Г. Флоровском и библиографию его работ см.: A.Blane, ed. Russia and Orthodoxy, vol. I.

30. M. S. Shatz and J. E. Zimmerman, trans. and eds. Signposts: A Collection of Articles on the Russian Intelligentsia. Irvine, Calif.: Charles Schlacks Publisher, 1986; W. F. Woehrlin, trans. and ed. Out of the Depths (De profundis): A Collection of Articles on the Russian Revolution. Irvine, Calif.: Charles Schlacks Publisher, 1986.

31. Флоровский Г. Пути русского богословия. Белград, 1938, (2-е изд. — Париж. ИМКА-Пресс, 1981), с. 274.

32. Написанные после 1945 г. работы Игоря Смолича и А. Карташева были выдержаны в более традиционном ключе, однако сыграли свою роль в ознакомлении Запада с русской церковной историей. Igor Smolitsch. Geschichte der

russischen Kirche 1700—1917. 2 vols. (Leiden: Brill, 1964 [Studien zur Geschichte Osteuropas], А. В. Карташев. Очерки по истории русской церкви, в 2 тт. Париж. ИМКА-Пресс, 1959.

33. Библиографию работ Г.Федотова (к сожалению, неполную) см.: Библиография трудов Г.П.Федотова, 1886—1951. Париж, Б.м., б.г. Биографический очерк помещен в сборнике его эссе «Лицо России». Париж. ИМКА-Пресс, 1967, с. I—XXXIV.

ГЛАВА 8

1. Большей частью информации, содержащейся в этой главе, я обязан докладу Эллиота Айзаака, подготовленному для семинара по политической эмиграции в Европе XX в., проходившего в Колумбийском университете в 1986 г. Я весьма признателен ему за помощь.

Именной указатель

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

Содержание

М. Раев

**РОССИЯ ЗА РУБЕЖОМ:
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
1919—1939**

Редактор ***А.П. Фоменко***

Художественный редактор ***В.К. Кузнецов***

Технический редактор ***Е.В. Левина***

Редактор-оператор ***А.Н. Минакова***

Подписано в печать 28.04.94. Печать офсетная.
Усл.-печ.л. 18,5. Уч.-изд.л. 20,9. Тираж 10 000 экз. Заказ №

ТОО «Прогресс—Академия»
121857, Москва, Бережковская наб., 24.

Printed and bound in Germany.